ТВОРЕНІЯ

ИЖЕ ВО СВЯТЫХ ОТЦА НАШЕГО

ВАСИЛІЯ ВЕЛИКАГО

АРХІЕПИСКОПА КЕСАРІИ КАППАДОКІЙСКІЯ

Часть I

ТВОРЕНІЯ

ИЖЕ ВО СВЯТЫХЪ ОТЦА НАШЕГО

ВАСИЛІЯ ВЕЛИКАГО,

АРХІЕПИСКОПА КЕСАРІИ КАППАДОКІЙСКІЯ.

Часть первая.

МОСКВА,
ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,
при Императорской Медико-Хирургической Академіи.
1845.

По благословению святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

БЕСѢДЫ

НА

ШЕСТОДНЕВЪ.

БЕСѢДЫ НА ШЕСТОДНЕВЪ.

БЕСѢДА 1.

Въ началѣ сотвори Богъ небо и землю. **Быт. 1, 1.**

Кто хочетъ повѣствовать о составѣ міра, для того приличное начало—сказать предварительно о началѣ устроенія видимыхъ вещей. Ибо онъ долженъ передать исторію о твореніи неба и земли, которое не само собою произошло, какъ представляли себѣ нѣкоторые, но имѣло причину въ Богѣ.

Какой слухъ будетъ достоинъ великости повѣствуемаго? Съ какимъ пріуготовленіемъ надобно приступать душѣ къ слышанію такихъ предметовъ? Ей должно быть чистою отъ плотскихъ страстей, не омраченною житейскими заботами, трудолюбивою, изыскательною, вникающею во все, изъ чего только можно занять понятіе о Богѣ, достойное Бога.

Но прежде нежели изслѣдуемъ точность реченій и разсмотримъ многознаменательность сихъ

немногихъ словъ, представимъ себѣ: кто бесѣдуетъ съ нами? Чрезъ это, хотя бы, по немощи нашего разумѣнія, и не проникли мы въ глубину сердца повѣствователю, однако же, обративъ вниманіе на достовѣрность говорящаго, сами собою дойдемъ до необходимости согласиться на сказанное.

Итакъ составившій сіе повѣствованіе есть Моисей—тотъ Моисей, о которомъ засвидѣтельствовано, что *бѣ угоденъ Богови* (Дѣян. 7, 20.), будучи еще груднымъ младенцемъ; котораго усыновила дочь Фараонова, и воспитала по-царски, приставивъ къ нему, для обученія, мудрыхъ Египетскихъ наставниковъ; который, возненавидѣвъ гордость преобладанія, и обратившись къ униженному состоянію единоплеменниковъ, *паче изволи страдати съ людьми Божіими, нежели имѣти временную грѣха сладость* (Евр. 11, 25.); который, получивъ отъ самой природы любовь къ правдѣ, еще прежде, нежели ввѣрено ему начальствованіе надъ народомъ, по естественному отвращенію отъ зла, оказывается даже до смерти готовымъ преслѣдовать злыхъ; который, будучи изгнанъ облагодѣтельствованными, и съ радостію оставивъ Египетскіе мятежи, удалившись же въ Еѳіопію, тамъ, на совершенной свободѣ отъ другихъ занятій, въ продолженіе цѣлыхъ сорока лѣтъ, упражнялся въ умозрѣніи о существующемъ; который, будучи уже осмидесяти лѣтъ, видѣлъ Бога, какъ можно видѣть человѣку, лучше же сказать, какъ не видалъ ни одинъ человѣкъ, по собственному Божію свидѣтельству: *аще будетъ въ васъ пророкъ Господень, въ видѣніи ему познаюся, и во снѣ возгла-*

голю ему. Не тако якоже рабъ Мой Моисей, во всемъ дому Моемъ вѣренъ есть: усты ко устомъ возглаголю ему явѣ, и не гаданіемъ (Числ. 12, 6–8.). Сей-то, наравнѣ съ Ангелами удостоившійся лицезрѣнія Божія, повѣствуетъ намъ нѣчто изъ того, что̀ слышалъ онъ отъ Бога. Послушаемъ же вѣщаній истины, которыя изречены *не въ препрѣтельныхъ человѣческія премудрости, но въ наученыхъ Духа* (1 Кор. 2, 4. 13.), и имѣютъ цѣлію не похвалу слушающихъ, но спасеніе поучаемыхъ.

Въ началѣ сотвори Богъ небо и землю. Изумительность мысли связываетъ у меня слово. О чемъ говорить прежде? Съ чего начать толкованіе? Обличать ли суетность язычниковъ? Или возвеличить истину нашего ученія?

Еллинскіе мудрецы много разсуждали о природѣ, — и ни одно ихъ ученіе не осталось твердымъ и непоколебимымъ; потому что послѣдующимъ ученіемъ всегда ниспровергалось предшествовавшее. Посему намъ нѣтъ и нужды обличать ихъ ученія; ихъ самихъ достаточно другъ для друга къ собственному низложенію. Ибо не знавшіе Бога не допускали, что происхожденіе всѣхъ вещей зависитъ отъ разумной причины; а сообразно съ симъ кореннымъ своимъ невѣдѣніемъ заключали и о прочемъ. Потому одни прибѣгали къ вещественнымъ началамъ, и причину всѣхъ вещей приписывали стихіямъ міра; другіе же представляли себѣ, что природу видимыхъ вещей составляютъ атомы и недѣлимыя тѣла, тяжесть и скважинность; потому что рожденіе и разрушеніе происходятъ, когда

недѣлимыя тѣла то взаимно сходятся, то разлучаются, а въ тѣлахъ, существующихъ долѣе другихъ, причина продолжительнаго пребыванія заключается въ крѣпчайшемъ сцѣпленіи атомовъ.

Подлинно ткутъ паутинную ткань тѣ, которые пишутъ это, и предполагаютъ столько мелкія и слабыя начала неба, земли и моря. Они не умѣли сказать: *въ началѣ сотвори Богъ небо и землю.* Потому вселившееся въ нихъ безбожіе внушило имъ ложную мысль, будто бы все пребываетъ безъ управленія и устройства, и приводится въ движеніе какъ бы случаемъ. Чтобы и мы не подверглись тому же, описывающій міроздание прямо, въ первыхъ словахъ, просвѣтилъ наше разумѣніе именемъ Божіимъ, сказавъ: *въ началѣ сотвори Богъ.*

Какой прекрасный порядокъ! Сперва упомянулъ о *началѣ*, чтобы иные не почли міръ безначальнымъ; а потомъ присовокупилъ: *сотвори,* — въ показаніе, что сотворенное есть самая малая часть Зиждителева могущества. Какъ горшечникъ, съ одинакимъ искуствомъ сдѣлавшій тысячи сосудовъ, не истощилъ тѣмъ ни искуства, ни силы; такъ и Создатель этой вселенной, имѣя творческую силу, не для одного только міра достаточную, но въ безконечное число кратъ превосходнѣйшую, все величіе видимаго привелъ въ бытіе однимъ мановеніемъ воли.

А если міръ имѣетъ начало и сотворенъ; то спросимъ себя: кто далъ ему начало, и кто его Творецъ? Лучше же сказать, чтобы тебѣ, доискиваясь сего посредствомъ человѣческихъ умствованій, не уклониться какъ нибудь отъ истины, Мои-

сей предварилъ своимъ ученіемъ, вмѣсто печати и огражденія нашимъ душамъ, наложивъ досточтимое имя Божіе, когда сказалъ: *въ началѣ сотвори Богъ.* Сіе блаженное Естество, сія неоскудѣвающая Благость, сія Доброта любезная и многовожделѣнная для всякаго одареннаго разумомъ существа, сіе Начало существъ, сей Источникъ жизни, сей духовный Свѣтъ, сія неприступная Мудрость, — вотъ Кто *сотвори въ началѣ небо и землю!*

Посему, человѣкъ, не представляй себѣ видимаго безначальнымъ, и изъ того, что движущіяся на небѣ тѣла описываютъ круги, а въ кругѣ чувство наше, съ перваго взгляда, не можетъ примѣтить начала, не заключай, что природа круговращаемыхъ тѣлъ безначальна. Да и этого круга, то есть начертанія, на плоскости описаннаго одною чертою, не должны мы предполагать уже безначальнымъ потому, что убѣгаетъ отъ нашего чувства, и не можемъ мы найдти, гдѣ онъ начался и гдѣ окончился. Напротивъ того, хотя сіе и убѣгаетъ отъ нашего чувства, однако же въ дѣйствительности, кто описывалъ кругъ изъ средоточія и извѣстнымъ разстояніемъ, тотъ, безъ сомнѣнія, началъ его откуда нибудь. Такъ и ты, видя, что тѣла, описывающія круги, возвращаются въ прежнее свое положеніе, равномѣрностію и непрерывностію ихъ движенія не удерживай себя въ той ложной мысли, будто бы міръ безначаленъ и нескончаемъ. *Преходитъ бо образъ міра сего* (1 Кор. 7, 31), и: *небо и земля мимоидетъ* (Матѳ. 24, 35.).

Предвозвѣщеніемъ же догматовъ о скончаніи и измѣненіи міра служитъ и то, что̀ предано намъ нынѣ кратко въ самыхъ начаткахъ богодухновеннаго ученія: *въ началѣ сотвори Богъ*. Начавшееся со временемъ по всей необходимости и окончится во времени. Если имѣетъ начало временное, то не сомнѣвайся о концѣ.

Но къ какому концу приводятъ геометрія, ариѳметическіе способы, изслѣдованія о толщахъ и пресловутая астрономія — эта многопопечительная суета, если изучившіеся симъ наукамъ дошли до заключенія, что видимый сей міръ совѣченъ Творцу всяческихъ Богу, и если то, что̀ ограничено и имѣетъ вещественное тѣло, возвели они въ одну славу съ естествомъ непостижимымъ и невидимымъ, не въ состояніи будучи выразумѣть и того, что гдѣ подлежатъ поврежденіямъ и переиначиваніямъ части, тамъ и цѣлое необходимо потерпитъ нѣкогда одинакія видоизмѣненія съ собственными своими частями? Но они до того *осуетишася помышленіи своими*, *и омрачися неразумное ихъ сердце, и глаголющеся быти мудри объюродѣша* (Римл. 1, 21. 22.), что одни утверждали, будто бы небо отъ вѣчности существуетъ вмѣстѣ съ Богомъ, а другіе говорили, что оно есть Богъ безначальный и нескончаемый, причина благоустройства въ частяхъ вселенной. И безъ сомнѣнія, излишество мірской мудрости принесетъ для нихъ нѣкогда приращеніе тяжкаго осужденія за то, что, съ такою осмотрительностію вникая въ пустые предметы, произвольно слѣпотствовали въ уразумѣніи истины. Но они, вымѣрившіе разстояніе

звѣздъ, описавшіе звѣзды всегда видимыя и сѣверныя, а также звѣзды, находящіяся около южнаго полюса, и живущимъ тамъ видимыя, а намъ неизвѣстныя, раздѣлившіе на тысячи частей и сѣверную широту и зодіакальный кругъ, съ точностію наблюдавшіе возвращеніе звѣздъ, ихъ стоянія, склоненія и общее движеніе къ прежнимъ мѣстамъ, а также время, въ какое каждая изъ планетъ совершаетъ свой періодъ, — они не нашли одного изъ всѣхъ способа, какъ уразумѣть Бога, Творца вселенной и праведнаго Судію, воздающаго каждому достойно по дѣламъ, и какъ вмѣстить въ умѣ вытекающую изъ понятія о судѣ мысль о скончаніи; потому что міру необходимо измѣниться, если и состояніе душъ перейдетъ въ другой родъ жизни. Ибо какъ настоящая жизнь имѣетъ качества сродныя сему міру; такъ и будущее существованіе нашихъ душъ получитъ жребій свойственный своему состоянію. Но они до того не расположены внимать симъ истинамъ, что даже громкимъ смѣхомъ встрѣчаютъ насъ, которые возвѣщаемъ кончину сего міра и вѣчное пакибытіе.

Поелику начало, естественнымъ образомъ, предшествовало тому, что̀ отъ начала; то повѣствующій о вещахъ, получившихъ бытіе во времени, по необходимости всему предпоставилъ это выраженіе: *въ началѣ сотвори*. Было нѣчто, какъ вѣроятно, и прежде сего міра; но сіе, хотя и постижимо для нашего разумѣнія, однако же не введено въ повѣствованіе, какъ несоотвѣтствующее силамъ новообучаемыхъ и младенцевъ разумомъ. Еще ранѣе бытія міра, было нѣкоторое состояніе прилич-

ное премірнымъ силамъ, превысшее времени, вѣчное, присно продолжающееся. Въ немъ-то Творецъ и Зиждитель всяческихъ совершилъ созданія—мысленный свѣтъ, приличный блаженству любящихъ Господа, разумныя и невидимыя природы и все украшеніе умосозерцаемыхъ тварей, превосходящихъ наше разумѣніе, такъ что не льзя изобрѣсти для нихъ и наименованій. Онѣ-то наполняютъ собою сущность невидимаго міра, какъ научаетъ насъ Павелъ, говоря: *яко Тѣмъ создана быша всяческая,* аще *видимая,* аще *невидимая, аще престоли, аще господствія, аще начала, аще власти* (Кол. 1, 16), и ангельскія воинства, и архангельскія чиноначалія.

А когда уже стало нужно присоединить къ существующему и сей міръ — главнымъ образомъ училище и мѣсто образованія душъ человѣческихъ, а потомъ и вообще мѣстопребываніе для всего подлежащаго рожденію и разрушенію; тогда произведено сродное міру и находящимся въ немъ животнымъ и растеніямъ преемство времени, всегда поспѣшающее и протекающее, и нигдѣ не прерывающее своего теченія. Не таково ли время, что въ немъ прошедшее миновалось, будущее еще не наступило, настоящее же ускользаетъ отъ чувства прежде, нежели познано? А такова природа и бывающаго въ семъ мірѣ; оно то непремѣнно возрастаетъ, то умаляется, и явнымъ образомъ не имѣетъ ничего твердаго и постояннаго. Посему и тѣламъ животныхъ и растеній, которыя необходимо соединены какъ бы съ нѣкоторымъ потокомъ, и увлекаются движеніемъ, ведущимъ къ рожденію

или разрушенію, прилично было заключиться въ природѣ времени, которое получило свойства сродныя вещамъ измѣняемымъ. По сей-то причинѣ премудро изъясняющій намъ бытіе міра, разсуждая о мірѣ, весьма кстати присовокупилъ: *въ началѣ сотвори,* то есть въ семъ началѣ, въ началѣ временномъ. Ибо, конечно, не во свидѣтельство того, что міръ, по своей первобытности, предшествуетъ всему сотворенному, именуетъ его происшедшимъ въ началѣ; но говоритъ о началѣ происхожденія сихъ видимыхъ и чувствомъ постигаемыхъ вещей послѣ невидимаго и умосозерцаемаго.

Началомъ называется и первое движеніе, на примѣръ: *начало пути блага, еже творити праведная* (Притч. 16, 6); потому что прежде всего праведныя дѣла движутъ насъ къ блаженной жизни. Но началомъ называется и то, съ чего начинается какая нибудь вещь, между тѣмъ какъ въ ней есть и другое; на примѣръ: въ домѣ основаніе и въ кораблѣ подводная часть. Въ такомъ смыслѣ сказано: *начало премудрости страхъ Господень* (Притч. 1, 7); потому что богобоязненность есть какъ бы основа и опора совершенства. Началомъ же искусственныхъ произведеній именуется искусство; на примѣръ: мудрость Веселеила была началомъ украшенія Скиніи. А началомъ нравственныхъ поступковъ бываетъ часто и полезный конецъ сдѣланнаго; на примѣръ: началомъ милостыни — пріобрѣтеніе благоволенія Божія, и началомъ всякаго добродѣтельнаго дѣйствованія — ожидающій насъ по обѣтованіямъ конецъ.

Поелику же начало берется въ столькихъ зна-

ченіяхъ; то смотри, не льзя ли къ слову сему и въ настоящемъ случаѣ приложить всѣхъ знаменованій. Ибо тебѣ можно узнать, съ какого времени началось строеніе сего міра, если, отъ настоящаго поступая назадъ, потрудишься найдти первый день бытія міра. Въ такомъ случаѣ найдешь, съ чего во времени началось первое движеніе. Потомъ найдешь и то, что, какъ бы нѣкоторыми основаніями и опорами, предварительно прочему, положены небо и земля; а потомъ, что есть какой-то художественный Умъ, который распоряжался украшеніемъ видимыхъ вещей, какъ показываетъ тебѣ самое слово: *начало*. Найдешь также, что не напрасно и не безъ цѣли, но для полезнаго нѣкотораго конца, представляющаго существамъ обширное употребленіе, измышленъ сей міръ,—если только дѣйствительно онъ есть училище разумныхъ душъ, въ которомъ преподается имъ боговѣдѣніе, и чрезъ видимое и чувственное руководствуетъ умъ къ созерцанію невидимаго, какъ говоритъ Апостолъ, что *невидимая Его отъ созданія міра твореньми помышляема видима суть* (Рим. 1, 20.).

Или, можетъ быть, поелику дѣйствіе творенія мгновенно и не подлежитъ времени, то и сказано: *въ началѣ сотвори;* потому что начало есть нѣчто не состоящее изъ частей и непротяженное. Какъ начало пути еще не путь, и на́чало дома еще не домъ; такъ и начало времени еще не время, а даже и не самомалѣйшая часть времени. Если же какой либо любитель споровъ скажетъ, что начало времени есть время; то пусть знаетъ,

что симъ раздѣлитъ начало на части, а части сіи суть: начало, середина и конецъ. Но придумывать начало для начала весьма смѣшно. И кто дѣлитъ начало на двое, тотъ изъ одного сдѣлаетъ два начала, лучше же сказать, много и безконечное число началъ; потому что каждую отдѣленную часть долженъ будетъ непрестанно разсѣкать на новыя части. Итакъ, чтобы мы уразумѣли вмѣстѣ, что міръ сотворенъ хотѣніемъ Божіимъ не во времени, сказано: *въ началѣ сотвори*. Въ означеніе сего древніе толкователи (а), яснѣе выражая мысль, сказали: вкратцѣ (*ἐν κεφαλαίῳ*) сотвори Богъ, то есть вдругъ и мгновенно.

Доселѣ, чтобы изъ многаго сказать не многое, разсуждали мы о началѣ. Но изъ искусствъ одни называются творящими (*ποιητικαὶ*), другія состоящими то въ дѣйствованіи (*πρακτικαὶ*), то въ умозрѣніи (*θεωρητικαὶ*). Концемъ искусствъ, состоящихъ въ умозрѣніи, служитъ самое дѣйствованіе ума; а концемъ искусствъ, состоящихъ въ дѣйствованіи, — самое движеніе тѣла, по прекращеніи котораго ничего уже нѣтъ и не осталось для зрителей: такъ пляска или игра на свирѣли не даютъ ничего въ произведеніи, но дѣйствіе сіе ограничивается только само собою. А въ искусствахъ творящихъ, и по прекращеніи дѣйствія, дѣло на виду: таковы искусства домостроительства, плотничества, кузнечества, ткачества и симъ

(а) Св. Василій, вѣроятно, разумѣлъ здѣсь переводъ Аквилы, по которому читается: *Ἐν κεφαλαίῳ ἐποίησε ὁ Θεὸς τὸν οὐρανὸν καὶ τὴν γῆν.*

подобныя. Хотя художника и нѣтъ на лицѣ; однако же искусства сіи сами собою достаточно показываютъ художническій умъ, и ты можешь удивляться домостроителю, кузнецу, ткачу, смотря на его произведеніе.

Посему и премудрый Моисей, желая показать, что міръ есть художественное произведеніе, подлежащее созерцанію всякаго, такъ что чрезъ него познается премудрость его Творца, не другое какое слово употребилъ о мірѣ, но сказалъ: *въ началѣ сотвори*. Не сдѣлалъ, не произвелъ, но сотвори. И поелику многіе изъ представлявшихъ, что міръ отъ вѣчности существуетъ съ Богомъ, соглашались не на то, что онъ сотворенъ Богомъ, но что самъ собою осуществился, будучи какъ бы оттѣнкомъ Божія могущества; и потому хотя признавали Бога причиною міра, но причиною непроизвольною, какъ тѣло бываетъ причиною тѣни, и сіяющее—сіянія: то Пророкъ, поправляя сію ложную мысль, употребилъ слова съ особенною точностію, сказавъ: *въ началѣ сотвори Богъ*. Богъ былъ для міра не симъ однимъ — не причиною только бытія, но сотворилъ какъ благій—полезное, какъ премудрый — прекраснѣйшее, какъ могущественный—величайшее. Пророкъ показалъ тебѣ въ Богѣ едва не художника, который, приступивъ къ сущности вселенной, приноровляетъ ея части одну къ другой, и производитъ само себѣ соотвѣтственное, согласное и гармоническое цѣлое.

Въ началѣ сотвори Богъ небо и землю. Двумя крайностями обозначилъ сущность вселенной, приписавъ небу старѣйшинство въ бытіи, а о землѣ

сказавъ, что она занимаетъ второе мѣсто по сущности. Безъ сомнѣнія, ежели есть что нибудь среднее между небомъ и землею, то оно сотворено вмѣстѣ съ сими предѣлами. Почему, хотя не сказано о стихіяхъ: огнѣ, водѣ и воздухѣ, но ты собственнымъ своимъ разумѣніемъ постигни, во-первыхъ, что все находится во всемъ. И въ землѣ найдешь и воду, и воздухъ, и огонь. Огонь выскакиваетъ изъ камней; и изъ желѣза, которое само ведетъ начало отъ земли, при удареніяхъ обыкновенно блещетъ неистощимый огонь. И достойно удивленія, какимъ образомъ существующій въ тѣлахъ огонь скрывается въ нихъ безвредно, но, будучи вызванъ наружу, дѣлается истребительнымъ для тѣлъ, хранившихъ его въ себѣ прежде. А что въ землѣ есть и водное естество, доказываютъ копатели колодцевъ. И о находящемся въ немъ воздушномъ естествѣ свидѣтельствуютъ пары, какіе выходятъ изъ земли влажной и согрѣтой солнцемъ. Во-вторыхъ, если по природѣ своей небо занимаетъ верхнее мѣсто, а земля составляетъ самый низъ, почему легкое стремится къ небу, а тяжелое обыкновенно клонится къ землѣ, верхъ же и низъ противоположны между собою; то упомянувшій о небѣ и землѣ, которыя по самой природѣ наиболѣе удалены другъ отъ друга, конечно, обозначилъ тѣмъ совмѣстительно и все, что̀ наполняетъ средину между ними. А потому и не ищи повѣствованія о каждой стихіи, но въ сказанномъ подразумѣвай и умолчанное.

Въ началѣ сотвори Богъ небо и землю. Изслѣдованіе о сущности каждаго существа, или под-

падающаго нашему умозрѣнію, или подлежащаго нашимъ чувствамъ, введетъ въ толкованіе самыя длинныя и многосложныя разсужденія, и при разсмотрѣніи этой задачи нужно будетъ потратить болѣе словъ, нежели сколько можно сказать о каждомъ изъ прочихъ вопросовъ. Сверхъ того ни мало не послужитъ къ назиданію Церкви — останавливаться на такомъ предметѣ.

Но касательно сущности неба довольно для насъ сказаннаго у Исаіи, который въ простыхъ словахъ далъ намъ достаточное понятіе о природѣ его, сказавъ: *Утвердивый небо яко дымъ* (Ис. 51, 6.), то есть, для составленія неба Осуществившій естество тонкое, не твердое, не грубое. И объ очертаніи неба достаточно для насъ сказано у того же Пророка въ славословіи Богу: *Поставивый небо яко камару* (Ис. 49, 22.).

То же самое правило предпишемъ себѣ и касательно земли, не любопытствовать объ ея сущности, что̀ она такое, не тратить времени на умствованія, изслѣдывая самое подлежащее, не доискиваться какого-то естества, которое лишено качествъ, и само въ себѣ взятое безкачественно, но твердо помнить, что всѣ свойства, усматриваемыя въ землѣ, будучи восполненіемъ сущности, входятъ въ понятіе бытія. Покусившись отвлечь разумомъ отъ земли каждое изъ находящихся въ ней качествъ, прійдешь ни къ чему. Ибо если отнимешь черноту, холодность, тяжесть, густоту, качества земли дѣйствующія на вкусъ, или и другія, какія въ ней усматриваются; то подлежащимъ останется ничто.

Посему совѣтую тебѣ, оставивъ все это, не доискиваться и того, на чемъ земля основана. Ибо при такомъ изысканіи мысль прійдетъ въ круженіе оттого, что разсудокъ не найдетъ никакого несомнѣннаго предѣла. Если скажешь, что воздухъ подложенъ подъ широту земли; то прійдешь въ затрудненіе, какимъ образомъ естество мягкое, заключающее въ себѣ много пустоты, противоборствуетъ такой тяжести, будучи ею сдавлено, а не расплывается во всѣ стороны, убѣгая изъ-подъ гнета, и непрестанно переливаясь на верхъ гнетущаго. Опять, если предположишь себѣ, что вода подъ землею, то и въ такомъ случаѣ долженъ будешь спросить: отчего тяжелое и густое не погружается въ воду, но слабѣйшимъ естествомъ поддерживается естество столько превосходящее его тяжестію? Сверхъ того надобно будетъ найдти опору и самой водѣ, и опять съ недоумѣніемъ спрашивать: на чемъ твердомъ или упорномъ лежитъ нижній ея слой? Если же предположишь, что другое тѣло, которое тяжелѣе земли, препятствуетъ ей идти книзу; то долженъ будешь разсудить, что и для него нужно какое нибудь поддерживающее тѣло, не дозволяющее ему падать внизъ. Если же и для него можешь придумать какой нибудь подкладень; то разумъ нашъ опять потребуетъ подпоры и для сего подкладня. А такимъ образомъ пойдемъ въ безконечность, для находимыхъ непрестанно основаній придумывая опять новыя. И чѣмъ далѣе станемъ простираться разумомъ, тѣмъ большую принуждены будемъ вводить поддерживающую силу, которая бы могла

противиться въ сококупности всему на ней лежащему.

Посему положи предѣлы своей мысли, чтобы, за любопытство, старающееся извѣдать непостижимое, и тебя не коснулось слово Іова, чтобы и къ тебѣ не могъ относиться его вопросъ: *на чемъ столпи* (б) *ея утверждени суть* (Іов. 38, 6.)? Но если слышишь иногда въ псалмахъ: *Азъ утвердихъ столпы ея* (Пс. 74, 4.); то разумѣй, что столпами названа сила, поддерживающая землю. Ибо слова: *на моряхъ основалъ ю есть* (Пс. 23, 2.), что̀ означаютъ, какъ не то, что водное естество повсюду разлито вокругъ земли? Какъ же вода, будучи текучею, и по скату обыкновенно падающая внизъ, остается висящею и ни куда не стекающею? А ты не разсуждаешь, что то же, или еще и большее затрудненіе представляетъ разуму земля, сама на себѣ повѣшенная, между тѣмъ какъ она по естеству тяжелѣе. Но согласимся ли, что земля виситъ сама на себѣ, или скажемъ, что она держится на водѣ,—въ обоихъ случаяхъ необходимо не отступать отъ благочестиваго разумѣнія и признавать, что все въ совокупности содержится силою Творца. А потому и себѣ самимъ, и спрашивающимъ насъ: на чемъ опирается этотъ огромный и несдержимый грузъ земли? — надобно отвѣчать: *въ руцѣ* Божіей *концы земли* (Пс. 94, 4.).

(б) Въ подлинникѣ, какъ и у Седмидесяти: *οἱ κρίκοι*, собственно — кольца; у Аквилы же и Θеодотіона, *αἱ βάσεις*, основанія,—что̀ ближе къ Еврейскому подлиннику.

Эта мысль и для насъ самая безопасная и для слушающихъ полезная.

Нѣкоторые естествоиспытатели остроумно доказываютъ, что земля пребываетъ неподвижною уже и по слѣдующимъ причинамъ: Поелику она заняла среднее мѣсто въ мірѣ, и во всѣ стороны имѣетъ равное разстояніе отъ краевъ; то, по недостатку причины уклониться куда нибудь преимущественно, необходимо остается въ своемъ положеніи, и окружающее ее отвсюду равенство дѣлаетъ совершенно невозможнымъ движеніе ея къ чему нибудь. Среднее же мѣсто досталось землѣ не по жребію и не по случаю, но таково естественное и необходимое положеніе земли. Ибо, разсуждаютъ они, какъ небесное тѣло удержало за собою крайнее мѣсто вверху, такъ всѣ тяжести, какія предположимъ падающими сверху, должны отвсюду устремиться къ срединѣ. А куда стремятся части, туда, очевидно, соберется и цѣлое. Если же камни, деревья и всѣ земляныя частицы стремятся къ низу, то это самое положеніе будетъ свойственно и прилично цѣлой землѣ. А если что легкое устремится прочь отъ средины, то, очевидно, движеніе его будетъ къ верху. Посему стремленіе къ низу есть стремленіе свойственное веществамъ тяжелымъ; словомъ же: низъ, означается средина. Итакъ не дивись, что земля ни куда не падаетъ, занимая естественное для нея мѣсто — середину. Ибо, по всей необходимости, ей должно пребывать на своемъ мѣстѣ, или, принявъ противуестественное движеніе, сойдти съ свойственнаго ей основанія.

Но если въ сказанномъ доселѣ кажется тебѣ что нибудь правдоподобнымъ, то обратись съ удивленіемъ къ Божіей премудрости, которая такъ сіе устроила. Ибо изумленіе предъ великими предметами не уменьшается, когда открытъ способъ, какимъ произошло что нибудь необычайное. А если и не открытъ; то простота вѣры да будетъ крѣпче доказательствъ отъ ума.

То же самое можемъ сказать и о небѣ, то есть, что мірскіе мудрецы предложили многословныя разсужденія объ естествѣ неба. Одни говорили, что оно сложено изъ четырехъ стихій, какъ осязаемое, видимое и содержащее въ себѣ—землю, потому что упорно,—огонь, потому что видимо,—прочія же стихіи, потому что есть смѣсь. А другіе, отринувъ сіе мнѣніе какъ неправдоподобное, въ составъ неба ввели какое-то пятое тѣлесное естество, выдумавъ его самовольно и сами отъ себя (в). У нихъ есть какое-то эѳирное тѣло, которое, какъ говорятъ они, ни огонь, ни воздухъ, ни земля, ни вода, ни вообще какое либо изъ простыхъ веществъ; потому что простымъ веществамъ свойственно движеніе прямолинейное, такъ какъ легкія стремятся вверхъ, и тяжелыя внизъ; а это тѣло ни вверхъ ни внизъ не движется, но вращается кругообразно, движеніе же прямолинейное вообще весьма отлично отъ кругообразнаго вращенія. Но въ тѣлахъ, у которыхъ естественныя движенія различны, по необходимости, какъ

(в) Предъидущее мнѣніе принадлежитъ Платону, а послѣднее Аристотелю.

разсуждаютъ они, и сущности должны быть различны. Невозможно предположить намъ и того, что небо сложено изъ простыхъ тѣлъ или, такъ называемыхъ, стихій; потому что сложенное изъ различныхъ тѣлъ не можетъ имѣть равномѣрнаго и свободнаго движенія, такъ какъ каждое простое тѣло, заключающееся въ сложномъ, имѣетъ по природѣ свое собственное стремленіе. По сей причинѣ сложныя тѣла, во-первыхъ, съ трудомъ удерживаются въ непрерывномъ движеніи; потому что одно движеніе не можетъ быть соразмѣрно и дружно со всѣми противными движеніями. Напротивъ того, движеніе, свойственное легкому тѣлу, враждебно движенію, которое свойственно самому тяжелому тѣлу. Ибо когда движемся вверхъ, обременяютъ насъ земляныя части, а когда несемся внизъ, терпятъ въ насъ насиліе огненныя части, вопреки ихъ природѣ увлекаемыя книзу. Стремленіе же стихій въ противныя стороны бываетъ причиною распаденія. Принужденное и противуестественное, будучи удержано не надолго, и то насильственно и съ трудомъ, вскорѣ разлагается на составныя свои части, потому что каждая изъ частей, вошедшихъ въ составъ, возвращается въ собственное свое мѣсто. По сей-то, говорятъ, необходимости выведенныхъ умозаключеній, должны были отвергнуть прежнія мнѣнія и составить свое предположеніе тѣ, которые, для происхожденія неба и звѣздъ небесныхъ, предположили пятое тѣлесное естество. А иный, изобрѣтательный на тонкости, возставъ противъ сихъ умозаключеній, разстроитъ и опровергнетъ ихъ, введетъ же

собственное свое мнѣніе. И если мы предпримемъ теперь говорить о такихъ предположеніяхъ; то сами впадемъ въ такое же пустословіе, какъ и ихъ изобрѣтатели.

Но мы, предоставивъ имъ низлагать другъ друга, сами же, не касаясь разсужденій о сущности, и повѣривъ Моисею, что *сотвори Богъ небо и землю*, прославимъ наилучшаго Художника, премудро и искусно сотворившаго міръ, и изъ красоты видимаго уразумѣемъ Превосходящаго всѣхъ красотою; изъ величія сихъ чувственныхъ и ограниченныхъ тѣлъ сдѣлаемъ наведеніе о Безконечномъ, превысшемъ всякаго величія, и по множеству Своея силы превосходящемъ всякое разумѣніе. Хотя и не знаемъ природы сотвореннаго; но и то одно, что̀ въ совокупности подлежитъ нашимъ чувствамъ, столько удивительно, что самый дѣятельный умъ оказывается недостаточнымъ для того, чтобы изъяснить, какъ слѣдуетъ, самомалѣйшую часть міра, и чтобы воздать должную похвалу Творцу, Которому слава, честь и держава во вѣки вѣковъ, аминь.

БЕСѢДА 2.

О томъ, что *земля бѣ невидима и неустроена* (Быт. 1, 2.).

На не многихъ словахъ остановившись утромъ, нашли мы въ нихъ такую сокровенную глубину мыслей, что приходимъ въ совершенную безнадежность касательно послѣдующихъ. Ибо если входъ во Святая таковъ, и преддверіе храма такъ досточестно и величественно, такимъ преизбыткомъ красоты осіяваетъ наши очи и умы; то каково же Святая-Святыхъ? И кто достоинъ смѣло взойдти во святилище? Или кто прострѣтъ взоръ на таинственное? И зрѣніе сихъ таинъ недоступно, и знаменованіе вмѣщаемаго умомъ совершенно неизъяснимо.

Впрочемъ, поелику у Праведнаго Судіи назначены немаловажныя награды и за одно преднамѣреніе исполнить должное: то не облѣнимся заняться изслѣдованіемъ. Ибо, хотя не постигнемъ достоинства предметовъ, однако же, если, при помощи Духа, не уклонимся отъ намѣренія Писанія, то и сами, конечно, не будемъ признаны ни къ чему

негоднымп, и, при содѣйствіи благодати, сдѣлаемъ нѣчто къ назиданію Церкви Божіей.

Сказано: *земля же бѣ невидима и неустроена.* Почему, когда то и другое, и небо и земля, сотворены равночестно, небо доведено до совершенства, а земля еще несовершенна и не получила полнаго образованія? Или вообще, что̀ значитъ неустроенность земли? и по какой причинѣ была она невидима?

Совершенное устройство земли означаетъ обиліе ея произведеній, прозябеніе всякаго рода растеній, появленіе высокихъ деревъ, и плодовитыхъ и неплодовитыхъ, доброцвѣтность и благовоніе цвѣтовъ, и все то, что̀ въ скоромъ времени должно было, по Божію повелѣнію, проникнувъ на землѣ, украсить породившую все сіе. А какъ ничего этого еще не было; то Писаніе справедливо наименовало землю неустроенною.

Но то же самое можемъ сказать и о небѣ. И оно не имѣло еще полнаго образованія, не получило свойственнаго ему украшенія; потому что не освѣщалось луною и солнцемъ, не вѣнчалось сонмами звѣздъ. Всего этого еще не было; а потому не погрѣшишь противъ истины, если и небо назовешь неустроеннымъ.

Невидимою же названа земля по двумъ причинамъ, или потому что не было еще зрителя земли — человѣка, или потому что она погружалась въ глубинѣ, и отъ разливающейся на поверхности ея воды не могла быть видимою. Ибо воды не были еще совокуплены въ свои *собранія*, которыя совокупившій ихъ Богъ наименовалъ въ послѣд-

ствіи *морями.* Да и что бываетъ невидимо? Какъ то, чего не льзя видѣть плотскими глазами, какова наша мысль, такъ и то, что по природѣ видимо, но скрывается по причинѣ загражденія наложеннымъ на него тѣломъ, какъ желѣзо въ глубинѣ. Въ семъ значеніи, какъ думаю, и теперь названа невидимою земля, покрытая водою. Сверхъ того, поелику не былъ еще сотворенъ свѣтъ, то не удивительно, что земля, по причинѣ неосвѣщеннаго надъ нею воздуха, лежащая во тмѣ, и въ этомъ отношеніи названа въ Писаніи невидимою.

Но поддѣлывающіеся подъ истину, не пріучившіе ума своего слѣдовать Писанію, а напротивъ того, по собственному усмотрѣнію, превращающіе смыслъ написаннаго, говорятъ, что сими словами означается матерія. Ибо матерія, разсуждаютъ они, по природѣ своей невидима и неустроена; потому что сама въ себѣ взятая безкачественна, не имѣетъ ни какого вида и очертанія. И ее-то взявъ, Художникъ, по Своей премудрости, образовалъ и привелъ въ порядокъ, а такимъ образомъ осуществилъ изъ нея видимое.

Итакъ если матерія не сотворена, то, во-первыхъ, она равночестна Богу, какъ удостоенная тѣхъ же преимуществъ. Но что можетъ быть сего нечестивѣе? Безкачественное, не имѣющее вида, крайнее безобразіе, не получившую ни какого образованія гнусность (употребляю собственныя выраженія сихъ учителей) удостоить одинакого предпочтенія съ премудрымъ, всемогущимъ и прекраснѣйшимъ Создателемъ и Творцемъ всяческихъ! Во-вторыхъ, если матерія такъ вмѣстительна, что можетъ при-

пять въ себя все вѣдомое Богу; то чрезъ это сущность матеріи уравниваютъ они нѣкоторымъ образомъ съ неизслѣдимымъ Божіимъ могуществомъ, какъ скоро матерія достаточна къ тому, чтобы измѣрить собою весь разумъ Божій. А если матерія мала для Божія дѣйствованія, то и въ такомъ случаѣ ученіе ихъ обратится въ нелѣпую хулу; потому что недостаточностію матеріи заставятъ они Бога остаться въ бездѣйствіи и не довершить дѣлъ Своихъ.

Но ихъ ввела въ заблужденіе скудость естества человѣческаго. Поелику у насъ каждое искусство трудится надъ однимъ какимъ нибудь веществомъ отдѣльно, напримѣръ: кузнечное надъ желѣзомъ, плотничное надъ деревами; поелику въ сихъ искусствахъ иное есть матерія, иное форма, а иное — производимое по формѣ, и вещество берется совнѣ, форма же прилаживается искусствомъ, а произведеніемъ бываетъ нѣчто сложенное изъ того и другаго, изъ формы и изъ матеріи: то они разсуждаютъ такимъ же образомъ и о Божіемъ созиданіи, что форма дана міру премудростію Творца всяческихъ, а вещество имѣлъ Создатель со-внѣ, и произошелъ сложенный міръ, который матерію и сущность имѣетъ отъ инаго начала, а очертаніе и образъ получилъ отъ Бога. Въ слѣдствіе сего они отрицаютъ, чтобы великій Богъ былъ полновластенъ при устроеніи всего сущаго, представляютъ же Его какъ бы участвовавшимъ въ складчинѣ и малую только долю вложившимъ отъ Себя въ бытіе существъ. Такъ они, по низости своихъ умствованій, не могутъ досязать взоромъ до вы-

соты истины; потому что здѣсь искусства позднѣе веществъ, будучи внесены въ жизнь нашу по требованію необходимости. Прежде была шерсть; потомъ родилось ткацкое искусство, чтобы восполнить отъ себя недостатокъ природы. Было и дерево; строительное же искусство, взявъ и обдѣлывая сіе вещество для каждой представлявшейся нужды, показало намъ пользу деревъ, доставляя мореходцамъ весло, земледѣльцамъ вѣяльную лопату, воинамъ древко для копья.

Но Богъ, прежде нежели существовало что нибудь изъ видимаго нынѣ, положивъ въ умѣ и подвигшись привести въ бытіе не сущее, вмѣстѣ и помыслилъ, какимъ долженъ быть міръ, и произвелъ матерію соотвѣтственную формѣ міра. Для неба отдѣлилъ Онъ естество приличное небу, и въ форму земли вложилъ сущность, свойственную землѣ и для нея потребную. Огню же, водѣ, воздуху и формы далъ, какія хотѣлъ, и въ сущность ихъ привелъ, какъ требовало умопредставленіе каждой изъ творимыхъ вещей. И цѣлый міръ, состоящій изъ разнородныхъ частей, связалъ Онъ какимъ-то неразрывнымъ союзомъ любви въ единое общеніе и въ одну гармонію; такъ что части, по положенію своему, весьма удаленныя одна отъ другой, кажутся соединенными посредствомъ симпатіи. Посему да прекратятъ свои баснословныя построенія тѣ, которые, при немощи собственныхъ умствованій, измѣряютъ могущество непостижимое для разумѣнія и вовсе неизреченное на человѣческомъ языкѣ!

Сотвори Богъ небо и землю; не въ половину

каждое, но цѣлое небо и цѣлую землю, самую сущность взятую вмѣстѣ съ формою; потому что Онъ не изобрѣтатель только образовъ, но Зиждитель самаго естества существъ. Иначе, пусть отвѣчаютъ намъ, какимъ образомъ встрѣтились между собою и дѣятельная сила Божія, и страдательная природа вещества, встрѣтились между собою и вещество, доставляющее матерію безъ образа, и Богъ, имѣющій знаніе образовъ безъ вещества, встрѣтились такъ, что недостающее у одного дается другимъ; дается Зиждителю то, надъ чѣмъ показать искусство, а веществу то, чтобы отложить свое безобразіе и неимѣніе формы? Но о семъ довольно. Возвратимся къ сказанному въ началѣ.

Земля же бѣ невидима и неустроена. Сказавшій: *въ началѣ сотвори Богъ небо и землю,* умолчалъ о многомъ: о водѣ, о воздухѣ, объ огнѣ, и о видоизмѣненіяхъ, изъ нихъ происшедшихъ. Хотя все это, какъ служащее къ восполненію міра, очевидно, существовало въ цѣломъ; однако же исторія не коснулась сего, чтобы пріучить умъ нашъ къ самодѣятельности, и дать ему случай по немногимъ даннымъ дѣлать заключенія и о прочемъ. Посему, когда не сказано о водѣ, что сотворилъ ее Богъ, но сказано, что земля была невидима; разсуди самъ въ себѣ: какою же завѣсою она была покрыта и не являлась зрѣнію? Огонь не могъ ее закрывать; потому что огонь свѣтоносенъ, и къ чему присоединяется, тому сообщаетъ скорѣе видимость, нежели темноту. Также и не воздухъ былъ тогда покровомъ земли; потому что естество воздуха

тонко и прозрачно, принимаетъ въ себя всѣ образы видимыхъ вещей и передаетъ ихъ взорамъ видящихъ. Итакъ остается намъ представить, что вода возвышалась на земной поверхности, пока еще влажная сущность не была отдѣлена въ особое мѣсто. А отсего земля была не только невидима, но и неустроена, потому что излишество влаги даже и нынѣ бываетъ препятствіемъ плодородію земли. Итакъ одна причина и невидимости и неустроенности; если только подъ устройствомъ земли разумѣть свойственное ей и естественное украшеніе — жатвы волнующіяся въ долинахъ, зеленѣющіе и испещренные различными цвѣтами луга, цвѣтущіе холмы и осѣненныя лѣсами вершины горъ. Всего этого еще не было. Земля, по силѣ, вложенной въ нее Создателемъ, хотя готова была породить все сіе, однако же ожидала приличнаго времени, чтобы, по Божію повелѣнію, произвести на свѣтъ свои порожденія.

Но сказано: *и тма верху бездны.* Опять новый предлогъ къ баснословію, новыя основанія къ нечестивымъ построеніямъ для тѣхъ, которые извращаютъ слова по собственнымъ догадкамъ! Ибо не объясняютъ по-обыкновенному, что тма есть какой нибудь неосвѣщенный воздухъ, или мѣсто затѣненное отъ прегражденія свѣта тѣломъ, или, вообще, мѣсто, лишенное свѣта по какой ни есть причинѣ; но толкуютъ, что тма есть злая сила, лучше же сказать, самое зло, само отъ себя имѣющее начало, противоположное и противодѣйствующее Божіей благости. Если *Богъ свѣтъ есть* (1 Іоан. 1, 5.); то сила Ему противоборствующая, гово-

рятъ они, въ сообразность сей мысли, очевидно будетъ тма, — тма, не отъ другаго кого имѣющая бытіе, но самобытное зло, — тма, нѣчто враждебное душамъ, нѣчто производящее смерть, противленіе добродѣтели. И въ самыхъ словахъ Пророка, по ложному ихъ разумѣнію, показывается, что тма сія существовала, а не Богомъ сотворена. И на этомъ предположеніи какихъ не построено лукавыхъ и безбожныхъ ученій! *Какіе волцы тяжцы* (Дѣян. 20, 29.), расточающіе Божіе стадо, устремлялись на души, ведя начало отъ сего краткаго слова (г)! Не отсюда ли Маркіоны? не отсюда ли Валентины? не отсюда ли мерзкая ересь Манихеевъ, которую, если назоветъ кто гнилостію въ церквахъ, не погрѣшитъ въ приличіи наименованія?

Для чего, человѣкъ, бѣжишь вдаль отъ истины, самъ для себя вымышляя случаи къ погибели? Просто и для всякаго удобопонятно слово; сказано: *земля бѣ невидима.* Какая же тому причина? Та, что земля имѣла надъ собою распростертую бездну. Что̀ же за понятіе: бездна? Это — множество воды, въ которомъ невозможно достать нижняго предѣла. Но знаемъ, что многія тѣла часто бываютъ видны сквозь тонкую и прозрачную воду. Почему же ни одна часть земли не показывалась въ водахъ? Потому что разлитый надъ водою воздухъ былъ еще не свѣтелъ, но теменъ. Ибо лучъ солнечный, проходящій чрезъ воды, показываетъ часто въ глубинѣ мелкіе камни. Но въ глубокую

(г) То есть слово: тма.

ночь никто ни какимъ образомъ не увидитъ находящагося подъ водою. Посему словамъ: *земля бѣ невидима*, поясненіемъ служитъ присовокупленное, что лежала на ней бездна, и бездна была темная.

Итакъ бездна — не множество сопротивныхъ силъ, какъ представляли себѣ нѣкоторые, и тма — не первоначальная какая нибудь и лукавая сила, противопоставляемая добру. Ибо двѣ силы, по противоположности одна другой уравнивающіяся, непремѣнно будутъ одна для другой разрушительны, и состоя между собою въ непрекращаемой брани, непрестанно будутъ имѣть и доставлять другъ другу случаи ко враждѣ. И если одна изъ противоположныхъ силъ превосходитъ другую могуществомъ, то дѣлается совершенно истребительною для преодолѣваемой силы. Посему, если говорятъ, что сопротивленіе зла добру равносильно, то вводятъ непрекращающуюся брань и непрестанное разрушеніе, поколику каждое отчасти одолѣваетъ и одолѣвается. А если добро превосходитъ силою; то по какой причинѣ природа зла не истреблена совершенно? А если, чего и выговорить невозможно... дивлюсь, какъ не бѣгутъ они сами отъ себя, будучи увлекаемы въ такія злочестивыя хулы!

Но неблагочестиво сказать и то, будто бы зло имѣетъ начало отъ Бога; потому что противное отъ противнаго не происходитъ. Жизнь не раждаетъ смерти, тма не начало свѣту, болѣзнь не содѣтельница здравія. Напротивъ того, хотя при перемѣнѣ состояній бываютъ переходы изъ противоположнаго въ противоположное, однако же въ

рожденіяхъ каждая раждающаяся вещь происходитъ не отъ противоположнаго, но отъ однороднаго. Итакъ спрашиваютъ: если зло и не есть нѣчто несотворенное, и не Богомъ сотворено; то откуда же имѣетъ свою природу? А что зло существуетъ, сего не будетъ отрицать никто изъ причастныхъ жизни.

Что же скажемъ на сіе? То, что зло не живая и одушевленная сущность, но состояніе души, противоположное добродѣтели и происходящее въ безпечныхъ чрезъ отпаденіе отъ добра. Посему не доискивайся зла во-внѣ, не представляй себѣ, что есть какая-то первородная злая природа, но каждый да признаетъ себя самого виновникомъ собственнаго злонравія.

Все, что ни бываетъ, всегда приключается съ нами частію по природѣ, напримѣръ: старость и немощи; частію по случаю, напримѣръ неожиданныя встрѣчи чего нибудь нерѣдко скорбнаго или и радостнаго, происходящія отъ постороннихъ причинъ, какъ то: роющему колодезь обрѣтеніе сокровища, или идущему на рынокъ встрѣча бѣшеной собаки; частію же отъ насъ зависитъ, на примѣръ: взять верхъ надъ пожеланіями, или не полагать мѣры удовольствіямъ, удержаться отъ гнѣва, или наложить руки на раздражившаго, сказать правду или солгать, имѣть нравъ кроткій и умѣренный, или гордый и заносчивый.

Посему не ищи во-внѣ началъ тому, надъ чѣмъ самъ ты господинъ, но знай, что зло, въ собственномъ смыслѣ взятое, получило начало въ произвольныхъ паденіяхъ. А если бы оно было не про-

извольно, и не отъ насъ зависѣло; то какъ законы не угрожали бы такимъ страхомъ обидчикамъ, такъ и наказанія, налагаемыя на преступниковъ въ судахъ по мѣрѣ вины, были бы тогда неизбѣжны. Сіе пусть будетъ сказано о злѣ, въ собственномъ смыслѣ взятомъ. А болѣзнь, бѣдность, безславіе, смерть и другія человѣческія скорби не должно и включать въ число золъ; потому что противоположное имъ не причисляется нами къ величайшимъ благамъ; и скорби сіи частію бываютъ по природѣ, а частію оказываются для многихъ послужившими въ пользу.

Итакъ въ настоящемъ случаѣ, заставивъ умолкнуть всякое переносное и догадочное толкованіе, изложимъ понятіе тмы просто, безъ тонкостей, слѣдуя намѣренію Писанія. Разумъ спрашиваетъ: сотворена ли тма вмѣстѣ съ міромъ, и первоначальнѣе ли она свѣта, а поэтому точно ли худшее старше? — Отвѣтствуемъ, что и сія тма не что либо самостоятельное, но видоизмѣненіе въ воздухѣ, произведенное лишеніемъ свѣта. Какого же свѣта лишеннымъ вдругъ нашлось мѣсто въ мірѣ, такъ что поверхъ воды стала тма?

Полагаемъ, что, если было что нибудь до составленія сего чувственнаго и тлѣннаго міра, то оно, очевидно, находилось во свѣтѣ. Ибо ангельскіе чины, всѣ небесныя воинства, вообще, какія только есть, именуемыя и неименуемыя умныя природы и служебные духи, жили не во тмѣ, но во свѣтѣ и во всякомъ духовномъ веселіи имѣли приличное для себя помѣщеніе. И противъ сего никто не будетъ спорить, тѣмъ паче тотъ, кто въ числѣ

обѣтованныхъ благъ ожидаетъ пренебеснаго свѣта, о которомъ говорятъ Саломонъ: *свѣтъ праведнымъ всегда* (Притч. 13, 9.), и Апостолъ: *благодаряще Бога и Отца, призвавшаго насъ въ причастіе наслѣдія святыхъ во свѣтѣ* (Кол. 1, 12.). Ибо если осужденные посылаются во тму кромѣшную; то совершившіе дѣла достойныя благоволенія, очевидно, имѣютъ упокоеніе въ премірномъ свѣтѣ.

Посему, когда, по Божію повелѣнію, вдругъ распростерто было небо вокругъ того, что̀ заключилось внутри собственной его поверхности, и стало оно непрерывнымъ тѣломъ, достаточнымъ къ тому, чтобы отдѣлить внутреннее отъ внѣшняго (д); тогда по необходимости само небо сдѣлало неосвѣщеннымъ объемлемое имъ мѣсто, пресѣкши лучи, идущіе со-внѣ. Ибо для тѣни нужно быть въ одно время свѣту, тѣлу и неосвѣщенному мѣсту. Такимъ образомъ тма въ мірѣ произошла отъ тѣни небеснаго тѣла. Сказанное же мною поймешь изъ очевиднаго примѣра, если въ ясный полдень поставишь надъ собою палатку изъ плотной и непроницаемой ткани, и самъ себя заключишь въ составившуюся мгновенно тму. Такою же предположи и оную тму, то есть, не чѣмъ нибудь предварительно осуществленнымъ, но слѣдствіемъ другихъ вещей. О сей, конечно, тмѣ говорится, что она возвышалась надъ бездною, потому что съ поверхностями тѣлъ обыкновенно соприкосновенны

(д) Дуцей совѣтуетъ здѣсь читать: *внѣшнее отъ внутренняго*, согласно съ Θеодоритомъ, который въ вопросѣ 6-мъ на книгу Бытія заимствуетъ все сіе мѣсто у Св. Василія.

крайніе предѣлы воздуха; но тогда надъ всѣми тѣлами разлита была вода; почему по необходимости сказано, что тма верху бездны.

И Духъ Божій, говоритъ Моисей, *ношашеся верху воды.* Или духъ сей означаетъ разліяніе воздуха, и ты разумѣй, что Писатель перечисляетъ части міра, то есть, что Богъ сотворилъ небо, землю, воду, воздухъ, и притомъ воздухъ уже разлитый и текучій. Или, что̀ ближе къ истинѣ и одобрено прежде насъ, духомъ Божіимъ названъ Духъ Святый; потому что Онъ, по замѣченному, преимущественно и исключительно достоинъ такого упоминанія въ Писаніи, и ни какой другой духъ не именуется Божіимъ, кромѣ Святаго, восполняющаго Собою Божественную и блаженную Троицу. И ты, допустивъ такое разумѣніе, извлечешь изъ него большую пользу.

Какъ же Онъ *ношашеся верху воды?* Скажу тебѣ не свое мнѣніе, но мнѣніе одного Сиріянина, который былъ столько же далекъ отъ мірской мудрости, сколько близокъ къ вѣдѣнію истиннаго. Итакъ онъ говорилъ, что Сирскій языкъ выразительнѣе и, по сродству съ Еврейскимъ, нѣсколько ближе подходитъ къ смыслу Писанія. Разумѣніе же сего реченія таково. Слово: *ношашеся*, какъ говоритъ онъ, въ переводѣ употреблено вмѣсто слова: *согрѣвалъ* и *оживотворялъ* водное естество, по подобію птицы, насиживающей яица и сообщающей нагрѣваемому какую-то живительную силу. Подобная сей мысль, говорятъ, означается симъ словомъ и въ настоящемъ мѣстѣ. Духъ носился, то есть пріуготовлялъ водное естество къ рож-

денію живыхъ тварей. Такимъ образомъ изъ сего достаточно объясняется предлагаемый иными вопросъ: безъ дѣйствія ли оставался Духъ Святый въ дѣлѣ творенія?

И рече Богъ: да будетъ свѣтъ (Быт. 1, 3.). Первое Божіе слово создало природу свѣта, разогнало тму, разсѣяло уныніе, обвеселило міръ, всему дало вдругъ привлекательный и пріятный видъ. Явилось небо , покрытое дотолѣ тмою; открылась красота его въ такой мѣрѣ, въ какой еще и нынѣ свидѣтельствуютъ о ней взоры. Озарился воздухъ, лучше же сказать, въ цѣломъ своемъ объемѣ растворилъ все количество свѣта , повсюду , до самыхъ своихъ предѣловъ, распространяя быструю передачу лучей; ибо вверхъ простирался онъ до самаго эѳира и неба, а въ широту всѣ части міра, сѣверныя и южныя, восточныя и западныя, освѣщалъ въ быстрое мгновеніе времени. Такова природа воздуха ; она токна и прозрачна ; и потому проходящій чрезъ него свѣтъ не имѣетъ нужды ни въ какомъ временномъ протяженіи. Какъ не во времени переноситъ онъ зрѣніе наше къ видимымъ предметамъ, такъ и приливы свѣта во всѣ свои предѣлы пріемлетъ мгновенно, въ сравненіи съ чемъ не льзя и мысленно представить кратчайшаго мига времени. И эѳиръ сталъ пріятнѣе при свѣтѣ; воды сдѣлались свѣтлѣе, не только принимая въ себя лучи, но и испуская ихъ отъ себя чрезъ отраженіе свѣта, потому что вода во всѣ стороны отбрасывала отблески. Божіимъ словомъ все измѣнено въ пріятнѣйшій и честнѣйшій видъ. Какъ пускающіе въ глубину масло производятъ на томъ

мѣстѣ блескъ; такъ и Творецъ всяческихъ, изрекши слово Свое, мгновенно вложилъ въ міръ благодать свѣта. *Да будетъ свѣтъ.* И повелѣніе стало дѣломъ; произошло естество, пріятнѣе котораго къ наслажденію не возможно ничего и представить человѣческимъ разумомъ.

Когда же приписываемъ Богу гласъ, рѣчь и повелѣніе; тогда подъ Божіимъ словомъ не разумѣемъ звука, издаваемаго словесными органами, и воздуха, приводимаго въ сотрясеніе посредствомъ языка, но, для большей ясности учащимся, хотимъ въ видѣ повелѣнія изобразить самое мановеніе въ волѣ.

И видѣ Богъ свѣтъ, яко добро (Быт. 1, 4.). Можемъ ли мы сказать что нибудь достаточное въ похвалу свѣта, когда онъ предварительно имѣетъ о себѣ свидѣтельство Сотворшаго: *яко добро?* И въ нашихъ дѣлахъ разумъ предоставляетъ судить глазамъ, когда не можетъ ничего сказать съ такою же силою, съ какою предварительно свидѣтельствуетъ чувство. Но если красота тѣла состоитъ во взаимной соразмѣрности частей и въ наружной доброцвѣтности, то какъ понятіе красоты удерживаетъ мѣсто въ свѣтѣ, который по природѣ простъ и однороденъ? Не потому ли, что свѣту приписывается соразмѣрность, не въ отношеніи къ собственнымъ его частямъ, но въ отношеніи къ неболѣзненному и пріятному дѣйствію на зрѣніе? Такъ и золото прекрасно, хотя имѣетъ привлекательность для взора и пріятность не по соразмѣрности частей, но по одной доброцвѣтности. И вечерняя звѣзда прекраснѣе всѣхъ звѣздъ, не потому

что соразмѣрны части, изъ которыхъ она состоитъ, но потому что лучи ея падаютъ на глаза, не производя ни какого болѣзненаго ощущенія и съ пріятностію. Сверхъ того Богъ произноситъ теперь судъ о красотѣ, безъ сомнѣнія не имѣя въ виду пріятности для зрѣнія, но предусматривая пользу свѣта въ послѣдствіи, потому что глаза́ и не судили еще о красотѣ свѣта.

И разлучи Богъ между свѣтомъ, и между тмою, то есть Богъ содѣлалъ природу ихъ несоединимою и совершенно противоположною; потому что удалилъ ихъ другъ отъ друга и отдѣлилъ великою средою.

И нарече Богъ свѣтъ день, а тму нарече нощь (Быт. 1, 5). Нынѣ, по сотвореніи уже солнца, день есть освѣщеніе воздуха солнцемъ, которое сіяетъ въ полушаріи, лежащемъ надъ землею, а ночь — покрытіе земли тѣнью, когда сокрывается солнце. Но тогда, не по солнечному движенію, но потому что первобытный оный свѣтъ, въ опредѣленной Богомъ мѣрѣ, то разливался, то опять сжимался, происходилъ день и слѣдовала ночь.

И бысть вечеръ, и бысть утро, день единъ. Вечеръ есть общій предѣлъ дня и ночи; подобнымъ образомъ и утро есть смежность ночи со днемъ. Посему, чтобы старѣйшинство бытія приписать дню, Моисей сперва наименовалъ конецъ дня, а потомъ конецъ ночи, такъ какъ ночь слѣдуетъ за днемъ. Ибо состояніе въ мірѣ, предшествовавшее сотворенію свѣта, было не ночь, но тма; а̀ что̀ стало отлично отъ дня, то названо ночью; сему и наименованіе дано послѣ дня.

И такъ бысть вечеръ, и бысть утро. Пророкъ разумѣетъ продолженіе дня и ночи; но не наименовалъ дня и ночи, а далъ наименованіе только превосходнѣйшему. Тотъ же обычай найдешь и во всемъ Писаніи; при измѣреніи времени счисляются дни, а не вмѣстѣ и ночи со днями. *Діе лѣтъ нашихъ*, говоритъ Псалмопѣвецъ (Псал. 69, 10). И Іаковъ также говоритъ: *діе житія моего малы и злы* (Быт. 47, 9). И еще сказано: *вся дни живота моего* (Псал. 22, 6). Такимъ образомъ преданное нынѣ въ видѣ исторіи служитъ закономъ и для послѣдующаго.

И бысть вечеръ, и бысть утро, день единъ. Почему названъ не первымъ, но единымъ? Хотя намѣревающемуся говорить о второмъ, и третьемъ, и четвертомъ дняхъ было бы приличнѣе наименовать первымъ тотъ день, съ котораго начинаются послѣдующіе; однако же онъ назвалъ единымъ. Или опредѣляетъ симъ мѣру дня и ночи, и совокупляетъ въ одно суточное время, потому что двадцать четыре часа наполняютъ продолженіе одного дня, если подъ днемъ подразумѣвать и ночь. Почему, хотя при поворотахъ солнца случается, что день и ночь другъ друга превосходятъ, однако же продолженіе дня и ночи всегда ограничивается однимъ опредѣленнымъ временемъ. И Моисей какъ бы такъ сказалъ: мѣра двадцати четырехъ часовъ есть продолженіе одного дня, или возвращеніе неба отъ одного знака къ тому же опять знаку совершается въ одинъ день. Почему всякій разъ, какъ отъ солнечнаго обращенія наступаютъ въ мірѣ вечеръ и утро, періодъ сей совершается не въ

большее время, но въ продолженіе одного дня. Или главное сему основаніе скрывается въ таинственномъ знаменованіи, именно, что Богъ, устроивъ природу времени, мѣрою и знаменіями онаго положилъ продолженія дней, и измѣряя время седмицею, повелѣваетъ, чтобы седмица, исчисляющая движеніе времени, всегда круговращалась сама на себя, а также и седмицу наполнялъ одинъ день, седмикратно самъ на себя возвращающійся. А образъ круга таковъ, что самъ онъ съ себя начинается, и самъ въ себѣ оканчивается. Конечно же и вѣкъ имѣетъ то отличительное свойство, что самъ на себя возвращается и нигдѣ не оканчивается. Потому Моисей главу времени назвалъ не первымъ, но единымъ днемъ, чтобы день сей по самому наименованію имѣлъ сродство съ вѣкомъ. И онъ, какъ обнаруживающій въ себѣ признакъ одинокости и несообщимости съ чемъ либо другимъ, въ собственномъ смыслѣ и прилично наименованъ единымъ. Хотя Писаніе представляетъ намъ многіе вѣки, часто говоря: *вѣкъ вѣка* и *вѣки вѣковъ*; однако же въ немъ не перечисляются ни первый, ни вторый, ни третій вѣкъ, чтобы изъ этого были намъ видны болѣе различія состояній и разнообразныхъ вещей, нежели ограниченія, окончанія и преемство вѣковъ. Ибо сказано: *день Господень великъ и свѣтелъ* (Іоил. 2, 11). И еще: *вскую вамъ искати дне Господня, сей бо есть тма, а не свѣтъ* (Амос. 5, 18), — тма же, очевидно, для достойныхъ тмы. Ибо по нашему ученію извѣстенъ и тотъ невечерній, не имѣющій преемства и нескончаемый день, который у Псалмопѣвца наиме-

иованъ *осмымъ* (Псал. 6, 1), потому что онъ находится внѣ сего седмичнаго времени. Посему назовешь ли его днемъ, или вѣкомъ, выразишь одно и то же понятіе; скажешь ли, что это день, или что это состояніе, всегда онъ одинъ, а не многіе; наименуешь ли вѣкомъ, онъ будетъ единственный, а не многократный. Посему и Моисей, чтобы возвести мысль къ будущей жизни, наименовалъ единымъ сей образъ вѣка, сей начатокъ дней, сей современный свѣту, святый Господень день, прославленный воскресеніемъ Господа. Потому и говоритъ: *бысть вечеръ, и бысть утро, день единъ.*

Но разсужденія объ ономъ вечерѣ, застигнутыя настоящимъ вечеромъ, здѣсь полагаютъ конецъ нашему слову. Отецъ истиннаго Свѣта, украсившій день свѣтомъ небеснымъ, просвѣтлившій ночь блескомъ огня, предуготовавшій упокоеніе будущаго вѣка въ духовномъ и непрекращающемся свѣтѣ, да просвѣтитъ сердца ваши въ познаніи истины, и да соблюдетъ жизнь вашу непреткновенною, даровавъ вамъ, *яко во дни*, *благообразно ходити* (Римл. 13. 13), чтобы возсіять, подобно солнцу, во свѣтлости святыхъ, въ мое похваленіе, въ день Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА 3.

О ТВЕРДИ.

Дѣла перваго дня, лучше же сказать (не будемъ отнимать у него естественнаго преимущества, какое получилъ онъ отъ Создателя, будучи произведенъ особенно, и не включенъ въ одинъ разрядъ съ другими днями), дѣла единаго дня, именно то, что̀ произведено въ оный, изобразило слово вчера, и преподавъ толкованіе слушателямъ, составило для душъ какъ утреннее препитаніе, такъ и вечернее веселіе; а теперь переходитъ къ чудесамъ втораго дня. Говорю же такъ, приписывая это не силѣ толкователя, но изяществу Писанія; потому что оно естественнымъ образомъ нравится, привлекательно и вожделѣнно для всякаго сердца, предпочитающаго истинное правдоподобному. Такъ и Псалмопѣвецъ, весьма выразительно изображая усладительность истины, говоритъ: *коль сладка гортани моему словеса Твоя, паче меда устомъ моимъ* (Псал. 118, 103). Почему, увеселивъ вчера души ваши, по мѣрѣ возможности, собесѣдованіемъ о словесахъ Божіихъ, опять собрались мы

нынѣ — на другой день, чтобы обозрѣть чудеса дѣлъ втораго дня.

Но не сокрыто отъ меня и то, что среди насъ стоятъ многіе ремесленники, которые, занимаясь художествами рукодѣльными, съ трудомъ добываютъ себѣ пропитаніе дневною работою; и они-то обсѣкаютъ у меня слово, чтобы не надолго отвлекаться отъ работы. Что̀ же скажу имъ? То, что часть времени, данная въ-заимъ Богу, не пропадаетъ, но вознаграждается Имъ съ великимъ прибыткомъ. Ибо всѣ тѣ обстоятельства, которыя способствуютъ къ дѣлу, благоустроитъ Господь предпочитающимъ духовное, подавъ въ дѣлахъ ихъ и крѣпость тѣла, и усердіе души, и удобство къ сбыту работъ, и благоуспѣшность въ цѣлой жизни. Но хотя бы въ настоящей жизни плоды трудовъ нашихъ и не соотвѣтствовали надеждамъ; по крайней мѣрѣ для послѣдующаго вѣка доброе сокровище — ученіе Духа. Посему отложи изъ сердца всякое житейское попеченіе, и весь соберись теперь самъ въ себя. Ибо мало пользы, если тѣломъ ты здѣсь, а сердце твое занято земнымъ сокровищемъ.

И рече Богъ: да будетъ твердь посредѣ воды: и да будетъ разлучающи посредѣ воды и воды (Быт. 1, 6.). И вчера уже слышали мы слова Божіи: *да будетъ свѣтъ*; и нынѣ слышимъ: *да будетъ твердь.* Но въ настоящемъ случаѣ они, по видимому, заключаютъ въ себѣ нѣчто большее; потому что слово не ограничилось простымъ повелѣніемъ, но опредѣлило и причину, по которой тре-

буется устроеніе тверди. Сказано: *да разлучаетъ посредѣ воды и воды.*

Остановившись на первомъ, спрашиваемъ: какъ говоритъ Богъ? Такъ же ли, какъ и мы, то есть, сперва въ мысли раждается образъ предметовъ, потомъ, по представленіи ихъ, избравъ значенія свойственныя и соотвѣтственныя каждому предмету, Онъ излагаетъ, а потомъ, передавъ мыслимое на производство словесныхъ органовъ, такимъ уже образомъ, чрезъ сотрясеніе воздуха, нужное къ членораздѣльному движенію голоса, дѣлаетъ ясною тайную Свою мысль? И не походитъ ли на басню утверждать, что Богу нужно столько околичностей для обнаруженія Своей мысли? Или благочестивѣе будетъ сказать, что Божіе хотѣніе и первое устремленіе мысленнаго движенія есть уже Божіе слово? Писаніе же изображаетъ Бога многословно, дабы показать, что Онъ не только восхотѣлъ бытія твари, но и привелъ ее въ бытіе чрезъ нѣкоего Содѣйственника. Какъ сказало оно въ началѣ, такъ могло бы выразиться и обо всемъ; сказавъ: *въ началѣ сотвори Богъ небо и землю*, потомъ могло бы сказать: *сотвори свѣтъ*, а потомъ: *сотвори твердь*. Но теперь, представляя Бога повелѣвающимъ и разглагольствующимъ, самымъ умолчаніемъ указываетъ на того, кому Богъ повелѣваетъ и съ кѣмъ разглагольствуетъ, ни мало не скупясь въ сообщеніи намъ вѣдѣнія, но распаляя въ насъ желаніе тѣмъ, что набрасываетъ нѣкоторые слѣды и указанія Неизреченнаго. Ибо пріобрѣтенное съ трудомъ съ радостію пріемлется и тщательно соблюдается. А гдѣ пріобрѣ-

теніе удобно, тамъ и обладаніе не важно. Посему Писаніе какъ бы окольною дорогою и постепенно приближаетъ насъ къ мысли объ Единородномъ.

Но для естества безтѣлеснаго и въ этомъ случаѣ не было нужды въ словѣ, произносимомъ посредствомъ голоса, потому что Содѣйствующему самыя мысли могли быть переданы. Ибо какая нужда въ словѣ тѣмъ, которые могутъ другъ другу сообщать изволенія свои мысленно? Голосъ для слуха, и слухъ по причинѣ голоса. А гдѣ нѣтъ ни воздуха, ни языка, ни уха, ни извитаго прохода, который бы переносилъ звуки къ сочувствію въ головѣ, тамъ не нужны реченія, но передаются самыя, какъ сказалъ бы иный, сердечныя помышленія воли. Посему, какъ замѣчено, для того, чтобы возбудить умъ нашъ къ изслѣдованіямъ о Лицѣ, къ Которому изречены слова, премудро и искусно употребленъ этотъ образъ разглагольствія.

Во-вторыхъ, должно изслѣдовать, иное ли что отличное отъ неба, сотвореннаго въ началѣ, эта твердь, которая и сама называется небомъ, и точно ли два неба?

Любомудрствовавшие о небѣ согласились бы лучше лишиться языка, нежели признать сіе истиннымъ. Ибо они предполагаютъ, что небо одно, и что нѣтъ естества, изъ котораго могло бы произойдти второе, третіе, и такъ далѣе, небо; потому что вся сущность небеснаго тѣла, какъ они думаютъ, издержана на составленіе одного неба. И круговращающееся тѣло, говорятъ они, одно и притомъ ограничено: если же оно употреблено на

первое небо; то ничего не остается къ происхожденію втораго и третьяго неба. Такъ представляютъ себѣ тѣ, которые кромѣ Создателя вводятъ несотворенное вещество, и сложивъ первую басню, увлекаются къ послѣдующей лжи.

Но мы просимъ Еллинскихъ мудрецовъ не смѣяться надъ нами, пока они не кончатъ между собою своихъ споровъ. Ибо есть между ними и такіе, которые говорятъ, что небесъ и міровъ безчисленное множество. Но когда изобличатъ они невѣроятность послѣдняго мнѣнія, употребивъ самые сильные доводы, и съ геометрическою неизбѣжностію докажутъ, что по природѣ невозможно быть другому небу кромѣ одного; тогда особенно посмѣемся надъ ихъ чертежною мудростію и ученымъ пустословіемъ; если только они, видя, что отъ одинаковой причины происходятъ и одинъ пузырь и многіе пузыри, при всемъ томъ сомнѣваются касательно многихъ небесъ, достаточно ли зиждительной силы къ приведенію ихъ въ бытіе. Ибо думаемъ, что крѣпость и величіе небесъ не много превосходятъ эту влагу, въ видѣ пустаго шара надувшуюся въ родникахъ; если обращено будетъ вниманіе на превосходство Божія могущества. Такъ смѣшно ихъ понятіе о невозможномъ! А мы столько далеки отъ мысли не вѣрить второму небу, что взыскуемъ и третьяго неба, видѣть которое удостоенъ былъ блаженный Павелъ (2 Кор. 12, 2.). Псаломъ же, наименовывая *небеса небесъ* (Псал. 148, 4), подалъ мнѣ мысль и о бо̀льшемъ числѣ небесъ.

И это ни мало не страннѣе тѣхъ седми круговъ,

по которымъ, какъ всѣ почти согласно признаютъ, вращаются седмь звѣздъ, и которые, какъ говорятъ, принаровлены другъ къ другу, на подобіе кадей, одна въ другую вложенныхъ, и движась противоположно вселенной, по причинѣ разсѣкаемаго ими эѳира, издаютъ какой-то благозвучный и гармоническій голосъ, который превосходитъ всякую пріятность сладкопѣнія. Потомъ, когда у говорящихъ это требуютъ чувственнаго удостовѣренія, что̀ отвѣчаютъ они? То, что мы по первоначальной привычкѣ къ сему звуку, и прислушавшись къ нему съ перваго мгновенія бытія, отъ долговременнаго упражненія въ слушаніи потеряли ощущеніе, подобно людямъ, у которыхъ уши постоянно бываютъ поражаемы стукомъ въ кузницахъ. Обличать ухищренность и гнилость такихъ ра̀зсужденій, когда это ясно показываетъ каждому собственный его слухъ, не дѣло человѣка, который умѣетъ беречь время и предполагаетъ слушателей людьми разумными.

Но, внѣшнія ученія оставляя внѣшнимъ, возвратимся къ ученію церковному. Нѣкоторыми прежде насъ сказано, что это не твореніе втораго неба, но полнѣйшее повѣствованіе о первомъ небѣ; потому что тамъ описывается вообще твореніе неба и земли, а здѣсь Писаніе передаетъ намъ, какъ происходили и небо и земля окончательнымъ образомъ. Но мы говоримъ, что, поелику передано намъ и другое имя и особенное назначеніе втораго неба, то оно отлично отъ сотвореннаго въ началѣ, имѣетъ естество болѣе плотное и служитъ во вселенной для особеннаго употребленія.

И рече Богъ: да будетъ твердь посредѣ воды: и да будетъ разлучающи посредѣ воды и воды. И сотвори Богъ твердь: и разлучи Богъ между водою, яже бѣ подъ твердїю, и между водою, яже бѣ надъ твердїю (Быт. 1, 6, 7.).

Прежде нежели коснемся смысла написаннаго, попытаемся рѣшить возраженіе, какое дѣлаютъ другіе. Ибо спрашиваютъ у насъ: если тѣло тверди шарообразно, какъ показываетъ зрѣніе, а вода текуча и скатывается съ возвышенностей; то какъ было возможно утвердиться водѣ на кривой окружности тверди? Что̀ будемъ отвѣчать на сіе?— То особенно, что, ежели видимъ какую вещь съ внутренней вогнутости кругообразною, нѣтъ еще необходимости заключать, что и внѣшняя ея поверхность сдѣлана шаровидно, вся выточена на станкѣ и гладко выведена. Иногда видимъ каменные потолки въ баняхъ и постройку пещеровидныхъ зданій, которыя, если смотрѣть изнутри, выведены полукружіемъ, а сверху строенія имѣютъ часто ровную поверхность. Посему ради такихъ причинъ не должны и сами они затрудняться въ дѣлѣ, и насъ затруднять, какъ будто не можемъ удержать воды вверху.

Теперь слѣдуетъ сказать, какое естество имѣетъ твердь, и для чего повелѣно ей занимать средину между водою.

Наименованіе тверди (στερέωμα) въ Писаніи обыкновенно дается тому, что̀ имѣетъ превосходную крѣпость; напримѣръ, когда говорится: *Господь утвержденіе* (στερέωμα) *мое, и прибѣжище мое* (Псал. 17, 3.); и: *Азъ утвердихъ* (ἐστερέωσα) *стол-*

пы ея (Псал. 14, 4.); и: *хвалите Его во утверженіи* (*ἐν ϛερεώματι*) *силы Его* (Псал. 150, 1.). А Писатели внѣшніе называютъ твердымъ (*τὸ ϛερεὸν*) тѣло какъ бы плотное и наполненное, въ отличіе отъ тѣла геометрическаго. Геометрическое же тѣло есть то, которое состоитъ въ однихъ размѣреніяхъ, то есть въ широтѣ, глубинѣ (а) и высотѣ; между тѣмъ какъ твердое тѣло сверхъ размѣреній имѣетъ и упорство. Но въ Писаніи обыкновенно, что̀ имѣетъ силу и неуступчиво, то называется твердію; такъ часто употребляется сіе слово и о сгустившемся воздухѣ; напримѣръ, когда говорится: *утверждаяй громъ* (Амос. 4, 13.). Ибо твердость и упорство духа, заключеннаго въ полостяхъ облаковъ и усильнымъ исторженіемъ производящаго громовый трескъ, Писаніе наименовало утвержденіемъ грома.

Посему думаемъ, что и теперь употреблено сіе слово о какомъ нибудь твердомъ естествѣ, достаточномъ къ удержанію воды, которая удобно скатывается и разливается. Но на томъ основаніи, что, по общепринятому мнѣнію, твердь представляется происшедшею изъ воды, не слѣдуетъ еще почитать ее подобною или отвердѣвшей водѣ или такому веществу, которое получаетъ начало чрезъ процѣживаніе влаги, какъ напримѣръ камень кристаллъ, который, какъ сказываютъ, превращается изъ воды въ слѣдствіе чрезвычайнаго ея отвердѣнія, или слюда, образующаяся между металлами;

(а) То есть длинѣ.

а это такой прозрачный камень, имѣющій преимущественно ему свойственный и самый ясный блескъ, что если найденъ въ чистомъ своемъ видѣ, не источенъ какою нибудь гнилостію, и не наполненъ внутри трещинами, то прозрачностію подобенъ почти воздуху. Посему мы не уподобляемъ тверди ничему такому. Ибо, конечно, дѣтскому и простому разуму свойственно—имѣть такія понятія о небесномъ. А также, хотя и все находится во всемъ, огонь въ землѣ, воздухъ въ водѣ, и прочія стихіи одна въ другой, такъ что изъ стихій, подпадающихъ чувствамъ, ни одна не бываетъ въ чистомъ состояніи и не въ сообщеніи съ чѣмъ нибудь или среднимъ, или противоположнымъ; однако же не осмѣливаемся поэтому утверждать, что твердь состоитъ или изъ одного простаго вещества, или изъ смѣшенія простыхъ веществъ; ибо мы научены Писаніемъ не давать себѣ свободы представлять умомъ что либо кромѣ дозволеннаго.

Но не оставимъ безъ замѣчанія и слѣдующаго. Послѣ того, какъ Богъ повелѣлъ: *да будетъ твердь*, сказано не просто: *и бысть твердь;* но: *и сотвори Богъ твердь*, и еще: *разлучи Богъ*. Пусть глухіе слышатъ, и слѣпые прозрятъ! И кто же глухъ кромѣ не слышащаго, когда столь громогласно вопіетъ Духъ? И кто слѣпъ кромѣ не видящаго столь ясныхъ доказательствъ объ Единородномъ? *Да будетъ твердь*, — это вѣщаніе первоначальной Вины! *Сотвори Богъ твердь*, —это свидѣтельство о Силѣ творческой и зиждительной!

Но обратимъ слово къ продолженію толкованія. —Сказано: *да будетъ разлучающи посредѣ воды и*

воды. Разлитіе водъ было безпредѣльно; какъ вѣроятно, онѣ со всѣхъ сторонъ омывали собою землю и возвышались надъ нею, такъ что, по видимому, выходили изъ соразмѣрности съ прочими стихіями. Посему-то выше было сказано, что бездна отовсюду облегала собою землю.

Причину такого множества воды покажемъ въ послѣдствіи. Между тѣмъ, конечно, никто изъ васъ, хотя онъ много работалъ умомъ и хорошо проникъ во все, что̀ касается до сего тлѣннаго и текущаго естества, никто, говорю, не нападетъ на сію мысль, будто бы мы вопреки разуму предполагаемъ что нибудь невозможное и вымышленное, и не потребуетъ отъ насъ изысканій о томъ, на чемъ было утверждено водное естество. На какомъ основаніи говорятъ, что земля, которая тяжелѣе воды, виситъ посерединѣ и удалена отъ краевъ, на томъ же основаніи должны, безъ сомнѣнія, согласиться, что и это необъятное количество воды, по естественному стремленію книзу, и по причинѣ равнаго тяготѣнія во всѣ стороны, держалось около земли. Такимъ образомъ, водное естество въ безмѣрномъ множествѣ было разлито вокругъ земли, не въ соразмѣрности съ нею, но во много кратъ превосходя ее; ибо такъ изъ начала предусматривалъ будущее великій Художникъ, и въ первыхъ распоряженіяхъ соображался съ послѣдующею потребностію.

Какая же была потребность въ томъ, чтобы вода избыточествовала въ такой чрезмѣрности? Во вселенной необходима огненная сущность, не только для благоустройства земныхъ вещей, но и для

восполненія вселенной. Цѣлое было бы неполно, при недостаткѣ самой важной и благопотребной изъ всѣхъ стихій. Но огонь и вода противоположны между собою и другъ для друга разрушительны, именно: огонь для воды, когда преодолѣваетъ ее силою, и вода для огня, когда превосходитъ его множествомъ. А надобно было, чтобы и между ними не происходило мятежа, и совершенное оскудѣніе того или другаго изъ нихъ не послужило къ разрушенію вселенной. Посему-то Домостроитель вселенной пріуготовалъ влажное естество въ такой мѣрѣ, чтобы оно, постепенно истребляемое силою огня, пребывало во все то время, какое назначено стоять міру. А Расположившій все вѣсомъ и мѣрою (ибо по слову Іова: *изочтены Ему суть капли дождевныя*, Іов. 36, 37.) зналъ, сколько времени опредѣлить пребыванію міра, и сколько нужно приготовить пищи огню. Такова причина преизбытка воды во время творенія!

А что касается до необходимости огня въ мірѣ; то нѣтъ человѣка, столько не знакомаго съ нуждами жизни, чтобы потребовалъ о семъ ученій разума. Не только огненнаго содѣйствія требуютъ всѣ искусства, служащія къ поддержанію нашей жизни (разумѣю: ткацкое, кожевенное, строительное и земледѣліе), но даже и произрастаніе деревъ, и созрѣваніе плодовъ, и рожденіе животныхъ земныхъ и водныхъ, и также все служащее къ ихъ питанію, или въ началѣ не состоялось бы, или со временемъ не могло бы продолжаться, если бы не было теплоты.

Посему, какъ необходимо было созданіе теплоты

для образованія и пребыванія всего раждающагося: такъ необходимо было и обиліе влаги, по причинѣ непрестаннаго и неизбѣжнаго истребленія ея огнемъ. Обозри всѣ твари, и увидишь, что сила теплоты владычествуетъ во всемъ раждающемся и разрушающемся. Для сего и множество воды, которое разлито по землѣ, поднято выше видимаго тобою, и также разсѣяно во всѣхъ земныхъ глубинахъ. Отсего неоскудѣваемость родниковъ, скопленіе воды въ колодцахъ, теченія рѣкъ и не пересыхающихъ, и образующихся во время дождей, по причинѣ соблюдаемой влажности во многихъ и различныхъ хранилищахъ. Съ востока (а), отъ зимнихъ поворотовъ течетъ рѣка Индъ, это, какъ повѣствуютъ описатели окружностей земли, самая большая водотечь изъ всѣхъ рѣчныхъ водъ. Съ средняго же востока текутъ Бактръ, Хоаспъ и Араксъ, отъ котораго отдѣлившійся Танаисъ вливается въ Меотійкое озеро. Кромѣ сихъ, Фазисъ, вытекающій изъ Кавказскихъ горъ, и множество другихъ рѣкъ отъ сѣверныхъ странъ стремятся въ Евксинскій Понтъ. А отъ лѣтняго запада изъ-подъ горы Пиринейской выходятъ Тартисъ и Истръ, изъ которыхъ первый впадаетъ въ море за Столпами, а Истръ, протекая чрезъ Европу, вливается въ Понтъ. И кчему перечислять другія рѣки, пораждаемыя Рифейскими горами, лежащими за внутреннѣйшею

(а) Слѣдующія за симъ свѣдѣнія о рѣкахъ взяты Св. Василіемъ большею частію изъ Аристотеля (см. *Ἀριστοτέλους Μετεωρολογικα*, lib. I, c. XIII).

Скиөісй? Въ числѣ ихъ находится Роданъ и множество другихъ рѣкъ даже судоходныхъ, которыя всѣ, омывши страны западныхъ Галатовъ, Келтовъ и сосѣдственныхъ съ ними варваровъ, вливаются въ западное море. Другія рѣки текутъ съ полудня изъ верхнихъ странъ чрезъ Эѳіопію, и однѣ входятъ въ наше море, а другія вливаются въ море неизвѣстное мореходцамъ. Таковы: Егонъ, Низисъ, такъ называемый Хреметисъ, и сверхъ того Нилъ, который не походитъ даже на рѣку, когда, подобно морю, наводняетъ Египетъ. Такъ, вся часть населяемой нами земли объемлется водою, окружаемая необъятными морями, и орошаемая тысячами не пересыхающихъ рѣкъ, по неизреченной премудрости Предустроившаго, чтобы естество, противоборствующее огню, было неудобоистребимо. Но настанетъ время, когда все будетъ изсушено огнемъ, какъ говоритъ Исаія, обращая рѣчь къ Богу всяческихъ: *Глаголяй безднѣ: опустѣеши, и рѣки твоя изсушу* (Ис. 44, 27.). Посему, отринувъ объюродѣвшую мудрость, вмѣстѣ съ нами прими ученіе истины, хотя и неученое по слову, но непогрѣшительное въ познаніи.

Посему *да будетъ твердь посредѣ воды, и да будетъ разлучающи посредѣ воды и воды.* Сказано, что̀ значитъ въ Писаніи наименованіе: твердь, а именно: не естество упорное, твердое, имѣющее тяжесть и сопротивленіе, называетъ оно твердію (въ такомъ случаѣ, въ болѣе собственномъ смыслѣ принадлежало бы сіе именованіе землѣ), — напротивъ того, поелику все, лежащее выше, по природѣ своей тонко, рѣдко и для чувства неуловимо, то, въ

сравненіи съ симъ тончайшимъ и неуловимымъ для чувства, она названа твердію. И ты представь себѣ какое-то мѣсто, въ которомъ отдѣляются влаги, и тонкая, процѣженная влага пропускается вверхъ, а грубая и землянистая отлагается внизъ, чтобы, при постепенномъ истребленіи влажностей, отъ начала до конца сохранялось то же благорастворенiе.

Но ты не вѣришь множеству воды, а не обращаешь вниманія на множество теплоты, которая и въ маломъ количествѣ имѣетъ силу истреблять много влажности. Ибо она притягиваетъ влагу, подверженную ея дѣйствію, какъ видно въ рожкѣ всасывающемъ кровь; притянутую же влагу истребляетъ, подобно огню въ свѣтильникѣ, который всасываемое, посредство свѣтильни, горючее вещество тотчасъ, по измѣненіи его, сожигаетъ. Кто же сомнѣвается объ эѳирѣ, что онъ не огненъ, и не въ раскаленномъ состояніи? Если бы Творецъ не сдерживалъ его необходимымъ закономъ; что̀ воспрепятствовало бы ему, воспламеняя и сожигая все приближающееся, истребить вдругъ всю влажность, какая есть въ существахъ? Посему-то, чтобы не обхватилъ всего раскаляющій все эѳиръ, есть воздушная вода, и она образуется чрезъ увлаженіе горнихъ мѣстъ поднимающимися парами, какіе даютъ изъ себя рѣки, источники, болота, озера и всѣ моря.

Видимъ, что и это солнце, лѣтомъ, въ самое короткое продолженіе времени, страну часто влажную и болотистую дѣлаетъ сухою и совершенно безвлажною. Гдѣ же эта вода? Пусть покажутъ

намъ знатоки всего. Не всякому ли извѣстно, что она поглощена, раздробленная теплотою солнечною? Но они говорятъ, что солнце не имѣетъ даже теплоты. Такъ у нихъ на все готово слово. И смотрите, на какой опираясь доводъ, доходятъ они до очевидности. Говорятъ: поелику солнце цвѣтомъ бѣло, а не красно и не желто; то по сему самому, по природѣ своей, оно не огненное, теплота же его происходитъ отъ скораго обращенія. Что же думаютъ пріобрѣсть себѣ изъ этого? —Доказать, что солнце не истребляетъ влажности. А я, хотя сказанное и несправедливо, не отвергаю сего потому, что оно служитъ къ подтвержденію моего слова. Ибо сказано было, что множество водъ нужно по причинѣ истребленія ихъ теплотою. Но нѣтъ разности—быть ли теплымъ по природѣ своей, или стать раскаленнымъ въ слѣдствіе какого либо видоизмѣненія, для произведенія тѣхъ же перемѣнъ въ тѣхъ же веществахъ. Если дерева, приведенныя во взаимное треніе, возжигаютъ огонь и даютъ пламень, или если они загараются отъ возжженнаго пламени; въ обоихъ случаяхъ конецъ бываетъ равный и сходный. Но мы видимъ, что великая премудрость Правителя вселенной переводитъ солнце изъ одного мѣста въ другое, чтобы оно, оставаясь всегда въ одномъ мѣстѣ, не разстроивало порядка избыткомъ теплоты. Напротивъ того, во время зимняго поворота, уводитъ солнце въ южную часть неба, потомъ перемѣщаетъ въ равноденственные знаки, и оттуда, во время лѣтняго поворота, ведетъ на сѣверъ; такъ что, чрезъ постепенное перехожденіе солнца, соблюдается на зем-

ной окружности благорастворенiе. И пусть разсудятъ, не противорѣчатъ ли сами себѣ тѣ, которые говорятъ, что море не прибываетъ отъ рѣкъ по причинѣ убыли, производимой солнцемъ, и что сверхъ того оно остается соленымъ и горькимъ въ слѣдствiе поглощенiя теплотою всего тонкаго и годнаго къ питiю, что опять производится по большей части посредствомъ отдѣленiя влагъ солнцемъ, которое, похищая легкое, оставляетъ грубое и землянистое, какъ нѣкоторую тину и отсѣдъ; отчего вода въ морѣ получаетъ горькiй, соленый и жгучiй вкусъ. И тѣ же, которые утверждаютъ сiе о морѣ, перемѣнивъ свое мнѣнiе, говорятъ, что ни какого уменьшенiя во влагѣ не производится солнцемъ.

И нарече Богъ твердь, небо (Быт. 1, 8.). Хотя названiе сiе собственно приличествуетъ другому; но и твердь, по подобiю, прiемлетъ то же наименованiе. Примѣчаемъ же, что небомъ (*οὐρανὸς*) называется часто видимое (*ὁρώμενον*) пространство,— по причинѣ густоты и непрерывности воздуха, который ясно подлежитъ нашимъ взорамъ, и, какъ видимый, получаетъ наименованiе неба; напримѣръ, когда говорится: *птицы небесныя* (Псал. 8, 9.), и еще: *летающыя по тверди небеснѣй* (Быт. 1, 20.). Подобно сему выраженiе: *восходятъ до небесъ* (Псал. 106, 26.). И Моисей, благословляя колѣно Iосифово, даетъ благословенiя *отъ красотъ небесныхъ и росы,* отъ *солнечныхъ обращенiй, и схожденiй мѣсячныхъ,* и *отъ верха горъ* и *холмовъ вѣчныхъ* (Втор. 33, 13 - 15); потому что, при благоустройствѣ всего этого, угобжается окружность земли. Но и въ про-

клятіяхъ Израилю сказано: *будетъ небо надъ главою мѣдяно* (Второз. 28, 23.). Что сіе означаетъ? Совершенную сухость и оскудѣніе воздушныхъ водъ, которыми землѣ сообщается плодородіе.

Посему, когда говорится, что роса или дождь приносится съ неба, тогда представляемъ въ умѣ тѣ воды, которымъ назначено занимать горнюю страну. Ибо если испаренія собрались въ высотѣ, и сгнетаемый вѣтрами воздухъ сгустился; то, какъ скоро парообразно и въ тонкихъ частицахъ разсѣянныя дотолѣ по облаку влаги между собою сблизятся, тотчасъ образуются капли, тяжестію соединившихся частицъ влекомыя книзу; и таково происхожденіе дождя. Когда же влага, раздробленная стремительностію вѣтровъ, обратится въ пѣну, потомъ, до крайности охлажденная въ цѣломъ своемъ объемѣ, замерзнетъ; тогда, по расторженіи облака, падаетъ внизъ снѣгъ. И вообще, такимъ же образомъ можешь ты разсмотрѣть все влажное естество, составившееся въ воздухѣ надъ нашими головами.

Но простоту и неприуготовленность духовнаго ученія никто да не сравниваетъ съ пытливостію любомудрствовавшихъ о небѣ. Сколько красота въ женахъ цѣломудренныхъ предпочтительнѣе красоты любодѣйной, столько же разности между нашими ученіями и ученіями внѣшнихъ. Ибо внѣшніе вводятъ въ ученія натянутое правдоподобіе; а здѣсь предлагается истина, обнаженная отъ всякихъ измышленій ума. И нужно ли намъ трудиться надъ обличеніемъ ихъ лжи? Не довольно ли и того, чтобы, сличивъ между собою собственныя ихъ книги,

въ совершенномъ покоѣ оставаться зрителями ихъ борьбы? Ибо и числомъ не меньше, и достоинствомъ не ниже, а по многословію, гораздо еще преимущественнѣе, защитники противнаго симъ ученія, которые утверждаютъ, что вселенная сгараетъ и опять оживотворяется изъ сѣменныхъ началъ, какія остаются по перегорѣніи. Отсюда производятъ они безчисленное множество разрушеній и обновленій.—Такъ, въ ту и другую сторону уклоняясь отъ истины, и здѣсь и тамъ находятъ себѣ новыя стези къ заблужденію!

Но намъ о раздѣленныхъ водахъ нужно сказать одно слово тѣмъ церковнымъ толковникамъ, которые, подъ видомъ примѣненія и возвышенныхъ размышленій, прибѣгли къ иносказаніямъ, утверждая, что подъ водами, въ переносномъ смыслѣ, разумѣются духовныя и безплотныя силы, и что вверху, надъ твердію, силы совершенныя, а внизу, въ мѣстахъ надземныхъ, наполненныхъ грубѣйшимъ веществомъ, удержались силы лукавыя (в). Посему-то, разсуждаютъ они, и воды, *яже превыше небесъ* (Псал. 148, 11.), хвалятъ Бога, то есть добрыя силы, но чистотѣ владычественнаго въ нихъ, достойны воздавать Творцу подобающую хвалу. А воды, которыя ниже небесъ, суть духи лукавые, съ естественной своей высоты ниспадшіе во глубину поврежденія; и они-то, какъ безпокойные и мятежные, волнуемые бурями страстей, именуются

(б) Іеронимъ, въ письмѣ 61, приписываетъ сіе мнѣніе Оригену.

моремъ , по удобоизмѣняемости и непостоянству движеній воли.

Отринувъ подобныя симъ ученія, какъ толкованіе сновъ и басни старыхъ женщинъ, мы подъ водою будемъ разумѣть воду, и раздѣленіе, произведенное твердію, будемъ принимать сообразно съ изложенною выше причиною. Хотя къ славословію общаго всѣхъ Владыки пріобщаются иногда и воды, *яже превыше небесъ;* однако же на семъ основаніи не признаемъ ихъ разумною природою. Ибо *небеса* неодушевленны , когда *повѣдаютъ славу Божію,* и *твердь* — не животное одаренное чувствомъ, когда *возвѣщаетъ твореніе руку Его* (Псал. 18, 1.). Если кто скажетъ, что небо означаетъ силы созерцательныя, и твердь—силы дѣятельныя, приводящія въ исполненіе, что̀ прилично; то принимаемъ сіе, какъ остроумное слово, но не согласимся вполнѣ, чтобы оно было истинно. Иначе и *роса,* и *слана,* и *студь,* и *зной,* которымъ у Даніила (3, 64--72.) повелѣвается хвалить Зиждителя всяческихъ, будутъ природы умныя и невидимыя. Напротивъ того, и въ сихъ твореніяхъ, людьми, имѣющими умъ, созерцательно постигнутый законъ служитъ восполненіемъ къ славословію Творца; ибо не только вода, которая выше небесъ, какъ удостоенная преимущественной чести по превосходству своихъ совершенствъ , приноситъ хвалу Богу, но сказано: *хвалите* Его, и яже *отъ земли: зміеве и вся бездны* (Псал. 148, 7.). Посему и бездна, которую иносказательно толкующіе причислили къ худшей части, и она у Псалмопѣвца не признана достойною отверженія , но

включена въ общее ликостояніе твари, и она, по вложеннымъ въ нее законамъ, стройно возноситъ пѣснопѣніе Творцу.

И видѣ Богъ, яко добро (Быт. 1, 8.). Созидаемое Богомъ не очамъ Божіимъ доставляетъ пріятность; и одобреніе красоты у Бога не таково, какъ у насъ. Для Него прекрасно то, что̀ совершено по закону искусства, и направлено къ благопотребному концу. Посему-то Предположившій явственную цѣль созидаемаго одобрялъ творимое по частямъ, сообразуясь съ Своими художническими законами, поколику оно служило къ достиженію конца. Когда рука лежитъ сама по себѣ, а глазъ особо, и каждый членъ статуи положенъ отдѣльно, тогда не для всякаго покажутся они прекрасными. А если все поставлено на своемъ мѣстѣ, то красота соразмѣрности, часто и съ перваго взгляда, усматривается даже невѣждою. Но художникъ и прежде сложенія знаетъ красоту каждой части, и хвалитъ ее отдѣльно, возводя мысль свою къ концу. Подобнымъ художникомъ, одобряющимъ каждое свое произведеніе порознь, изображается теперь и Богъ. Но Онъ воспишетъ приличную похвалу и цѣлому міру вмѣстѣ взятому, когда будетъ онъ совершенъ.

Симъ да прекратится у насъ слово о второмъ днѣ, чтобы трудолюбивымъ слушателямъ осталось времени изслѣдовать слышанное, и что̀ полезно, то удержать въ памяти, и посредствомъ тщательнаго размышленія, какъ бы посредствомъ нѣкотораго переваренія, пріуготовить къ изнесенію изъ себя служащаго на пользу, и чтобы снискиваю-

щимъ пропитаніе трудами имѣть досугъ кончить свои попеченія въ остающееся свободнымъ время и съ душею чистою отъ заботъ прійдти на вечерній пиръ слова.

Богъ же, создавшій великое и устроившій, чтобы сказано было сіе маловажное, да дастъ вамъ во всемъ разумѣніе истины Его, чтобы вы изъ видимаго познавали невидимое, изъ величія и красоты тварей собирали подобающее понятіе о Сотворшемъ насъ. *Невидимая бо Его отъ созданія міра твореньми помышляема видима суть, и присносущная сила Его и Божество* (Римл. 1, 20.). Да дастъ намъ и въ землѣ, и въ воздухѣ, и въ небѣ, и въ водѣ, и въ ночи и во днѣ, и во всемъ видимомъ собирать ясныя напоминанія о Благодѣтелѣ. Ибо не оставимъ ни какого времени грѣхамъ, не уступимъ мѣста врагу въ сердцахъ своихъ, если чрезъ непрестанное памятованіе будемъ вселять въ себѣ Бога, Которому всякая слава, и поклоненіе, нынѣ и всегда, и во вѣки вѣковъ, аминь.

БЕСѢДА 4.

О СОБРАНІИ ВОДЪ.

Есть города, въ которыхъ жители, съ глубокаго утра до самаго вечера, насыщаютъ взоры всякаго рода представленіями чудесниковъ, и сколько ни слушаютъ какихъ нибудь нескромныхъ и неблагочинныхъ пѣсенъ, отъ которыхъ въ душахъ необходимо заражается много безстыдства, однако не могутъ ихъ наслушаться. Даже многіе почитаютъ такихъ людей счастливыми, потому что они, оставивъ торговлю на рынкахъ или занятія искусствами необходимыми для жизни, въ праздности и забавахъ проводятъ опредѣленное имъ время жизни, не зная, что позорище, обильное нескромными зрѣлищами, для присутствующихъ на немъ, служитъ общимъ и народнымъ училищемъ распутства, и что самые стройные звуки свирѣлей и блудническія пѣсни, напечатлѣвшись въ душахъ слушателей, не къ иному чему побуждаютъ всѣхъ, какъ только къ безчинству, къ тому, чтобы подражать бряцаніямъ играющихъ на гусляхъ или на свирѣли. А страстные охотники до конскихъ ристалищъ и во

сиѣ состязуются о коняхъ, перепрягаютъ колесницы, перемѣняютъ возничихъ, и вообще даже въ сонныхъ мечтаніяхъ не покидаютъ дневнаго безумія. Итакъ мы ли, которыхъ Господь, великій Чудотворецъ и Художникъ, созвалъ теперь, чтобы явить намъ дѣла Свои, мы ли отяготимся созерцаніемъ, или облѣнимся выслушать словеса Духа? Не обступимъ ли, напротивъ того, сію великую и полную разнообразія Художническую храмину Божія созиданія, и, востекши каждый своею мыслію ко временамъ давнимъ, не будемъ ли разсматривать украшеніе вселенной? — Небо, по слову Пророка, поставленное *яко камара* (Исаіи 40, 22); землю, при безмѣрной ея величинѣ и тяжести, утвержденную на себѣ самой; воздухъ, разлитый, мягкій и по природѣ влажный, тварямъ дышащимъ доставляющій сродную имъ и всегдашнюю пищу, по мягкости своей уступающій тѣламъ движущимся и легко ими разсѣкаемый (такъ что нѣтъ отъ него ни какого препятствія проторгающимся сквозь него, и онъ всегда удобно передвигается и переливается назадъ разсѣкшихъ его тѣлъ), и естество воды, и питательной и на другія потребности приготовленной, также правильное ея собраніе въ опредѣленныя мѣста, — все сіе увидишь изъ прочтеннаго намъ недавно.

И рече Богъ: да соберется вода, яже подъ небесемъ, въ собраніе едино, и да явится суша: и бысть тако, и собрася вода, яже подъ небесемъ, въ собранія своя, и явися суша. И нарече Богъ сушу, землю: и собранія водъ нарече моря (Быт. I, 9. 10). Сколько представлялъ ты мнѣ затруд-

ненiй въ предъидущихъ бесѣдахъ, требуя причины, почему земля была невидима, когда во всякомъ тѣлѣ естественно есть цвѣтъ, а всякой цвѣтъ ощутителенъ для зрѣнія! И можетъ быть, тебѣ показалось неудовлетворительнымъ сказанное, что земля названа невидимою не по природѣ, но относительно къ намъ, по причинѣ загражденія водою, которая покрывала тогда всю землю. Вотъ слушай теперь, какъ Писаніе объясняетъ само себя. *Да соберутся воды, и да явится суша.* Снимаются завѣсы, чтобы открылась земля дотолѣ невидимая.

Но, можетъ быть, иный сверхъ сего спроситъ еще и о слѣдующемъ. Почему, во-первыхъ, принадлежащее водѣ по природѣ, то есть силу стремиться внизъ по скату, Писаніе приписываетъ повелѣнію Зиждителя? Ибо вода, доколѣ стоитъ на ровномъ мѣстѣ, неподвижна, потому что не куда ей течь; а какъ скоро встрѣтитъ какую либо покатость, по немедленномъ устремленіи передней части, на мѣсто ея вступаетъ непосредственно съ нею соединенная, а на мѣсто сей послѣдней – за нею слѣдующая; и такимъ образомъ непрестанно предшествующая часть убѣгаетъ, послѣдующая же гонитъ ее. И стремленіе сіе бываетъ тѣмъ быстрѣе, чѣмъ большую тяжесть имѣетъ падающая внизъ вода, и чѣмъ больше впадина, въ которую стокъ. Если же таково свойство воды; напрасно дано ей повелѣніе собраться *въ собраніе едино*. Ибо вода сама собою, по естественному стремленію внизъ, неизбѣжно должна была стекать туда, гдѣ была наибольшая впадина, и не прежде остановиться, какъ по сра-

вненіи поверхности. Ибо ничто не бываетъ такъ плоско, какъ поверхность воды. А во-вторыхъ, говорятъ: почему водамъ повелѣно собраться въ собраніе едино, когда видимъ многія моря, и притомъ отдѣленныя одно отъ другаго весьма большимъ пространствомъ?

На первый изъ сихъ вопросовъ отвѣтствуемъ, что тебѣ особенно извѣстны стали движенія воды послѣ повелѣнія Владыки. Теперь она вездѣ растекается, непостоянна, по природѣ стремится въ покатыя и вогнутыя мѣста; но какую силу имѣла она прежде, нежели, въ слѣдствіе сего повелѣнія, произошло въ ней такое стремленіе къ движенію, сего самъ ты не знаешь, и не могъ слышать отъ какого либо очевидца. Разсуди же, что глаголъ Божій творитъ самое естество, и повелѣніе, данное тогда твари, опредѣлило порядокъ сотвореннаго и на послѣдующее время. День и ночь созданы однажды, но съ тѣхъ поръ и до нынѣ не престаютъ попеременно слѣдовать другъ за другомъ и дѣлить время на равныя части.

Да соберутся воды. Водному естеству повелѣно течь, и по сему повелѣнію, непрестанно поспѣшая, оно никогда не утомляется. Говорю же сіе, имѣя въ виду текущую часть водъ. Ибо иныя воды сами собою текутъ, напримѣръ родниковыя и рѣчныя, а другія собраны въ одно мѣсто и не проточны. Теперь же у меня слово о водахъ движущихся.

Да соберутся воды въ собраніе едино. Тебѣ, стоявшему при родникѣ, дающемъ обильную воду, не приходила ли когда либо мысль спросить: кто

гонитъ эту воду изъ нѣдръ земли? кто заставляетъ ее спѣшить впередъ? Каковы хранилища, изъ которыхъ она выходитъ? Что за мѣсто, куда она поспѣшаетъ? Почему и хранилища не оскудѣваютъ, и мѣсто стоковъ не наполняется?—Все сіе зависитъ отъ перваго Божія глагола. Имъ дана водѣ сила течь. При всякомъ повѣствованіи о водахъ, помни этотъ первый глаголъ: *да соберутся воды.* Имъ надлежало течь, чтобы занять свойственное имъ мѣсто, а потомъ, достигнувъ опредѣленныхъ мѣстъ, оставаться въ своемъ положеніи и далѣе не поступать. Посему-то, какъ говоритъ Екклесіастъ, *вси потоцы идутъ въ море, и море нѣсть насыщаемо* (1, 7.); ибо если воды текутъ, то сіе по Божію повелѣнію; и если море заключено внутри своихъ предѣловъ, то сіе есть слѣдствіе перваго законоположенія.

Да соберутся воды въ собраніе едино. Чтобы текучая вода, выливаясь изъ мѣстъ, принявшихъ ее въ себя, непрестанно переходя далѣе и далѣе и наполняя одно мѣсто за другимъ, не потопила постепенно всей твердой земли, повелѣно ей собраться въ собраніе едино. Посему-то море, не рѣдко приводимое въ ярость вѣтрами и на весьма большую высоту воздымающее волны, какъ скоро коснется береговъ, отступаетъ назадъ, истощивъ свою стремительность въ одну пѣну. *Мене ли не убоитеся, рече Господь, Иже положихъ песокъ предѣлъ морю* (Іер. 5, 22.)? Пескомъ, который слабѣе всего, обуздывается невыносимое насиліе моря. Ибо что̀ воспрепятствовало бы Чермному морю наводнить собою весь Египетъ, который, въ

сравненіи съ нимъ, составляетъ впадину, и соединиться съ моремъ, прилежащимъ къ Египту, если бы оно не было связано повелѣніемъ Создателя? А что Египетъ ниже Чермнаго моря, въ этомъ самымъ дѣломъ увѣрили хотѣвшіе соединить между собою сіи моря—Египетское и Индійское, на которомъ и Чермное. По сей-то причинѣ отказались отъ своего предпріятія—и Египтянинъ Сезострисъ, который первый началъ дѣло, и Дарій Мидъ, который хотѣлъ его докончить (а). Это сказано мною, чтобы уразумѣть намъ силу повелѣнія: *да соберутся воды въ собраніе едино:* то есть, послѣ сего собранія не должно быть другаго, но въ первомъ собраніи будетъ оставаться собранное.

Потомъ Повелѣвшій водамъ собраться *въ собраніе едино* показалъ тебѣ, что были многія воды, раздѣленныя по многимъ мѣстамъ. Ибо и впадины въ горахъ, изрытыя глубокими оврагами, имѣли въ себѣ собраніе водъ. А также многія покатыя равнины, не уступающія пространствомъ самымъ великимъ морямъ, безчисленное множество долинъ и лощины, образующія всякаго рода впадины, которыя всѣ были тогда наполнены водами, вдругъ опустѣли по Божественному повелѣнію, какъ скоро вода устремилась отвсюду въ собраніе едино. И никто не говори, что ежели вода была выше

(а) Аристотель, въ своей Метеорологіи кн. 1. гл. 14., говоритъ, что Сезострисъ первый изъ древнихъ предпринялъ соединить сіи моря, но нашелъ, что море выше земли. Это же въ послѣдствіи заставило и Дарія прекратить работы.

земли, то по необходимости и всѣ впадины, которыя теперь вмѣстили въ себя море, были уже наполнены водою. А слѣдовательно, не куда было и собраться водамъ, по предварительномъ занятіи водою сихъ впадинъ. На сіе скажемъ, что въ то же время, когда водѣ надлежало отдѣлиться въ одинъ составъ, пріуготовлены были и вмѣстилища. Ибо не было еще моря за Гадесомъ, а также и того великаго и страшнаго для плавателей, которое омываетъ Британскій островъ и западныхъ Иберіянъ: но тогда, по повелѣнію Божію, устроилось обширное вмѣстилище, и въ него стекло множество водъ.

А на возраженіе, будто бы ученіе о нашемъ міротвореніи противорѣчитъ опыту (ибо, по видимому, не въ одно собраніе водъ стеклась вся вода), можно сказать многое, и это само по себѣ извѣстно всякому. Да едва ли и не смѣшно препираться съ дѣлающими подобныя возраженія. Неужели они укажутъ намъ на болотныя и отъ дождей собирающіяся воды, и будутъ думать, что симъ опровергли наше ученіе? Но Творецъ наименовалъ собраніемъ единымъ самое великое и полное сборище водъ. Ибо и колодцы дѣлаются рукотворенными собраніями водъ, когда въ углубленіе земли стекаетъ разсѣянная влага. Посему, словомъ: собраніе, означается не какое либо стеченіе водъ, но преимущественное и наибольшее, въ которомъ оказывается собранною цѣлая стихія. Ибо какъ огонь, и раздробленъ на мелкія части для здѣшнихъ потребъ, и въ совокупности разлитъ въ эѳирѣ, и какъ воздухъ, и раздѣленъ но малымъ

долямъ, и совокупно занялъ все надземное пространство; такъ должно разумѣть и о водѣ. Хотя есть отдѣльныя небольшія собранія водъ, но собраніе, отдѣляющее цѣлую стихію отъ прочихъ стихій, только одно. Ибо и озера, какія находятся въ странахъ сѣверныхъ, на предѣлахъ Греціи, въ Македоніи, Виѳиніи и Палестинѣ, конечно, суть собранія: но теперь у насъ слово о собраніи изъ всѣхъ наибольшемъ и по величинѣ равняющемся землѣ. Никто не споритъ, что въ сихъ озерахъ много воды; но никто, однако же, не назоветъ ихъ, въ подлинномъ смыслѣ, морями, не смотря на то, что нѣкоторыя, подобно великому морю, содержатъ въ себѣ множество соли и земляныхъ частицъ, какъ напр. Асфалтовое озеро въ Іудеи, и Сирбоново между Египтомъ и Палестиною, простирающееся въ Аравійскую пустыню. Это озера, а море одно, какъ повѣствуютъ путешествовавшіе вокругъ земли. Хотя нѣкоторые полагаютъ, что моря Гирканское и Каспійское заключены въ особыхъ предѣлахъ: но если сколько нибудь достойны вниманія землеописанія повѣствователей; то и сіи моря имѣютъ между собою сообщенія, и всѣ вмѣстѣ впадаютъ въ великое море, какъ и о Чермномъ морѣ говорятъ, что оно соединяется съ моремъ, лежащимъ позади Гадеса (б).

(б) Здѣсь разумѣется соединеніе Индійскаго или Южнаго Океана съ Океаномъ Атлантическимъ, которое во времена Св. Василія, по неизвѣстности южныхъ странъ Африки, не было еще ясно доказано, а подлежало догадкамъ.

Но скажутъ: почему же Богъ собранія водъ называлъ морями? — Потому что, хотя воды стеклись въ собраніе едино, однако же и сборища водъ, то есть заливы, которые имѣютъ особенный видъ свой, будучи заключены окружающею землю, Господь наименовалъ морями. Есть море Сѣверное, море Южное, море Восточное и также и Западное. Морямъ даются и собственныя имена: Евксинскій Понтъ, Пропонтида, Геллеспонтъ; моря: Егейское, Іоническое, Сардійское, также Сицилійское и Тирренское. И имена морей безчисленны, такъ что теперь перечислять ихъ подробно было бы долго и неприлично. Посему-то Богъ собранія водъ называлъ морями. Но хотя уже къ этому привела насъ связь рѣчи, однако же возвратимся къ началу.

И рече Богъ: да соберется вода въ собраніе едино, и да явится суша. Не сказалъ: да явится земля, чтобы не показать ее еще неустроенною, грязною, смѣшанною съ водою, не получившею свойственнаго ей образа и надлежащей силы; а вмѣстѣ, чтобы причину осушенія земли не приписали мы солнцу, Создатель произвелъ сухость земли до сотворенія солнца. Вникни же въ смыслъ написаннаго; не только излишекъ водъ стекъ съ земли, но даже вода, смѣшанная съ землею во глубинѣ, вышла изъ нея, повинуясь непреложному повелѣнію Владыки.

И бысть тако. Сія прибавка достаточно показываетъ, что слово Создателя пришло въ исполненіе. Но во многихъ спискахъ присовокупляется: *и собрася вода, яже подъ небесемъ, въ собранія своя, и явися суша,* — каковыхъ словъ не передали прочіе

толковники, да, кажется, и у Евреевъ они не читаются. Ибо, дѣйствительно, по засвидѣтельствованіи, что *бысть тако*, излишне повѣствованіе опять о томъ же. Почему въ исправныхъ спискахъ слова сіи отмѣчены чертами; а такая черта служитъ знакомъ исключенія.

И нарече Богъ сушу, землю; и собранія водъ нарече моря. Почему, какъ выше сказано: *да соберется вода въ собраніе едино, и да явится суша:* а не написано: *и да явится земля;* такъ и здѣсь опять: *да явится суша; и нарече Богъ сушу, землю?* — Потому что суша есть свойство, служащее какъ бы отличительнымъ признакомъ природы предмета, а земля есть голое наименованіе сего предмета. Какъ разумность есть свойство человѣка, а слово: человѣкъ, означаетъ самое животное, въ которомъ есть сіе свойство: такъ сухость есть свойство земли, и свойство преимущественное. Итакъ въ чемъ собственно есть сухость, то названо землею, подобно какъ то, чему собственно принадлежитъ способность ржать, названо конемъ.

И сіе имѣетъ мѣсто не въ одной только землѣ, но и каждая изъ прочихъ стихій имѣетъ свойственное себѣ и исключительное качество, по которому отличается отъ прочихъ стихій, и сама въ себѣ познается, какова она. Вода собственнымъ своимъ качествомъ имѣетъ холодность, воздухъ — влажность, огонь — теплоту. Впрочемъ и земля, и вода, и воздухъ, и огонь, только какъ первыя стихіи сложныхъ вещей, представляются разуму съ поименованными качествами; а когда они сопоставлены въ тѣлѣ и подлежатъ чувствамъ, тогда

имѣютъ уже сопряженныя качества; и ничто видимое и чувствамъ подлежащее не бываетъ въ отрѣшенномъ смыслѣ одиноко, или просто, или чисто; напротивъ того, земля суха и холодна, вода влажна и холодна, воздухъ тепелъ и влаженъ, а огонь тепелъ и сухъ. Такимъ образомъ, въ слѣдствіе сопряженнаго качества, происходитъ въ стихіяхъ возможность смѣшиваться каждой съ каждою; ибо каждая стихія, въ слѣдствіе общаго качества, срастворяется съ смежною къ ней стихіею, а въ слѣдствіе общенія въ сродномъ, соединяется и съ противоположною. Напримѣръ земля, будучи суха и холодна, соединяется съ водою по сродству холодности, а чрезъ воду соединяется съ воздухомъ потому что вода, поставленная въ срединѣ между землею и воздухомъ, каждымъ изъ своихъ качествъ, какъ бы наложеніемъ двухъ рукъ, соприкасается къ той и другой изъ прилежащихъ къ ней стихій,—холодностію къ землѣ, а влажностію къ воздуху. Опять, воздухъ чрезъ посредство свое дѣлается примирителемъ враждебныхъ природъ воды и огня, вступая въ единеніе посредствомъ влажности—съ водою, а посредствомъ теплоты—съ огнемъ. А огонь, будучи по природѣ тепелъ и сухъ, посредствомъ теплоты соединяется съ воздухомъ, а посредствомъ сухости входитъ опять въ общеніе съ землею. И такимъ образомъ составляется кругъ и стройный ликъ, по причинѣ взаимнаго согласія и соотвѣтствія всѣхъ стихій. Почему весьма прилично дано имъ и названіе стихій (в).

(в) Отъ *στείχω*, чинно иду.

Это сказалъ я, чтобы представить причину, почему Богъ землю назвалъ сушею, а не сушу нарекъ землею. Именно, сухость есть нѣчто не въ послѣдствіи приданное землѣ, но съ самаго начала восполнявшее ея сущность. А что служитъ одинаковою причиною бытія, то по природѣ первоначальнѣе и предпочтительнѣе привзошедшаго послѣ. Посему справедливо измышлены признаки, заимствованные отъ предсуществовавшаго и старѣйшаго.

И видѣ Богъ, яко добро. Писаніе показываетъ не то, что Богу открылся какой-то пріятный видъ моря. Ибо Творецъ не очами разсматриваетъ красоту тварей, но съ неизреченною премудростію созерцаетъ происходящее. Усладительно, правда, зрѣлище—море бѣлѣющееся, когда царствуетъ на немъ постоянная тишина; усладительно также, когда хребетъ его, зыблемый тихими вѣтрами, представляется зрителямъ въ пурпуровомъ или лазурномъ цвѣтѣ, когда оно не ударяетъ сильно въ смежную сушу, но какъ бы лобзаетъ ее въ мирныхъ объятіяхъ: однако не должно думать, чтобы, по словамъ Писанія, и Богу въ такомъ же смыслѣ казалось море прекраснымъ и пріятнымъ; напротивъ того, въ Писаніи красота опредѣляется относительно къ міозданію.

Во-первыхъ, морская вода служитъ источникомъ всей земной влаги. Ибо она разсѣяна по неприметнымъ скважинамъ, какъ доказываютъ рыхлыя мѣста и пещеры въ твердой землѣ, въ которыя проникаетъ текучая морская вода. И когда бываетъ она заперта въ кривыхъ и не прямо идущихъ

проходахъ; тогда, гонимая движущимъ ее духомъ, стремится наружу, проторгая поверхность, и дѣлается годною къ питію, чрезъ процѣживаніе теряя горечь. Когда же, во время перехожденія, заимствуетъ у металловъ качество теплоты; тогда, по таковой же причинѣ, заключающейся въ движущемъ духѣ, дѣлается она часто кипящею, даже огненною; что̀ можно видѣть на многихъ островахъ и во многихъ приморскихъ странахъ. А если сравнивать малое съ великимъ, иногда и въ срединѣ материка нѣкоторыя мѣста, смежныя съ рѣчными водами, терпятъ почти то же самое. Къ чему же сказалъ я это? Къ тому, что вся земля имѣетъ въ себѣ множество проходовъ, и чрезъ непримѣтныя скважины изъ началъ моря расходится по ней вода.

Итакъ море прекрасно предъ Богомъ, потому что влага изъ него идетъ по земнымъ глубинамъ; оно прекрасно также и потому, что служитъ пріемникомъ рѣкъ, принимаетъ въ себя отвсюду потоки, и не выступаетъ изъ своихъ предѣловъ. Прекрасно и потому, что служитъ началомъ и источникомъ воздушныхъ водъ, когда нагрѣвается лучами солнечными, и отлагаетъ отъ себя, посредствомъ испаренія, тонкія частицы воды, которыя, будучи привлечены въ горнее пространство, и потомъ охлаждены, какъ возвысившіяся далѣе, нежели куда простираются лучи отражаемые земною поверхностію, при возрастающемъ холодѣ, также и отъ тѣни облаковъ, дѣлаются дождемъ и утучняютъ землю. И въ этомъ, конечно, никто не усомнится, если представитъ себѣ поставленные на огонь

котлы, которые, будучи наполнены влагою, нерѣдко дѣлаются пустыми, потому что все варимое въ нихъ разрѣшилось въ пары. Можно еще видѣть, какъ мореплаватели варятъ самую морскую воду, и собирая пары губками, въ случаѣ нужды, удовлетворяютъ нѣсколько своей потребности. Но море прекрасно предъ Богомъ и въ другомъ отношеніи, потому что ограничиваетъ собою острова, и служитъ имъ вмѣстѣ и украшеніемъ и огражденіемъ; а еще и потому, что приводитъ собою въ связь самыя отдаленныя другъ отъ друга части твердой земли, доставляя безпрепятственное сообщеніе мореплавателямъ, чрезъ которыхъ снабжаетъ насъ свѣдѣніями о неизвѣстномъ, обогащаетъ купцовъ, удобно удовлетворяетъ нашимъ жизненнымъ потребностямъ, доставляетъ возможность изобилующимъ сбывать излишнее, а нуждающимся вознаграждать свои недостатки.

Но какимъ образомъ могу во всей подробности разсмотрѣть красоту моря, въ какой явилось оно очамъ Творца? Если море прекрасно и достойно похвалы предъ Богомъ; то не гораздо ли прекраснѣе собраніе такой Церкви, въ которой, подобно волнѣ ударяющейся въ берегъ, совокупный гласъ мужей, женъ и младенцевъ возсылается къ Богу въ нашихъ къ Нему молитвахъ? Глубокая тишина хранитъ ее незыблемою, потому что лукавые духи не возмогли возмутить ее еретическими ученіями. Будьте же достойны благословенія Господня, соблюдъ, сколько возможно, благолѣпнѣе сіе благочиніе, о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА 5.

О ПРОЗЯБЕНІЯХЪ ЗЕМЛИ.

И рече Богъ: да прораститъ земля быліе травное, сѣющее сѣмя по роду, и древо плодовитое творящее плодъ по роду, емуже сѣмя его въ немъ (Быт. 1, 11.). Послѣ того какъ земля, сложивъ съ себя бремя воды, успокоилась, весьма прилично ей дано повелѣніе произращать сперва траву, потомъ дерева, что, какъ видимъ, совершается еще и нынѣ. Ибо тогдашній глаголъ и первое оное повелѣніе сдѣлались какъ бы естественнымъ нѣкоторымъ закономъ и остались въ землѣ и на послѣдующія времена, сообщая ей силу раждать и приносить плоды.

Да прораститъ земля. Въ происхожденіи растеній первое есть появленіе ростка; потомъ, когда ростки нѣсколько поднимутся, является *быліе* (а); а потомъ, увеличиваясь, оно дѣлается травою, при постепенномъ развитіи растенія и приближеніи его къ совершенству, то есть къ осѣмене-

(а) Зелень.

нію. Ибо зеленѣніе и созрѣваніе во всѣхъ одинаково.

Да прорастить земля быліе травное. Земля сама собою должна произвести прозябеніе, не имѣя нужды ни въ какомъ постороннемъ содѣйствіи. Поелику нѣкоторые думаютъ, что причина произрастающаго изъ земли въ солнцѣ, которое притяженіемъ теплоты извлекаетъ на поверхность земли таящуюся въ глубинѣ силу; то земля украшается прежде солнца, чтобы заблуждающіе перестали покланяться солнцу, и признавать, будто оно даетъ причину жизни. Посему, если убѣдятся, что вся земля украшена до сотворенія солнца, то уменьшатъ безмѣрное къ нему удивленіе, разсудивъ, что оно по бытію позднѣе травы и зелени.

Но когда заготовлена была пища скотамъ; неужели мы одни оказались недостойными какого либо промышленія? Напротивъ того, Заготовившій кормъ воламъ и конямъ наипаче пріуготовляетъ богатство и наслажденіе для тебя. Ибо Питающій твой скотъ умножаетъ тѣмъ твои жизненные запасы. Притомъ, самое произведеніе сѣменъ—что иное, какъ не запасъ для твоего продовольствія? Сверхъ того, многія травы и зелія сами по себѣ служатъ пищею людямъ.

Сказано: *да прорастить земля быліе травное, сѣющее сѣмя по роду.* Посему, хотя иной родъ былій полезенъ другимъ, но ихъ польза возвращается къ намъ, и намъ предоставлено употребленіе сѣменъ. Почему смыслъ сказаннаго таковъ: *да прорастить земля быліе травное, и сѣмя сѣющее по роду.* Ибо такимъ образомъ можно будетъ

возстановить порядокъ рѣчи, въ которой теперь сочиненіе словъ представляется нестройнымъ; и тогда соблюдется необходимая послѣдовательность въ томъ, что̀ производитъ природа. Ибо сначала ростокъ, потомъ зелень, потомъ возрастаніе травы, потомъ совершеніе возращеннаго чрезъ сѣмя.

Скажутъ: какъ же Писаніе представляетъ, что все произрастающее изъ земли осѣменено, когда ни тростникъ, ни полевица, ни мята, ни шафранъ, ни чеснокъ, ни бутомъ, ни другіе безчисленные роды растеній, по видимому, не производятъ сѣмени? На сіе отвѣтимъ, что многія изъ земныхъ произрастеній въ нижней своей части и корнѣ имѣютъ силу сѣмени. Напр. тростникъ, по однолѣтнемъ ростѣ, пускаетъ отъ корня нѣкоторый отпрыскъ, и онъ на будущее время заступаетъ мѣсто сѣмени. То же дѣлаютъ и другія безчисленныя растенія, которыя, будучи разсѣяны по землѣ, силу продолжать свой родъ содержатъ въ корняхъ. Итакъ всего несомнѣннѣе, что въ каждомъ растеніи или есть сѣмя, или скрывается нѣкоторая сѣменная сила. И это значитъ слово: *по роду*. Ибо отпрыскъ тростника не производитъ маслины, а напротивъ того, отъ тростника бываетъ другой тростникъ, и изъ посѣянныхъ сѣменъ произрастаетъ сродное имъ. И такимъ образомъ, что̀ при первомъ сотвореніи изникло изъ земли, то соблюдается и донынѣ, чрезъ сохраненіе рода послѣдовательностію преемства.

Да прораститъ земля. Представь себѣ, что, по малому реченію и по столь краткому повелѣнію, холодная и безплодная земля вдругъ приближает-

ся ко времени рожденія, подвигнута къ плодородію, и, какъ бы сбросивъ съ себя печальную и горестную одежду, облекается въ свѣтлую ризу, веселится своимъ убранствомъ, и производитъ на свѣтъ тысячи родовъ растеній.

Мнѣ желательно тверже укоренить въ тебѣ удивленіе къ твари, чтобы ты, гдѣ ни находишься, и какой родъ растеній ни встрѣчаешь, всегда возобновлялъ въ себѣ ясное воспоминаніе о Творцѣ. Посему, во-первыхъ, когда видишь на травѣ зелень и цвѣтъ, приведи себѣ на мысль человѣческое естество, припоминая изображеніе мудраго Исаіи: *всяка плоть яко сѣно, и всяка слава человѣча яко цвѣтъ травный* (Исаіи 40, 6.). Кратковременность жизни, непродолжительность радостей и веселій человѣческаго благоденствія нашли себѣ у Пророка самое приличное уподобленіе. Сегодня цвѣтетъ тѣлесно, утученъ отъ наслажденій, сообразно съ цвѣтущимъ возрастомъ имѣетъ свѣжую доброцвѣтность, бодръ, развязенъ, неудержимъ въ стремленіи; а на утро онъ же самый жалокъ, или увянувъ отъ времени, или ослабѣвъ отъ болѣзни. Иной обращаетъ на себя взоры изобиліемъ богатства; вокругъ его множество льстецовъ, сопровожденіе притворныхъ друзей, уловляющихъ его благосклонность; множество сродниковъ, которые носятъ на себѣ личину; многочисленный рой слугъ, то заботящихся объ его пищѣ, то исполняющихъ другія его потребности, которыхъ влачитъ онъ за собою, выходя изъ дому и возвращаясь домой, и тѣмъ возбуждаетъ зависть встрѣчающихся. Присовокупи къ богатству какую

либо гражданскую власть, или почести отъ царей, или управленіе народомъ, или начальство надъ войскомъ, провозвѣстника, который громко взываетъ передъ нимъ, жезлоносцевъ, которые здѣсь и тамъ вселяютъ въ подначальныхъ сильный ужасъ, побои, описаніе имущества, взятіе подъ стражу, темницы, что все увеличиваетъ въ подчиненныхъ нестерпимый страхъ. И что же послѣ сего? Одна ночь, или горячка, или боль въ боку, или воспаленіе легкихъ, похитивъ сего человѣка изъ среды людей, сводятъ съ позорища, и мѣсто его дѣйствія вдругъ дѣлается опустѣвшимъ, и эта слава оказывается ничѣмъ, какъ сновидѣніе. Посему-то составилось у Пророка уподобленіе человѣческой славы самому слабому цвѣтку.

Да прорастить земля быліе травное, сѣющее сѣмя по роду и по подобію. И теперь еще порядокъ растительности свидѣтельствуетъ о первобытномъ постановленіи. Ибо всякой зелени и травѣ предшествуетъ появленіе ростка. Выходитъ ли что отъ корня изъ подземнаго отростка, какъ напр. шафранъ и полевица, оно должно сперва дать ростокъ и взойдти наружу; вырастаетъ ли что отъ сѣмени, и въ семъ случаѣ необходимо быть сперва ростку, потомъ зелени, потомъ зеленѣющей травѣ, а потомъ плоду, ботѣющему уже на сухомъ и дебеломъ стеблѣ.

Да прорастить земля быліе травное. Когда сѣмя упадетъ въ землю, которая имѣетъ въ себѣ соразмѣрную влажность и теплоту, тогда оно, разбухнувъ, сдѣлавшись многоскважинымъ, и объ-

емлемое близъ лежащею землею, привлекаетъ къ себѣ, что̀ ему свойственно и сродно. Самыя же тонкія частицы земли, приставая къ скважинамъ и входя въ нихъ, расширяютъ объемъ сѣмени; отчего оно пускаетъ внизъ корни и идетъ вверхъ, давая изъ себя стебли, по числу корней. А при постоянномъ согрѣваніи ростка, привлекаемая корнями влага, притяженіемъ теплоты, извлекаетъ изъ земли сколько нужно питательнаго, и раздѣляетъ это стеблю, кожѣ, влагалищамъ зеренъ, самымъ зернамъ и колосьямъ. Такимъ образомъ, при постепенномъ возрастаніи, каждое растеніе приходитъ въ свойственную ему мѣру, будетъ ли оно изъ рода хлѣбныхъ, или бобовыхъ, или овощныхъ, или растущихъ кустарникомъ.

Одна травка, или одна былинка достаточна занять всю мысль твою разсмотрѣніемъ искусства, съ какимъ она произведена, какъ напр. стебель пшеницы опоясывается колѣнцами, чтобы они, подобно связкамъ, удобно поддерживали тяжесть колосьевъ, когда исполненные плодами клонятся къ землѣ. Посему стебель у овса совершенно пустъ; такъ какъ вершина его ничѣмъ не обременена; и стебель пшеницы природа защитила такими связками, зерно же заключила во влагалищѣ, чтобы не могло быть похищено птицами, и длинными остями, подобными игламъ, предотвратила вредъ отъ мелкихъ животныхъ. Что̀ мнѣ сказать? и о чемъ умолчать? Въ богатыхъ сокровищницахъ творенія трудно найдти предпочтительное прочему, а если оставимъ что безъ вниманія, уронъ будетъ несносенъ.

Да прорастить земля быліе травное. Вмѣстѣ съ питательнымъ произрасло и вредное; вмѣстѣ съ пшеницею и болиголовъ, и вмѣстѣ съ другими питательными растеніями — чемерица, борецъ, мандрагора и маковый сокъ. Итакъ что же? Ужели откажемся приносить благодареніе за полезное, и станемъ обвинять Создателя за разрушительное для нашей жизни? А не разсудимъ того, что не все создано для нашего чрева? Напротивъ того, какъ назначенное намъ въ пищу у насъ подъ руками и всякому извѣстно; такъ каждая сотворенная вещь въ цѣломъ твореніи выполняетъ какой нибудь свой особенный законъ. Поелику воловья кровь для тебя ядъ, то ужели по сему самому надлежало или не творить сего животнаго, или сотворить вола безкровнымъ, хотя сила его для столькихъ потребъ нужна намъ въ жизни? Но тебѣ довольно живущаго въ тебѣ разума, чтобы предохранить себя отъ вреднаго. Если овцы и козы умѣютъ избѣгать злотворнаго для ихъ жизни, посредствомъ одного чувства различая вредное, то скажи мнѣ, ужели трудно уклониться отъ ядоноснаго тебѣ, у котораго есть и разумъ, и врачебная наука, указывающая полезное, и опытъ предшественниковъ, внушающій убѣгать вреднаго? Но и изъ сего ничто не сотворено напрасно и безъ пользы. Ибо оно или служитъ пищею какому либо животному, или съ помощію врачебной науки открывается годнымъ для насъ самихъ, служа къ облегченію какихъ нибудь недуговъ. Скворцы питаются болиголовомъ, и по устройству своего тѣла не терпятъ вреда отъ яда; имѣя въ сердцѣ

тонкія скважины, они, кажется, переваривають поглощенное, прежде нежели производимое имъ охлажденіе коснется главныхъ членовъ. Чемерица служитъ пищею перепеламъ, и они по своему сложенію остаются невредимыми. Но сіи же самыя растенія и намъ иногда бываютъ полезны. Мандрагорою врачи наводятъ сонъ, и опіумомъ успокоиваютъ жестокія боли въ тѣлѣ. А нѣкоторые болиголовомъ усмиряли ярость вожделѣній, чемерицею же искореняли многія застарѣлыя болѣзни. Посему, за что думалъ ты обвинять Творца, то самое обратилось для тебя въ побужденіе къ большей благодарности.

Да прораститъ земля быліе травное. Сколько разумѣетъ подъ симъ Писаніе снѣдей, которыя сами собою готовы для насъ то въ корняхъ, то въ зелени, то уже въ плодахъ! Сколько еще снѣдей, которыя присоединяются нашимъ трудомъ и земледѣліемъ! Богъ повелѣлъ землѣ не вдругъ произвести сѣмя и плодъ, но сперва дать ростки и зелень, а потомъ уже закончить сѣменемъ, чтобы первое повелѣніе служило природѣ урокомъ къ соблюденію порядка на послѣдующее время. Говорятъ: какъ же земля приноситъ сѣмена по роду, а между тѣмъ часто, посѣявъ пшеницу, собираемъ черное пшеничное зерно (б)? Но это не измѣненіе въ другой родъ, а какъ бы недугъ и болѣзнь сѣмени. Здѣсь пшеница не перестала быть

(б) *Μέλανα πυρόν;* это пшеница, родящаяся собственно въ Сициліи, но также вырождающаяся и изъ обыкновенной пшеницы, въ употребленіи безвредная.

пшеницею, но почернѣла отъ обожженія, какъ можно видѣть изъ самаго названія. Загорѣвъ отъ чрезмѣрной стужи, она приняла другой цвѣтъ и вкусъ. Но сказываютъ, что она и опять, если будетъ имѣть пригодную землю и благорастворенный воздухъ, обращается въ первоначальный видъ. Посему ничего не найдешь въ растеніяхъ, что̀ совершилось бы вопреки сему повелѣнію. А такъ называемый куколь и всѣ другія вносныя сѣмена, какія только примѣшиваются къ употребляемымъ въ пищу и въ Писаніи обыкновенно называются плевелами, происходятъ не чрезъ измѣненіе пшеницы, но имѣютъ собственное свое начало, и составляютъ свой особенный родъ. Они изображаютъ собою тѣхъ, которые искажаютъ ученіе Господне, не изучили Писанія, какъ должно, и повреждены ученіемъ лукаваго, но присоединяются къ здравому тѣлу Церкви, чтобы непримѣтно сообщить свое поврежденіе не зараженнымъ. Но Господь и усовершеніе увѣровавшихъ въ Него уподобляетъ возрастанію сѣменъ, говоря: *яко* (егда) *человѣкъ вметаетъ сѣмя въ землю, и спитъ, и востаетъ нощію и днію, и сѣмя прозябаетъ и растетъ, якоже не вѣсть онъ. Отъ себе бо земля плодитъ прежде траву, потомъ класъ, таже исполняетъ пшеницу въ класѣ* (Марк. 4, 26 – 28.).

Да прорастить земля быліе. И земля, соблюдая законы Создателя, начавъ съ ростка, въ краткое мгновеніе времени прошла всѣ виды возрастанія, и тотчасъ довела прозябенія до совершенства. Луга наполнились изобильною травою; плодоносныя равнины, воздымаясь отъ жатвъ, въ колебаніи

класовъ, сохранили подобіе волнующагося моря. Всякая зелень и всякій родъ овощей, все, что̀ растетъ кустарникомъ, и что̀ приноситъ стручковые плоды, во всемъ изобиліи явились тогда на землѣ. Ибо ничто тогда не останавливало произрастанія; неопытность земледѣльцевъ, неблагорастворенность воздуха и какая либо другая причина не дѣлали вреда изникнувшему. Осужденіе еще не препятствовало плодородію земли: все сіе было прежде грѣха, за который осуждены мы въ потѣ лица своего ѣсть хлѣбъ.

Но сказано: *и древо плодовитое, творящее плодъ, емуже сѣмя его въ немъ по роду и по подобію на земли.* По сему глаголу сгустились кустарники, выбѣжали изъ земли всѣ деревья, обыкновенно достигающія чрезвычайной высоты,—ели, кедры, кипарисы, певги; всѣ мелкія дерева сдѣлались вдругъ вѣтвистыми и густыми; явились употребляемыя для вѣнцовъ растенія — розы, мирты и лавры. Ничего этого прежде не было на землѣ, и все въ одно мгновеніе времени пришло въ бытіе, съ принадлежащимъ каждому свойствомъ, самыми явными разностями отличенное отъ растеній инородныхъ, и узнаваемое по свойственному для каждаго признаку. Но роза была тогда безъ шиповъ; въ послѣдствіи уже къ красотѣ цвѣта присоединены тернія, чтобы неподалеку отъ пріятности наслажденія имѣли мы и готовую скорбь, воспоминая о грѣхѣ, за который земля осуждена возращать намъ *тернія и волчцы* (Быт. 3, 18.).

Но скажутъ: повелѣно землѣ произрастить *древо плодовитое, творящее плодъ на земли, емуже*

сѣмя его въ немъ ; а между тѣмъ видимъ, что многія деревья не имѣютъ ни плодовъ, ни сѣменъ. Что̀ отвѣтить на сіе? То, что здѣсь упомянуты преимущественно растенія предпочтительнѣйшія по природѣ; а сверхъ того, при тщательномъ разсмотрѣніи окажется, что всѣ растенія имѣютъ или сѣмя, или нѣчто равносильное сѣмени. Ибо осокори, ивы, ильмы, тополи и другія имъ подобныя деревья, по видимому, не приносятъ явно плода, но тщательный испытатель найдетъ, что каждое изъ нихъ имѣетъ сѣмя. Ибо лежащее подъ листомъ зерно, которое умѣющіе давать всему свои имена называютъ *μίσχος* (в), имѣетъ силу сѣмени. Дерева же, которыя обыкновенно разводятся отъ вѣтвей, пускаютъ отъ нихъ во множествѣ корни. А можетъ быть значеніе сѣмени имѣютъ и отростки корней, чрезъ отнятіе которыхъ садовники размножаютъ родъ. Но во-первыхъ, какъ сказано, удостоены упоминанія тѣ дерева, которыя наипаче поддерживаютъ жизнь нашу, и которыя должны были, снабжая человѣка своими плодами, уготовлять ему обильную пищу. Таковъ виноградъ производящій вино, которое должно *веселить сердце человѣка*. Такова олива, доставляющая плодъ, который можетъ *умастити лице елеемъ* (Псал. 103, 15.).

Сколько стеклось вмѣстѣ производимаго природою съ такою поспѣшностію! Корень виноградной

(в) У Гезихія читаемъ слѣдующее объясненіе сему слову: *Μίσχος*: такъ называютъ то, чѣмъ примыкается къ растенію или плодъ, или листъ. *Μίσχος*, зерно на листѣ.

лозы, зеленѣющія и большія вѣтви, кругами раскидывающіяся по землѣ, зародышъ, завиваніе лозы, зеленыя ягоды, спѣлые грозды! Достаточно для тебя одного взора, и разумный взглядъ на виноградную лозу внушитъ тебѣ, о чемъ напоминаетъ природа. Ибо помнишь, конечно, объ уподобленіи Господа, Который называетъ Себя *лозою*, а Отца *дѣлателемъ*, каждаго же изъ насъ именуетъ *розгою*, чрезъ вѣру насажденною въ Церкви, и побуждаетъ насъ къ многоплодію, чтобы не преданы мы были огню по осужденіи за безполезность (Іоан. 15, 16.). И Онъ не престаетъ вездѣ уподоблять человѣческія души виноградныыъ лозамъ. Ибо сказано: *виноградъ бысть возлюбленному въ розъ, на мѣстѣ тучнѣ*. И: *лозу насадихъ, и оградихъ огражденіемъ* (Исаіи 5, 1. 2.). Очевидно, что подъ виноградомъ разумѣетъ человѣческія души, для которыхъ соградилъ огражденіе—оплотъ заповѣдей и охраненіе отъ Ангеловъ. Ибо *ополчится Ангелъ Господень окрестъ боящихся Его* (Псал. 33, 8.). Потомъ какъ бы и окопъ сдѣлалъ около насъ, *положивъ въ Церкви первѣе Апостоловъ, второе пророковъ, третіе учителей* (1 Кор. 12, 28.). Примѣрами же древнихъ и блаженныхъ мужей возводя мысли наши на высоту, не оставилъ ихъ поверженными долу и достойными попранія. Онъ хочетъ также, чтобы мы, какъ бы нѣкоторыми завивками, сплетались съ ближними объятіями любви, и упокоевались въ нихъ, и, всегда стремясь къ горнему, какъ вьющіяся виноградныя вѣтви, старались уравниваться съ вершинами самыхъ высокихъ. Онъ требуетъ еще, чтобы мы терпѣли,

когда окапываютъ насъ. А душа окапывается чрезъ отложеніе мірскихъ заботъ, которыя составляютъ бремя для нашихъ сердецъ. Посему отложившій плотскую любовь и привязанность къ богатству, и признавшій презрѣннымъ и смѣшнымъ пристрастіе къ здѣшней бѣдственной славѣ, какъ бы окопался и обновился въ силахъ, свергнувъ съ себя напрасное бремя земнаго мудрованія. Не должно же, по слову притчи, разрастаться въ вѣтви (г), то есть жить на показъ, и домогаться похвалы за внѣшность; но надобно быть благоплоднымъ, предоставляя истинному Земледѣлателю показаніе дѣлъ. А ты будь и *яко маслина плодовита въ дому Божіи* (Псал. 51, 10.), никогда не совлекаясь упованія, но имѣя въ себѣ всегда цвѣтущее спасеніе, пріобрѣтаемое чрезъ вѣру. Ибо такимъ образомъ будешь подражать всегдашней зелености сего растенія, и соревновать его многоплодію, во всякое время подавая обильную милостыню.

Но возвратимся къ разсмотрѣнію Художническихъ распоряженій. Сколько произникло тогда родовъ растеній плодовитыхъ, годныхъ къ созиданію крововъ, къ строенію кораблей, къ сожженію! И здѣсь опять въ каждомъ деревѣ устройство частей его разнообразно, а также едва можно отыскать свойство каждаго дерева, и усмотрѣть взаимныя различія деревъ разнородныхъ. Отчего одни

(г) Здѣсь Св. Василій, вѣроятно, имѣетъ въ виду мѣсто изъ Осіи Пророка 10, 1., которое, по переводу Симмаха, читается: *ἄμπελος ὑλημανοῦσα Ἰσραήλ*, виноградъ многовѣтвистый Израиль.

изъ нихъ пускаютъ корень въ глубь, а другія стелютъ по земной поверхности; однѣ растутъ прямо и имѣютъ одинъ стволъ, другія низки и отъ самаго корня раздѣлены на многіе отростки? Отчего у деревъ, имѣющихъ вѣтви длинныя и далеко раскинутыя по воздуху, корни глубоки и простираются вокругъ на большое пространство, какъ будто природа положила основанія соразмѣрныя тяжести верхнихъ частей? Сколько различій въ древесной корѣ! У однихъ деревъ кора гладкая, у другихъ морщиноватая; у однихъ однослойная, а у другихъ многослойная. А что̀ удивительно, и въ растеніяхъ найдешь признаки похожіе на человѣческую юность и старость. Ибо на деревахъ молодыхъ и здоровыхъ кора бываетъ вокругъ плотно обтянута, а на состарѣвшихся она морщится и твердѣетъ. Одни дерева, будучи срѣзаны, прозябаютъ вновь; другія, потерпѣвъ посѣченіе, какъ бы это было для нихъ смертію, остаются безъ преемства. А нѣкоторые замѣтили даже, что срубленныя и обожженныя сосны превращались въ дубы. Извѣстно и то, что въ нѣкоторыхъ деревахъ естественный порокъ исправляется попеченіемъ земледѣльцевъ. Напримѣръ: кислые гранаты и горкіе миндали, когда стволъ у корня будетъ провернутъ и въ самую середину сердцевины впущенъ тучный клинъ изъ певга, перемѣняютъ горкій свой сокъ на пріятный. Посему, да не отчаявается въ себѣ никто изъ провождающихъ жизнь во грѣхѣ, зная, что какъ земледѣліе измѣняетъ качество растеній, такъ попечительность души о добродѣтели можетъ одержать верхъ надъ всякими недугами.

Въ плодоношеніи же плодовитыхъ растеній столько разности, что не возможно описать сего словомъ. Ибо не только на деревахъ разнородныхъ плоды различны, но много разностей бываетъ даже въ одномъ и томъ же видѣ дерева. Иный отличительный признакъ плода бываетъ иногда на растеніи мужескаго пола, и иный на растеніи женскаго пола, какъ различаютъ сіе садовники, которые и финиковыя дерева дѣлятъ на два пола, мужескій и женскій. И можешь видѣть, что иногда растеніе, какъ называютъ они, женскаго пола, опускаетъ вѣтви, какъ будто оно возбуждено вожделѣніемъ, и желаетъ мужескихъ объятій; ходящіе же за растеніями бросаютъ на вѣтви нѣчто подобное мужескимъ сѣменамъ, что̀ называется у нихъ *ψῆνες* (д); и въ такомъ случаѣ дерева какъ бы чувствуютъ услажденіе, снова выпрямляютъ свои вѣтви, и многолиственныя вершины ихъ приходятъ въ прежній свой видъ. То же самое разсказываютъ и о смоковницахъ. Посему дикія смоковницы сажаютъ вмѣстѣ съ садовыми; а другіе врачуютъ безсиліе садовыхъ смоковницъ, приносящихъ вкусные плоды, тѣмъ, что привязываютъ къ нимъ незрѣлыя смоквы, и поддерживаютъ симъ

(д) Плодотворная пыль на деревѣ мужескаго пола, которую нѣкоторые древніе естествословы представляли въ видѣ червячковъ или мошекъ, къ чему привело ихъ, вѣроятно, наблюденіе надъ смоковничными деревами. Ибо насѣкомое, извѣстное подъ именемъ орѣхотворки, гнѣздясь на сихъ деревахъ и покрываясь пылью изъ тычинокъ, переноситъ сію пыль на женскіе цвѣтки и оплодотворяетъ ихъ.

плодъ, который уже началъ истаевать и разсыпаться.

О чемъ же даетъ тебѣ разумѣть эта загадка природы? О томъ, что мы часто и у людей чуждыхъ вѣры должны заимствовать себѣ побужденіе къ показанію добрыхъ дѣлъ. Если видишь, что живущій въ язычествѣ, или отторгнутый отъ Церкви какою либо превратною ересію, цѣломудренъ по жизни и во всемъ прочемъ старается о нравственномъ благочиніи; то тѣмъ паче ты напрягай свое стараніе уподобиться плодоносной смоковницѣ, которая собираетъ силы изъ приближенныхъ къ ней дикихъ смоковницъ, перестаетъ истаевать, и тщательнѣе питаетъ свой плодъ.

Столь многочисленны различія въ образѣ рожденія плодовъ, если изъ многаго сказать только не многое! Но кто же опишетъ разнообразіе самыхъ плодовъ, ихъ видъ, цвѣтъ, свойства соковъ, и пользу каждаго? Отчего нѣкоторые созрѣваютъ на солнцѣ обнаженные, а другіе приходятъ въ полноту сокрытые въ оболочкахъ? Отчего, у которыхъ плодъ нѣженъ, у тѣхъ лиственный покровъ грубъ, — какъ на смоковницѣ; а у которыхъ плоды закрыты, у тѣхъ лиственная одежда легка, — какъ на орѣшникѣ? Потому что первыя по своей слабости имѣютъ нужду въ большей помощи, а послѣднимъ болѣе плотная оболочка причинила бы вредъ тѣнію отъ листьевъ. Какіе разрѣзы на виноградныхъ листьяхъ, чтобы гроздъ былъ и защищенъ отъ вредныхъ дѣйствій воздуха, и по причинѣ рѣдкости листьевъ въ обиліи принималъ на себя солнечные лучи! Ничто не безъ причины, и ничто не

случайно; вездѣ видна какая-то неизглаголанная мудрость.

Какое же слово будетъ для сего достаточно? Какъ умъ человѣческій изслѣдуетъ все въ подробности, чтобы и свойства усмотрѣть, и взаимныя разности различить явственно, и безъ недостатка представить сокровенныя причины? Одна и та же вода, притянутая корнемъ, иначе питаетъ самый корень, иначе кору ствола, иначе древесину, и въ ней опять иначе сердцевину. Одно и то же и листомъ дѣлается, и раздѣляется по сучьямъ и вѣтвямъ, и доставляетъ ростъ плодамъ; отъ той же причины происходитъ и сокъ въ растеніи, и вытекающая изъ него наружу влага. Какая же есть разность между всѣмъ этимъ, не объяснитъ ни какое слово. Инакова влага, вытекающая изъ мастичника, и инаковъ сокъ бальсамическаго дерева; а нѣкоторые нарды въ Египтѣ и Ливіи источаютъ другой родъ сока. Сказываютъ также, что и янтарь есть сокъ растеній, отвердѣвшій въ камень. И такое мнѣніе подтверждаютъ примѣчаемыя въ янтарѣ травинки и мелкія животныя, которыя, будучи захвачены, когда сокъ былъ еще мягкій, остаются въ немъ. И вообще, кто не извѣдалъ опытомъ различія соковъ относительно къ ихъ качеству, тотъ не найдетъ и слова къ объясненію ихъ дѣйствій. Какъ опять изъ одной и той же влаги въ виноградѣ составляется вино, а въ маслинѣ—масло? И удивительно не одно то, какимъ образомъ влажность въ виноградѣ сдѣлалась сладкою, а въ маслинѣ тучною, но и то, что въ сладкихъ плодахъ неисчислимо различіе качествъ. Ибо

инакова сладость въ виноградѣ, инакова въ яблокѣ, смоковницѣ и финиковомъ деревѣ. И я желаю, чтобы ты еще подумалъ объ этомъ вопросѣ: отчего одна и та же вода, то мягка для ощущенія, когда, находясь въ извѣстныхъ растеніяхъ, дѣлается она сладкою, то жестка для вкуса, когда, пройдя чрезъ другія растенія, окисляется; и опять, обратившись въ крайнюю горечь, нестерпима для ощущенія, когда находится въ полыни и въ скаммонеи (е); а въ желудяхъ, или въ плодѣ дерена превращается въ острое и вяжущее качество; въ терпентинныхъ же растеніяхъ и въ орѣхахъ измѣняется въ свойство нѣжное и маслянистое? И нужно ли говорить о чемъ либо малоизвѣстномъ, когда въ одной и той же смоковницѣ вода переходитъ въ противоположныя качества? Та же влага весьма горька въ древесномъ сокѣ, и весьма сладка въ самомъ плодѣ; и въ виноградѣ имѣетъ самый вяжущій вкусъ — въ сучьяхъ, и самый пріятный — въ ягодахъ.

Но сколько различій въ цвѣтахъ! Можешь видѣть на лугахъ, что одна и та же вода въ одномъ цвѣткѣ румяна, въ другомъ багрова, въ этомъ голуба, а въ этомъ бѣла. И опять, еще больше разности представляетъ она въ запахахъ, нежели сколько имѣетъ разнообразія въ цвѣтахъ. Но вижу, что слово мое, отъ ненасытимаго желанія все обозрѣть, преступаетъ мѣру, и если не наложу на

(е) Изъ рода вьюнчиковъ (convolvulus); даетъ изъ корня сокъ острый и молочный, имѣющій сильное слабительное свойство, подобно корню ялаппа.

него узъ, и не возведу къ необходимому закону творенія, то не достанетъ у меня дня на изображеніе предъ вами великой мудрости, сокрытой въ вещахъ самыхъ маловажныхъ.

Да прораститъ земля древо плодовитое творящее плодъ на земли. И тотчасъ вершины горъ осѣнились кудрями, устроились сады, и берега рѣкъ украсились тысячами родовъ растеній; и одни уготовились украшать собою человѣческую трапезу, а другія предложили въ пищу скотамъ и листья и плоды. Но они доставляютъ намъ и врачебныя пользы въ своихъ сокахъ, влагахъ, прутьяхъ, корѣ, плодахъ. И однимъ словомъ, что̀ открылъ намъ долговременный опытъ, изъ частныхъ случаевъ собирая полезное, то привелъ въ бытіе вдругъ все объемлющій Промыслъ Творца, предусмотрѣвъ изъ начала.

А ты, когда видишь растенія садовыя или дикія, прозябающія въ водѣ или на сушѣ, приносящія цвѣты, или безцвѣтныя, въ маломъ познавая великое, усугубляй непрестанно свое удивленіе, и возрастай въ любви къ Творцу. Размысли, какъ Онъ иныя растенія сотворилъ всегда зеленѣющими, а другія обнажающимися, и всегда зеленѣющія—то мѣняющими листья, то не теряющими листьевъ. Ибо мѣняютъ листья и олива и сосна, хотя перемѣна сія происходитъ непримѣтно, такъ что, по видимому, онѣ никогда не обнажаются отъ зелени. Но финиковое дерево не теряетъ листьевъ, и до конца сохраняетъ тѣ же листья, которые получило съ перваго прозябенія. Потомъ прими во

вниманіе и то, отчего мирика (ж) есть какъ бы водоземное растеніе, причисляется къ растущимъ въ водѣ и разводится въ мѣстахъ пустынныхъ. Посему и Іеремія (17, 6.) справедливо уподобляетъ такому растенію нравы лукавые и преклонные на доброе и худое.

Да прорастить земля. Краткое сіе повелѣніе тотчасъ стало великою природою и художественнымъ словомъ, быстрѣе нашей мысли производя безчисленныя свойства растеній. То же повелѣніе, и донынѣ дѣйствуя въ землѣ, побуждаетъ ее, по истеченіи каждаго года, обнаруживать силу свою, какую она имѣетъ къ произведенію травъ, сѣменъ и деревъ. Какъ кубарь, по силѣ перваго даннаго ему удара, совершаетъ послѣдующія обращенія, когда описываетъ круги, соблюдая въ себѣ средоточіе неколебнмымъ; такъ и послѣдовательный порядокъ природы, получивъ начало съ первымъ повелѣніемъ, простирается на все послѣдующее время, пока не достигнетъ общаго скончанія вселенной. Къ нему будемъ поспѣшать и мы всѣ, плодонося добрыя дѣла и преисполняясь ими, *да насаждени въ дому Господни, во дворѣхъ Бога нашего процвѣтемъ* (Псал. 91, 14.) о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

(ж) Иначе — дрокъ.

БЕСѢДА 6.

О СОТВОРЕНІИ НЕБЕСНЫХЪ СВѢТИЛЪ.

Кто смотритъ на подвизающихся, тотъ и самъ долженъ напрягать нѣсколько свои силы. Это всякій можетъ видѣть изъ зрѣлищныхъ уставовъ, которые требуютъ, чтобы засѣдающіе на поприщѣ сидѣли съ открытою головою. А сіе, мнѣ кажется, для того, чтобы каждый не только былъ зрителемъ подвизающихся, но въ нѣкоторой мѣрѣ и самъ сдѣлался подвижникомъ. Подобнымъ образомъ и цѣнителю великихъ и сверхъестественныхъ зрѣлищъ и слышателю подлинно высшей и неизреченной мудрости, приходя сюда, надобно имѣть уже въ себѣ нѣкоторое стремленіе къ созерцанію предлагаемаго, и по мѣрѣ силъ участвовать со мною въ подвигѣ, являясь не столько судіею, сколько сподвижникомъ, чтобы не лишиться намъ случая открыть истину, и чтобы моя ошибка не сдѣлалась общимъ вредомъ для слушающихъ. Къ чему же говорю сіе? Къ тому, что, поелику намъ предлежитъ изслѣдовать составъ міра и разсмотрѣть вселенную не по началамъ мірской мудро-

сти, но какъ научилъ сему служителя Своего Богъ, глаголавшій съ нимъ *явѣ*, *а не гаданіемъ* (Числ. 12, 8.), то совершенно необходимо, чтобы любители великихъ зрѣлищъ имѣли умъ не необученный къ уразумѣнію предлагаемаго намъ. Итакъ, если ты когда нибудь, среди ясной ночи смотря на несказанную красоту звѣздъ, составлялъ себѣ понятіе о Художникѣ всяческихъ, Кто Сей испестрившій небо сими цвѣтами, и почему въ видимомъ мірѣ болѣе необходимаго, нежели пріятнаго; и опять, если во время дня трезвеннымъ разумомъ изучалъ ты дивныя чудеса: то пришелъ ты сюда готовымъ слушателемъ, достойнымъ того, чтобы восполнить собою сіе честное и блаженное позорище.

Приступите же! Какъ въ городахъ берутъ за руку и всюду водятъ людей, въ нихъ не бывавшихъ, такъ и я введу васъ въ сокровенныя чудеса сего великаго града. А въ этомъ градѣ, въ которомъ древнее наше отечество, и изъ котораго изгналъ насъ человѣкоубійца-демонъ, поработившій человѣка своими приманками, — въ этомъ градѣ увидишь ты первое бытіе человѣка и вскорѣ постигшую насъ смерть, которую породилъ грѣхъ — этотъ первородный плодъ начальника зла — демона. Здѣсь познаешь и себя самого, земнаго по природѣ, но дѣло Божіихъ рукъ, много уступающаго безсловеснымъ въ силѣ, но поставленнаго властелиномъ надъ безсловесными и неодушевленными тварями; умаленнаго въ томъ, чѣмъ снабдила природа, но по превосходству разума способнаго возноситься въ самое небо. Если сіе изучимъ; то познаемъ себя

самихъ, увѣдаемъ Бога, поклонимся Творцу, поработаемъ Владыкѣ, прославимъ Отца, возлюбимъ нашего Питателя, почтимъ Благодѣтеля, не престанемъ покланяться Началовождю нашей, и настоящей и будущей, жизни, — Тому, Который дарованнымъ уже богатствомъ удостовѣряетъ и въ обѣтованныхъ благахъ, и, по извѣданіи нами настоящаго, дѣлаетъ для насъ несомнѣннымъ ожидаемое. Ибо если временное таково; то каково же вѣчное? И если видимое такъ прекрасно; то каково невидимое? Если величіе неба превосходитъ мѣру человѣческаго разумѣнія; то какой умъ возможетъ изслѣдовать природу Присносущаго? Если сіе — подлежащее разрушенію солнце такъ прекрасно, такъ велико, такъ быстро въ своемъ движеніи, и совершаетъ чинныя обращенія, имѣетъ величину соразмѣрную вселенной, и не выступаетъ изъ своихъ отношеній къ цѣлому, а по красотѣ своего естества составляетъ какъ бы свѣтлое око, украшающее собою тварь; и если имъ не насыщается зрѣніе: то каково по красотѣ Солнце правды? Если не видѣть сего солнца — большая потеря для слѣпаго, то какая утрата для грѣшника быть лишеннымъ истиннаго Свѣта?

И рече Богъ: да будутъ свѣтила на тверди небеснѣй, освѣщати землю, и разлучати между днемъ, и между нощію (Быт. 1, 14.). Всему предшествовали небо и земля; послѣ нихъ сотворенъ свѣтъ, различены ночь и день; потомъ опять твердь и явленіе суши; потомъ вода совокуплена въ постоянное и опредѣленное собраніе; земля наполнилась собственными порожденіями, произра-

стивъ безчисленные роды травъ и обогатившись растеніями всякаго рода. Но солнца и луны еще не было, дабы не вѣдущіе Бога не именовали солнца начальникомъ и отцемъ свѣта, и не почитали его зиждителемъ земныхъ произрастеній. Посему насталъ четвертый день, и тогда *рече Богъ: да будутъ свѣтила на тверди небеснѣй.*

Какъ скоро слышишь о Говорящемъ; присоединяй немедленно въ мысли и Внемлющаго: *Рече Богъ: да будутъ свѣтила. И сотвори Богъ два свѣтила* (Быт. 1, 16.). Кто сказалъ, и Кто сотворилъ? Не проразумѣваешь ли въ семъ двойственности Лицъ? Вездѣ съ повѣствованіемъ таинственно всѣянъ и сей догматъ Богословія.

Указывается и потребность, по которой сотворены свѣтила. Сказано: *освѣщати землю.* Если сотвореніе свѣта предшествовало; то почему говорится, что и солнце теперь сотворено также *освѣщати?* Во-первыхъ, да не возбуждаетъ въ тебѣ ни малаго смѣха своеобразность реченія, если мы не слѣдуемъ вашей разборчивости въ словахъ, и не стараемся о стройности ихъ сочиненія. У насъ нѣтъ ваятелей слова, и вездѣ предпочитается не благозвучіе реченій, но ясность именованій. Итакъ смотри, не достаточно ли Моисей словомъ: *освѣщати*, выразилъ то, чтò хотѣлъ? Ибо онъ сказалъ: *освѣщати*, вмѣсто: быть свѣтлымъ. Но сіе ни мало не противорѣчитъ сказанному уже о свѣтѣ. Тогда произведено было самое естество свѣта, а теперь пріуготовляется это солнечное тѣло, чтобы оно служило колесницею тому первобытному свѣту. Иное есть огонь, а иное — свѣтильникъ;

одинъ имѣетъ силу издавать свѣтъ, а другой устроенъ свѣтить, кому нужно. Такъ и оному чистѣйшему, ясному и невещественному свѣту устрояется теперь колесница, то есть свѣтила. Какъ Апостолъ говоритъ о нѣкоторыхъ *свѣтилахъ міра* (Фил. 2, 15.), но иное есть истинный Свѣтъ міра, чрезъ причастіе Котораго святые содѣлались свѣтилами для душъ, ими наставленныхъ и освобожденныхъ отъ тмы невѣдѣнія; такъ и Зиждитель всяческихъ возжегъ теперь въ мірѣ сіе солнце, наполнивъ его онымъ свѣтозарнѣйшимъ свѣтомъ.

И никому да не кажется невѣроятнымъ утверждаемое, что иное есть блистательность свѣта, а иное—тѣло, въ которомъ находится свѣтъ. Во-первыхъ, видно сіе изъ того, что все сложное дѣлится у насъ такимъ же образомъ на вмѣщающую сущность и на приданное ей качество. Посему какъ по природѣ иное есть бѣлизна, а иное—тѣло выбѣленное; такъ и теперь упоминаемые (а), будучи различны по природѣ, соединены силою Творца. И не говори, что не льзя отдѣлить ихъ другъ отъ друга. Я и не утверждаю, чтобы для меня или для тебя было возможно отдѣленіе свѣта отъ солнечнаго тѣла; но говорю только, что представляющееся намъ раздѣльнымъ въ мысляхъ можетъ быть и въ самой дѣйствительности раздѣлено Творцемъ ихъ природы. Тебѣ не возможно отдѣлить попаляющую силу огня отъ свѣтозарности; но Богъ, желая обратить вниманіе Своего служителя чуд-

---

(а) Свѣтъ и свѣтлое тѣло.

нымъ видѣніемъ, вложилъ въ купину огонь, въ которомъ дѣйствовала одна свѣтозарность, а сила жечь пребывала въ покоѣ. Такъ и Псалмопѣвецъ свидѣтельствуетъ, говоря: *гласъ Господа пресѣцающаго пламень огня* (Псал. 28, 7.). Отсего и о воздаяніи за дѣла жизни нашей нѣкоторое ученіе втайнѣ преподаетъ намъ, что естество огня будетъ раздѣлено, и свѣтъ предоставленъ въ наслажденіе праведнымъ, а мучительность жженія назначена наказываемымъ.

А потомъ удостовѣреніе въ изслѣдуемомъ можно намъ находить и въ видоизмѣненіяхъ луны. Ибо когда она исходитъ и убываетъ; тогда не тѣло ея совершенно истребляется, но представляетъ она намъ явленія уменьшенія и возрастанія тѣмъ, что слагаетъ съ себя, и опять воспріемлетъ, облекающій ее свѣтъ. А что самое тѣло луны при ея исходѣ не уничтожается, яснымъ тому свидѣтельствомъ служитъ видимое. Ибо въ чистомъ и свободномъ отъ всякаго тумана воздухѣ, даже когда луна имѣетъ видъ самаго тонкаго серпа, можно тебѣ, всмотрѣвшись, увидѣть несвѣтлую и неосвѣщенную ея часть, описанную такою же дугою, какая очертываетъ цѣлую луну во время полнолунія; такъ что ясно усматривается полный кругъ, если зрѣніе сводитъ вмѣстѣ съ освѣщенною частію и ту, которая помрачена и темна. И не представляй мнѣ, что свѣтъ луны заимственный, потому что она ущербаетъ, приближаясь къ солнцу, и опять возрастаетъ, удаляясь отъ него. Не сіе подлежитъ нашему изслѣдованію въ настоящемъ случаѣ, но то, что иное есть тѣло луны, а иное —

освѣщающее. Подобное же нѣчто представляй и о солнцѣ, кромѣ того, что оно, однажды прiявъ свѣтъ, и имѣя его раствореннымъ въ себѣ, не отлагаетъ свѣта. Но луна, постоянно какъ бы совлекающаяся свѣта и опять въ него облекающаяся, удостовѣряетъ собою и въ сказанномъ о солнцѣ.

Симъ свѣтиламъ повелѣно *разлучати между днемъ и между нощiю.* И выше *разлучи Богъ между свѣтомъ и между тмою*; но тогда природу ихъ привелъ Онъ въ противоположность, чтобы они не смѣшивались между собою, и у свѣта не было ни какого общенiя со тмою. Ибо что̀ днемъ есть тѣнь, то (надобно представлять себѣ) ночью составляетъ природу тмы. Если всякая тѣнь отъ тѣлъ, освѣщенныхъ какимъ нибудь лучемъ, падаетъ со стороны противоположной свѣту, и утромъ простирается къ западу, вечеромъ склоняется къ востоку, а въ полдень бываетъ сѣверною; то и ночь отступаетъ въ сторону противоположную лучамъ, будучи по природѣ своей не что иное, какъ земная тѣнь. Какъ днемъ тѣнь неразлучна съ преграждающимъ лучъ; такъ и ночь обыкновенно происходитъ, когда воздухъ около земли затѣненъ. И сiе значитъ сказанное: *разлучи Богъ между свѣтомъ и между тмою;* ибо тма убѣгаетъ вторженiй свѣта, въ слѣдствiе того естественнаго побужденiя чуждаться другъ друга, какое вложено въ нихъ при первомъ сотворенiи. А теперь Богъ повелѣлъ солнцу измѣрять день; и луну, когда она бываетъ въ полномъ своемъ кругѣ, сдѣлалъ предводительницею ночи. Ибо тогда свѣтила бываютъ почти дiаметрально противоположны другъ другу; потому

что во время полнолуній, какъ съ восхожденіемъ солнца луна переходитъ въ невидимую часть неба, такъ опять, при захожденіи солнца, она большею частію восходитъ на востокѣ. Если же при другихъ видахъ луны свѣтъ ея не вмѣстѣ съ ночью появляется; то сіе не относится сюда. По крайней мѣрѣ луна, когда бываетъ полна, начинаетъ собою ночь, свѣтомъ своимъ превосходя звѣзды и освѣщая землю, и также наравнѣ съ солнцемъ опредѣляетъ мѣры времени.

И да будутъ въ знаменія, и во времена, и во дни, и въ лѣта (Быт. 1, 14.). Для человѣческой жизни необходимы указанія свѣтилъ. И если кто не чрезъ мѣру многаго ищетъ въ ихъ знаменіяхъ, то при долговременномъ наблюденіи найдетъ полезныя примѣты. Многое можно узнавать объ изобиліи дождя, многое о засухѣ и о движеніи вѣтровъ, или мѣстныхъ или повсюдныхъ, сильныхъ или легкихъ. Одно изъ указаній солнца предалъ намъ и Господь, говоря: *зима будетъ, дряселуетъ бо чермнуяся небо* (Матѳ. 16, 3.). Когда солнце поднимается сквозь туманъ, тогда лучи его помрачаются, и оно кажется огненнаго и креваваго цвѣта, потому что густота воздуха производитъ въ глазахъ такое представленіе. Но сгущенный и остоявшійся воздухъ, котораго не разсѣяли и солнечные лучи, очевидно, не могъ быть ими преодолѣнъ по причинѣ избытка земныхъ паровъ, и по множеству влаги произведетъ ненастье въ тѣхъ странахъ, гдѣ онъ собирается. Подобнымъ образомъ, когда луна кажется увлаженною, или когда солнце окружаютъ, такъ называемые, вѣнцы, сіе

служитъ признакомъ или множества воздушной воды, или движенія сильныхъ вѣтровъ. Или когда вмѣстѣ съ солнцемъ идутъ, такъ называемыя, побочныя солнца; они бываютъ знакомъ какихъ нибудь воздушныхъ перемѣнъ. А также столпы радужнаго цвѣта, являющіеся на облакахъ въ прямомъ положеніи, показываютъ дожди, или жестокія бури, или вообще большой переворотъ въ воздухѣ. И въ лунѣ возрастающей или убывающей упражнявшіеся въ этомъ замѣтили многіе признаки, а именно, что вмѣстѣ съ ея видоизмѣненіями необходимо измѣняется и окружающій землю воздухъ. Если трехдневная луна тонка и чиста, то предвѣщаетъ постоянную ясную погоду; а если она представляется съ толстыми рогами и красноватою, то угрожаетъ или обиліемъ воды изъ облаковъ, или сильнымъ южнымъ вѣтромъ. Кто же не знаетъ, сколько полезнаго доставляется такими указаніями? Пловецъ, предусматривая опасности отъ вѣтровъ, можетъ удержать ладію свою въ пристани. Путешественникъ, по мрачности воздуха ожидающій перемѣны, заранѣе можетъ уклониться отъ вреда. А земледѣльцы, занимающіеся посѣвами и хожденіемъ за растеніями, отсюда заключаютъ о благовременности всякаго дѣла. Господь же предсказалъ, что въ солнцѣ, лунѣ и звѣздахъ явятся даже знаменія разрушенія вселенной. Солнце обратится въ кровь, и *луна не дастъ свѣта своего* (Матѳ. 24, 29. Сл. Іоил. 2, 31.). Таковы знаменія скончанія вселенной!

Но преступающіе границы обращаютъ слова Моисеевы въ защищеніе науки о дняхъ рожденія,

и говорятъ, что жизнь наша зависитъ отъ движенія небесныхъ тѣлъ; а на семъ основаніи у Халдеевъ сдѣланы по звѣздамъ указанія, чему должно съ нами случиться. И это простое выраженіе Писанія: *да будутъ въ знаменія*, по усмотрѣнію своему, разумѣютъ они не о состояніяхъ воздуха, и не о перемѣнахъ годовыхъ временъ, но о жребіяхъ жизни. Ибо что̀ говорятъ? Стеченіе извѣстныхъ движущихся звѣздъ съ звѣздами находящимися па зодіакѣ, когда онѣ, сошедшись между собою, составляютъ извѣстную фигуру, производитъ опредѣленныя рожденія; а инаковое расположеніе звѣздъ доставляетъ противоположный жребій жизни.

О семъ не безполезно, можетъ быть, разсудить, начавъ, для ясности, нѣсколько выше. Но скажу не что либо собственное свое, а воспользуюсь къ обличенію ихъ собственными ихъ словами, чтобы зараженнымъ такимъ недугомъ доставить нѣкоторое врачеваніе, и прочихъ предостеречь отъ паденія въ подобныя заблужденія.

Изобрѣтатели этой науки о дняхъ рожденія, примѣтивъ, что, въ продолжительныя части времени, ускользаютъ отъ нихъ многія фигуры, заключили мѣры времени въ возможно-тѣсные предѣлы; потому что въ самое малое и краткое время, и какъ выражается Апостолъ, *вскорѣ*, *во мгновеніи ока* (1 Кор. 15, 52.), бываетъ величайшая разность между рожденіемъ и рожденіемъ. И родившійся въ сію точку времени будетъ обладателемъ городовъ, княземъ народовъ, станетъ изобиловать богатствомъ и властительствовать, а

родившійся въ другое мгновеніе времени будетъ попрошайкою и нищимъ, и ради насущнаго пропитанія станетъ ходить отъ дверей къ дверямъ. Посему, раздѣливъ на двѣнадцать частей, такъ называемый, зодіакальный кругъ, поелику солнце сію двѣнадцатую часть, такъ называемой, неподвижной сферы проходитъ въ тридцать дней, каждую двѣнадцатую часть раздѣлили они на тридцать частей. Потомъ, каждую таковую часть подраздѣливъ на шестьдесятъ частей, каждую изъ шестидесятыхъ разсѣкли опять на шестьдесятъ.

Итакъ, предполагая, что для родившихся есть извѣстныя положенія неба, посмотримъ, возмогутъ ли они соблюсти такую точность въ раздѣленіи времени. Какъ скоро родился младенецъ, бабка начинаетъ разсматривать, мужескаго или́ женскаго пола родившійся, а потомъ дожидается крика, который бы служилъ признакомъ жизни въ новорожденномъ. Сколько шестидесятыхъ доль протечетъ въ это время! Вотъ объявила она Халдею о новорожденномъ. Сколько надобно положить мелчайшихъ частей на пересказъ бабки, особливо, если случится, что замѣчающій часъ стоялъ внѣ женскаго отдѣленія въ домѣ? Ибо тому, кто хочетъ разсмотрѣть гороскопъ, надобно съ точностію описать часъ, будетъ ли это дневное, или ночное время. Какое же множество шестидесятыхъ доль протечетъ еще въ это время? Разсматривающему гороскопъ надобно найдти о звѣздахъ, не только въ какой онѣ изъ двѣнадцатыхъ частей, но и въ какой долѣ двѣнадцатой части, и въ какой шестидесятой долѣ изъ тѣхъ, на которыя, по сказанному, раз-

дѣлена каждая изъ первыхъ доль, или, чтобы дойдти до точности, въ какой шестидесятой изъ тѣхъ, на которыя подраздѣляются первыя шестидесятыя. И такое столько дробное и неуловимое вычисленіе времени, говорятъ они, надобно сдѣлать для каждой изъ планетъ, чтобы найдти, какое положеніе имѣли онѣ въ разсужденіи неподвижныхъ звѣздъ, и какую фигуру составляли изъ себя взятыя въ совокупности звѣзды во мгновеніе рожденія младенца. Посему, если не возможно съ точностію опредѣлить время, а замѣненіе одной кратчайшей доли другою дѣлаетъ погрѣшительнымъ все; то смѣшны тѣ, которые трудятся надъ этою несостоятельною наукою и съ разверстымъ ртомъ углубляются въ себя, какъ будто могутъ узнать, что̀ съ ними будетъ.

Каковы же и выводы? Говорятъ: этотъ будетъ кудрявъ волосомъ и съ голубыми глазами; потому что родился въ часъ Овна, и таково по виду сіе животное. Но онъ будетъ и человѣкъ великаго духа, потому что овенъ имѣетъ въ себѣ владычественное; а также щедръ и промышленъ, потому что животное сіе безъ огорченія слагаетъ съ себя волну, и удобно облекается въ новую, по дѣйствію природы. А родившійся въ Тельцѣ, говорятъ они, будетъ терпѣливъ въ трудахъ и раболѣпенъ; потому что телецъ носитъ ярмо. Родившійся въ Скорпіонѣ охотникъ до дракъ, по подобію съ симъ животнымъ. Родившійся же въ Вѣсахъ правдивъ, по причинѣ вѣрности нашихъ вѣсовъ.

Что̀ же можетъ быть смѣшнѣе сего? Овенъ, отъ котораго берешь ты время рожденія человѣка,

есть одна изъ двѣнадцатыхъ частей неба, въ которой находящееся солнце касается весеннихъ знаковъ. А также Вѣсы и Телецъ суть двѣнадцатыя части, такъ называемаго, зодіакальнаго круга. Какъ же, говоря, что тамъ находятся главныя причины человѣческой жизни, даешь человѣческимъ нравамъ отличительные признаки взятые отъ скотовъ, родящихся у насъ? Родившійся въ Овнѣ щедръ, не потому что такой нравъ производитъ та часть неба, но потому что таково свойство овцы. Для чего же стращаешь насъ достовѣрностію звѣздъ, и стараешься увѣрить блеяньемъ овецъ? Если небо имѣетъ такія свойства нравовъ, заимствовавъ ихъ у животныхъ; то и оно само подлежитъ постороннимъ началамъ, какъ имѣющее причины зависимыя отъ скотовъ. Но если смѣшно говорить такимъ образомъ; то гораздо смѣшнѣе усиліе придавать достовѣрность ученію отъ вещей, между которыми ничего нѣтъ общаго. Но такія ихъ мудрованія подобны паутиннымъ тканямъ, въ которыхъ если увязаетъ комаръ или муха, или что нибудь столько же безсильное, то остается связаннымъ; но если приближается къ нимъ другое сильнѣйшее животное, то удобно освобождается, и слабую паутину разрываетъ и уничтожаетъ.

Но они не останавливаются на семъ одномъ, а приписываютъ небеснымъ тѣламъ причину и того, въ чемъ властно произволеніе каждаго изъ насъ, то есть причину расположеній къ добродѣтели или къ пороку. Съ одной стороны смѣшно оспоривать ихъ, а съ другой, поелику многіе заражены

симъ заблужденіемъ, можетъ быть, необходимость требуетъ не оставлять сего и въ молчаніи.

Итакъ прежде всего спросимъ у нихъ: не каждый ли день тысячекратно измѣняются фигуры изъ звѣздъ? Ибо, такъ называемыя, планеты непрестанно движутся, и однѣ скорѣе другъ съ другомъ сходятся, а другія совершаютъ медлительнѣйшія обращенія, часто бываютъ въ одинъ и тотъ же часъ и въ виду одна у другой и скрыты другъ отъ друга. А въ минуту рожденія, какъ они говорятъ, весьма великую имѣетъ силу — быть въ виду у благотворной или у злотворной звѣзды. И не рѣдко, по незнанію одной самомалѣйшей доли, не найдя времени, по которому звѣзда показывала себя благотворною, описывали ее, какъ состоящую въ числѣ неблагополучныхъ. Ибо я вынужденъ употреблять собственныя ихъ реченія.

Но въ словахъ сихъ конечно много неразумнаго, а гораздо больше нечестиваго. Ибо злотворныя звѣзды причину своей злотворности переносятъ на Творца своего. Если зло имъ естественно; то Создатель — творецъ зла. А если онѣ дѣлаются злыми по произволенію; то, во-первыхъ, онѣ суть живыя существа, одаренныя произволомъ, предающіяся непринужденнымъ и свободнымъ стремленіямъ. Утверждать же сіе о вещахъ неодушевленныхъ есть верхъ безумія. Потомъ, сколько несообразно съ разумомъ, чтобы зло и добро удѣлялось каждому не по достоинству, но чтобы звѣзда была благотворною, потому что находится въ такомъ-то мѣстѣ, и чтобы она же дѣлалась злотворною, потому что усматривается подъ такою-то

звѣздою, и опять тотчасъ забывала свою злокачественность, если нѣсколько уклонилась отъ извѣстной фигуры! И о семъ довольно.

Если же въ каждое мгновеніе времени взаимное положеніе звѣздъ изъ одного вида превращается въ другой, а при безчисленности таковыхъ перемѣнъ, не одинъ разъ въ день составляются очертанія, показывающія рожденіе царей; то почему не каждый день родятся цари? Или почему достается имъ царство по наслѣдству отъ отцевъ? Ибо, конечно, не всякій царь тщательно соображаетъ рожденіе своего сына съ царственнымъ очертаніемъ звѣздъ? Да и какой человѣкъ властенъ въ этомъ? Какъ Озія родилъ Іоаѳама, Іоаѳамъ Ахаза, Ахазъ Езекію? И ни одному изъ нихъ не случилось родиться въ часъ рабскій?

Сверхъ того, если начала поступковъ порочныхъ и добродѣтельныхъ не отъ насъ зависятъ, но необходимы въ слѣдствіе рожденія; то напрасно есть законодатели, опредѣляющіе, что̀ намъ дѣлать, и чего убѣгать, напрасно есть и судіи, награждающіе добродѣтель и наказывающіе порокъ. Ни воръ, ни убійца не виновенъ въ преступленіи; ему, если бы и хотѣлъ, невозможно было удержать руки, потому что къ симъ поступкамъ неизбѣжно побуждала его необходимость. А всѣхъ болѣе обманываются трудящіеся надъ искусствами. Напротивъ того, земледѣлецъ соберетъ обильные плоды, и сѣменъ не бросая въ землю, и не точа косы; а купецъ обогатится, хочетъ ли того, или нѣтъ, потому что судьба соберетъ ему кучи денегъ. Великія же надежды христіанъ обратятся у насъ

въ ничто, потому что ни праведность не будетъ почтена, ни грѣхъ осужденъ, такъ какъ люди ничего не дѣлаютъ по собственному произволу. Ибо гдѣ господствуютъ необходимость и судьба, тамъ не имѣетъ ни какого мѣста воздаяніе по достоинству, что̀ и составляетъ преимущество правосудія.

Довольно сказано держащимся сего заблужденія. Ибо вы не имѣете нужды въ большемъ числѣ доводовъ, будучи здравы сами по себѣ, а время не позволяетъ распространяться сверхъ мѣры и съ ними. Возвратимся же къ послѣдующимъ словамъ Писанія.

Сказано: *да будутъ въ знаменія, и во времена, и во дни, и въ лѣта.* О знаменіяхъ у насъ говорено; а подъ временами, какъ полагаемъ, разумѣются перемѣны годовыхъ временъ: зимы, весны, лѣта и осени, которыя возвращаются у насъ въ непремѣнномъ порядкѣ, въ слѣдствіе установленнаго движенія свѣтилъ. Ибо зима бываетъ, когда солнце замедляетъ въ южныхъ частяхъ, и въ нашихъ мѣстахъ производитъ длинное ночное помраченіе; отчего охлаждается окружающій землю воздухъ, и всѣ влажныя испаренія, собравшіяся около насъ, дѣлаются причиною дождей, стужи и обильнаго снѣга. Когда же солнце, возвратившись опять изъ полуденныхъ странъ, достигаетъ средины, такъ что дѣлитъ время между ночью и днемъ поровну; тогда, чѣмъ болѣе замедляетъ оно надъ какимъ либо мѣстомъ на землѣ, тѣмъ большее въ каждомъ производитъ благораствореніе. И наступаетъ весна, виновница прозябенія во всѣхъ растеніяхъ, доставляющая оживленіе большей

части деревъ, и чрезъ преемство раждающихся поддерживающая роды всѣхъ животныхъ, живущихъ на сушѣ и въ водѣ. Отсюда уже солнце, переходя на самый сѣверъ къ лѣтнимъ поворотамъ, производитъ у насъ самые долгіе дни, а тѣмъ, что наибольшее время дѣйствуетъ на воздухъ, какъ распаляетъ самый воздухъ, находящійся у насъ надъ головою, такъ изсушаетъ и землю, способствуя чрезъ то сѣменамъ созрѣвать, и побуждая древесные плоды приходить въ спѣлость. Тогда и самое солнце наиболѣе опаляетъ, и тѣни въ полдень дѣлаетъ короткими, потому что осіяваетъ наши страны съ высоты. Ибо тѣ дни бываютъ должайшіе, въ которые имѣютъ мѣсто самыя короткія тѣни, и опять, тѣ дни кратчайшіе, въ которые имѣемъ самыя длинныя тѣни. И сіе бываетъ у насъ, называемыхъ *однотѣнными* и населяющихъ сѣверную часть земли. Ибо изъ живущихъ на полдень есть такіе, что у нихъ по два дня въ продолженіе цѣлаго года совершенно не бываетъ тѣни. Солнце, сіяя у нихъ надъ головою, равно освѣщаетъ со всѣхъ сторонъ, такъ что и въ глубинѣ колодцевъ вода освѣщается чрезъ узкія отверстія. Отсего называютъ ихъ и *безтѣнными*. А живущіе далѣе страны изобильной ароматами имѣютъ тѣни попеременно въ ту и другую сторону. Ибо они, одни въ обитаемой нами вселенной, въ полдень отбрасываютъ тѣнь къ югу; отчего нѣкоторые называютъ ихъ и *круготѣнными*. Все же сіе бываетъ, когда солнце переходитъ уже въ сѣверную часть. А изъ сего можно заключать, какое разгоряченіе въ воздухѣ бываетъ отъ солнеч-

наго луча, и какія производятся симъ явленія. Наступающее у насъ за симъ осеннее время года ослабляетъ излишній жаръ, и постепенно уменьшая теплоту посредственностію растворенія, безвредно вводитъ насъ за собою въ зиму, между тѣмъ какъ солнце изъ сѣверныхъ странъ переходитъ опять въ южныя. Сіи-то круговращенія годовыхъ временъ, слѣдующія за движеніями солнца, распоряжаютъ и нашею жизнію.

Но *да будутъ*, сказано, *и во дни*, не для того, чтобы производить дни, но чтобы начальствовать надъ днями. Ибо день и ночь были до сотворенія свѣтилъ. Это показываетъ намъ и Псаломъ, говоря: поставилъ *солнце во область дне, луну и звѣзды во область нощи* (Псал. 135, 8. 9.). Какъ же солнце имѣетъ власть надъ днемъ? Оно носитъ въ себѣ свѣтъ, и какъ скоро восходитъ надъ нашимъ горизонтомъ, разсѣявъ тму, доставляетъ намъ день. Посему не погрѣшитъ, кто дастъ такое опредѣленіе дню: это есть воздухъ, освѣщенный солнцемъ; или: день есть мѣра времени, въ которую солнце пребываетъ въ полушаріи надъ землею.

Но солнцу и лунѣ повелѣно быть также *и въ лѣта*. Луна, совершивъ двѣнадцатикратное свое теченіе, исполняетъ годъ, кромѣ случаевъ, въ которыхъ, для точнаго совпаденія годовыхъ временъ, бываетъ не рѣдко нуженъ дополнительный мѣсяцъ. Такъ измѣряли годъ въ Ветхомъ Завѣтѣ Евреи и древнѣйшіе изъ Еллиновъ. Солнечный же годъ есть возвращеніе солнца, въ слѣдствіе собственнаго его движенія, изъ извѣстнаго знака въ тотъ же самый знакъ.

И сотвори Богъ два свѣтила великая (Быт. 1, 16.). Слово: *великій*, имѣетъ иногда отрѣшенный смыслъ; напримѣръ: великое небо, великая земля, великое море; а во многихъ случаяхъ употребляется сравнительно съ другимъ; напримѣръ: великій конь и великій волъ; ибо подобныя симъ вещи свидѣтельство о своей величинѣ заимствуютъ не отъ чрезмѣрной громадности тѣла, но отъ сравненія съ чѣмъ либо подобнымъ. Посему въ какомъ смыслѣ возмемъ здѣсь великое? Въ таковомъ ли же, въ какомъ муравья, или иное что по природѣ малое, называемъ великимъ, свидѣтельствуя о превосходствѣ по сличенію съ однороднымъ? Или возмемъ теперь великое такъ, что величина оказывается въ собственномъ устройствѣ свѣтилъ? Я полагаю послѣднее. Свѣтила сіи велики не потому, что они больше меньшихъ звѣздъ, но потому что имѣютъ объемъ достаточный къ тому, чтобы изливаемыми изъ нихъ лучами осіявать небо и воздухъ, и вдругъ распростираться по всей землѣ и морю. Въ какой части неба ни бываютъ они, восходятъ ли и заходятъ, или занимаютъ средину неба, отвсюду представляются людямъ равными; а сіе служитъ яснымъ доказательствомъ чрезмѣрной ихъ величины, предъ которою широта земли ничего не значитъ, и не можетъ сдѣлать, чтобы они показались большими, или меньшими. Ибо предметы далеко отстоящіе видимъ нѣсколько меньшими, и чѣмъ болѣе къ нимъ приближаемся, тѣмъ большею находимъ величину ихъ. Но въ разсужденіи солнца никто ни ближе, ни дальше; а напротивъ того обитателямъ всѣхъ частей земли

представляется оно въ равномъ разстояніи. Доказательствомъ же сему то, что и Инды и Британцы видятъ его равнымъ. Ибо для живущихъ на востокѣ не убываетъ оно въ величинѣ по захожденіи, и живущимъ на западѣ не кажется меньшимъ при восхожденіи, и, находясь въ срединѣ неба, не перемѣняетъ своего вида для тѣхъ или другихъ.

Ты не обманывайся видимостію, и изъ того, что солнце для смотрящихъ представляется величиною въ локоть, не заключай, что такова дѣйствительная его величина. Ибо на большихъ разстояніяхъ величина видимыхъ предметовъ обыкновенно сокращается; потому что сила зрѣнія оказывается недостаточною пробѣжать раздѣляющее пространство, но какъ бы поглощается средою, и только малою своею частію приражается къ видимымъ предметамъ. Посему зрѣніе наше, сдѣлавшись малымъ, заставляетъ почитать малыми и видимые предметы, перенося на нихъ собственный свой недостатокъ. А если зрѣніе обманывается; то и судъ его невѣренъ. Припомни о собственныхъ своихъ ошибкахъ, и самъ въ себѣ будешь имѣть подтвержденіе сказаннаго. Если ты сматривалъ когда нибудь съ вершины высокой горы на обширную и низкую равнину; какими представлялись тебѣ пары запряженныхъ воловъ? Каковы были сами земледѣльцы? Не казались ли они тебѣ въ видѣ муравьевъ? И если съ башни, обращенной къ великому морю, простиралъ ты взоры вдоль морской поверхности; какъ великими почиталъ ты самые большіе острова? и какимъ казался тебѣ одинъ изъ грузныхъ кораблей на бѣлыхъ парусахъ плыву-

щій по лазоревому морю? Не представлялся ли онъ тебѣ по виду менѣе всякаго голубя? Посему, какъ сказалъ я, поглощаемое воздухомъ зрѣніе, сдѣлавшись слабымъ, недостаточно къ точному представленію видимыхъ предметовъ. Такъ и величайшія изъ горъ, прорѣзанныхъ глубокими пропастями, зрѣніе признаетъ повсюду выпуклыми и гладкими, потому что приражается къ однимъ выдавшимся мѣстамъ, а въ находящіяся между ними впадины, по слабости своей, проникать не можетъ. Посему и очертанія тѣлъ не сохраняетъ зрѣніе такимъ, каково оно дѣйствительно; а напротивъ того четвероугольныя башни почитаетъ круглыми. Такимъ образомъ изъ всего видно, что зрѣніе на весьма большихъ разстояніяхъ получаетъ представленіе о тѣлахъ не совершенное, но слитное. А слѣдственно небесное свѣтило, согласно съ свидѣтельствомъ Писанія, *велико*, и до безконечности больше, нежели какимъ представляется.

Но яснымъ также признакомъ величины солнечной можетъ служить для тебя и слѣдующее. Хотя звѣздъ на небѣ безчисленное множество, однако же совокупнаго ихъ свѣта недостаточно къ тому, чтобы разсѣять сумрачность ночи. Но одно солнце, явившееся на горизонтѣ, или даже только еще ожидаемое, не успѣетъ стать совершенно надъ землею, какъ уже и тма исчезла, и звѣзды имъ помрачены, и воздухъ, дотолѣ сгущенный и сжатый около земли, разжижается и дѣлается текучимъ. Отсего бываютъ утренніе вѣтры, и росы увлаживаютъ землю въ ясную погоду. Но при такой величинѣ земли, какъ могло бы солнце въ одно мгно-

веніе времени освѣтить всю ее, если бы не изъ великаго круга посылало лучи свои? Изъ сего познай премудрость Художника, Который солнцу далъ теплоту соразмѣрную такому разстоянію. Жаръ солнца таковъ, что не пожигаетъ земли чрезмѣрностію, и не оставляетъ ее, по причинѣ недостатка жара, охлажденною и безплодною.

И о лунѣ представляй нѣчто подобное сказанному о солнцѣ. И ея тѣло велико и послѣ солнца самое свѣтлое. Впрочемъ величина ея не всегда пребываетъ видимою; а напротивъ того является то полною въ видѣ круга, то не достигающею до полнаго круга и уменьшенною, показывающею остатокъ той или другой своей части. Ибо луна одною своею частію помрачается, когда возрастаетъ, а другая ея часть закрывается во время ущерба. И премудрый Создатель имѣлъ какую нибудь тайную причину сего разнообразнаго измѣненія видовъ луны.

Можетъ быть, намъ хотѣлъ Онъ дать явственный образецъ нашего естества, что ничто человѣческое не постоянно, но иное изъ небытія приходитъ въ совершенство, а другое, достигнувъ своей зрѣлости и возрастши до наибольшей своей мѣры, чрезъ постепенныя убавленія истощается и утрачивается, и уменьшаясь, истребляется. Посему, взирая на луну, можемъ познать самихъ себя, и составивъ себѣ понятіе о скорой превратности всего человѣческаго, не думать высоко о благоденствіи жизни, не восхищаться своимъ могуществомъ, не превозноситься невѣрнымъ богатствомъ, презирать плоть, которой свойственна измѣняемость,

имѣть же попеченіе о душѣ, которой благо непоколеблемо. Если тебя огорчаетъ луна, при постепенныхъ уменьшеніяхъ теряющая свѣтъ; то пусть еще болѣе огорчаетъ тебя душа, которая стяжала добродѣтель, и по нерадѣнію обращаетъ въ ничто свою доброту, никогда не остается въ томъ же расположеніи, но, по неосновательности мыслей, непрестанно обращается туда и сюда и измѣняется. Ибо дѣйствительно, по сказанному, *безумный яко луна измѣняется* (Сир. 27, 11.).

Но думаю, что лунныя перемѣны имѣютъ не малое вліяніе на устройство животныхъ и на прочія земныя произведенія. Ибо инаково состояніе тѣлъ, когда луна убываетъ, и инаково, когда она возрастаетъ. То съ ущербомъ луны дѣлаются они тонки и тощи, то, при возрастаніи луны и приближеніи ея къ полнотѣ, и тѣла опять полнѣютъ; потому что луна непримѣтнымъ образомъ сообщаетъ имъ какую-то влажность, растворенную съ теплотою и проникающую во внутренность. Доказываютъ же сіе тѣ, которые спятъ на лунномъ свѣтѣ, и у которыхъ головныя пустоты наполняются излишнею влагой, а также мяса недавно убитыхъ животныхъ, которыя отъ паденія на нихъ лунныхъ лучей скоро портятся, и еще: мозги животныхъ, влажность животныхъ морскихъ и сердцевины деревъ. Но всего этого луна не могла бы измѣнять вмѣстѣ съ своимъ измѣненіемъ, если бы въ ней, согласно съ свидѣтельствомъ Писанія, не было чего-то особеннаго и превосходнаго по силѣ.

Но и видоизмѣненія въ воздухѣ бываютъ согласны съ перемѣнами луны, какъ свидѣтельствуютъ

не рѣдко послѣ тихой и ясной погоды случающіяся у насъ при новолуніи бури отъ движенія и взаимнаго столкновенія облаковъ, также обратныя теченія еврипов, приливъ и отливъ въ, такъ называемомъ, океанѣ, по замѣчанію прибрежныхъ жителей въ точности слѣдующій времени лунныхъ кругообращеній. Ибо еврипы при прочихъ видахъ луны текутъ въ ту и другую сторону; а во время рожденія ни на минуту не остаются въ покоѣ, но находятся въ волненіи и непрестанномъ колебаніи, пока луна, сдѣлавшись опять видимою, не введетъ нѣкоторой послѣдовательности въ обратныхъ теченіяхъ. А западное море подвержено отливамъ и приливамъ, то убывая, то опять прибывая, какъ будто бы луна своими вдыханіями отвлекаетъ его назадъ, и опять своими же выдыханіями гонитъ до свойственной ему высоты.

Сіе сказано мною въ доказательство величины свѣтилъ и въ подтвержденіе, что въ богодухновенныхъ словахъ нѣтъ ничего напрасно сказаннаго даже и до единаго слова; хотя наше слово и не коснулось почти ничего главнаго. Ибо о величинахъ и разстояніяхъ солнца и луны можно многое найдти посредствомъ умозаключеній, если кто не поверхностно разсмотритъ ихъ дѣйствія и силы. И намъ должно искренно признаться въ своей немощи, чтобы кто не сталъ нашимъ словомъ измѣрять величайшихъ созданій, а напротивъ того изъ не многаго нами сказаннаго самъ вывелъ заключеніе о томъ, сколь многое нами опущено, и какъ оно важно.

Посему измѣряй луну не глазомъ, но разсуд-

комъ, который при открытіи истины гораздо вѣрнѣе глазъ. Повсюду распространились смѣшныя какія-то басни—бредъ пьяныхъ старухъ, будто бы луна, сдвигнутая съ своего основанія какими-то чародѣйствами, низводится на землю. Какимъ же образомъ наговоры чародѣевъ подвигнутъ ту, которую основалъ Самъ Вышній? Да и гдѣ помѣстится она сведенная съ неба?

Хочешь ли изъ малыхъ признаковъ заимствовать доказательство объ ея величинѣ? Города, наиболѣе отстоящіе одинъ отъ другаго во вселенной, всѣ равно принимаютъ лунный свѣтъ на стогны свои, обращенныя къ востоку. Но если бы луна не была всѣмъ прямо противоположна; то она, безъ сомнѣнія, освѣщала бы узкія улицы, на одной прямой съ нею лежащія, а въ улицы, выходящія изъ ея широты, бросала бы наклоненные лучи, идущіе наискось. Это можно видѣть на свѣтильникахъ, зажигаемыхъ въ домахъ. Когда около свѣтильника стоятъ многіе; тѣнь стоящаго на одной съ нимъ прямой лежитъ прямо, а прочія тѣни уклоняются въ ту или другую сторону. Посему если бы лунное тѣло не было огромно и не имѣло превосходной величины, то не находилось бы одинаково противу всѣхъ. Ибо когда луна восходитъ въ мѣстахъ равноденственныхъ, одинаково видятъ ее живущіе въ холодномъ поясѣ подъ кругомъ Медвѣдицы и жители жаркаго пояса, вдавшагося на полдень. Ко всѣмъ имъ обращена она прямо своею широтою, и тѣмъ даетъ самое ясное свидѣтельство о своей величинѣ. Кто же будетъ еще спорить, что тѣло ея весьма велико, какъ равняющееся вдругъ столь

многимъ предметамъ и на такихъ большихъ разстоянiяхъ? И сего довольно о величинѣ солнца и луны.

Но Даровавшiй намъ разумѣнiе, чтобы и изъ малѣйшихъ творенiй познавать великую мудрость Художника, да подастъ силы изъ великихъ тварей прiобрѣсть еще большiя понятiя о Творцѣ; хотя въ сравненiи съ Создателемъ и солнце и луна не болѣе муравья и мошки. Ибо изъ нихъ не льзя заимствовать такого умозрѣнiя, которое было бы достойно величiя Бога всяческихъ, но могутъ они возводить насъ только къ малымъ нѣкоторымъ и неяснымъ представленiямъ, равно какъ и каждое изъ самыхъ малыхъ животныхъ или былiй. Удовольствуемся сказаннымъ, и возблагодаримъ — я Даровавшаго мнѣ сiе малое служенiе слова, а вы Питающаго духовными брашнами. Онъ и нынѣ напиталъ васъ малоцѣнностiю моей рѣчи, какъ бы ячменнымъ какимъ хлѣбомъ, и да питаетъ всегда, по мѣрѣ вѣры подавая вамъ *явленiе Духа* (1 Кор. 12, 7.), о Христѣ Iисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА 7.

О ПРЕСМЫКАЮЩИХСЯ.

И рече Богъ: да изведутъ воды гады душъ живыхъ по роду, и птицы летающія по тверди небеснѣй, по роду (Быт. 1, 20.). По сотвореніи свѣтилъ наполняются и воды животными, чтобы и эта область была украшена. Земля получила уже украшеніе въ свойственныхъ ей произрастеніяхъ; и небо имѣло также цвѣты свои — звѣзды, и, какъ бы два ока, украшала его чета великихъ свѣтилъ; оставалось и водамъ дать приличное украшеніе. Вышло повелѣніе; и тотчасъ рѣки производятъ, и озера раждаютъ свойственныя себѣ и естественныя породы; и море чревоболѣзнуетъ всякаго вида плавающими животными. Гдѣ только ни была вода, въ болотахъ и тинистыхъ мѣстахъ,— она не остается бездѣйственною и не участвующею въ размноженіи тварей. Ибо нѣтъ сомнѣнія, что изъ воды воскипѣли жабы, мошки и комары. Видимое нынѣ служитъ доказательствомъ и прошедшаго. Такъ, всякая вода спѣшила исполнить повелѣніе Зиждителя; дѣятельная и самодвижная

жизнь тварей, которыхъ породы даже неисчислимы, немедленно явлена великою и неизреченною Божiею силою, потому что повелѣнiемъ Божiимъ сообщена водамъ способность живораждать.

Да изведутъ воды гады душъ живыхъ. Теперь въ первый разъ созидается животное одушевленное и одаренное чувствомъ. Ибо растенiя и дерева, хотя имъ приписывается жизнь, какъ имѣющимъ питательную и растительную силу, еще не животныя и не одушевленныя твари. Для сего-то *да изведутъ воды гады.* Все плавающее, плаваетъ ли по поверхности водъ, или разсѣкаетъ водныя глубины, принадлежитъ къ природѣ пресмыкающихся, потому что влачитъ тѣло по водѣ. Хотя нѣкоторые изъ водяныхъ животныхъ имѣютъ ноги и могутъ ходить (особенно таковы многiя изъ водоземныхъ, какъ-то: тюлени, крокодилы, бегемоты, жабы и раки); но имъ свойственнѣе плавать. Посему *да изведутъ воды гады.* Какая порода опущена въ сихъ немногихъ словахъ? Что не включается въ этомъ зиждительномъ повелѣнiи? Не включаются ли живородящiя, каковы: тюлени, дельфины, гнюси и подобныя имъ, такъ называемыя, хрящеватыя рыбы? Не включаются ли мечущiя икру, каковы почти всѣ породы рыбъ твердочешуйныхъ и мягкочешуйныхъ, снабженныхъ перьями и не снабженныхъ ими? Гласъ повелѣнiя краткокъ, или лучше сказать, это не гласъ, а только мановенiе и устремленiе воли, но мысль, заключающаяся въ повелѣнiи, столько же многообъемлюща, сколько есть различiй и сходствъ у рыбъ, которыхъ всѣхъ описать подробно то же значитъ,

что̀ и сочесть морскія волны, или попытаться ладонью вымѣрять воду въ морѣ.

Да изведутъ воды гады. Въ числѣ ихъ находятся и морскія, и прибрежныя, и водящіяся въ глубинахъ, и живущія на камняхъ, плавающія стадами и поодиначкѣ, киты, огромныя и мелкія рыбы. Отъ той же силы, отъ одинаковаго повелѣнія получаетъ бытіе и великое и малое.

Да изведутъ воды. Симъ показано тебѣ, что плавающія животныя имѣютъ естественное сродство съ водою; почему рыбы, не надолго разлученныя съ водою, умираютъ, ибо не имѣютъ дыханія, чтобы втягивать въ себя этотъ воздухъ. Но что̀ для земныхъ животныхъ воздухъ, то для породы плавающихъ вода. Причина сему очевидна. Въ насъ есть легкое, наполненное пустотами и скважинами, и грудобрюшня, которая, чрезъ расширеніе груди принимая въ себя воздухъ, провѣтриваетъ и прохлаждаетъ внутренній жаръ, а у нихъ расширеніе и сжатіе жаберъ, принимающихъ и выпускающихъ воду, заступаетъ мѣсто дыханія. У рыбъ собственное свое назначеніе, собственная своя природа, отдѣльная пища, своеобразная жизнь. Поэтому ни одно изъ плавающихъ животныхъ не можетъ сдѣлаться ручнымъ и вообще терпѣть прикосновенія руки человѣческой.

Да изведутъ воды гады душъ живыхъ по роду. Теперь повелѣваетъ произойдти начаткамъ каждой породы, и какъ бы нѣкоторымъ сѣменамъ естества, а множество живыхъ тварей сокрыта въ послѣдующемъ преемствѣ, когда нужно имъ будетъ расти и множиться. Къ иному роду припад-

лежатъ, такъ называемыя, черепокожныя, напримѣръ: раковины, гребенки, морскія улитки, веретенки, и тысячи разнообразныхъ устрицъ. Иной опять кромѣ сего родъ составляютъ, такъ именуемыя, мягкочерепныя: крабы, раки и тому подобное. Къ иному сверхъ сего роду принадлежатъ, такъ названные, слизняки, имѣющіе плоть мягкую и губчатую: полипы, каракатицы, и имъ подобные. И между сими опять есть безчисленныя различія; ибо драконы, мурены, угри, которые водятся въ илистыхъ рѣкахъ и озерахъ, по сходству природы своей, приближаются болѣе къ ядовитымъ пресмыкающимся, нежели къ рыбамъ. Иной родъ мечущихъ икру, и иной — живородящихъ. Живыхъ дѣтей раждаютъ выоны и мокрицы, и вообще животныя, такъ называемыя, хрящеватыя. Живородящіе суть: большая часть китовъ, делфины и тюлени, о которыхъ разсказываютъ, что они новорожденныхъ дѣтей своихъ, чѣмъ нибудь испуганныхъ, принявъ опять въ чрево, прячутъ тамъ.

Да изведутъ воды по роду. Иной родъ составляютъ киты, и иной — мелкія рыбы. И опять, между рыбами есть безчисленныя разности, различаемыя по родамъ; у нихъ и имена свои, и пища несходная, и наружность, и величина, и качества плоти — все раздѣлено между собою, имѣетъ весьма великія разности и относится къ различнымъ видамъ. Кто изъ наблюдавшихъ свойства рыбъ въ состояніи перечислить намъ разности породъ? Хотя они говорятъ о себѣ, что въ великихъ стадахъ рыбъ могутъ опредѣлять даже число; однако же кто изъ состарѣвшихся на взморьяхъ и берегахъ

можетъ разсказать намъ подробную исторію всѣхъ рыбъ? Иныя породы извѣстны рыболовамъ Индійскаго моря, иныя рыбнымъ промышленникамъ Египетскаго залива, иныя—островитянамъ, иныя Маврузіямъ (а). Но все, и малое и великое, одинаково произведено онымъ первымъ повелѣніемъ, оною неизреченною силою. Много несходствъ въ образѣ жизни, много разностей и въ расположеніи каждой породы. Большая часть рыбъ не насиживаютъ яицъ, какъ птицы, не вьютъ гнѣздъ, не вскармливаютъ съ трудомъ дѣтей своихъ, но вода, принявъ выметанную икру, производитъ изъ нея животное. И у каждой породы способъ распложенія неизмѣненъ и бываетъ безъ смѣшенія съ другою природою. Невозможно такое же распложеніе рыбъ, какъ распложаются лошаки на сушѣ, или невозможны такія же совокупленія, какія бываютъ у нѣкоторыхъ птицъ, производящихъ отъ себя смѣшанныя породы. Между рыбами нѣтъ вооруженныхъ зубами въ половину, какъ у насъ волъ и овца. Ибо ни одна изъ нихъ не имѣетъ жванія, исключая развѣ скара, о которомъ сіе разсказываютъ. Но всѣ рыбы снабжены весьма частыми и острыми зубами, чтобы пища при продолжительномъ жеваніи не растекалась; ибо, если бы не скоро была раздробляема и передаваема чреву, то во время самаго измелченія могла бы уносима быть водою.

Пища же различнымъ рыбамъ опредѣлена различная, по роду каждой. Однѣ питаются иломъ,

(а) Жителямъ Мавританіи.

другія поростами, иныя довольствуются травами, растущими въ водѣ, большая же часть пожираютъ другъ друга, и меньшая изъ нихъ служитъ пищею большей. Иногда случается, что овладѣвшая меньшею себя дѣлается добычею другой, и обѣ переходятъ въ одно чрево послѣдней? Что̀ же иное дѣлаемъ и мы люди, угнетая низшихъ? Чѣмъ различается отъ сей послѣдней рыбы, кто по ненасытимому богатолюбію во всепоглощающія нѣдра своего лихоимства сокрываетъ безсильныхъ? Онъ овладѣлъ достояніемъ нищаго, а ты, уловивъ его самого, сдѣлалъ частію своего стяжанія. Ты оказался несправедливѣе несправедливыхъ и любостяжательнѣе любостяжательнаго. Смотри, чтобы и тебя не постигъ одинакой конецъ съ рыбами — уда, верша, или сѣть. Безъ сомнѣнія же, и мы, совершивъ много неправдъ, не избѣгнемъ послѣдняго наказанія.

Примѣчая уже и въ слабомъ животномъ много хитрости и лукавства, желаю, чтобы ты избѣгалъ подражанія дѣлающимъ зло. Ракъ жаденъ до мяса устрицы; но ему трудно поймать эту добычу, у которой оболочкою черепъ. Ибо сама природа несокрушимымъ оплотомъ обезопасила нѣжную плоть устрицы, почему и называется она черепокожною. И поелику двѣ вогнутыя раковины, плотно приложенныя одна къ другой, совершенно закрываютъ устрицу; то клещи рака по необходимости остаются недѣйствительными. Что̀ же онъ дѣлаетъ? Какъ скоро видитъ, что устрица въ безвѣтреномъ мѣстѣ съ наслажденіемъ грѣется и открываетъ половинки своего черепа солнечнымъ

лучамъ, непримѣтно вбросивъ въ нихъ камень, препятствуетъ закрыться и овладѣваетъ добычею, недостатокъ силы замѣнивъ выдумкою. Такая злоумышленность въ животныхъ не одаренныхъ ни разумомъ, ни словомъ! А я хочу, чтобы ты, подражающій умѣнью и ловкости раковъ снискивать пищу, удерживался отъ вреда ближнимъ. Таковъ тотъ, кто съ коварствомъ приходитъ къ брату, содѣйствуетъ невзгодамъ ближняго, увеселяется чужими бѣдами. Бѣгай того, чтобы подражать людямъ предосудительнымъ; довольствуйся собственнымъ. Нищета, при истинномъ самодовольствѣ, для цѣломудренныхъ предпочтительнѣе всякаго наслажденія.

Не могу умолчать о лукавствѣ и вороватости полипа, который всякій разъ принимаетъ цвѣтъ камня, къ которому легко пристаетъ; почему многія рыбы, безъ опасенія плавая, приближаются къ полипу, точно какъ въ камню, и дѣлаются готовою добычею хитреца. Таковы нравомъ тѣ, которые угождаютъ всякой преобладающей власти, каждый разъ сообразуются съ обстоятельствами, не держатся постоянно одного и того же намѣренія, удобно дѣлаются то тѣмъ, то другимъ, съ цѣломудренными уважаютъ цѣломудріе, съ невоздержными невоздержны, въ угодность всякому перемѣняютъ расположенія. Отъ такихъ людей не легко уклониться, и спастись отъ наносимаго ими вреда; потому что задуманное ими лукавство глубоко закрыто личиною дружбы. Людей такого нрава Господь называетъ волками хищными, которые являются во одеждахъ овчихъ (Матѳ. 7, 15.). Бѣгай

на все изворотливаго и многоличнаго нрава, домогайся истины, искренности и простоты. Змѣя пестровидна, за то и осуждена пресмыкаться. Праведникъ не лукавъ, какъ и Іаковъ (Быт. 25, 27.). Посему *вселяетъ Господь единомысленныя въ домъ* (Псал. 67, 7.).

Сіе море великое и пространное: тамо гади, ихже нѣсть числа, животная малая съ великими (Псал. 103, 25). Однако же у нихъ есть мудрый и благоустроеный порядокъ. Мы не осуждать только должны рыбъ; у нихъ есть нѣчто и достойное подражанія. Какимъ образомъ каждая порода рыбъ, получивъ въ удѣлъ удобную для себя страну, не дѣлаетъ нашествій на другія породы, но живетъ въ собственныхъ своихъ предѣлахъ? Ни одинъ землемѣръ не отводилъ имъ жилищъ, онѣ не ограждены стѣнами, не отдѣлены рубежами, но безспорно каждой породѣ уступлено полезное. Одинъ заливъ прокармливаетъ такія породы рыбъ, а другой - другія; во множествѣ водящіяся здѣсь рыбы рѣдки въ другихъ мѣстахъ. Не раздѣляетъ гора, возносящая острыя вершины, не пересѣкаетъ перехода рѣка; но есть какой-то законъ природы, который равно и правдиво, сообразно съ потребностями каждой породы, распредѣляетъ имъ мѣста жительства. Но мы не таковы. Изъ чего сіе видно? Изъ того, что *прелагаемъ предѣлы вѣчныя, яже положиша отцы наши* (Прит. 26, 28.). Перерѣзываемъ землю, *совокупляемъ домъ къ дому и село къ селу, да ближнему отъимемъ что* (Иса. 5, 8.). Киты знаютъ опредѣленное имъ природою мѣстопребываніе; они заняли море,

лежащее внѣ обитаемыхъ странъ, не имѣющее островов, за которымъ нѣтъ уже ни какой твердой земли; почему оно не кораблеходно; ни любопытство, ни какая либо нужда не побуждаютъ пловцевъ пускаться въ него. Сіе-то море занявъ киты, величиною, какъ сказываютъ самовидцы, уподобляющіеся величайшимъ горамъ, пребываютъ въ собственныхъ своихъ предѣлахъ, не дѣлая вреда ни островамъ, ни приморскимъ городамъ. Такъ, каждая порода поселяется въ назначенныхъ ей частяхъ моря, какъ бы въ городахъ, или селахъ, или древнихъ родовыхъ отчинахъ.

А есть и перехожія рыбы. Онѣ, какъ бы по общему совѣщанію собравшись на переселеніе, всѣ отправляются подъ однимъ знаменемъ. Ибо, какъ скоро наступитъ опредѣленное для нихъ время чадородія, поднявшись изъ разныхъ заливовъ, и побуждаемыя общимъ закономъ природы, поспѣшаютъ въ сѣверное море. Во время сего восхожденія увидишь рыбъ, соединенныхъ какъ бы въ одинъ потокъ, и текущихъ чрезъ Пропонтиду въ Евксинскій Понтъ. Кто же ихъ движетъ? Какое царское повелѣніе, какіе указы прибитые на площади извѣщаютъ о наступившемъ срокѣ? Кто у нихъ проводники? Видишь, какъ Божіе распоряженіе все замѣняетъ собою и доходитъ до самыхъ малыхъ тварей!

Рыба не прекословитъ Божію закону; а мы человѣки не соблюдаемъ спасительныхъ наставленій. Не презирай рыбъ потому, что онѣ совершенно безгласны и неразумны; но бойся, чтобы не сдѣлаться тебѣ неразумнѣе и рыбъ, чрезъ противле-

ніе постановленію Творца. Выслушай, что едва не говорятъ тебѣ рыбы своими дѣйствіями: «мы для продолженія рода собираемся въ это дальнее странствованіе.» У нихъ нѣтъ своего разума, но есть естественный законъ, крѣпко въ нихъ основанный, и показывающій, что̀ имъ дѣлать. «Пойдемъ, — говорятъ онѣ, — въ сѣверное море.» Въ немъ вода слаще, нежели въ прочихъ моряхъ, потому что солнце стоитъ надъ нимъ не долго, и не извлекаетъ изъ него лучами всего годнаго къ питію. А сладости любятъ и обитатели морей, почему часто уплываютъ въ рѣки и стремятся вдаль отъ моря. Поэтому Понтъ предпочитается ими прочимъ заливамъ, какъ благопріятный къ рожденію и воспитанію дѣтей. Но какъ скоро достаточно выполнено желаемое, опять всею толпою возвращаются онѣ домой. И какая тому причина? выслушаемъ у безмолвныхъ. «Сѣверное море, — говорятъ онѣ, — не глубоко, и будучи открыто для сильныхъ вѣтровъ, мало имѣетъ береговъ и убѣжищъ, почему вѣтры удобно взволновываютъ его до самаго дна, такъ что и глубокій песокъ мѣшаютъ съ волнами. Къ тому же оно зимней порою холодно, какъ наполняемое многими и большими рѣками.» Посему рыбы, въ извѣстной мѣрѣ насладившись имъ во время лѣта, къ зимѣ опять поспѣшаютъ въ теплоту глубинъ и въ страны лежащія подъ солнцемъ, и избѣгая бушеванія сѣверныхъ вѣтровъ, укрываются въ заливахъ менѣе обуреваемыхъ.

Видѣлъ я это, и дивился во всемъ Божіей премудрости. Если неразумныя твари догадливы и искусны въ попеченіи о собственномъ своемъ спа-

сеніи, и если рыба знаетъ, что ей избрать, и чего ей бѣгать; что скажемъ мы, отличенные разумомъ, наставленные закономъ, побужденные обѣтованіями, умудренные Духомъ, и при всемъ томъ распоряжающіе своими дѣлами неразумнѣе рыбъ? Ибо онѣ умѣютъ промышлять нѣсколько о будущемъ, а мы, отринувъ надежду на будущее, губимъ жизнь въ скотскомъ сластолюбіи. Рыба мѣняетъ столько морей, чтобы найдти какое нибудь удобство; что же скажешь ты, провождающій жизнь въ праздности? Праздность — начало злыхъ дѣлъ. Никто да не извиняется невѣдѣніемъ. Въ насъ вложенъ природный разумъ, который учитъ присвоять себѣ доброе, а удалять отъ себя вредное.

Не перестану представлять въ примѣръ морскихъ обитателей; потому что они подлежатъ нашему разсмотрѣнію. Слышалъ я отъ одного приморскаго жителя, что морской ежъ, животное, конечно, малое и презрѣнное, часто даетъ знать пловцамъ о тишинѣ и бурѣ. Когда предчувствуетъ онъ волненіе отъ вѣтровъ, взойдя на какой нибудь значительный камень, на немъ, какъ на якорѣ, съ твердостію выноситъ бурю, потому что тяжесть камня препятствуетъ увлечь его волнамъ. И какъ скоро мореходцы усматриваютъ этотъ признакъ; знаютъ, что надобно ожидать сильнаго движенія вѣтровъ. Ни какой звѣздочетъ, ни какой Халдей, предугадывающій по восхожденію звѣздъ волненія въ воздухѣ, не училъ сему ежа, но Господь моря и вѣтровъ и въ маломъ животномъ положилъ ясные слѣды великой Своей премудрости. У Бога ничто не оставлено безъ промышленія и попеченія; все

назираетъ сіе недремленное Око, всему Оно присуще, предустрояя спасеніе каждой твари. Ежели и ежа не исключилъ Богъ изъ Своего надзора; то какъ не надзирать Ему за твоею жизнію?

Мужіе, любите жены, (Ефес. 5, 25.), хотя вы чужды были другъ другу, когда вступали въ брачное общеніе! Сей узелъ естества, сіе иго, возложенное съ благословеніемъ, да будутъ единеніемъ для васъ, бывшихъ далекими! Ехидна, самая лютая изъ пресмыкающихся, для брака сходится съ морскою муреною, и свистомъ извѣщая о своемъ приближеніи, вызываетъ ее изъ глубинъ для супружескаго объятія. И она слушается и вступаетъ въ соединеніе съ ядовитою ехидной. Къ чему клонится сія рѣчь? Къ тому, что если и суровъ, если и дикъ нравомъ сожитель, супруга должна переносить это и ни подъ какимъ предлогомъ не соглашаться на расторженіе союза. Онъ буенъ? Но мужъ. Онъ пьяница? Но соединенъ по естеству. Онъ грубъ и своенравенъ? Но твой уже членъ и даже драгоцѣннѣйшій изъ членовъ.

Да выслушаетъ и мужъ приличное ему наставленіе! Ехидна, уважая бракъ, предварительно извергаетъ свой ядъ; ужели же ты изъ уваженія къ союзу не отложишь жестокосердія и безчеловѣчія? Но примѣръ ехидны, можетъ быть, и иначе послужитъ намъ въ пользу; потому что соединеніе ехидны съ муреною есть нѣкоторое прелюбодѣяніе въ природѣ. Да вразумятся же тѣ, которые посягаютъ на чужое брачное ложе; какому пресмыкающемуся уподобляются они? У меня одна цѣль—все обращать въ назиданіе Церкви. Да укро-

тятся страсти невоздержныхъ — обуздываемыя примѣрами взятыми съ суши и моря!

Здѣсь принуждаютъ меня положить конецъ слову и тѣлесная немощь и вечернее время, хотя для любителей слушанія и могъ бы я присовокупить еще много достоудивительнаго о морскихъ произведеніяхъ, о самомъ морѣ: какъ вода отвердѣваетъ въ соль; какъ многоцѣнный камень кораллъ въ морѣ бываетъ травой, а когда вынесенъ на воздухъ, получаетъ твердость камня; откуда природа въ самое малоцѣнное животное — устрицу вложила драгоцѣнный бисеръ. Чего домогаются царскія сокровищницы, то разсыпано на взморьяхъ, при берегахъ, около дикихъ камней и лежитъ въ оболочкахъ устрицъ. Изъ чего морскія перья (б) возращаютъ златую волну, цвѣту которой доселѣ не умѣлъ подражать ни одинъ красильщикъ? Изъ чего улитки дарятъ царямъ порфиры, которыя доброцвѣтностію превзошли и полевые цвѣты?

Да изведутъ воды. И что жъ изъ необходимаго не произведено ими? Что изъ многоцѣннаго не даровано жизни? Одно сотворено на службу человѣкамъ, а другое для того, чтобы онъ созерцалъ чудеса творенія; иное же для насъ страшно, чтобы вразумлять нашу нерадивость.

Сотвори Богъ киты великіи (Быт. 1, 21.). Великими названы они не потому, что больше нежели сквилла и мена (в), но потому что огромно-

---

(б) Такъ называются раковины, въ которыхъ заключающіяся животныя выпускаютъ изъ себя шелкъ.

(в) Породы морскихъ раковъ.

стію тѣла равняются съ самыми великими горами, а иногда кажутся островами, если всплываютъ на поверхность воды. И они при такой величинѣ не у береговъ водятся и не на взморьяхъ, но живутъ въ, такъ называемомъ, Атлантическомъ морѣ. Таковы животныя созданныя намъ въ страхъ и въ ужасъ. Но если слышишь, что малѣйшая рыбка прилипуша останавливаетъ величайшіе корабли, при благополучномъ вѣтрѣ несущіеся на полныхъ парусахъ, и что она долгое время держитъ корабль неподвижнымъ, какъ будто бы имъ середи самаго моря пущены корни; то и въ этой малой рыбкѣ не имѣешь ли такого же доказательства о могуществѣ Творца? Ибо не только Мечи, Пилы, Аккулы, Балены и Молотки рыбы страшны, но не менѣе страшны — жало рыбы пилохвоста, даже мертвой, и рыба пинагорь, потому что онѣ приносятъ скорую и неизбѣжную гибель. Такимъ образомъ Творецъ всѣмъ хочетъ пріучить тебя къ бдительности, чтобы ты, въ надеждѣ на Бога, избѣгалъ причиняемаго ими вреда.

Но, спасшись изъ глубинъ, прибѣгнемъ на твердую землю. Ибо чудеса мірозданія, одно за другимъ подавляя насъ собою, какъ бы подобно волнамъ, частыми и непрерывными притоками, держали слово наше погруженнымъ въ водахъ; хотя для меня и то будетъ удивительно, если мысль наша не встрѣтитъ на твердой землѣ еще большихъ чудесъ и, по примѣру Іоны, не побѣжитъ опять къ морю. Но мнѣ кажется, что слово мое, увлекшись тысячами чудесъ, забыло соразмѣрность, и подверглось одной участи съ плаваю-

щими по морю, которые, не имѣя непремѣнныхъ знаковъ къ измѣренію своего движенія, часто не знаютъ, далеко ли уплыли. То же, кажется мнѣ, случилось и съ нами; пока слово обтекало твореніе, мы и не почувствовали множества нами сказаннаго. Но хотя честное сіе собраніе и имѣетъ охоту къ слушанію, и для слуха рабовъ пріятно повѣствованіе о чудесахъ Владычнихъ; однако же, здѣсь введя слово въ пристань, подождемъ дня, чтобы пересказать остальное. Востанемъ же всѣ, возблагодаримъ за сказанное, и помолимся объ исполненіи оставшагося. Да будетъ у васъ и во время принятія пищи предметомъ застольныхъ бесѣдъ какъ то, чего коснулось слово утромъ, такъ и то, что̀ излагало оно вечеромъ; въ мысляхъ о семъ застигнутые сномъ, и почивая, да насладитесь дневнымъ веселіемъ, чтобы можно было сказать вамъ о себѣ: *азъ сплю, а сердце мое бдитъ* (Пѣсн. Пѣсн. 5, 2.), день и ночь поучаясь въ законѣ Господа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА 8.

О ПТИЦАХЪ.

И рече Богъ: да изведетъ земля душу живу по роду, четвероногая и гады, и звѣри земли по роду: и бысть тако (Быт. 1 , 24.). Вышло повелѣніе, слѣдовавшее по порядку, и земля получила свойственное ей украшеніе. Тамъ сказано: *да изведутъ воды гады душъ живыхъ;* здѣсь: *да изведетъ земля душу живу.* Ужели земля одушевлена? и правы суемудрые Манихеи, которые и въ землю влагають душу? Когда сказалъ: *да изведетъ ;* не значитъ, что земля износитъ уже находившееся въ ней; но Давшій повелѣніе даровалъ землѣ и силу извести. Ибо когда земля услышала: *да прорастить быліе травное и древо плодовитое;* не сокрытую какую нибудь въ ней траву извела изъ себя, не таившіеся гдѣ нибудь внизу въ нѣдрахъ ея пальмы, или дубъ, или кипарисъ, пустила на свою поверхность; но Божіе слово созидаетъ естество тварей. *Да прорастить земля;* да изринетъ не то, что̀ имѣетъ, но да пріобрѣтетъ то, чего не имѣетъ, поколику Богъ даруетъ силу дѣйствовать.

Такъ и теперь: *да изведетъ земля душу*, не ту, которая уже въ ней, но ту, которая дана ей Богомъ чрезъ самое сіе повелѣніе. Притомъ, ученіе Манихеевъ само собою обращается противъ нихъ. Ибо если земля извела душу, то себя оставила она уже лишенною души. Но мерзость ихъ ученія сама собою очевидна.

Почему, однако же, водамъ повелѣно извести *гады душъ живыхъ*, а землѣ — *душу живу?* Потому, какъ разсуждаемъ, что естество плавающихъ причастно, по видимому, жизни менѣе совершенной, по самому обитанію своему въ грубой водѣ. И слухъ у нихъ тяжелъ, и видятъ они тупо, потому что смотрятъ сквозь воду; у нихъ нѣтъ ни памяти, ни представленія, ни понятія о свычкѣ. Посему слово какъ бы показываетъ, что въ водныхъ животныхъ плотская жизнь управляетъ душевными движеніями; а въ животныхъ, живущихъ на сушѣ, такъ какъ жизнь въ нихъ совершеннѣе, все владычество вручено душѣ. У большей части четвероногихъ чувства больше уяснены, представленія настоящаго изощрены, памятованіе прошедшаго подробно. Посему, какъ кажется, въ водныхъ сотворены одушевленныя тѣла (ибо гады душъ живыхъ изведены изъ воды), въ живущихъ же на сушѣ повелѣно произойдти душѣ управляющей тѣломъ, чтобы обитающія на землѣ нѣсколько болѣе причастны были жизненной силы. Ибо хотя и живущія на сушѣ животныя безсловесны, однако же каждое изъ нихъ естественнымъ своимъ голосомъ выражаетъ многія ихъ душевныя состоянія, ибо и радость, и скорбь, и знаніе привычнаго, и

недостатокъ пищи, и разлуку съ пасущимися вмѣстѣ, и другія многія состоянія оно обнаруживаетъ звукомъ. Водныя же животныя не только безгласны, но не могутъ быть ни укрощаемы, ни обучаемы, и ко всякому общенію въ жизни съ людьми неподручны. *Позна волъ стяжавшаго, и оселъ ясли господина своего* (Иса. 1, 31.); но рыба не можетъ знать того, кто ее кормитъ. Оселъ знаетъ привычный голосъ, знаетъ дорогу, по которой много разъ ходилъ, а иногда бываетъ путеуказателемъ и человѣку сбившемуся съ дороги; такой же остроты слуха, какая у сего животнаго, говорятъ, не имѣетъ ни одно изъ живущихъ на сушѣ животныхъ. Какое изъ морскихъ животныхъ могло бы подражать памятозлобію верблюда, его гнѣвливости и продолжительности гнѣва? Верблюдъ, если давно когда нибудь ударенъ, долгое время таивъ гнѣвъ, какъ скоро улучаетъ удобный случай, отмщаетъ за обиду. Слышите жестокосердые, старающіеся укоренить въ себѣ, какъ добродѣтель, памятозлобіе: кому вы подобны, когда огорченіе на ближняго, какъ искру, сокрытую въ пеплѣ, храните въ себѣ до тѣхъ поръ, какъ получивъ предлогъ, подобно пламени, распаляете гнѣвъ?

Да изведетъ земля душу живу. Для чего земля изводитъ душу живу? Чтобы ты зналъ различіе между душею скота и душею человѣка. Вскорѣ узнаешь, какъ сотворена душа человѣческая, а теперь слушай о душѣ безсловесныхъ. Поелику, по Писанію, *душа всякаго животнаго кровь его есть* (Лев. 17, 11.), а сгустившаяся кровь обыкновенно обращается въ плоть, и истлѣвшая плоть разла-

гается въ землю; то, по всей справедливости, душа скотовъ есть нѣчто земное. Итакъ *да изведетъ земля душу живу.* Разсмотри связь души съ кровію, крови съ плотію, плоти съ землею; и опять въ обратномъ порядкѣ переходи отъ земли къ плоти, отъ плоти къ крови, отъ крови къ душѣ; и ты найдешь, что душа скотовъ есть земля. Не думай, что она старше тѣлеснаго ихъ состава, и что она пребываетъ по разрушеніи тѣла. Убѣгай бредней угрюмыхъ философовъ, которые не стыдятся почитать свою душу и душу пса однородными между собою, и говорить о себѣ, что они были нѣкогда и женами, и деревьями, и морскими рыбами. А я, хотя не скажу, бывали ли они когда рыбами, однако же со всѣмъ усиліемъ готовъ утверждать, что, когда писали сіе, были безсмысленнѣе рыбъ.

Да изведетъ земля душу живу. Для чего, при обильномъ теченіи слова, молчалъ я не малое время, удивляются, можетъ быть, многіе. Но внимательнѣйшимъ изъ слушателей, конечно, не безъизвѣстна причина, по которой прервана рѣчь. Изъ чего же сіе видно? Изъ того, что они, взглядывая другъ на друга и подавая другъ другу знаки, обратили на себя мое вниманіе и привели мнѣ на мысль опущенное мною. Ибо цѣлый родъ тварей, и притомъ не маловажный, укрылся отъ насъ, и слово наше едва не простерлось далѣе, оставивъ его вовсе неизслѣдованнымъ.

Да изведутъ воды гады душъ живыхъ по роду, и птицы летающія по земли, по тверди небесной (Быт. 1, 20.). Говорили мы о плавающихъ, сколько

позволило вечернее время ; а сегодня перешли къ изслѣдованію живущихъ на сушѣ: но забыты нами птицы, занимающія средину между тѣми и другими. Посему, по примѣру забывчивыхъ путешественниковъ, которые, не захвативъ чего либо важнаго, хотя и много уже прошли пути, опять возвращаются тою же дорогой, и въ этомъ путешественномъ трудѣ несутъ достойное наказаніе за свою нерадивость, по сему, говорю, примѣру и намъ, кажется, необходимо идти назадъ прежнимъ путемъ. Ибо опущенное нами не должно быть презрѣно, но составляетъ, какъ кажется, третью часть живыхъ тварей, такъ какъ три рода животныхъ: живущее на сушѣ, летающее и водное.

Сказано: *да изведутъ воды гады душъ живыхъ по роду, и птицы летающія по земли, по тверди небеснѣй по роду.* Почему и птицъ произвелъ изъ водъ? Потому что у летающихъ съ плавающими есть какъ бы нѣкоторое сродство. Какъ рыбы разсѣкаютъ воду, посредствомъ движенія перьевъ поступая впередъ, а чрезъ обращеніе хвоста давая себѣ то поворотныя, то прямыя направленія; такъ и въ птицахъ можно видѣть, что онѣ подобнымъ образомъ плаваютъ по воздуху на крыльяхъ. Посему, такъ какъ у тѣхъ и другихъ одно свойство—плавать, то происхожденіемъ изъ водъ сообщено имъ одно нѣкоторое сродство, за исключеніемъ, что нѣтъ ни одной птицы безъ ногъ, потому что всѣмъ доставляетъ пропитаніе земля, и всѣ онѣ по необходимости имѣютъ нужду въ содѣйствіи ногъ. И хотя хищнымъ птицамъ для лова даны острія когтей, однако же прочимъ и въ до-

бываніи пищи и въ другихъ потребахъ жизни необходимую услугу доставляютъ ноги. У не многихъ птицъ слабыя ноги, и онѣ неспособны ни ходить, ни ловить ногами добычу; таковы ласточки, которыя не могутъ ни ходить, ни ловить ногами, и такъ называемыя щурки (а), которымъ опредѣлено въ пищу носящееся въ воздухѣ. Впрочемъ для ласточки летаніе близкое къ землѣ служитъ вмѣсто ногъ.

И у птицъ есть безчисленныя разности породъ; если кто станетъ ихъ описывать такимъ же образомъ, какъ отчасти коснулись мы разсмотрѣнія рыбъ, то найдетъ, что, хотя всѣ имѣютъ одно имя — птица, однако же въ нихъ много разностей по величинѣ, по виду, и цвѣту, и также въ родѣ жизни, въ занятіяхъ и нравахъ столько разнообразія между ними, что не льзя и описать. Нѣкоторые пытались уже составить свое именословіе, чтобы, по неупотребительному дотолѣ и новому наименованію, какъ по клейму, можно было распознавать свойство каждой породы. И однѣхъ птицъ назвали разрѣзистоперыми, каковы орлы, другихъ кожеперыми, каковы нетопыри; иныхъ плевоперыми, каковы осы; другихъ жесткоперыми, каковы жуки и всѣ родящіяся въ какихъ-то мѣшечкахъ и оболочкахъ, и по разорваніи своихъ надкрылій начинающія летать свободно. Но для насъ достаточный признакъ къ различенію свойства породъ — общая польза и употребительное въ Писаніи раз-

(а) Въ подлинникѣ дрепаны, которыхъ Плиній причисляетъ къ безногимъ птицамъ, а по переводу Евстаѳія — меропсы.

дѣленіе на чистыхъ и нечистыхъ. Итакъ инакова порода птицъ плотоядныхъ и инаково устройство ихъ, приличное способу ихъ пропитанія — острія когтей, загнутость клюва, полетъ быстрый, чтобы удобно уловлялась добыча, и растерзанная служила пищею ловцу. Инаково устройство птицъ, питающихся сѣменами, и инаково тѣхъ, которыя ѣдятъ все, что ни попалось. И между сими опять весьма много различій. Однѣ водятся стадами исключая хищныхъ птицъ; у сихъ нѣтъ ни какой общительности, кромѣ общенія между супругами. Но тысячи другихъ любятъ жизнь общественную, напримѣръ голуби, журавли, скворцы и галки. Опять и между сими у однѣхъ безначаліе и какъ бы вольность, а другія не отказываются подчиняться вождю, какъ журавли. А еще есть у нихъ и другое различіе, по которому однѣ осѣдлы и туземны, другія же обыкли улетать далеко и по большей части переселяться съ приближеніемъ зимы. Многія изъ птицъ, будучи воскормлены человѣкомъ, дѣлаются ручными и смирными, исключая слабосильныхъ, которыя, по причинѣ чрезмѣрнаго страха и робости, не терпятъ, чтобы ихъ часто безпокоили, прикасаясь рукою. А нѣкоторыя изъ птицъ любятъ жить съ людьми и въ однихъ съ нами жилищахъ: иныя живутъ на горахъ и любятъ пустыни. Весьма большое различіе составляетъ и свойство голоса въ каждой птицѣ. Однѣ изъ птицъ говорливы и болтливы, а другія молчаливы; однѣ пріятно поютъ и на разные голоса, другія совсѣмъ не имѣютъ музыкальности въ голосѣ и не умѣютъ пѣть. Однѣ переимчивы, или

отъ природы имѣя даръ подражать, или пріобрѣтя оный чрезъ упражненіе, а другія издаютъ однообразные и неизмѣнные звуки. Пѣтухъ гордъ, павлинъ любитель красоты; голуби и домашнія куры похотливы, и во всякое время предаются похоти; куропатка лукава и ревнива, хитро содѣйствуетъ ловцамъ къ уловленію добычи.

Тысячи также, какъ сказали мы, различій въ занятіяхъ и родѣ жизни. Нѣкоторыя изъ безсловесныхъ ведутъ жизнь гражданственную, поелику гражданственности свойственно, чтобы дѣйствія всѣхъ клонились къ одному общему концу, какъ это можно видѣть у пчелъ. Ибо у нихъ и жилище общее, и вылетъ общій, и занятіе у всѣхъ одно; а, что̀ всего важнѣе, за всякое дѣло принимаются подъ распоряженіемъ царя и чиноначальника, не прежде осмѣливаются вылетать на поля, какъ увидѣвъ царя предначавшимъ полетъ. И царь у нихъ не по большинству голосовъ избирается (ибо безразсудство народа часто поставляло начальникомъ худшаго), не по жребію получаетъ власть (ибо неразумная случайность жребія не рѣдко вручаетъ могущество самому послѣднему), не по родовому преемству возводится на царство (ибо таковые отъ роскоши и ласкательства всего чаще бываютъ маловѣдущи и не пріучены ни къ какой добродѣтели); но отъ природы имѣетъ первенство надъ всѣми, и превосходитъ ихъ величиною, видомъ и кротостію нрава. У царя сего есть и жало, но онъ не употребляетъ его на мщеніе. Таковы какъ бы неписанные законы природы, чтобы достигшіе высочайшаго могущества были медлительны въ

наказаніи. Впрочемъ, если которыя изъ пчелъ не послѣдуютъ примѣру царя, онѣ вскорѣ раскаяваются въ своей безразсудности, потому что умираютъ поражаемыя жаломъ. Да слышатъ сіе христіане, которые имѣютъ заповѣдь, *ни единому же зла за зло воздавать, но побѣждать благимъ злое*. (Рим. 12, 17. 21.).

Подражай особенному свойству пчелы, которая, никому не дѣлая вреда и не портя чужаго плода, составляетъ соты. Ибо воскъ, очевидно, собираетъ она съ цвѣтовъ, и медъ—эту въ видѣ росы разсѣянную въ цвѣтахъ влажность, высасывая ртомъ, впускаетъ въ полости сотовыхъ чашечекъ. Почему медъ сначала бываетъ жидокъ, потомъ, сгустившись отъ времени, достигаетъ свойственной ему вязкости и сладости. Прекрасныя и приличныя похвалы восписаны пчелѣ въ Притчахъ, гдѣ она названа мудрою и дѣятельною; ибо съ такимъ трудолюбіемъ собираетъ пищу (*еяже трудовъ*, говоритъ Притча (6, 8.), *царіе и простіи во здравіе употребляютъ*); съ такою мудростію устрояетъ влагалища для меда! Растянувъ воскъ въ тонкую кожицу, пчела строитъ изъ него частыя и непрерывно сплоченныя между собою углубленія, такъ что непрерывность взаимной связи между самыми малѣйшими частями служитъ опорою всему. Каждый колодчикъ примыкаетъ къ другому, отдѣляясь отъ него, а вмѣстѣ и соединяясь съ нимъ, тонкою перегородкою. Потомъ пещерки сіи надстроиваются однѣ надъ другими въ два или три ряда; потому что пчела опасается сдѣлать одну совершенно впадину, чтобы жидкость своею

тяжестію не проторглась вонъ. Смотри же, какъ изобрѣтенія Геометріи приложены къ дѣлу у премудрой пчелы. Всѣ сотовыя пещерки шестиугольны и равносторонни, и не въ прямой линіи лежатъ одна надъ другою, чтобы дны, приходясь надъ пустотами, не могли проломиться, но углы нижнихъ шестиугольниковъ служатъ основаніемъ и опорою для верхнихъ, чтобы безопасно поднимали на себѣ тяжесть, и влажность заключалась въ каждой пустотѣ отдѣльно.

Какъ же опишу тебѣ въ подробности всѣ свойства птицъ касательно рода жизни? Какъ напр. журавли по очереди содержатъ ночную стражу, и одни спятъ, а другіе, ходя вокругъ, доставляютъ имъ во время сна совершенную безопасность. Потомъ, когда исполнится срокъ стражи, стерегущій, вскрикнувъ, обращается ко сну, а другой смѣняетъ его, и отчасти вознаграждаетъ за ту безопасность, какою самъ пользовался. Такой же порядокъ усмотришь и въ летаніи ихъ. То одинъ, то другой служитъ путеводителемъ, и опредѣленное нѣкоторое время летѣвъ впереди, перелетаетъ назадъ, и право предводительства въ пути передаетъ другому, за нимъ слѣдующему.

А дѣла буселей не далеки отъ разумнаго совѣдѣнія. Всѣ они въ одно время прилетаютъ въ наши страны, и всѣ какъ бы подъ однимъ знаменемъ улетаютъ. Ихъ окружаютъ и сопровождаютъ наши воро́ны, которыя, какъ мнѣ кажется, подаютъ имъ нѣкоторую помощь противъ непріязненныхъ птицъ. Доказательствомъ же сему служитъ, во-первыхъ, то, что около сего времени вовсе не видно ни од-

ной вороны, а во-вторыхъ и то, что вороны, возвращающіяся съ ранами, носятъ на себѣ ясные знаки своего сподвижничества и ратоборства. Кто постановилъ у нихъ законы страннопріимства? Кто грозилъ имъ обвиненіемъ за оставленіе воинскаго строя, такъ что ни одна ворона не остается дома во время сопровожденія? Да слышатъ сіе негостепріимные, которые запираютъ двери, и даже зимой и ночью не хотятъ принять подъ кровъ свой пришельцевъ.

А заботливость буселей о состарѣвшихся достаточна къ тому, чтобы и нашихъ дѣтей, если только захотятъ внимать сему, сдѣлать отцелюбивыми. Ибо, конечно, нѣтъ человѣка столь скуднаго благоразуміемъ, чтобы не почелъ онъ себѣ за стыдъ быть въ добродѣтели ниже безсловесныхъ птицъ. Бусели, обступивъ вокругъ отца, у котораго отъ старости вылиняли перья, согрѣваютъ его своими крыльями, и обильно доставляя ему пищу, даже въ летаніи оказываютъ сильную помощь, слегка поддерживая съ обѣихъ сторонъ своими крыльями. И это такъ извѣстно всякому, что нѣкоторые вмѣсто: воздать за благодѣянія, говорятъ: отбуселить.

Никто да не сѣтуетъ на свою нищету, и хотя бы ничего не оставалось въ домѣ у него, да не отчаявается въ своей жизни, смотря на замысловатость ласточки. Когда вьетъ она гнѣздо, сучья носитъ во рту, но грязи не можетъ захватить ногами; посему, омочивъ края перьевъ въ водѣ и обмазавъ ихъ тонкою пылью, чрезъ этотъ способъ отвращаетъ недостатокъ въ грязи, и мало по малу,

какъ клеемъ, слѣпивъ грязью сучья, въ гнѣздѣ своемъ выкармливаетъ птенцовъ. А если кто имъ выколетъ глаза, ласточка отъ природы имѣетъ какое-то врачебное искусство, и посредствомъ онаго возвращаетъ здоровье глазамъ дѣтей. Научись изъ сего, по причинѣ нищеты, не приниматься за худыя дѣла, и въ самыхъ тяжкихъ злостраданіяхъ не терять надежды и не сидѣть въ праздности и бездѣйствіи, но прибѣгать къ Богу, Который, даруя столько ласточкѣ, тѣмъ больше подастъ тому, кто возопіетъ къ Нему отъ всего сердца.

Есть морская птица—зимородокъ. Она имѣетъ обычай вить гнѣздо у самыхъ береговъ, кладетъ яйца на пескѣ и сидитъ въ гнѣздѣ середи зимы, когда отъ частыхъ и сильныхъ вѣтровъ море выплескивается на сушу. Но вдругъ умолкаютъ вѣтры, и морская волна не движется, пока, въ теченіе седми дней, зимородокъ сидитъ на яицахъ; ибо во столько дней выводитъ онъ своихъ птенцовъ. Поелику же имъ нужна и пища, то великодаровитый Богъ далъ сему малѣйшему животному и другіе седмь дней на возращеніе птенцовъ. Это знаютъ всѣ мореплаватели, почему и называютъ дни сіи зимородковыми (б). Все сіе узаконено промышленіемъ Божіимъ о безсловесныхъ въ наученіе тебѣ, чтобы ты просилъ у Него нужнаго ко спасенію. Какія чудеса не совершатся для тебя, созданнаго по образу Божію, когда Богъ для такой малой птицы удерживаетъ великое и страшное

(б) Или алціоническими. Это 7 дней предъ зимнимъ солнцестояніемъ, и столько же дней послѣ онаго.

море, повелѣвъ ему быть тихимъ среди самой зимы?

Разсказываютъ о горлицѣ, что она, будучи разлучена съ супругомъ, не терпитъ уже общенія съ другимъ, но проводитъ безбрачную жизнь, въ память прежняго супруга отказываясь отъ новаго союза. Слышите жены, какъ честно вдовство, и у безсловесныхъ предпочитается неприличію многобрачія!

Въ воспитаніи дѣтей всѣхъ несправедливѣе поступаетъ орелъ. Выведя двухъ птенцовъ, одного изъ нихъ, отталкивая ударами крыльевъ, сбрасываетъ онъ на землю, принимаетъ же и усвояетъ себѣ только другаго, по трудности пропитанія отринувъ того, котораго родилъ. Впрочемъ отринутому, какъ сказываютъ, не даетъ погибнуть орелъ костоломъ, но беретъ его и воспитываетъ вмѣстѣ съ своими птенцами. Таковы тѣ изъ родителей, которые подъ предлогомъ нищеты подкидываютъ младенцевъ, или не наблюдаютъ равенства въ раздѣлѣ наслѣдства дѣтямъ. Ибо справедливость требуетъ, чтобы они, какъ равно дали каждому бытіе, такъ равно одинаковые доставили имъ способы къ жизни.

Не подражай жестокости птицъ, одаренныхъ кривыми когтями, которыя, какъ скоро видятъ, что птенцы ихъ уже отваживаются летать, начинаютъ бить и толкать ихъ крыльями, выкидываютъ изъ гнѣзда и не имѣютъ уже болѣе ни какого о нихъ попеченія. Похвально чадолюбіе вороны, которая слѣдуетъ и за летающими уже дѣтьми,

доставляетъ имъ пищу и кормитъ ихъ весьма долгое время.

Многія породы птицъ для зачатія не имѣютъ нужды въ сообщеніи съ самцами; но у другихъ неосѣмененныя яйца бываютъ безплодны. О коршунахъ (в) сказываютъ, что они большею частію раждаютъ дѣтей безъ взаимнаго сообщенія, и при всемъ томъ бываютъ весьма долговѣчны; ибо жизнь ихъ часто продолжается даже до ста лѣтъ. И сей случай изъ исторіи птицъ возми себѣ на замѣчаніе, чтобы, когда увидишь посмѣвающихся нашему таинству, будто бы не возможно и несовмѣстно съ природою родить Дѣвѣ, сохранивъ неоскверненнымъ свое дѣвство, могъ ты привести себѣ на мысль, что *Благоизволивый буйствомъ проповѣди спасти вѣрующихъ* (1 Кор. 1, 21.), къ удостовѣренію насъ въ чудесахъ, предварительно указалъ намъ множество случаевъ въ самой природѣ.

Да изведутъ воды гады душъ живыхъ, и птицы летающія по земли, по тверди небеснѣй. Птицамъ повелѣвается летать по землѣ, потому что земля доставляетъ всѣмъ пищу; но и по тверди небеснѣй, потому что, какъ предварительно нами замѣчено, небомъ (*ὀρανὸς*), отъ слова *ὁρᾶσθαι* (быть видиму), наименованъ здѣсь воздухъ; но сей воздухъ, находящійся надъ нашею головою,

---

(в) Св. Василій, вѣроятно, разумѣетъ здѣсь Египетскаго ворона, который въ Египтѣ былъ символомъ богини-Матери, и вообще женскаго начала Природы. О сей породѣ вороновъ Египтяне думали, что въ ней нѣтъ мужескаго пола. См. Hora Apoll. Lib. 1. cap. II. Amm. Marc. XVII. 4, 11.

названъ также и твердію, потому что онъ, въ сравненіи съ эѳирнымъ тѣломъ, нѣсколько плотнѣе и болѣе сгущенъ отъ поднимающихся паровъ.

Итакъ вотъ передъ тобою небо украшенное, облеченная въ убранство земля, море изобилующее свойственными ему порожденіями, воздухъ наполненный летающими въ немъ птицами! Все, что̀ Божіимъ повелѣніемъ приведено изъ небытія въ бытіе, даже и то, чего не коснулось нынѣ слово, уклоняясь отъ должайшаго замедленія на семъ предметѣ, и не желая показаться преступившимъ мѣру, все сіе, трудолюбецъ, сообразивъ въ умѣ своемъ, и во всемъ изучивъ премудрость Божію, не преставай никогда удивляться и во всякой твари славить Творца!

И во тмѣ ночной имѣешь породы птицъ, снискивающихъ пищу ночью, и во свѣтѣ дневномъ другія породы летающихъ днемъ. Ибо нетопыри, совы и филины принадлежатъ къ числу птицъ, питающихся ночью. Почему, если иногда нѣтъ у тебя сна, достаточно тебѣ остановиться на сихъ пернатыхъ и изслѣдовать находящіяся въ нихъ свойства, чтобы возбудить себя къ славословію Творца. Какъ неусыпенъ соловей, когда сидитъ на яицахъ, во всю ночь не прекращающій пѣнія! Какъ нетопырь есть вмѣстѣ и четвероногое животное, и птица; какъ онъ одинъ изъ птицъ имѣетъ зубы и раждаетъ живыхъ дѣтей подобно четвероногимъ, но плаваетъ по воздуху, поддерживаемый не крыльями, а какою-то кожаною перепонкою! Какая взаимная любовь въ сихъ тваряхъ отъ природы! Нетопыри, на подобіе цѣпи, сплетаются ме-

жду собою и держатся одинъ на другомъ, что не легко произвести и между нами человѣками; потому что отдѣльное и частное для многихъ изъ насъ предпочтительнѣе общаго и совокупнаго. Сколько уподобляются глазамъ совы упражняющіеся въ суетной мудрости! И у совы зрѣніе ночью остро, но помрачается, какъ скоро возсіяетъ солнце; и у нихъ весьма изощрено разумѣніе для пустыхъ умозрѣній, но омрачено къ познанію истиннаго свѣта.

А днемъ для тебя гораздо удобнѣе собирать отвсюду возбуждающее удивленіе къ Создателю. Какъ домашняя птица будитъ тебя на работу, восклицая пронзительнымъ голосомъ, еще издали возвѣщаетъ о приближающемся солнцѣ, рано встаетъ съ путешественниками, а земледѣльцевъ выводитъ на жатву! Какъ неусыпна порода гусей, какъ чутко слышатъ они непримѣтное другимъ! Гуси спасли нѣкогда царственный городъ, давъ знать о непріятеляхъ, которые, съ помощію тайныхъ подземныхъ подкоповъ, готовы уже были взять Римскую крѣпость. Въ какой породѣ птицъ природа не открываетъ какого либо особеннаго ей свойственнаго чуда? Кто предвѣщаетъ коршунамъ смерть людей, когда они ополчаются другъ противъ друга? Ибо увидишь, что безчисленныя стада коршуновъ слѣдуютъ за войсками и по приготовленію оружій заключаютъ о слѣдствіяхъ. А сіе не далеко уже отъ человѣческихъ умозаключеній.

Какъ опишу тебѣ страшныя полчища саранчи, которая, вдругъ поднявшись подъ однимъ знаменемъ, и расположившись станомъ на широтѣ

страны, не прежде касается до плодовъ, но когда дано ей будетъ повелѣніе Божіе? Какъ саранчу преслѣдуетъ селевкидъ (г), — это врачевство отъ язвы, птица, одаренная не имѣющею предѣловъ способностію пожирать, потому что человѣколюбивый Богъ въ благодѣяніе людямъ далъ ей ненасытную природу?

Какой способъ пѣнія у кузнечиковъ? Какъ они въ полдень поютъ громче обыкновеннаго, чрезъ производимое расширеніемъ груди привлеченіе воздуха, который издаетъ звукъ? Но кажется, что слово мое, изображая все чудесное у птицъ, отстаетъ болѣе, нежели сколько отсталъ бы я, покусившись на ногахъ своихъ слѣдовать за ихъ быстротою.

Когда видишь между птицами, такъ называемыхъ, насѣкомыхъ, напр. пчелъ и осъ (а насѣкомыми названы по причинѣ какихъ-то на нихъ повсюду видимыхъ насѣчекъ); замѣть, что у нихъ нѣтъ дыханія и легкаго, но всѣмъ тѣломъ принимаютъ онѣ въ себя воздухъ. Почему, обмочившись въ маслѣ, онѣ умираютъ отъ закрытія тѣлесныхъ скважинъ: но, облитыя вскорѣ уксусомъ, опять оживаютъ, потому что проходы для воздуха открываются. Богъ нашъ ничего не создалъ какъ избыточествующаго сверхъ потребности, такъ и недостаточествующаго въ чемъ либо нужномъ.

(г) О томъ, какъ селевкиды преслѣдуютъ и истребляютъ саранчу, свидѣтельствуетъ Галенъ, de locis affectis lib. 6. cap 3. Евстаѳій переводитъ margas (нырокъ).

Разсматривая опять животныхъ любящихъ воду, найдешь въ нихъ другое устройство, ступни неразделенныя, какъ у вороны, и не искривленныя, какъ у плотоядныхъ птицъ, но широкія и перепончатыя, чтобы удобно было плавать по водѣ и перепонками на ступняхъ, какъ веслами, раздвигать влагу. Когда замѣтишь, какъ лебедь, опуская шею въ глубину, достаетъ себѣ со дна пищу; и здѣсь откроешь премудрость Создателя, Который лебедю далъ шею длиннѣе ногъ, чтобы онъ, запуская ее, какъ уду, добывалъ себѣ пищу, сокрытую въ глубинѣ.

Слова Писанія, читаемыя просто, состоятъ изъ нѣсколькихъ краткихъ слоговъ: *да изведутъ воды птицы летающія по земли, по тверди небеснѣй*. Но изслѣдуемъ смыслъ, заключающійся въ словахъ, и тогда откроется великое чудо премудрости Создателя. Сколько различій предусмотрѣлъ Онъ въ птицахъ! Какъ отличилъ между собою одинакихъ породою! Какъ снабдилъ каждую птицу отличительными свойствами! Недостанетъ мнѣ дня, чтобы пересказать вамъ воздушныя чудеса. Насъ призываетъ суша и хочетъ показать намъ звѣрей, гадовъ и скотовъ, имѣя у себя въ готовности столько же стоющее вниманія, какъ и растенія, и родъ плавающихъ, и всѣ птицы. *Да изведетъ земля душу живу скотовъ и звѣрей и гадовъ по роду*.

Что̀ скажете вы, которые не вѣрите Павлу объ измѣненіи при воскресеніи, когда видите, что многія изъ воздушныхъ животныхъ перемѣняютъ свой видъ? Такъ разсказываютъ и объ Индійскомъ червѣ

рогоносцѣ, который сначала превращается въ куколку, потомъ со временемъ дѣлается шелковичною бабочкой, но и въ этомъ видѣ не остается, но окрыляется мягкими и широкими лепестками. Посему, когда сидите вы, женщины, и прядете произведеніе этихъ червей, то есть нити, какія доставляютъ вамъ сиры (д), для приготовленія роскошныхъ одеждъ, приводя себѣ на память превращеніе сего животнаго, составляйте ясное представленіе о воскресеніи, и не сомнѣвайтесь объ измѣненіи, которое всѣмъ возвѣщаетъ Павелъ.

Но чувствую, что слово превосходитъ мѣру; когда посмотрю на множество мною сказаннаго, вижу, что симъ я преступилъ мѣру: но опять, когда обращу вниманіе на разнообразіе премудрости, явленной въ тваряхъ, мнѣ кажется, что я еще и не начиналъ своей бесѣды. Къ-тому же и держать васъ долѣе не безполезно. Ибо что̀ сталъ бы иной изъ васъ дѣлать до вечерняго времени? Васъ не торопятъ учредители пиршествъ, васъ не ожидаютъ угощенія: а посему, если угодно, употребимъ тѣлесный постъ къ увеселенію душъ. Часто служилъ ты плоти, доставляя ей наслажденія: теперь побудь въ служеніи душѣ. *Насладися Господеви, и дастъ ти прошенія сердца твоего* (Псал. 36, 4.). Если ты богатолюбивъ, вотъ тебѣ

(д) Салмазій замѣчаетъ, что названіе сиры (σῆρες) можетъ принадлежать, какъ шелковичнымъ червямъ, такъ и народу, отъ котораго сталъ извѣстенъ первоначально шелкъ, а именно: Китайцамъ.

богатство духовное: *судьбы Господни истинны, оправданы вкупѣ: вожделѣнны паче злата и камене честна многа* (Псал. 18, 10. 11.). Если ты любитель наслажденій и удовольствій; вотъ тебѣ словеса Божіи, для человѣка здраваго духовнымъ чувствомъ, *слаждша паче меда и сота* (Псал. 18, 11.). Если позволю вамъ идти и распущу собраніе; иные пойдутъ играть въ зернь. Тамъ клятвы, упорные споры и мученія корыстолюбія. Тамъ стоитъ демонъ, посредствомъ костей съ точками воспламеняетъ бѣшенства; однѣ и тѣ же деньги переводитъ и на ту, и на другую сторону, то одного возноситъ побѣдой, а другаго погружаетъ въ уныніе, то на оборотъ, послѣдняго дѣлаетъ гордымъ, а перваго покрываетъ стыдомъ. Что̀ пользы поститься тѣломъ, когда душа наполнена тысячами золъ? А кто, хотя не играетъ въ зернь, однако же время проводитъ въ праздности, тотъ чего не скажетъ пустаго? какихъ не услышитъ нелѣпостей? Праздность, безъ страха Божія, учитъ пороку не умѣющихъ пользоваться временемъ. И такъ въ сказанномъ мною найдется, можетъ быть, нѣчто и полезное; а если нѣтъ, то по крайней мѣрѣ та выгода, что, проводя время здѣсь, вы не грѣшите; а потому удерживать васъ долѣе значитъ на большее время отводить васъ отъ грѣховъ.

Для признательнаго судіи достаточно и сказаннаго, если обратитъ онъ вниманіе не на богатство творенія, но на немощь нашихъ силъ и на то, что и сего довольно къ увеселенію собравшихся. Земля угощала насъ своими произрастеніями, море—рыбами, воздухъ—птицами. И суша готова предло-

жить намъ равноцѣнное сему. Но здѣсь положимъ конецъ утреннему угощенію, чтобы чрезмѣрное пресыщеніе не притупило въ насъ вкуса къ вечернему наслажденію. Исполнившій же все Своею тварію и во всемъ оставившій намъ явственные памятники чудесъ Своихъ да исполнитъ сердца ваши всякимъ веселіемъ духовнымъ о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА 9.

О животныхъ земныхъ.

Какою вамъ показалась утренняя словесная трапеза? А мнѣ пришло на мысль уподобить свою бесѣду усердію какого нибудь бѣднаго гостепріимца, который желаетъ прослыть богатымъ угостителемъ, но не имѣетъ дорогихъ яствъ и досаждаетъ гостямъ, щедро нося на столъ свой бѣдный запасъ, такъ что его радушіе обращается для него въ укоризну незнанія приличій. Подобно нѣсколько и мое слово, если только вы не скажете о немъ иначе. Впрочемъ, каково бы оно ни было, вы не должны презирать его. Ибо Елиссея не обвиняли за худое угощеніе современники его, не смотря даже на то, что онъ предложилъ друзьямъ *зелія дивія* (а) (4 Цар. 4, 39.).

Извѣстны мнѣ правила иносказаній, хотя не самъ я изобрѣлъ ихъ, но нашелъ въ сочиненіяхъ другихъ. По симъ правиламъ, иные, принимая

(а) *Λάχανα ἄγρια*. Сими словами переводитъ Св. Василій оставленное безъ перевода у Седмидесяти Еврейское слово *Ἀριώθ*.

написанное не въ общеупотребительномъ смыслѣ, воду называютъ не водою, но какимъ нибудь другимъ веществомъ, и растенію и рыбѣ даютъ значеніе по своему усмотрѣнію, даже бытіе гадовъ и звѣрей объясняютъ сообразно съ своими понятіями, подобно какъ и снотолкователи видѣнному въ сонныхъ мечтаніяхъ даютъ толкованія согласныя съ собственнымъ ихъ намѣреніемъ. А я, слыша о травѣ, траву и разумѣю; также растеніе, рыбу, звѣря и скотъ, все, чѣмъ оно названо, за то и принимаю. *Не стыжуся бо благовѣствованіемъ* (Рим. 1, 16.). И поелику писавшіе о мірѣ много разсуждали о фигурѣ земли, что̀ она такое, шаръ ли, или цилиндръ, или походитъ на кружокъ, со всѣхъ сторонъ одинаково обточенный, или на лотокъ, имѣющій въ срединѣ впадину (ибо ко всѣмъ симъ предположеніямъ прибѣгали писавшіе о мірѣ, и каждый изъ нихъ опровергалъ предположеніе другаго): то не соглашусь еще признать наше повѣствованіе о міротвореніи стоющимъ меньшаго уваженія потому единственно, что рабъ Божій Моисей не разсуждалъ о фигурахъ, не сказалъ, что окружность земли имѣетъ сто восемьдесятъ тысячъ стадій, не вымѣрилъ, на сколько простирается въ воздухѣ земная тѣнь, когда солнце идетъ подъ землею, и какъ тѣнь сія, падая на луну, производитъ затмѣнія. Если умолчалъ онъ о не касающемся до насъ, какъ о безполезномъ; то ужели за сіе словеса Духа почту маловажнѣе объюродѣвшей мудрости? Не паче ли прославлю Того, Кто не затруднилъ ума нашего предметами пустыми, но устроилъ такъ, чтобы все было написано

въ назиданіе и усовершеніе душъ нашихъ? Сего, кажется мнѣ, не уразумѣли тѣ, которые, по собственному своему уразумѣнію вознамѣрились придать нѣкоторую важность Писанію какими-то наведеніями и принаровленіями. Но это значитъ ставить себя премудрѣе словесъ Духа и подъ видомъ толкованія вводить собственныя свои мысли. Посему, такъ и будемъ разумѣть, какъ написано.

Да изведетъ земля душу живу, и скотовъ, и звѣрей, и гадовъ. Представь глаголъ Божій протекающій всю тварь, нѣкогда начавшійся, до нынѣ дѣйственный и готовый дѣйствовать до конца, пока не скончается міръ. Какъ шаръ, приведенный кѣмъ нибудь въ движеніе и встрѣтившій покатость, и по своему устройству и по удобству мѣста стремится къ низу, и не прежде останавливается, развѣ когда приметъ его на себя плоскость; такъ и природа существъ, подвигнутая однимъ повелѣніемъ, равномѣрно проходитъ и раждающуюся и разрушающуюся тварь, сохраняя послѣдовательность родовъ посредствомъ уподобленія, пока не достигнетъ самаго конца; ибо коня дѣлаетъ она преемникомъ коню, льва — льву, орла—орлу, и каждое животное, сохраняемое въ слѣдующихъ одно за другимъ преемствахъ, продолжаетъ до скончанія вселенной. Ни какое время не повреждаетъ и не истребляетъ свойствъ въ животныхъ. Напротивъ того, природа ихъ, какъ недавно созданная, протекаетъ вмѣстѣ со временемъ.

Да изведетъ земля душу живу. Повелѣніе сіе соблюлось въ землѣ, и она не престаетъ служить Создателю. Одно производится чрезъ преемство

существовавшаго прежде, другое даже и нынѣ является живородящимся изъ самой земли. Ибо не только она производитъ кузнечиковъ въ дождливое время, и тысячи другихъ породъ пернатыхъ, носящихся по воздуху, изъ которыхъ большая часть, по малости своей, не имѣютъ и имени, но изъ себя же даетъ мышей и жабъ. Около Египетскихъ Ѳивъ, когда въ жары идетъ много дождя, вся страна наполняется вдругъ полевыми мышами. Видимъ, что угри не иначе образуются, какъ изъ тины. Они размножаются не изъ яйца, и не другимъ какимъ либо способомъ, но изъ земли получаютъ свое происхожденіе.

Да изведетъ земля душу. Скоты суть животныя земныя и поникли къ землѣ: но человѣкъ – насажденіе небесное, отличенъ сколько видомъ тѣлеснаго состава, столько и достоинствомъ души. Какой видъ у четвероногихъ? Голова ихъ наклонена къ землѣ, смотритъ на чрево и всѣми мѣрами ищетъ пріятнаго чреву. Твоя голова поднята къ небу; очи твои взираютъ горѣ. Потому, хотя ты иногда безчестишь себя плотскими страстями, работая чреву и низшему чрева, *приложившись скотомъ несмысленнымъ и уподобившись имъ* (Псал. 48, 13.); однако же тебѣ прилично иное попеченіе — *вышнихъ искати, идѣже есть Христосъ* (Кол. 3, 1.), мыслію своею быть выше земнаго. А какой данъ тебѣ видъ, такъ располагай и своею жизнію. *Житіе* свое имѣй *на небесѣхъ* (Филип. 3, 20.). Истинное отечество твое — горній Іерусалимъ; граждане и соотечественники твои — *первородные написанные на небесѣхъ* (Евр. 12, 22.).

Да изведетъ земля душу живу. Итакъ не изъ земли явилась сокрытая въ ней душа безсловесныхъ, но произошла вмѣстѣ съ повелѣніемъ. А душа безсловесныхъ одна, потому что одинъ отличительный признакъ — безсловесіе. Но каждое животное отличается различными свойствами. Волъ стоекъ; оселъ лѣнивъ; конь горячъ въ вожделѣніи другаго пола, волкъ не дѣлается ручнымъ, лисица лукава, олень боязливъ, муравей трудолюбивъ, собака благодарна и памятлива въ дружбѣ. Ибо въ одно время и создано каждое животное, и придано ему особенное естественное свойство. Льву прирожденны ярость, склонность къ одинокой жизни и необщительность съ звѣрьми подобнаго рода. Онъ, какъ царь безсловесныхъ, по природному своему презорству, не терпитъ себѣ равныхъ. Онъ не допускаетъ до себя съ вечера приготовленной пищи, не возвращается къ остаткамъ своей добычи. Природа дала ему такіе органы голоса, что многія животныя, превосходя его быстротою, не рѣдко бываютъ уловлены однимъ его рыканіемъ. Барсъ стремителенъ и быстръ въ своихъ нападеніяхъ. Ему дано способное къ тому тѣло, при гибкости и легкости успѣвающее слѣдовать за душевными движеніями. У медвѣдя природа неповоротлива, и нравъ своеобразенъ, коваренъ, глубоко скрытенъ. Онъ облеченъ въ такое же и тѣло, тяжелое, плотное, не имѣющее составовъ, дѣйствительно приличное звѣрю холодному, живущему въ берлогѣ.

Если коснемся словомъ той заботливости, какую сіи безсловесныя имѣютъ о своей жизни, не учившись и по природѣ; то или сами подвигнемся къ

храненію себя самихъ и къ промышленію о спасеніи душъ, или еще болѣе осудимъ себя, когда найдемъ, что даже въ подражаніи и безсловеснымъ остаемся мы назади. Медвѣдица, когда ей нанесены самыя глубокія раны, часто лечитъ сама себя, всѣми способами затыкаетъ язвины травою — коровьякъ (б), которая имѣетъ свойство сушить. Можешь увидѣть, что и лисица лечитъ себя сосновою смолою. Черепаха, наѣвшись ехидниной плоти, избѣгаетъ вреда отъ яда, употребивъ вмѣсто противуядія душицу. И змѣя вылечиваетъ больные глаза, наѣвшись волошскаго укропа.

А предузнаваніе воздушныхъ перемѣнъ не помрачаетъ ли собою даже разумнаго вѣдѣнія? Овца предъ наступленіемъ зимы съ жадностію нападаетъ на кормъ, какъ бы наѣдаясь на время будущей скудости. Волы, долго запертые въ продолженіе зимы, съ приближеніемъ весны, по естественному уже чувству узнавъ перемѣну, начинаютъ смотрѣть туда, гдѣ выходъ изъ хлѣвовъ, и всѣ, какъ бы по данному знаку, перемѣняютъ положеніе. Нѣкоторые изъ трудолюбивыхъ наблюдателей замѣтили, что живущій на сушѣ ежъ въ норѣ своей дѣлаетъ двѣ отдушины, и если будетъ дуть сѣверный вѣтеръ, закладываетъ отдушину съ сѣвера, и опять, когда начинаетъ дуть южный вѣтеръ, переходитъ къ сѣверной отдушинѣ.

Что̀ же показывается чрезъ сіе намъ человѣкамъ? Не одно то, что попечительность Создавшаго насъ

(б) Такъ называется однолѣтняя трава, извѣстная также подъ именемъ: *царскій скипетръ*.

простерлась на все, но также, что и у безсловесныхъ есть нѣкоторое чувство будущаго: почему и мы должны не къ настоящей жизни прилѣпляться, но имѣть всякое попеченіе о будущемъ вѣкѣ. Не потрудишься ли самъ о себѣ, человѣкъ? Еще въ настоящемъ вѣкѣ не заготовишь ли нужнаго къ успокоенію въ будущемъ, взирая на примѣръ муравья? Онъ лѣтомъ собираетъ себѣ пищу на зиму, и не проводитъ времени въ праздности, потому что еще не наступили зимнія скорби, а напротивъ того, съ какимъ-то неумолимымъ тщаніемъ напрягаетъ себя къ работѣ, пока не вложитъ въ свои сокровищницы достаточнаго количества пищи. И дѣлаетъ сіе не съ небреженіемъ, но прилагаетъ мудрую заботливость, чтобы пищи достало, сколько можно, на большее время. Онъ разсѣкаетъ своими клещами каждое зерно пополамъ, чтобы оно не проросло и не сдѣлалось негоднымъ для употребленія ему въ пищу. Также просушиваетъ зерна, когда примѣтитъ, что они отсырѣли, и не во всякое время разсыпаетъ ихъ, но когда предчувствуетъ, что воздухъ будетъ долго находиться въ ведряномъ состояніи. Вѣрно не увидишь льющагося изъ облаковъ дождя во все то время, когда разсыпанъ запасъ у муравьевъ.

Какого слова достаточно будетъ на сіе? Какой слухъ вмѣститъ это? Достанетъ ли времени описать и повѣдать всѣ чудеса Художника? Скажемъ и мы съ Пророкомъ: *яко возвеличишася дѣла Твоя, Господи: вся премудростію сотворилъ еси* (Псал. 103, 24.). Посему не довольно къ нашему извиненію того, что не учены мы полезному по кни-

гамъ, когда и не по незаученому закону природы можемъ избирать, что̀ служитъ къ нашей пользѣ. Знаешь, какое добро долженъ ты сдѣлать ближнему? То же, какого самъ себѣ желаешь отъ другаго. Знаешь, что̀ такое зло? То, чего бы самъ ты не согласился потерпѣть отъ другаго. Не какое либо искусство рѣзать корни, не опытное извѣданіе травъ открыло безсловеснымъ познаніе полезнаго; напротивъ того, каждое животное естественнымъ образомъ отыскиваетъ спасительное для него, и имѣетъ какое-то непостижимое сродство съ тѣмъ, что̀ сообразно его природѣ.

И въ насъ есть естественныя добродѣтели, съ которыми душа имѣетъ сродство не по человѣческому наученію, но по самой природѣ. Ни какая наука не учитъ насъ ненавидѣть болѣзнь, но сами собою имѣемъ отвращеніе ко всему, что̀ причиняетъ намъ скорбь: такъ и въ душѣ есть какое-то не ученіемъ пріобрѣтенное уклоненіе отъ зла. Всякое же зло есть душевный недугъ, а добродѣтель соотвѣтствуетъ здравію. Хорошо нѣкоторые опредѣляли здоровье, что оно есть благоустройство естественныхъ дѣйствованій. Кто скажетъ то же и о благосостояніи души, тотъ не погрѣшитъ противъ приличія. Посему душа, и не учась, желаетъ свойственнаго ей и сообразнаго съ ея природою. По сей-то причинѣ для всякаго похвально цѣломудріе, достойна одобренія справедливость, удивительно мужество, вожделѣнно благоразуміе. Сіи добродѣтели душѣ болѣе свойственны, нежели тѣлу здоровье.

Чада, любите отцовъ; родители, *не раздражай-*

те чадъ (Еф. 6, 4.)! Не то же ли говоритъ и природа? Не новое что совѣтуетъ Павелъ, но скрѣпляетъ узы естества. Если львица любитъ рожденныхъ ею, и волкъ вступаетъ въ бой за своихъ волчатъ; что̀ скажетъ человѣкъ, и заповѣдь преступающій и природу искажающій, когда или сынъ не уважаетъ старости отца, или отецъ, вступивъ во второй бракъ, забываѐтъ прежнихъ дѣтей? У безсловесныхъ неодолима взаимная любовь между дѣтьми и родителями, потому что создавшій ихъ Богъ вознаградилъ въ нихъ недостатокъ разума избыткомъ чувствъ. Почему ягненокъ, выскочивъ изъ хлѣва, среди тысячи овецъ, знаетъ самый цвѣтъ и голосъ матери, спѣшитъ къ ней, ищетъ своихъ собственныхъ источниковъ молока? И хотя онъ встрѣтитъ тощіе матерніе сосцы, довольствуется ими, пройдя мимо многихъ сосцевъ обремененныхъ молокомъ. И мать въ тысячѣ ягнятъ узнаетъ своего. Одинъ у всѣхъ голосъ, и цвѣтъ тотъ же, и запахъ подобенъ, сколько представляется нашему обонянію; но у нихъ есть какое-то чувство, которое гораздо острѣе нашего представленія, и по которому для каждаго легко распознать собственное свое.

У щенка нѣтъ еще зубовъ, однако же ртомъ защищается уже онъ отъ раздражившаго. У тельца нѣтъ еще роговъ, но онъ уже знаетъ, гдѣ у него выростетъ оружіе. Все сіе служитъ доказательствомъ, что всякимъ животнымъ природное ему не изучается, и что въ существахъ ничего нѣтъ безпорядочнаго и неопредѣленнаго; а напротивъ того, всѣ носятъ на себѣ слѣды Творческой

премудрости, и каждое показываетъ въ себѣ, что оно снабжено нужнымъ къ охраненію собственнаго благосостоянія.

Песъ не одаренъ разумомъ, но имѣетъ чувство почти равносильное разуму. Что едва изобрѣли мірскіе мудрецы, просидѣвъ надъ симъ большую часть жизни, — разумѣю хитросплетеніе умозаключеній, — тому песъ оказывается наученнымъ отъ природы. Ибо, отыскивая звѣриный слѣдъ, когда найдетъ, что онъ раздѣлился на многія вѣтви, обѣгаетъ уклоненія ведущія туда и сюда, и тѣмъ, что дѣлаетъ, почти выговариваетъ слѣдующее умозаключеніе: или сюда поворотилъ звѣрь, или сюда, или въ эту сторону. Но какъ не пошелъ онъ ни туда, ни сюда, то остается бѣжать ему въ эту сторону. И такимъ образомъ, чрезъ отрицаніе ложнаго, находитъ истинное. Болѣе ли сего дѣлаютъ тѣ, которые, чинно сидя надъ доскою и пиша на пыли, изъ трехъ предложеній отрицаютъ два и въ остальномъ находятъ истину?

А памятованіе милости въ этомъ животномъ не пристыдитъ ли всякаго неблагодарнаго къ благодѣяніямъ? Разсказываютъ, что многіе псы, когда господа ихъ были убиты въ пустомъ мѣстѣ, умирали надъ ними. А нѣкоторые, вскорѣ по совершеніи убійства, служили путеводителями сыщикамъ убійцъ и достигали того, что злодѣевъ предавали казни. Что же скажутъ тѣ, которые не только не любятъ сотворившаго и питающаго ихъ Господа, но и въ числѣ друзей имѣютъ глаголющихъ неправду на Бога, одной пріобщаются съ

ними трапезы и при самомъ вкушеніи пищи терпятъ хулы на Питающаго?

Но возвратимся къ разсмотрѣнію тварей. Животныя, удобно уловляемыя, бываютъ многоплоднѣе. Поэтому зайцы и дикія козы раждаютъ дѣтей помногу, а дикія овцы по двойни, чтобы не оскудѣлъ родъ, истребляемый плотоядными звѣрями. Напротивъ того животныя, пожирающія другихъ, раждаютъ дѣтей понемногу. Посему львица едва бываетъ матерью и одного льва. Ибо львенокъ, какъ сказываютъ, сперва остріями когтей растерзываетъ матернюю утробу, а потомъ выходитъ на свѣтъ. И ехидны раждаются, прогрызая утробу раждающей, и тѣмъ воздавая ей приличную награду. Такимъ образомъ ни одно существо не оставлено безъ Промысла, и ни одно не лишено надлежащаго попеченія.

Если станешь разсматривать и самые члены животныхъ, найдешь, что Творецъ не прибавилъ ни одного лишняго и не отнялъ необходимаго. Плотояднымъ животнымъ придалъ острые зубы; ибо въ такихъ имѣли они нужду, по роду пищи. А которыхъ въ половину вооружилъ зубами, тѣхъ снабдилъ многими и различными влагалищами для пищи. Поелику они съ перваго раза не могутъ достаточно разжевать пищу; далъ имъ возможность отрыгать поглощенное, чтобы измелченное посредствомъ жвачки усвоилось питаемому. Желудокъ, предутробіе, сѣточка и утроба не напрасно даны животнымъ, у которыхъ они есть, но каждое изъ сихъ орудій служитъ для необходимой потребности. У верблюда шея долга, чтобы она равнялась

ногамъ, и доставала до травы, которою кормится верблюдъ. Шея коротка и вдалась въ плечи у медвѣдя, у льва, у тигра, и у прочихъ того же рода животныхъ, потому что они питаются не травою, и имъ, какъ плотояднымъ и довольствующимся ловлею животныхъ, нѣтъ нужды наклоняться къ землѣ.

Къ-чему хоботъ у слона? Великому этому животному и даже величайшему изъ всѣхъ живущихъ на сушѣ, какъ созданному на ужасъ всякому встрѣчающемуся, надлежало быть рослымъ и имѣть громадное тѣло. Если бы ему дана была большая и соразмѣрная съ ногами шея, трудно было бы носить ее, потому что она, отъ чрезмѣрной тяжести, клонилась бы всегда къ землѣ. А теперь голова соединена у слона съ хребтомъ не многими шейными позвонками, но есть у него хоботъ, вознаграждающій недостатокъ шеи; имъ слонъ достаетъ пищу и черпаетъ питье. Да и ноги у него безъ составовъ и какъ соединенные столбы подпираютъ тяжесть тѣла. А если бы замѣнить ихъ нѣжными и слабыми мышцами, то у слона часто случались бы вывихи въ составахъ, которые были бы недостаточны къ поддержанію тяжести, когда слонъ становится на колѣна или встаетъ. Но теперь короткая надпяточная кость подставлена подъ ногу слону, а ни въ подколѣньѣ, ни въ колѣнѣ нѣтъ у него составовъ; потому что шаткость составовъ не выдержала бы чрезмѣрно громаднаго и зыблющагося тѣла, какимъ слонъ обложенъ. Посему нуженъ былъ этотъ носъ, опускающійся до ногъ. Не видишь ли на сраженіяхъ, какъ слоны,

подобно какимъ-то одушевленнымъ башнямъ, идутъ передъ рядами, или, подобно плотянымъ холмамъ, въ неудержимомъ стремленіи прорываютъ сплоченные щиты непріятелей? А если бы нижнія части у слоновъ не были соразмѣрны; не долго бы держалось это животное. Теперь же, какъ нѣкоторые повѣствуютъ, слонъ живетъ триста и болѣе лѣтъ. Посему-то ноги у него цѣльныя и безъ составовъ. А пищу, какъ сказали мы, съ земли вверхъ поднимаетъ хоботъ, который по природѣ гибокъ, сжимается и разжимается, на подобіе змѣи. Такъ вѣрно слово, что въ сотворенномъ нельзя найдти ничего ни излишняго, ни недостаточнаго. Однако и сіе, столь огромное по величинѣ животное, Богъ сотворилъ покорнымъ человѣку; когда учимъ его, оно понимаетъ, и когда бьемъ, терпитъ. А симъ Богъ ясно научаетъ насъ, что Онъ все подчинилъ намъ, потому что мы сотворены по образу Создателя.

Но не въ однихъ только великихъ животныхъ можно усматривать неизслѣдимую премудрость; напротивъ того, и въ самыхъ малыхъ легко соберешь не меньшее число чудесъ. Какъ высокимъ вершинамъ горъ, которыя, по близости къ облакамъ, чрезъ непрестанное дуновеніе вѣтровъ, сохраняютъ постоянную стужу, удивляюсь не болѣе, сколько и низменнымъ долинамъ, которыя не только спасаются отъ жестокости горныхъ вѣтровъ, но и всегда удерживаютъ въ себѣ теплый воздухъ: такъ и въ устройствѣ животныхъ не болѣе дивлюсь слону за его величину, чѣмъ мыши, потому что она страшна и для слона, или самому

тонкому жалу скорпіона, которое Художникъ сдѣлалъ пустымъ, какъ свирѣль, чтобы чрезъ него вливался ядъ въ уязвленныхъ.

И никто не ставь въ вину Творцу, что Онъ произвелъ животныхъ ядовитыхъ, разрушительныхъ и враждебныхъ нашей жизни. Иначе станетъ кто нибудь винить и пѣстуна, что онъ удобоподвижность юности приводитъ въ порядокъ ударами, и бичами уцѣломудриваетъ продерзость. Звѣри дѣлаются и доказательствомъ вѣры. Вѣришь ли Господу сказавшему: *на аспида и василиска наступиши, и попереши льва и змія* (Псал. 90, 13.)? И по вѣрѣ имѣешь ты власть попирать змѣй и скорпіоновъ. Развѣ не знаешь, что ехидна прикоснувшаяся къ Павлу, когда онъ собиралъ хворостъ, не сдѣлала ему ни какого вреда, потому что Святый нашелся исполненнымъ вѣры (Дѣян. 28, 3—6.)? А если не имѣешь вѣры; то бойся не звѣря, а своего паче невѣрія, чрезъ которое сдѣлалъ ты себя отъ всего удоборазрушаемымъ.

Но давно чувствую, что спрашиваете меня о сотвореніи человѣка, и кажется, почти слышу вопіющихъ слушателей: мы трудимся надъ изученіемъ природы принадлежащаго намъ, а не знаемъ самихъ себя. Итакъ необходимо сказать о семъ, отразивъ отъ себя удерживавшую насъ доселѣ медленность. Ибо въ самомъ дѣлѣ, всего кажется труднѣе познать самого себя. Не только глазъ, разсматривающій внѣшнее, не можетъ быть употребленъ къ разсмотрѣнію самаго себя, но и самый умъ нашъ, проницательно усматривающій чужую погрѣшность, медлителенъ въ познаніи

собственныхъ своихъ недостатковъ. Посему и теперь слово наше, съ такою проницательностію описывавшее чуждое, слабо и медлительно къ изслѣдованію собственнаго, хотя къ познанію Бога не столько ведетъ небо и земля, сколько собственное наше устройство, если кто благоразумно испытаетъ самъ себя, какъ говоритъ Пророкъ: *удивися разумъ Твой отъ мене* (Псал. 138, 6.), то есть, разсмотрѣвъ самого себя, позналъ я превосходство Твоей премудрости.

И рече Богъ: сотворимъ человѣка (Быт. 1, 26.). Гдѣ Іудей, который, когда и выше, какъ бы чрезъ нѣкоторыя окна, просіявалъ свѣтъ Богословія, и второе Лице, хотя показывалось таинственно, но не являлось ясно, возставалъ противъ истины и утверждалъ, что Богъ Самъ съ Собою бесѣдуетъ? Онъ говоритъ: Богъ Самъ сказалъ, Самъ и сотворилъ. *Да будетъ свѣтъ, и бысть свѣтъ.* И тогда въ словахъ Іудея легко было открыть несообразность. Ибо какой кузнецъ, или плотникъ, или сапожникъ, сидя одинъ съ орудіями своего ремесла, когда никто не раздѣляетъ съ нимъ труда, скажетъ самъ себѣ: сдѣлаемъ ножъ, или сколотимъ плугъ, или сошьемъ башмакъ? Напротивъ того, не молча ли онъ окончитъ требуемую отъ него работу? Подлинно странное пустословіе — утверждать, что кто нибудь сидитъ и самъ себѣ приказываетъ, самъ надъ собою надзираетъ, самъ себя понуждаетъ властительски и настоятельно. Но не убоявшіеся клеветать на самого Господа, чего не могутъ сказать, имѣя языкъ обученный во лжи? Однако же настоящее реченіе совершенно загра-

даетъ имъ уста. *И рече Богъ: сотворимъ человѣка.* Скажи мнѣ: ужели и теперь одно Лице? Не написано: да будетъ человѣкъ, но—сотворимъ человѣка. Пока не являлся еще ученикъ, проповѣдь Богословія скрыта была въ глубинѣ. Но когда уже ожидаемо стало сотвореніе человѣка, обнажается вѣра и очевиднѣе открывается догматъ истины. *Сотворимъ человѣка.* Слышишь, христоборецъ, рѣчь обращена къ Участвующему въ мірозданіи, къ Тому, *Имже и вѣки сотвори, Иже носитъ всяческая глаголомъ силы Своея* (Евр. 1, 23.)!

Но Іудей не въ безмолвіи принимаетъ слово благочестія. А, какъ самые человѣконенавистные звѣри, когда заключены въ клѣтки, грызутъ колки, и хотя выказываютъ тѣмъ лютость и неукротимость своей природы, однако же не могутъ привести въ исполненіе своей ярости: такъ и враждующій противъ истины родъ—Іудеи, будучи стѣснены, говорятъ: много лицъ, къ которымъ было Божіе слово. Ибо Ангеламъ, предстоящимъ Ему, говоритъ: *сотворимъ человѣка.* Іудейскій вымыслъ, Іудейскому только легкомыслію свойственное баснотворство! Чтобы не принять одного, вводятъ тысячи, и отвергая Сына, достоинство совѣтодательства приписываютъ служителямъ; подобныхъ намъ рабовъ дѣлаютъ властелинами нашего сотворенія. Усовершившійся человѣкъ возводится въ достоинство Ангельское. Но какое созданіе можетъ быть равно Создателю?

Разсмотри и послѣдующія слова: *по образу Нашему.* Что̀ скажешь на сіе? Не одинъ ли образъ у Бога и Ангеловъ? У Сына и у Отца, по всей

необходимости, тотъ же образъ, если только разумѣть образъ боголѣпно, то есть состоящимъ не въ тѣлесномъ очертаніи, но въ Божественномъ свойствѣ. Слушай и ты, который принадлежишь къ новому обрѣзанію, и въ христіанствѣ берешься защищать іудейство. Кому говоритъ: *по образу Нашему?* Кому иному, какъ *не Сіянію славы и Образу vпостаси Его* (Евр. 1, 3.), *Иже есть образъ Бога невидимаго* (Кол. 1, 15.)? Итакъ говоритъ собственному Своему Образу, Образу живому, вѣщающему: *Азъ и Отецъ едино есма* (Іоан. 10, 30.); и: *видѣвый Мене, видѣ Отца* (14, 9.). Ему говоритъ: *сотворимъ человѣка по образу Нашему.* А гдѣ образъ одинъ, тамъ можетъ ли быть неподобіе?

И сотвори Богъ человѣка (Быт. 1, 27.). Не—сотворили. Здѣсь Моисей избѣжалъ множественности лицъ. Первымъ вразумляя Іудея, а послѣднимъ исключая язычество, онъ безопасно возвратился къ единству, чтобы ты вмѣстѣ съ Отцемъ разумѣлъ и Сына и избѣгъ опасности многобожія.

Во образѣ Божіи сотвори его. Опять вводитъ лице Содѣйственника. Ибо не сказалъ: во образѣ Своемъ, но во образѣ Божіемъ. Въ чемъ же человѣкъ имѣетъ образъ Божій, и какъ участвуетъ въ подобіи, о семъ, если дастъ Богъ, будетъ сказано въ слѣдующихъ бесѣдахъ. Теперь же скажемъ только: если образъ одинъ, откуда пришла тебѣ мысль такъ нестерпимо нечествовать и говорить, что Сынъ не подобенъ Отцу? Какая неблагодарность! Самъ ты сдѣлался причастникомъ подобія, и сего-то подобія не приписываешь Благодѣтелю! Данное

тебѣ по милости почитаешь собственно себѣ и навсегда принадлежащимъ, а Сыну не позволяешь имѣть естественно Ему принадлежащаго подобія съ Родившимъ!

Однако вечеръ, давно уже приведшій солнце на западъ, предписываетъ намъ молчаніе! Посему и мы упокоимъ здѣсь слово, удовольствовавшись сказаннымъ. Ибо нынѣ коснулись мы слова, сколько сіе нужно было къ возбужденію вашей ревности, и совершеннѣйшее изслѣдованіе сего предмета, при содѣйствіи Духа, предложимъ въ слѣдующихъ бесѣдахъ.

Идите же съ радостію вы, христолюбивая церковь, и вмѣсто дорогихъ припасовъ, вмѣсто разнообразныхъ приправъ, украсьте честныя свои трапезы припоминаніемъ сказаннаго! Да постыдится Аномей, да посрамится Іудей, да увеселяется догматами истины благочестивый; да славится Господь! Ему слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь!

ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ ИЗДАНІЮ ТВОРЕНІЙ

СВЯТЫХЪ ОТЦЕВЪ.

БЕСѢДЫ

НА

ПСАЛМЫ.

БЕСѢДЫ НА ПСАЛМЫ.

БЕСѢДА

НА ПЕРВУЮ ЧАСТЬ ПЕРВАГО ПСАЛМА.

Всяко писаніе богодухновенно и полезно есть (2 Тим. 3, 16.), для того написано Духомъ Святымъ, чтобы въ немъ, какъ въ общей врачебницѣ душъ, всѣ мы человѣки находили врачевство— каждый отъ собственнаго своего недуга. Ибо сказано: *исцѣленіе утолитъ грѣхи велики* (Еккл. 10, 4.). Но иному учатъ Пророки, иному бытописатели; въ одномъ наставляетъ законъ, а въ другомъ— предложенное въ видѣ приточнаго увѣщанія: книга же Псалмовъ объемлетъ въ себѣ полезное изъ всѣхъ книгъ. Она пророчествуетъ о будущемъ, приводитъ на память событія, даетъ законы для жизни, предлагаетъ правила для дѣятельности. Короче сказать, она есть общая сокровищница добрыхъ ученій, и тщательно отыскиваетъ, что̀ каждому на пользу. Она врачуетъ и застарѣлыя раны души, и недавно уязвленному подаетъ скорое исцѣленіе, и болѣзненное восстан-

ляетъ, и не поврежденное поддерживаетъ; вообще же, сколько можно, истребляетъ страсти, какія въ жизни человѣческой подъ разными видами господствуютъ надъ душами. И при семъ производитъ она въ человѣкѣ какое-то тихое услажденіе и удовольствіе, которое дѣлаетъ разсудокъ цѣломудреннымъ.

Духъ Святый зналъ, что трудно вести родъ человѣческій къ добродѣтели, и что, по склонности къ удовольствію, мы нерадимъ о правомъ пути. Итакъ что̀ же дѣлаетъ? Къ ученіямъ примѣшиваетъ пріятность сладкопѣнія, чтобы, вмѣстѣ съ усладительнымъ и благозвучнымъ для слуха, принимали мы непримѣтнымъ образомъ и то, что̀ есть полезнаго въ словѣ. Такъ и мудрые врачи, давая пить горькое врачевство имѣющимъ отъ него отвращеніе, не рѣдко о̀бмазываютъ чашу медомъ. На сей-то конецъ изобрѣтены для насъ сіи стройныя пѣснопѣнія псалмовъ, чтобы и дѣти возрастомъ, или вообще не возмужавшіе нравами, по видимому только пѣли ихъ, а въ дѣйствительности обучали свои души. Едва ли кто изъ простолюдиновъ, особливо нерадивыхъ, пойдетъ отсюда, удобно удержавъ въ памяти апостольскую и пророческую заповѣдь; а стихи изъ псалмовъ и въ домахъ поютъ, и на торжищахъ возглашаютъ. И если бы кто, какъ звѣрь, разсвирѣпѣлъ отъ гнѣва; какъ скоро усладится слухъ его псалмомъ, пойдетъ прочь, немедленно укротивъ въ себѣ свирѣпость души сладкопѣніемъ.

Псаломъ—тишина душъ, раздаятель мира; онъ утишаетъ мятежные и волнующіеся помыслы; онъ

смягчаетъ раздражительность души и уцѣломудриваетъ невоздержность. Псаломъ — посредникъ дружбы, единеніе между далекими, примиреніе враждующихъ. Ибо кто можетъ почитать еще врагомъ того, съ кѣмъ возносилъ единый гласъ къ Богу? Посему псалмопѣніе доставляетъ намъ одно изъ величайшихъ благъ—любовь, изобрѣтя совокупное пѣніе вмѣсто узла къ единенію, и сводя людей въ одинъ согласный ликъ.

Псаломъ—убѣжище отъ демоновъ, вступленіе подъ защиту Ангеловъ, оружіе въ ночныхъ страхованіяхъ, упокоеніе отъ дневныхъ трудовъ, безопасность для младенцевъ, украшеніе въ цвѣтущемъ возрастѣ, утѣшеніе старцамъ, самое приличное убранство для женъ. Псаломъ населяетъ пустыни, уцѣломудриваетъ торжища. Для новоступающихъ—это начатки ученія, для преспѣвающихъ—приращеніе вѣдѣнія, для совершенныхъ—утвержденіе; это гласъ Церкви. Онъ дѣлаетъ празднества свѣтлыми; онъ производитъ *печаль, яже по Бозѣ*. Ибо псаломъ и изъ каменнаго сердца вынуждаетъ слезы. Псаломъ — занятіе Ангеловъ, небесное сожительство, духовный ѳиміамъ. Это—мудрое изобрѣтеніе Учителя, устроившаго, чтобы мы пѣли, и вмѣстѣ учились полезному. Отъ сего и уроки лучше напечатлѣваются въ душахъ. Ибо съ принужденіемъ выучиваемое не остается въ насъ на-долго; а что̀ съ удовольствіемъ и пріятностію принято, то въ душахъ укореняется тверже.

Чему же не научишься изъ псалмовъ? Не познаешь ли отсюда величіе мужества, строгость справедливости, честность цѣломудрія, совершен-

ство благоразумія, образъ покаянія, мѣру терпѣнія, и всякое изъ благъ, какое ни наименуешь? Здѣсь есть совершенное богословіе, предреченіе о пришествіи Христовомъ во плоти, угроза судомъ, надежда воскресенія, страхъ наказанія, обѣтованія славы, откровенія таинствъ. Все, какъ бы въ великой и общей сокровищницѣ, собрано въ книгѣ Псалмовъ, которые изъ многихъ музыкальныхъ орудій Пророкъ приспособилъ къ такъ называемому псалтирю, давая тѣмъ, какъ кажется мнѣ, разумѣть, что въ немъ издаетъ гласы благодать, подаваемая свыше—отъ Духа; потому что въ этомъ одномъ изъ музыкальныхъ орудій причина звуковъ находится вверху. Въ цитрѣ и въ лирѣ внизу звучитъ мѣдь подъ смычкомъ; а псалтирь причины гармоническихъ ладовъ имѣетъ вверху, чтобы и мы заботились искать горняго, и пріятностію пѣнія не увлекались въ плотскія страсти. Притомъ пророческое слово, какъ думаю, глубокомысленно и премудро, самымъ устройствомъ сего орудія, показало намъ, что люди съ прекрасною и благонастроенною душею удобно могутъ восходить къ горнему.

Послѣ сего разсмотримъ и начало Псалмовъ.

1. *Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ.* Строители домовъ, возводя въ высоту огромныя зданія, и основанія полагаютъ соразмѣрно высотѣ. И кораблестроители, приготовляя корабль къ поднятію большихъ грузовъ, укрѣпляютъ подводную часть, соображаясь съ тяжестію нагружаемыхъ товаровъ. И при рожденіи животныхъ сердце, которое естественно образуется

прежде всего, получаетъ отъ природы устройство, приличное будущему животному. Почему тѣлесная ткань образуется вкругъ сердца соразмѣрно собственнымъ началамъ; и отсюда происходятъ различія въ величинѣ животныхъ. Но что̀ значатъ основаніе въ домѣ, подводная часть въ кораблѣ и сердце въ тѣлѣ животнаго, такую же силу, кажется мнѣ, имѣетъ и это краткое предисловіе въ отношеніи къ цѣлому составу псалмовъ. Поелику Псалмопѣвецъ, съ продолженіемъ слова, намѣренъ увѣщавать ко многому такому, что́ трудно и исполнено безчисленныхъ подвиговъ и усилій; то онъ подвижникамъ благочестія предварительно указываетъ на блаженный конецъ, чтобы мы, въ чаяніи уготованныхъ намъ благъ, безпечально переносили скорби настоящей жизни. Такъ и для путешественниковъ, идущихъ по негладкому и неудобопроходимому пути, облегчается трудъ ожидаемымъ ими удобнымъ пристанищемъ; и купцовъ отважно пускаться въ море заставляетъ желаніе пріобрѣсть товары; и для земледѣльцевъ дѣлаетъ непримѣтными труды надежда плодородія. Посему и общій Наставникъ въ жизни, великій Учитель, Духъ истины, премудро и благоискусно предложилъ напередъ награды, чтобы мы, простирая взоръ далѣе тѣхъ трудовъ, которые подъ руками, поспѣшали мыслію насладиться вѣчными благами.

Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ.—Итакъ есть истинное благо, которое въ собственномъ и первоначальномъ смыслѣ должно назвать блаженнымъ; и это есть Богъ. Почему

и Павелъ, намѣреваясь упомянуть о Христѣ, говоритъ: *по явленію блаженнаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа* (1 Тим. 1, 11. Тит. 2, 13.). Ибо подлинно блаженно сіе источное Добро, къ Которому все обращено, Котораго все желаетъ, сіе неизмѣняемое Естество, сіе владычественное Достоинство, сія безмятежная Жизнь, сіе безпечальное Состояніе, въ Которомъ нѣтъ перемѣнъ, Котораго не касаются превратности, сей приснотекущій Источникъ, сія неоскудѣвающая Благодать, сіе неистощимое Сокровище. Но невѣжественные люди и міролюбцы, не зная природы самаго добра, часто называютъ блаженнымъ то, что не имѣетъ ни какой цѣны: богатство, здравіе, блистательную жизнь, -что̀ все по природѣ своей не есть добро; потому что не только удобно измѣняется въ противоположное, но и обладателей своихъ не можетъ сдѣлать добрыми. Ибо кого сдѣлало справедливымъ богатство, или цѣломудреннымъ здоровье? Напротивъ того, каждый изъ сихъ даровъ злоупотребляющему имъ часто способствуетъ ко грѣху. Посему блаженъ, кто пріобрѣлъ достойное большей цѣны, кто сталъ причастникомъ благъ неотъемлемыхъ. Но почему узнаемъ его? Это тотъ, *иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ.*

И прежде нежели скажу, что̀ значитъ не идти на совѣтъ нечестивыхъ, намѣренъ я рѣшить для васъ вопросъ здѣсь представляющійся. Спросите: для чего Пророкъ беретъ одного мужа, и его называетъ блаженнымъ? Ужели изъ числа блаженныхъ исключилъ онъ женъ? Нѣтъ; одна добродѣтель для мужа и жены, такъ какъ и твореніе

обоихъ равночестно; а потому и награда обоимъ одинакова. Слушай, что̀ сказано въ книгѣ Бытія. *Сотвори Богъ человѣка: по образу Божію сотвори его: мужа и жену сотвори ихъ* (Быт. 1, 27.). Но въ комъ природа одна, у тѣхъ и дѣйствованія тѣ же; а чьи дѣла равны, для тѣхъ и награда та же. Итакъ почему же Псалмопѣвецъ, упомянувъ о мужѣ, умолчалъ о женѣ? Потому что, при единствѣ естества, почиталъ достаточнымъ для обозначенія цѣлаго указать на преимуществующее въ родѣ.

Посему *блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ*. Смотри, какая точность въ словахъ, и сколько каждое реченіе исполнено мыслей. Не сказалъ: *иже не ходитъ на совѣтъ нечестивыхъ*; но: *иже не иде*. Кто еще въ живыхъ, того не льзя назвать блаженнымъ, по неизвѣстности окончанія жизни; но кто исполнилъ возложенныя на него обязанности и заключилъ жизнь неукоризненнымъ концемъ, того безопасно уже можно назвать блаженнымъ. Почему же *блажени ходящіи въ законѣ Господни* (Пс. 118, 1.)? Здѣсь Писаніе называетъ блаженными не ходившихъ, но еще ходящихъ въ законѣ. Это потому, что дѣлающіе добро за самое дѣло достойны одобренія; а избѣгающіе зла заслуживаютъ похвалу не тогда, какъ они разъ или два уклонятся отъ грѣха, но тогда, какъ возмогутъ навсегда избѣжать искушенія во злѣ.

Но по связи понятій открывается намъ и другое затрудненіе. Почему Псалмопѣвецъ называетъ блаженнымъ не преуспѣвающаго въ добродѣтели, но не содѣлавшаго грѣха? Въ такомъ случаѣ и конь,

и волъ, и камень могли бы назваться блаженными. Ибо какое неодушевленное существо стояло *на пути грѣшныхъ?* или какое безсловесное сидѣло *на сѣдалищи губителей?* Но потерпи не много, и найдешь врачевство. Пророкъ присовокупляетъ (2): *но въ законѣ Господни воля его.* Поученіе же въ законѣ Божіемъ принадлежитъ только разумному существу. А мы скажемъ и то, что начало къ усвоенію добраго есть удаленіе отъ злаго. Ибо сказано: *уклонися отъ зла, и сотвори благо* (Пс. 36, 27.).

Итакъ премудро и благоискусно, приводя насъ къ добродѣтели, Псалмопѣвецъ удаленіе отъ грѣха положилъ началомъ добрыхъ дѣлъ. А если бы онъ вдругъ потребовалъ отъ тебя совершенства, то, можетъ быть, ты и замедлилъ бы приступить къ дѣлу. Теперь же пріучаетъ тебя къ болѣе удобоприступному, чтобы ты смѣлѣе взялся и за прочее. И я сказалъ бы, что упражненіе въ добродѣтели уподобляется лѣствицѣ, той именно лѣствицѣ, которую видѣлъ нѣкогда блаженный Іаковъ, которой одна часть была близка къ землѣ и касалась ея, а другая простиралась даже выше самаго неба. Посему вступающіе въ добродѣтельную жизнь должны сперва утвердить стопы на первыхъ ступеняхъ, и съ нихъ непрестанно восходить выше и выше, пока, наконецъ, чрезъ постепенное преспѣяніе, не взойдутъ на возможную для человѣческаго естества высоту. Посему какъ первоначальное восхожденіе по лѣствицѣ есть удаленіе отъ земли, такъ и въ жизни по Богу удаленіе отъ зла есть начало преспѣянія. Вообще же, всякое бездѣйствіе гораздо

легче какого бы то ни было дѣла. Напр. *не убій, не прелюбы сотвори, не укради* (Исх. 20, 13—15); каждая изъ сихъ заповѣдей требуетъ только бездѣйствія и неподвижности. *Возлюбиши искренняго твоего, яко самъ себе* (Матѳ. 19, 19); и: *продаждь имѣніе твое, и даждь нищимъ* (21); и: *аще кто тя пойметъ по силѣ поприще едино, иди съ нимъ два* (Матѳ. 5, 41);— вотъ уже дѣйствія приличныя подвижникамъ; и къ совершенію ихъ потребна уже душа мужественная. Посему подивись мудрости того, кто чрезъ болѣе легкое и удобоприступное ведетъ насъ къ совершенству.

Псалмопѣвецъ предложилъ намъ три условія, требующія соблюденія: не ходить *на совѣтъ нечестивыхъ*, не стоять *на пути грѣшныхъ*, не сидѣть *на сѣдалищи губителей*. Слѣдуя естественному ходу дѣлъ, онъ внесъ этотъ порядокъ и въ сказанное имъ. Ибо сперва начинаемъ обдумывать намѣреніе, потомъ подкрѣпляемъ его, а послѣ того утверждаемся въ обдуманномъ. Посему первоначально должно назвать блаженною чистоту нашихъ помышленій, потому что корень тѣлесныхъ дѣйствій составляютъ сердечныя совѣщанія. Такъ любодѣяніе воспламеняется сперва въ душѣ сластолюбца, а потомъ производитъ тѣлесное растлѣніе. Посему и Господь говоритъ, что внутри человѣка оскверняющее его (Матѳ. 15, 18.). Поелику же грѣхъ противъ Бога называется въ собственномъ смыслѣ нечестіемъ; то никогда не допустимъ въ себѣ сомнѣній о Богѣ, по невѣрію. Ибо значитъ уже пойдти *на совѣтъ нечестивыхъ*, если скажешь въ сердцѣ своемъ: есть ли Богъ всѣмъ упра-

вляющій? Есть ли Богъ на небѣ распоряжающій всѣмъ порознь? Есть ли судъ? есть ли воздаяніе каждому по дѣламъ его? Для чего праведные живутъ въ нищетѣ, а грѣшные богатѣютъ? одни немощны, а другіе наслаждаются здравіемъ? одни безчестны, а другіе славны? Не самослучайно ли движется міръ? и не случай ли неразумный безъ всякаго порядка распредѣляетъ каждому жребій жизни? Если такъ помыслилъ ты, то пошелъ *на совѣтъ нечестивыхъ*. Посему блаженъ, кто не далъ въ себѣ мѣста сомнѣнію о Богѣ, кто не впалъ въ малодушіе при видѣ настоящаго, но ожидаетъ чаемаго; кто о Создавшемъ насъ не возъимѣлъ недовѣрчивой мысли.

Блаженъ и тотъ, кто не сталъ *на пути грѣшныхъ*. Путемъ называется жизнь; потому что каждый изъ рожденныхъ поспѣшаетъ къ концу. Какъ сидящіе на кораблѣ безъ всякаго усилія несутся вѣтромъ къ пристани, и хотя сами того не чувствуютъ, однако же бѣгъ корабля приближаетъ ихъ къ цѣли: такъ и мы, съ протекающимъ временемъ жизни нашей, какъ бы нѣкоторымъ непрерывнымъ и непрестаннымъ движеніемъ въ незамѣтномъ теченіи жизни, увлекаемся каждый къ своему предѣлу. Напримѣръ: ты спишь? а время утекаетъ отъ тебя. Ты бодрствуешь, и мысль твоя занята? но вмѣстѣ и жизнь тратится, хотя и убѣгаетъ это отъ нашего чувства. Всѣ мы человѣки бѣжимъ по какому-то поприщу, и каждый изъ насъ спѣшитъ къ своей цѣли; поэтому всѣ мы въ пути. И такимъ образомъ можешь составить себѣ понятіе о семъ пути. Ты путникъ въ этой жизни; все про-

ходишь мимо; все остается позади тебя: видишь на пути растеніе, или траву, или воду, или другое что достойное твоего зрѣнія; полюбовался недолго, и пошелъ дальше. Опять встрѣчаешь камни, пропасти, утесы, скалы, пни, а иногда звѣрей, пресмыкающихся гадовъ, терніе, или иное что непріятное; поскорбѣлъ не долго, и потомъ оставилъ. Такова жизнь; она не имѣетъ ни удовольствій постоянныхъ, ни скорбей продолжительныхъ. Не твоя собственность этотъ путь, но и настоящее также не твое. У путниковъ такой обычай: какъ скоро первый сдѣлалъ шагъ, тотчасъ за нимъ заноситъ ногу другой, а за этимъ и слѣдующій. Смотри же, не подобна ли сему и жизнь? Нынѣ ты воздѣлывалъ землю, а завтра будетъ ее воздѣлывать другой, послѣ же него еще другой. Видишь ли эти поля и великолѣпныя зданія? Сколько разъ каждое изъ нихъ, со времени своего существованія, перемѣняло имя! Называлось собственностію такого-то, потомъ переименовано по имени другаго: перешло къ новому владѣльцу, а теперь стало именоваться собственностію еще новаго. Итакъ жизнь наша не путь ли, на который вступаютъ то тѣ, то другіе, и по которому всѣ одинъ за другимъ слѣдуютъ? Посему *блаженъ, иже на пути грѣшныхъ не ста.*

Чтó же значитъ *не ста?* Человѣкъ, находясь въ первомъ возрастѣ, еще ни порочень, ни добродѣтеленъ, потому что сей возрастъ не способенъ ни къ тому, ни къ другому состоянію. Но когда разумъ въ насъ созрѣлъ, тогда сбывается написанное: *пришедшей же заповѣди, грѣхъ убо оживе, азъ же умрохъ* (Рим. 7, 9. 10.). Ибо возникаютъ

лукавые помыслы, раждающіеся въ душахъ нашихъ отъ плотскихъ страстей. Дѣйствительно, заповѣдь пришла, то есть пріобрѣтено познаніе добра, и если она не преодолѣетъ худаго помысла, но попуститъ разсудку поработиться страстямъ; то грѣхъ ожилъ, умеръ же умъ, сдѣлавшись мертвъ чрезъ грѣхопаденія. Посему блаженъ, кто не закоснѣлъ *на пути грѣшныхъ*, но благимъ разумомъ востекъ въ жизнь благочестную.

Два есть пути, одинъ другому противоположные,— путь широкій и пространный, и путь тѣсный и скорбный. Два также путеводителя, и каждый изъ нихъ старается обратить къ себѣ. На пути гладкомъ и покатомъ путеводитель обманчивъ; это лукавый демонъ, и онъ посредствомъ удовольствій увлекаетъ слѣдующихъ за нимъ въ погибель: а на пути негладкомъ и крутомъ путеводителемъ добрый Ангелъ, и онъ чрезъ многотрудность добродѣтели ведетъ слѣдующихъ за нимъ къ блаженному концу. Пока каждый изъ насъ младенецъ, и гоняется за тѣмъ, что̀ услаждаетъ въ настоящемъ, до тѣхъ поръ ни мало не заботится онъ о будущемъ. Но ставъ уже мужемъ, когда понятія усовершились, онъ какъ бы видитъ, что жизнь передъ нимъ дѣлится, и ведетъ то къ добродѣтели, то къ пороку; и часто обращая на нихъ душевное око, различаетъ, что̀ свойственно добродѣтели и пороку. Жизнь грѣшниковъ показываетъ въ себѣ всѣ наслажденія настоящаго вѣка. Жизнь праведныхъ являетъ одни блага будущаго вѣка. Путь спасаемыхъ сколько обѣщаетъ благъ будущихъ, столько представляетъ трудовъ въ настоящемъ. А жизнь

сластолюбивая и невоздержная предлагаетъ не ожидаемое въ послѣдствіи, но настоящее уже наслажденіе. Посему всякая душа приходитъ въ круженіе и не можетъ устоять среди помысловъ. Когда приведетъ себѣ на мысль вѣчное, избираетъ добродѣтель; когда же обратитъ взоръ на настоящее, предпочитаетъ удовольствіе. Здѣсь видитъ прохладу для плоти, а тамъ ея порабощеніе; здѣсь піянство, а тамъ постъ; здѣсь необузданный смѣхъ, а тамъ обильныя слезы; здѣсь пляски, а тамъ молитву; здѣсь свирѣли, а тамъ воздыханія; здѣсь блудъ, а тамъ дѣвство. Поелику же истинное благо удобопостижимо разумомъ только чрезъ вѣру (ибо оно отдалено отъ насъ, и око не видало его, и ухо о немъ не слыхало); а сладость грѣха у насъ подъ руками, и наслажденіе вливается посредствомъ каждаго чувства: то блаженъ, кто не увлекся въ погибель приманками удовольствія, но съ терпѣніемъ ожидаетъ надежды спасенія, и при выборѣ того или другаго пути, не вступилъ на путь ведущій къ злу.

И на сѣдалищи губителей не сѣде. О тѣхъ ли говоритъ сѣдалищахъ, на которыхъ покоимъ тѣла свои? и какое отношеніе дерева ко грѣху, такъ что сѣдалища, которое было прежде занято грѣшникомъ, мнѣ должно бѣгать, какъ чего-то вреднаго? Или надобно думать, что подъ сѣдалищемъ разумѣется неподвижное и постоянное коснѣніе въ одобреніи грѣха? Сего должно остерегаться намъ, потому что ревностное коснѣніе во грѣхѣ производитъ въ душахъ нѣкоторый неисправимый навыкъ. Ибо застарѣвшаяся душевная

страсть, или временемъ утвержденное помышленіе о грѣхѣ, съ трудомъ врачуются, или дѣлаются и совершенно неисцѣлимыми, когда навыки, какъ всего чаще случается, переходятъ въ природу. Посему должно желать, чтобы намъ даже и не прикасаться къ злу. А другой путь—тотчасъ по искушеніи бѣжать его, какъ удара наносимаго стрѣлкомъ, по написанному у Соломона о злой женѣ: *ниже настави ока своего къ ней, но отскочи, не замедли* (Притч. 9, 18). И теперь знаю такихъ, которые въ юности поползнулись въ плотскія страсти, и до самой сѣдины, по привычкѣ къ злу, пребываютъ во грѣхахъ. Какъ свиньи, валяясь въ тинѣ, непрестанно болѣе и болѣе облипаютъ грязью: такъ и эти люди, чрезъ сластолюбіе, съ каждымъ днемъ, покрываютъ себя новымъ позоромъ. Итакъ блаженное дѣло—и не помышлять о злѣ. Если же, уловленный врагомъ, принялъ ты въ душу совѣты нечестія; не стой во грѣхѣ. А если и тому подвергся; не утверждайся во злѣ. Посему не сиди *на сѣдалищи губителей.*

Если ты понялъ, какое сѣдалище разумѣетъ Писаніе, а именно, называетъ такъ продолжительное пребываніе во злѣ; то изслѣдуй, кого именуетъ оно губителями. О моровой язвѣ люди свѣдущіе въ этомъ говорятъ, что она, если прикоснется къ одному человѣку или скоту, чрезъ сообщеніе распространяется на всѣхъ приближающихся. Таково свойство этой болѣзни, что всѣ другъ отъ друга наполняются тою же немощію. Таковы и дѣлатели беззаконія. Ибо, передавая другъ другу болѣзнь, всѣ вмѣстѣ страждутъ недугомъ, и вмѣстѣ погибаютъ.

Не случалось ли тебѣ видѣть, какъ блудники сидятъ на торжищахъ, осмѣиваютъ цѣломудренныхъ, разсказываютъ свои срамныя дѣла, свои занятія достойныя тмы, и перечисляютъ случаи своего безчестія, какъ подвиги, или другія какія доблести? Это губители, которые стараются собственный свой порокъ передать всѣмъ, и усиливаются сдѣлать многихъ себѣ подобными, чтобы избѣжать поношенія, когда пороки будутъ общими. Огонь, коснувшись удобосгараемаго вещества, не можетъ не обхватить всего этого вещества, особенно если подуетъ сильный вѣтеръ, который переноситъ пламень съ одного мѣста на другое. Такъ и грѣхъ, прикоснувшись къ одному человѣку, не можетъ не перейдти ко всѣмъ приближающимся, когда раздуваютъ его лукавые духи. Такъ духъ блуда не ограничивается тѣмъ, чтобы подвергнуть безчестію одного, но тотчасъ присоединяются товарищи: пиры, піянство, срамныя повѣсти и непотребная женщина, которая вмѣстѣ пьетъ, одному улыбается, другаго соблазняетъ, и всѣхъ распаляетъ къ тому же грѣху. Ужели мала эта зараза, маловажно такое распространеніе зла? А подражающій лихоимцу, или человѣку, который другимъ какимъ нибудь порокомъ достигъ значительной власти въ обществѣ, сталъ правителемъ народовъ, или военачальникомъ, и потомъ предался самымъ постыднымъ страстямъ,— ужели подражающій ему не пріемлетъ въ душу свою пагубы, обративъ въ свою собственность порокъ того, кому подражаетъ? Блистательное положеніе въ свѣтѣ показываетъ вмѣстѣ съ собою и жизнь людей по-

ставленныхъ на виду. Воины всего чаще подражаютъ военачальникамъ, живущіе въ городахъ берутъ для себя примѣры съ начальствующихъ; и вообще, когда многіе почтутъ достойнымъ подражанія порокъ одного человѣка, тогда справедливо и прилично будетъ сказать, что отъ него распространяется въ жизни какая-то пагуба душъ. Ибо грѣхъ въ лицѣ именитомъ многихъ поползновенныхъ привлекаетъ подражать тому же. И поелику одинъ отъ другаго заимствуютъ поврежденіе, то о таковыхъ людяхъ говорится, что они губятъ души. И такъ не сиди *на сѣдалищи губителей*, не участвуй въ собраніи людей, повреждающихъ нравственность и пагубныхъ, не оставайся въ обществѣ совѣтниковъ на зло!

Но слово мое доселѣ медлитъ на одномъ предисловіи, между тѣмъ примѣчаю, что обиліе его превзошло должную мѣру, такъ что и вамъ не легко соблюсти въ памяти, если бы сказано было больше, и мнѣ трудно продолжать служеніе слову, потому что, по врожденной немощи, недостаетъ у меня голоса. Но хотя и не досказано то, о чемъ мы говорили; хотя, показавъ, что должно бѣгать зла, умолчалъ я о томъ, какъ усовершаться посредствомъ добрыхъ дѣлъ: впрочемъ, предложивъ настоящее благосклонному вниманію, обѣщаюсь, при Божіей помощи, восполнить и недостающее, если только не наложено будетъ на меня совершеннаго молчанія. Да даруетъ же Господь и намъ награду за сказанное, и вамъ плодъ отъ того, что̀ слышали, по благодати Христа Своего; такъ какъ Ему слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА

НА ПСАЛОМЪ СЕДМЫЙ.

(1) *Псаломъ Давиду, егоже воспѣтъ Господеви* о *словесѣхъ Хусіевыхъ, сына Іеменіина.*

Надписаніе седмаго Псалма, по видимому, противорѣчитъ нѣсколько повѣствуемому въ книгахъ Царствъ, гдѣ писано о Давидѣ: ибо тамъ повѣствуется о Хусіи первомъ другѣ Давидовомъ (2 Цар. 15, 32.), и о сынѣ Арахіиномъ; а здѣсь Хусій, сынъ Іеменіинъ. Но какъ этотъ Хусій не Іеменіинъ сынъ, такъ изъ упоминаемыхъ тамъ нѣтъ и другаго Хусія сына Іеменіина. Не за то ли развѣ названъ сыномъ Іеменіинымъ, что оказалъ великое мужество и доблестный подвигъ, когда, подъ личиной дружбы, приходилъ къ Авессалому и разорилъ совѣтъ Ахитофела, предлагавшаго мнѣніе, приличное человѣку весьма оборотливому и знающему военное дѣло? Ибо сынъ Іеменіинъ въ переводѣ значитъ сынъ десницы. Когда же Ахитофелъ совѣтовалъ ни мало не отлагать дѣла, но немедленно напасть на отца, еще не готоваго къ сраженію; Хусій не допустилъ, чтобы

принятъ былъ совѣтъ Ахитофеловъ, *яко да наведетъ*, какъ сказано, *Господь на Авессалома вся злая* (2 Цар. 17, 14.). Но напротивъ того, чтобы Давиду дать время собрать свои силы, разсудилъ онъ увѣрить ихъ въ пользѣ отсрочки и замедленія, чѣмъ и угодилъ Авессалому, который сказалъ: *благъ совѣтъ Хусія Арахіина, паче совѣта Ахитофелева*. Между тѣмъ чрезъ священниковъ Садока и Авіаѳара далъ онъ знать Давиду о распоряженіяхъ Авессалома, и требовалъ, чтобы Давидъ не оставался на ночь въ Аравоѳѣ пустынѣ, но спѣшилъ переходомъ. Поелику же чрезъ этотъ добрый совѣтъ сталъ онъ правою рукою Давида; то получилъ наименованіе отъ доблестнаго своего дѣла, и потому названъ сыномъ Іеменіинымъ, то есть сыномъ десницы. А въ Писаніи есть обыкновеніе порочнымъ давать имя чаще по грѣху, нежели по отцѣ, и добрыхъ сыновъ именовать по отличающей ихъ добродѣтели. Такъ Апостолъ Павелъ именуетъ діавола сыномъ погибели: *аще не открыется беззаконникъ, сынъ погибели* (2 Сол 2, 3.). И въ Евангеліи Господь Іуду назвалъ сыномъ погибельнымъ; сказано: *никтоже погибе, токмо сынъ погибельный* (Іоан. 17, 12.). Образованныхъ же въ боговѣдѣніи наименовалъ чадами премудрости; сказано: *и оправдися премудрость отъ чадъ своихъ* (Матѳ. 11, 19.). И еще говоритъ: *аще будетъ ту сынъ мира* (Лук. 10, 6.). Посему не удивительно, если и теперь умолчано о плотскомъ родителѣ перваго друга Давидова; наименованъ же онъ сыномъ десницы, получивъ это приличное ему имя по своему дѣянію.

(2) *Господи Боже мой, на Тя уповахъ, спаси мя.* Подумаешь, что слова просты, что кому бы то ни было можно въ прямомъ смыслѣ сказать: *Господи Боже мой, на Тя уповахъ, спаси мя.* А на дѣлѣ, можетъ быть, и не такъ. Кто надѣется на человѣка, или напыщается чѣмъ нибудь другимъ житейскимъ, напримѣръ: могуществомъ, или деньгами, или чѣмъ инымъ изъ почитаемаго у людей блистательнымъ, тотъ не можетъ сказать: *Господи Боже мой, на Тя уповахъ.* Ибо есть заповѣдь не надѣяться на князей; и сказано: *проклятъ человѣкъ, иже надѣется на человѣка* (Іер. 17, 5.). Не должно воздавать какъ Божескую честь чему либо кромѣ Бога, такъ и надѣяться на другаго кромѣ Бога, Господа всяческихъ. Сказано: *упованіе мое, и пѣніе мое Господь* (Псал. 10, 5. и 117, 14.).

Почему же Пророкъ молится, чтобы его сперва спасти отъ гонящихъ, а потомъ — избавить? Знакъ препинанія сдѣлаетъ рѣчь ясною: *спаси мя отъ всѣхъ гонящихъ мя, и избави мя,* (3) *да не когда похититъ яко левъ душу мою.* Что же за различіе между спасеніемъ и избавленіемъ? То, что въ спасеніи собственно имѣютъ нужду немощные, а въ избавленіи содержимые въ плѣну. Посему, кто имѣетъ въ себѣ немощь, но въ себѣ же находитъ и вѣру, тотъ собственною вѣрою направляется къ спасенію; ибо сказано: *вѣра твоя спасе тя* (Лук. 7, 50.); и еще: *буди тебѣ, якоже вѣровалъ еси* (Матѳ. 8, 13.). А кто требуетъ избавленія, тотъ ожидаетъ, чтобы другіе за него представили должную цѣну. Посему тотъ, кому угрожаетъ смерть,

зная, что одинъ Спаситель и одинъ Искупитель, говоритъ: *на Тя уповахъ, спаси мя* отъ немощи, *и избави мя* отъ плѣна. Думаю же, что о мужественныхъ Божіихъ подвижникахъ, которые чрезъ всю свою жизнь довольно боролись съ невидимыми врагами, когда избѣжатъ всѣхъ ихъ гоненій, находясь при концѣ жизни, князь вѣка сего извѣдываетъ, чтобы удержать ихъ у себя, если найдутся на нихъ раны, полученныя во время борьбы, или какія нибудь пятна и отпечатки грѣха. А если будутъ найдены не уязвленными и не запятнанными, то, какъ непобѣдимые, какъ свободные, будутъ упокоены Христомъ. Посему Пророкъ молится о будущей и настоящей жизни. Здѣсь говоритъ: *спаси мя отъ гонящихъ*, а тамъ, во время испытанія: *избави мя, да не когда похититъ яко левъ душу мою.* И сіе можешь узнать отъ самого Господа, Который предъ страданіемъ говоритъ: *нынѣ князь міра сего грядетъ, и во Мнѣ не иматъ ничесоже* (Іоан. 14, 30.). Но Онъ, не сотворившій грѣха, сказалъ: *не иматъ ничесоже;* для человѣка же довольно, если осмѣлится сказать: *грядетъ князь міра сего, и во мнѣ иматъ* не многое и маловажное. Опасно же, чтобы сіе не случилось съ нами, когда нѣтъ у насъ ни избавляющаго, ни спасающаго. Къ двумъ понятіямъ приданы также два понятія: *спаси мя отъ множества гонящихъ мя, и избави мя, да не когда* буду похищенъ, *не сущу избавляющу.*

(4) Господи Боже мой, аще сотворихъ сіе, аще есть неправда въ руку моею, (5) аще воздахъ воздающимъ ми зла: да отпаду убо отъ врагъ мо-

ихъ тощь: (6) *да поженетъ убо врагъ душу мою, и да постигнетъ.* Писанію обычно употреблять слово: воздаяніе, не только въ общепринятомъ смыслѣ, когда добро или зло уже совершено, но и о чемъ нибудь предначинаемомъ, какъ въ слѣдующемъ мѣстѣ: *воздаждь рабу твоему* (Псал. 118, 17.), вмѣсто того, чтобы сказать: даждь, сказано: воздаждь. Дать, значитъ положить начало благотворенію; отдать, значитъ возмѣрить равнымъ за сдѣланное себѣ добро; а воздаяніе есть какое-то второе начало и возвращеніе оказаннаго кому нибудь добра или зла. А я думаю, что когда въ Писаніи вмѣсто прошенія выражается какъ бы нѣкоторое взысканіе и требуется воздаяніе, тогда оно представляетъ смыслъ подобный слѣдующему: какой долгъ попеченія о дѣтяхъ по природѣ необходимо лежитъ на родителяхъ, — это самое выполни и въ-разсужденіи меня. Отецъ же естественною любовію къ дѣтямъ обязывается имѣть промышленіе о жизни ихъ. Ибо сказано: родители должны *снискати имѣнія чадомъ* (2 Кор. 12, 14.), чтобы сверхъ жизни доставить имъ и средства къ поддержанію жизни. Подобнымъ сему образомъ даяніе, или воздаяніе, не рѣдко употребляется въ Писаніи о дѣйствіяхъ первоначальныхъ. А теперь, кажется, Пророкъ съ увѣренностію говоритъ: *не воздахъ воздающимъ ми зла*, не воздалъ подобнымъ за подобное. *Аще сотворихъ сіе, аще воздахъ воздающимъ ми зли: да отпаду убо отъ врагъ моихъ тощь.* Отпалъ отъ враговъ *тощь*, кто лишился благодати, подаваемой отъ полноты Христовой.

Да поженетъ убо врагъ душу мою, и да постигнетъ, и поперетъ въ землю животъ мой. Душа праведника, отрѣшившись отъ соучастія въ тѣлѣ, имѣетъ животъ *сокровенъ со Христомъ въ Бозѣ* (Кол. 3, 3.); такъ что можетъ сказать съ Апостоломъ: *живу же не ктому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ.* И еще: *а еже нынѣ живу во плоти, вѣрою живу* (Гал. 2, 20.). Душа же грѣшника, живущаго по плоти, погрязшаго въ тѣлесныхъ удовольствіяхъ, валяется въ плотскихъ страстяхъ, какъ въ тинѣ. Врагъ, попирая ее, старается еще болѣе осквернить и, такъ сказать, погребсти, наступивъ на падшаго и ногами своими втаптывая его въ землю, то есть жизнь поползнувшагося — въ тѣло.

И славу мою въ персть вселитъ. Святыхъ, которые имѣютъ жительство на небесахъ и сокровиществуютъ себѣ блага въ вѣчныхъ сокровищницахъ, и слава на небесахъ; а о людяхъ перстныхъ и по плоти живущихъ говорится, что и слава ихъ *вселяется въ персть.* Кто славится земнымъ богатствомъ, кто домогается кратковременной чести отъ людей, кто возлагаетъ надежду на тѣлесныя преимущества, тотъ имѣетъ у себя славу, но она не возникаетъ къ небу, а пребываетъ въ перстн.

(7) *Воскресни Господи гнѣвомъ Твоимъ, вознесися въ концахъ врагъ Твоихъ.* Пророкъ молится уже о совершеніи тайны воскресенія въ потребленіе грѣха ихъ, или о томъ вознесеніи на крестъ, которое должно было совершиться, когда злоба враговъ возвысится до крайняго предѣла. Или слова:

вознесися въ концахъ врагъ Твоихъ, заключаютъ въ себѣ смыслъ подобный слѣдующему: до какой бы высоты ни дошла злоба, разливаясь безмѣрно и безпредѣльно, Ты по множеству силы Своей можешь, какъ добрый врачъ, предварительно оградить предѣлы, остановить болѣзнь, всюду разливающуюся и проникающую, и пресѣчь ея непрерывное распространеніе, Твоими вразумляющими ударами.

И востани Господи Боже мой повелѣніемъ, имже заповѣдалъ еси. Слова сіи можно относить и къ тайнѣ Воскресенія, разумѣя такъ, что Пророкъ молитъ Судію востать и отмстить за всякій грѣхъ и привести въ дѣйствіе предписанныя намъ заповѣди; а можно понимать ихъ и о тогдашнемъ состояніи Пророка, который молитъ Бога востать и отмстить за ту заповѣдь, какую Онъ далъ. Богомъ же дана была заповѣдь: *чти отца твоего и матерь* (Исх. 20, 12.); и ее преступилъ сынъ Давидовъ. Почему, для исправленія его и для вразумленія многихъ, молитъ Бога не долготерпѣть, но востать гнѣвомъ, воставъ, отмстить за Свою заповѣдь. Онъ говоритъ: отмсти не за меня, но за пренебреженіе заповѣди, которую Самъ Ты далъ.

(8) *И сонмъ людей обыдетъ Тя.* Извѣстно, что, по вразумленіи одного неправеднаго, обращаются многіе. Посему накажи его преступленіе, да великій *сонмъ людей обыдетъ Тя.*

И о томъ на высоту обратися. За окружающій Тебя сонмъ, который пріобрѣлъ Ты благодатнымъ снисхожденіемъ и домостроительствомъ, возвра-

тись на высоту той славы, *юже имѣлъ еси, прежде міръ не быстъ* (Іоан. 17, 5.).

(9) *Господь судитъ людемъ.* На многихъ мѣстахъ Писанія всѣяно слово о судѣ, какъ весьма необходимое и многовнушающее при обученіи благочестію увѣровавшихъ въ Бога чрезъ Іисуса Христа. Поелику же слово предлагается различно; то оно представляется нѣсколько слитнымъ для тѣхъ, которые не дѣлаютъ точнаго различенія въ значеніяхъ. Ибо сказано: *вѣруяй въ Мя нѣсть осужденъ: а не вѣруяй уже осужденъ есть* (Іоан. 3, 18.). Но если слово: невѣрующій, равнозначительно слову: нечестивый, то какъ же сказано, что *не воскреснутъ нечестивіи на судъ* (Псал. 1, 5.)? И еще: если вѣрующіе чрезъ вѣру стали сынами Божіими, а потому и сами удостоены именоваться богами: то какъ же *Богъ ста въ сонмѣ боговъ, посредѣ же боги разсудитъ* (Псал. 81, 1.)? Но кажется, что слово: судить, берется въ Писаніи иногда въ значеніи: испытывать; а иногда въ значеніи: осуждать. Такъ въ значеніи: испытывать, въ словахъ: *суди ми, Господи, яко азъ незлобою моею ходихъ;* ибо здѣсь Пророкъ присовокупляетъ: *искуси мя, Господи, и испытай мя* (Псал. 25, 1. 2.). И въ значеніи: осуждать, въ словахъ: *аще бо быхомъ себе* судили, *не быхомъ осуждени были* (1 Кор. 11, 31.). Это значитъ: если бы мы испытывали самихъ себя, то не подверглись бы осужденію. Опять сказано, что *Господь судитися имать со всякою плотію* (Іер. 25, 31.), то есть при изслѣдованіи жизни Господь самъ Себя подвергаетъ суду всякаго, и Свои заповѣди противопоставляетъ

дѣламъ грѣшниковъ, въ оправданіе Свое приводя доказательства, что Онъ сдѣлалъ все отъ Него требовавшееся ко спасенію судимыхъ, чтобы грѣшники, убѣдившись, сколько они виновны во грѣхахъ, и принявъ Божій судъ, не безъ согласія терпѣли положенное на нихъ наказаніе.

Но слово: судить, имѣетъ и иное значеніе, въ которомъ Господь говоритъ: *Царица Южская востанетъ на судъ, и осудитъ родъ сей* (Матѳ. 12, 42.). О тѣхъ, которые отвращаются Божественнаго ученія, нерадятъ о чистотѣ нравовъ и совершенно отвергли вразумляющія ученія мудрости, Господь говоритъ, что они, по сравненію и сличенію съ ихъ современниками, показавшими отличную ревность къ добру, понесутъ тягчайшее осужденіе за неисполненное ими. А я думаю, что не всѣ, облеченные въ сіе земное тѣло, одинаково будутъ судимы праведнымъ Судіею, потому что весьма различныя внѣшнія обстоятельства, встрѣчающіяся съ каждымъ изъ насъ, сдѣлаютъ, что и судъ надъ каждымъ будетъ различенъ. Или дѣлаетъ болѣе тяжкими или облегчаетъ наши грѣхи то, что отъ насъ не зависитъ, или стекается вокругъ насъ не по нашей волѣ. Представь, что подвергнется суду блудъ. Но одинъ впалъ въ сей грѣхъ, изъ дѣтства будучи воспитываемъ въ порочныхъ нравахъ; ибо и на свѣтъ произведенъ распутными родителями, и возрасталъ въ привычкахъ къ дурному, къ пьянству, играмъ и срамнымъ бесѣдамъ; а другой много имѣлъ побужденій къ жизни совершенной—воспитаніе, учителей, слышаніе слова Божія, душеспасительное чтеніе,

наставленія родительскія, бесѣды образующія въ честности и цѣломудріи, умѣренность въ пищѣ; и потомъ вовлеченъ въ подобный съ первымъ грѣхъ, и долженъ дать отчетъ въ своей жизни: не по справедливости ли сей послѣдній, въ сравненіи съ первымъ, заслужитъ тягчайшее наказаніе? Первый виновенъ будетъ въ томъ одномъ, что не возмогъ воспользоваться спасительными влеченіями, насажденными въ мысли; послѣдній сверхъ сего будетъ еще обвиненъ и въ томъ, что, при многихъ содѣйствіяхъ ко спасенію, по не воздержности и кратковременному нерадѣнію, самъ себя предалъ. Подобнымъ образомъ, кто съ самаго начала воспитывался въ благочестіи, избѣгъ всякой превратности въ ученіяхъ о Богѣ, былъ наставленъ въ законѣ Божіемъ, осуждающемъ грѣхъ и внушающемъ тому противное, тотъ, если впадетъ въ идолослуженіе, не будетъ имѣть такого же извиненія, какъ получившій воспитаніе отъ родителей, не знавшихъ закона, отъ язычниковъ, изъ дѣтства наученныхъ идолослуженію. *Господь судитъ людемъ*: иначе судитъ Іудея, и иначе Скиѳа. Ибо *Іудей почиваетъ на законѣ, хвалится о Бозѣ, разсуждаетъ лучшая* (Рим. 2, 17. 18.). Онъ оглашенъ въ законѣ, и сверхъ общихъ всѣмъ понятій былъ убѣждаемъ и вразумляемъ писаніями Пророковъ и Закона; и если окажется впадшимъ въ беззаконіе, то сіе вмѣняется ему гораздо въ тягчайшій грѣхъ. Скиѳы — народъ кочующій; они воспитаны въ звѣрскихъ и безчеловѣчныхъ обычаяхъ, привыкли къ грабежамъ и взаимнымъ насиліямъ, неукротимо предаются гнѣ-

ву, легко раздражаются взаимными оскорбленіями, привыкли всякій споръ рѣшать оружіемъ, пріучены оканчивать ссоры кровопролитіемъ; и ежели они окажутъ другъ другу сколько нибудь человѣколюбія и снисходительности, то своими услугами уготовятъ намъ жесточайшее наказаніе.

Суди ми, Господи, по правдѣ моей, и по незлобѣ моей на мя. Слова сіи, по видимому, заключаютъ въ себѣ нѣкоторую похвальбу, и близки къ молитвѣ возвышавшаго себя фарисея. Но благонамѣренно разсмотрѣвшій ихъ найдетъ, что Пророкъ далекъ отъ подобнаго расположенія. *Суди ми, Господи,* говоритъ онъ, *по правдѣ моей.* Это значитъ: обширно понятіе праведности, и предѣловъ совершенной праведности трудно достигнуть. Ибо есть праведность Ангельская, которая превосходитъ человѣческую; и ежели есть какая либо сила выше Ангеловъ, то она имѣетъ и превосходство праведности, соотвѣтственное ея величію; а праведность самого Бога превыше всякаго разума; она неизреченна и непостижима для всякой сотворенной природы. *Суди ми, Господи, по правдѣ моей,* то есть по правдѣ, какая удободостижима для людей и возможна для живущихъ во плоти; *и по незлобѣ моей на мя*: симъ особенно подтверждается, что расположеніе сказавшаго весьма далеко отъ фарисейскаго высокомѣрія. Ибо незлобою своею называетъ какъ бы простоту и неопытность въ томъ, что̀ полезно знать, по сказанному въ Притчахъ: *незлобивый емлетъ вѣру всякому словеси* (Притч. 14, 15.). Поелику мы человѣки во многихъ слу-

чаяхъ неосторожно погрѣшаемъ по неопытности; то Пророкъ молитъ и проситъ Бога даровать ему прощеніе по незлобѣ. А изъ сего видно, что сказанное показываетъ болѣе смиренномудріе, нежели высокомѣріе сказавшаго. *Суди ми, Господи*, говоритъ онъ, *по правдѣ моей*; и суди меня по *незлобѣ*, какая во мнѣ. Праведныя дѣла мои сравни съ немощію человѣческою; и тогда суди меня. Вникни въ простоту моихъ нравовъ; вникни въ то, что я необоротливъ и непроницателенъ въ дѣлахъ мірскихъ; и тогда осуждай меня за прегрѣшенія.

(10) *Да скончается злоба грѣшныхъ*. Приносящій сію молитву явно есть ученикъ Евангельскихъ заповѣдей; онъ *молится за творящихъ напасть* (Матѳ. 5, 44.), прося положить предѣлъ и конецъ злобѣ грѣшныхъ, подобно тому, какъ, если бы кто, молясь о страждущихъ тѣлесно, сказалъ: да скончается болѣзнь страждущихъ. Чтобы грѣхъ, какъ пожирающій огонь въ членахъ, распространяясь дальше и дальше, не занялъ большаго мѣста, Пророкъ молитъ Бога остановить дальнѣйшее разліяніе грѣха и положить ему предѣлъ, — молитъ, ибо любитъ враговъ своихъ, желаетъ *добро творить ненавидящимъ его*, и потому *молится за творящихъ напасть*.

Исправиши праведнаго. Праведникъ называется правымъ, и право сердце, успѣвающее въ добрѣ. Что̀ же значитъ здѣсь у Пророка сія молитва? Онъ молится объ исправленіи имѣющаго уже правоту; ибо никто не скажетъ, чтобы въ праведникѣ было что нибудь строптивое, не прямое, превратное. Но можетъ быть и о праведникѣ не-

обходимо прошеніе, чтобы его преднамѣренная правота и непревратность воли была исправляема подъ руководствомъ Божіимъ, чтобы онъ даже и по немощи не уклонялся никогда отъ правила истины, и чтобы врагъ истины не могъ растлить его превратными ученіями.

Испытаяй сердца и утробы Боже праведно. Поелику Писаніе во многихъ мѣстахъ слово: *сердце*, употребляетъ въ значеніи владычественнаго въ душѣ; а слово: *утроба*, въ значеніи вожделѣвательной ея силы, то и здѣсь значеніе словъ то же самое, именно: суди меня, Боже, въ ученіяхъ, какія имѣю о благочестіи, и въ движеніяхъ страстныхъ; *ибо Ты испытаяй сердца и утробы.* Пытаніе, въ собственномъ смыслѣ, есть допросъ судіи испытуемымъ, сопровождаемый всякаго рода истязаніями, чтобы утаевающіе выпытываемое у нихъ, отъ боли, по необходимости, вывели наружу утаенное. А на непогрѣшительныхъ испытаніяхъ Судіи какъ испытываются наши помышленія, такъ испытываются и дѣла. Посему никто не упреждай праведнаго Судію, и не суди прежде времени, *дондеже пріидетъ Господь, Иже во свѣтъ приведетъ тайная тмы, и объявитъ совѣты сердечныя* (1 Кор. 4, 5.). Въ испытаніи сердецъ и утробъ Богъ показываетъ Свое правосудіе. Испытано было сердце Авраама, отъ всей ли души и отъ всего ли сердца любитъ онъ Бога, когда ему было повелѣно принести Исаака во всесожженіе, дабы открылось, что онъ не любитъ сына паче Бога. Испытанъ былъ и Іаковъ, когда терпѣлъ козни отъ брата, дабы, при такихъ согрѣшеніяхъ Исава, про-

сіяло его неослабное братолюбіе. Итакъ въ нихъ были испытаны сердца; а въ Іосифѣ испытаны утробы, когда, при безумномъ воспламененіи къ нему похотливой госпожи, честность цѣломудрія предпочелъ онъ гнусному сладострастію. Испытанъ же былъ для того, чтобы зрители суда Божія признали, сколько праведно воздана ему честь, когда среди великихъ искушеній просіяла его чистота.

(11) *Помощь моя отъ Бога.* Собственно на войнѣ, при нашествіи непріятелей, ищутъ помощи тѣ, на кого враги нападаютъ. Посему и здѣсь ощутившій невидимыхъ враговъ своихъ и усматривающій предстоящую ему опасность отъ ополчившихся на него враговъ, говоритъ: помощь моя не въ богатствѣ, не въ тѣлесныхъ пособіяхъ, не въ силѣ, не въ крѣпости моей, не въ человѣческомъ родствѣ, но *помощь моя отъ Бога.* А какую помощь посылаетъ Господь боящимся Его, сіе видимъ изъ другаго псалма, въ которомъ сказано: *ополчится Ангелъ Господень окрестъ боящихся его, и избавитъ ихъ* (Псал. 33, 8.), и изъ другаго мѣста: *Ангелъ, иже мя избавляетъ* (Быт. 48, 16.).

Спасающаго правыя сердцемъ. Правъ сердцемъ тотъ, чей разсудокъ не допускаетъ ни излишества ни недостатка въ добродѣтели, но держится средины. Кто отъ мужества уклонился въ недостатокъ, тотъ совращается въ робость, а кто простерся въ излишество, тотъ переходитъ въ дерзость. Посему Писаніе называетъ *строптивыми* (Прит. 16, 28.) людей, которые излишествами или недостатками выступаютъ изъ средины. Какъ

черта дѣлается кривою, когда прямое направленіе преломляется то въ выпуклое, то въ вогнутое; такъ и сердце дѣлается строптивымъ, когда его то возвышаетъ высокомѣріе, то унижаютъ скорби и тѣсноты. Посему Екклесіастъ говоритъ, что *развращенное* не исправится (1, 15.).

(12) *Богъ судитель праведенъ, и крѣпокъ, и долготерпѣливъ, и не гнѣвъ наводяй на всякъ день.* Кажется, что Пророкъ говоритъ сіе, имѣя въ виду тѣхъ, которые смущаются иногда приключившимся, какъ бы для успокоенія сихъ людей отъ смущенія, чтобы они не теряли вѣры въ Промыслъ о всемъ пекущійся, видя не отмщеннымъ востаніе сына на отца и благоуспѣшный лукавый замыслъ Аввессаломовъ. Почему, исправляя, что̀ въ ихъ умозаключеніяхъ не разумно, засвидѣтельствовалъ имъ: *Богъ судитель праведенъ, и крѣпокъ, и долготерпѣливъ, и не гнѣвъ наводяй на всякъ день.* Не безъ причины бываетъ все то, что̀ ни случается. Напротивъ того, Богъ возмѣриваетъ по мѣрамъ каждаго, какими онъ предварительно измѣривалъ свои поступки въ жизни. Поелику сдѣлалъ я какой нибудь грѣхъ, то и получаю, что̀ заслужилъ. Итакъ *не глаголите на Бога неправду* (Пс. 74, 6.); ибо Богъ *судитель праведенъ.* Не думайте такъ низко о Богѣ, чтобы почитать Его не имѣющимъ силъ отмстить; ибо Онъ *и крѣпокъ.* Какая же причина тому, что не скоро налагаетъ казнь на согрѣшающихъ? Та, что Онъ *долготерпѣливъ, и не гнѣвъ наводяй на всякъ день.*

(13) *Аще не обратитеся, оружіе Свое очиститъ.* Это рѣчь угрожающая, возбуждающая къ обраще-

нію тѣхъ, которые медлятъ покаяніемъ. Угрожаетъ не прямо ранами, ударами и смертями, но очищеніемъ оружій, и какъ бы приготовленіемъ ко мщенію. Какъ тѣ, которые чистятъ оружіе, тѣмъ самымъ обнаруживаютъ свою готовность къ войнѣ; такъ и Писаніе, желая выразить Божіе намѣреніе наказать, говоритъ, что Онъ *очищаетъ Свое оружіе.*

Лукъ Свой напряже и уготова и, (14) *и въ немъ уготова сосуды смертныя.* Не тетива напрягаетъ Божій лукъ, но карающая сила, которая иногда напряжена, а иногда ослаблена. Посему слово грозитъ грѣшнику тѣмъ, что готово ожидающее его наказаніе, если пребудетъ во грѣхѣ, потому что въ лукѣ уготованы сосуды смертные, а сосуды смертные суть силы, потребляющія враговъ Божіихъ.

Стрѣлы Своя сгараемымъ содѣла. Какъ огонь произведенъ для сгараемаго вещества, созданъ не для алмаза, который не расплавляется въ огнѣ, а для возгарающихся дровъ: такъ и стрѣлы Божіи содѣланы для душъ удобосгараемыхъ, въ которыхъ собрано много вещественнаго и годнаго къ истребленію. Посему, которые имѣютъ уже въ себѣ предварительно разжженныя стрѣлы діавола, тѣ пріемлютъ на себя и стрѣлы Божіи. Потому и сказано: *стрѣлы Своя уже сгараемымъ содѣла.* Сожигаютъ же душу: плотская любовь, любостяжательность, распаленный гнѣвъ, скорби попаляющія и снѣдающія душу, страхъ чуждый страха Божія. А кто не уязвленъ стрѣлами врага и облеченъ

во всеоружіе Божіе, того не прикасаются и смертоносныя стрѣлы.

(15) *Се болѣ неправдою, зачатъ болѣзнь, и роди беззаконіе.* Въ семъ изреченіи, по видимому, перемѣшанъ порядокъ. Ибо раждающія сначала зачинаютъ, потомъ болятъ, и наконецъ раждаютъ; а здѣсь сперва болѣзни рожденія, потомъ зачатіе, потомъ рожденіе. Но относительно къ зачатію въ сердцѣ, реченіе сіе весьма выразительно. Ибо неразумныя стремленія похотливыхъ, бѣшеныя и неистовыя вожделѣнія названы болѣзнями рожденія, потому что раждаются въ душѣ съ быстротою и трудомъ. А кто, въ слѣдствіе такого стремленія, не одержалъ побѣды надъ порочными помыслами, тотъ *зачатъ болѣзнь;* и кто сердечное поврежденіе распалилъ порочными дѣлами, тотъ *роди беззаконіе.* По видимому же, Давидъ говоритъ сіе, стыдясь того, что онъ отецъ беззаконнаго сына. Не мой онъ сынъ, говоритъ Пророкъ, но сталъ сыномъ отца, которому усыновилъ себя чрезъ грѣхъ. Ибо по словамъ Іоанна: *творяй грѣхъ отъ діавола* рожденъ (1 Іоан. 3, 8.). Итакъ се діаволъ *болѣ имъ* въ неправдѣ, и *зачатъ его,* то есть какъ бы ввелъ его въ самую свою внутренность, въ утробу своихъ расположеній, и чревоносилъ его, и потомъ *роди* его, произвелъ на свѣтъ его беззаконіе; потому что всѣмъ проповѣдано о возстаніи его противъ отца.

(16) *Ровъ изры, и ископа и.* Въ божественномъ Писаніи находимъ, что ровъ берется не въ очень хорошемъ смыслѣ, какъ кладязь водный не въ худомъ смыслѣ. Ибо былъ ровъ, куда брошенъ

Іосифъ своими братьями. И когда Господь поражаетъ; *поражаетъ отъ первенца Фараонова до первенца плѣнницы, яже въ ровѣ* (Исх. 12, 29.). И въ Псалмахъ сказано: *причтенъ быхъ съ низходящими въ ровъ* (Пс. 87, 5.); и у Іереміи: *Мене оставиша, источника воды живы, и ископаша себѣ кладенцы сокрушенныя, иже не возмогутъ воды содержати* (Іерем. 2, 13.). Да и у Даніила описанъ ровъ львиный, въ который былъ вверженъ Даніилъ. А колодезь ископываетъ Авраамъ, ископываютъ также отроки Исааковы. При кладязѣ успокоился ушедшій изъ Египта Моисей (Исх. 2, 15.). И отъ Соломона пріемлемъ заповѣдь *пить воды отъ своихъ сосудовъ, и отъ своихъ кладенцовъ источника* (Притч. 5, 15.). И Спаситель при кладязѣ бесѣдуетъ съ Самарянкою о Божественныхъ тайнахъ. А почему ровъ берется въ худомъ значеніи, колодезь же въ хорошемъ, тому полагаемъ слѣдующую причину: вода во рвахъ бываетъ пришлая, падающая съ неба; а въ колодцахъ водяныя жилы, засыпанныя землею, пока мѣсто не разрыто, обнаруживаются, какъ скоро сняты покрывающія ихъ глыбы земли, или лежащія сверху другія вещества, входящія въ составъ земли. Такъ нѣчто подобное рву бываетъ и въ тѣхъ душахъ, въ которыя западаетъ доброе, но превращенное и подмѣшанное, когда человѣкъ запавшія въ него понятія о добрѣ гонитъ отъ себя, обращая ихъ на худое и противное истинѣ употребленіе и рѣшившись не имѣть въ себѣ ни какого собственнаго добра. И опять въ душахъ бываетъ нѣчто подобное кладязямъ, когда, по снятіи

худыхъ покрововъ, возсіяваетъ свѣтъ и источникъ удобопіемой воды въ словѣ и ученіи. Посему каждому необходимо пріуготовить для себя кладязь, чтобы выполнить вышеупомянутую заповѣдь, которая говоритъ: *пій воды отъ своихъ сосудовъ, и отъ твоихъ кладенцевъ источника* (Притч. 5, 15.). Въ такомъ случаѣ и мы наименуемся чадами ископавшихъ кладязи—Авраама, Исаака и Іакова. А рва рыть не должно, чтобы не *пасть* намъ *въ яму*, по сказанному въ семъ псалмѣ, и не услышать написаннаго у Іереміи въ укоризну грѣшниковъ, гдѣ Самъ Богъ говоритъ о нихъ (какъ не давно приводили мы слова сіи): *Мене оставиша, источника воды живы, и ископаша себѣ кладенцы сокрушенныя, иже не возмогутъ воды содержати* (Іерем. 2, 13.).

БЕСѢДА

НА ОКОНЧАНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТАГО ПСАЛМА И НА РОСТОВЩИКОВЪ.

Вчера бесѣдовалъ я съ вами о четырнадцатомъ псалмѣ, но время не дозволило дойдти до конца рѣчи. Нынѣ являюсь, какъ признательный должникъ, чтобы отдать вамъ оставшійся долгъ. А остальное, по видимому, не продолжительно для слышанія, для многихъ же изъ васъ, можетъ быть, и не замѣтно; почему они и не представляютъ, чтобы въ псалмѣ оставалось что нибудь. Впрочемъ, зная, что краткое сіе изреченіе имѣетъ великую силу въ дѣлахъ житейскихъ, я не думалъ, чтобы должно было оставить безъ изслѣдованія полезное.

Пророкъ, изображая словомъ человѣка совершеннаго, который желаетъ перейдти въ жизнь непоколебимую, къ доблестямъ его причисляетъ и то, чтобы *сребра своего* не давать *въ лихву* (Псал. 14, 5.). Во многихъ мѣстахъ Писанія порицается грѣхъ сей. Іезекіиль полагаетъ въ числѣ самыхъ важныхъ беззаконій брать *лихву и избытокъ* (Іезек. 22, 12.). Законъ ясно запрещаетъ: *да не даси въ лихву брату твоему* и ближнему твоему (Второз. 23, 19.). Въ другомъ мѣстѣ говорится: *лесть на лесть, и*

лихва на лихву (Iерем. 9, 6.). А что псаломъ говоритъ о городѣ, который изобиловалъ множествомъ беззаконій? *Не оскудѣ отъ стогнъ его лихва и лесть* (Псал. 54, 12.). И теперь Пророкъ отличительною чертою человѣческаго совершенства принялъ то же самое, сказавъ: *сребра своего не даде въ лихву.*

Въ самомъ дѣлѣ, крайне безчеловѣчно, когда одинъ, имѣя нужду въ необходимомъ, проситъ въ заемъ, чтобы поддержать жизнь, другому не довольствоваться возвращеніемъ даннаго въ заемъ, но придумывать, какъ извлечь для себя изъ несчастій убогаго доходъ и обогащеніе. Посему Господь далъ намъ ясную заповѣдь, сказавъ: *и хотящаго отъ тебе заяти не отврати* (Матѳ. 5, 42.). Но сребролюбецъ, видя, что человѣкъ, борющійся съ нуждою, проситъ у колѣнъ его (и какихъ не дѣлаетъ униженій, чего не говоритъ ему!), не хочетъ сжалиться надъ поступающимъ вопреки своему достоинству, но думаетъ объ единствѣ природы, не склоняется на просьбы, но стоитъ непреклоненъ и неумолимъ, не уступаетъ мольбамъ, не трогается слезами, продолжаетъ отказывать, божится и заклинаетъ самъ себя, что у него вовсе нѣтъ денегъ, что онъ самъ ищетъ человѣка, у кого бы занять; и эту ложь утверждаетъ клятвою, своимъ безчеловѣчіемъ пріобрѣтая себѣ недобрую покупку — клятвопреступленіе. А какъ скоро просящій въ займы помянетъ о ростѣ и поименуетъ залоги; тотчасъ, понизивъ брови, улыбнется, иногда припомянетъ и о дружбѣ своей съ отцемъ его, назоветъ его своимъ знакомымъ и пріятелемъ, и ска-

жетъ: «посмотримъ, нѣтъ ли гдѣ сбереженнаго серебра. Есть у меня, правда, залогъ одного пріятеля, положенный ко мнѣ для приращенія, но пріятель назначилъ за него обременительный ростъ; впрочемъ я непремѣнно сбавлю что нибудь, и отдамъ съ меньшимъ ростомъ». Прибѣгая къ такимъ выдумкамъ, и такими рѣчами обольщая и заманивая бѣднаго, беретъ съ него письменное обязательство, и, при обременительномъ убожествѣ, отнявъ у него даже и свободу, оставляетъ его. Ибо, взявъ на свою отвѣтственность такой ростъ, котораго платить не въ состояніи, онъ на всю жизнь принимаетъ на себя самопроизвольное рабство.

Скажи мнѣ: денегъ ли и прибыли ищешь ты у бѣднаго? Если бы онъ могъ обогатить тебя; то чего бы сталъ просить у дверей твоихъ? Онъ пришелъ за помощію, а нашелъ врага; онъ искалъ врачевства, а въ руки данъ ему ядъ. Надлежало облегчить убожество человѣка; а ты увеличиваешь нужду, стараясь отнять и послѣднее у неимущаго. Какъ если бы врачъ, пришедши къ больнымъ, вмѣсто того, чтобы возвратить имъ здравіе, отнялъ у нихъ и малый остатокъ силъ: такъ и ты несчастія бѣдныхъ обращаешь въ случай къ своему обогащенію. И какъ земледѣльцы молятъ дождя для пріумноженія сѣменъ: такъ и ты желаешь людямъ скудости и убожества, чтобы деньги твои приносили тебѣ прибыль. Или не знаешь, что ты болѣе приращаешь грѣхи свои, нежели умножаешь богатство придуманнымъ ростомъ?

И ищущій займа бываетъ поставленъ въ затруднительное положеніе: когда посмотритъ на свое

убожество, отчаявается въ возможности заплатить долгъ; а когда посмотритъ на свою настоящую нужду, отваживается на заемъ. Потомъ одинъ остается побѣжденнымъ, покорясь нуждѣ, а другой разстается съ нимъ, обезпечивъ себя письменнымъ обязательствомъ и поруками. Взявшій же деньги сначала свѣтелъ и веселъ, восхищается чужими цвѣтами, допускаетъ перемѣну въ жизни: столъ у него открытый, одежда многоцѣнная, слуги одѣты пышнѣе прежняго; есть льстецы, застольные друзья и тысячи трутней въ домѣ. Но какъ деньги утекаютъ, а время своимъ продолженіемъ увеличиваетъ ростъ; то и ночи не приносятъ ему покоя, и день не свѣтелъ, и солнце не пріятно; а напротивъ того жизнь для него тягостна, ненавистны дни, поспѣшающіе къ сроку; боится онъ мѣсяцевъ, потому что отъ нихъ плодится ростъ. Спитъ ли онъ? и во снѣ видится заимодавецъ—это злое привидѣніе, стоящее въ головахъ. Бодрствуетъ ли? и помышленіе и забота у него о ростѣ. Сказано: *заимодавцу и должнику, срѣтшимся другъ со другомъ, посѣщеніе творитъ обѣма Господь* (Притч. 29, 13.). Одинъ, какъ песъ, бѣжитъ на добычу, другой, какъ готовая ловитва, страшится встрѣчи, потому что нищета отнимаетъ у него смѣлость. У обоихъ счетъ на пальцахъ; одинъ радуется увеличенію роста, другой стенаетъ о приращеніи бѣдствій.

Пій воды отъ своихъ сосудовъ (Притч. 5, 15.), то есть разсчитывай свои средства, не ходи къ чужимъ источникамъ, но изъ собственныхъ своихъ капелей собирай для себя утѣшенія въ жизни. Есть

у тебя мѣдная посуда, одежды, пара воловъ, всякая утварь? Отдай это. Согласись отказаться отъ всего, только не отъ свободы. Но я стыжусь, говоришь ты, сдѣлать это гласнымъ. Что жъ? Въ скоромъ времени другой выставитъ же это на показъ, провозгласитъ, что оно твое, и въ твоихъ глазахъ станетъ продавать по низкой цѣнѣ. Не ходи къ чужимъ дверямъ: ибо, дѣйствительно, *студенецъ чуждій тѣсенъ* (Притч. 23, 27.). Лучше посильными трудами помогать своимъ нуждамъ, нежели, вдругъ поднявшись чужимъ имуществомъ, въ послѣдствіи лишиться всего достоянія. Ежели у тебя есть чѣмъ отдать; почему же не удовлетворяешь этимъ средствомъ настоящей нуждѣ? Если же не въ состояніи заплатить долгъ; то одно зло лечишь другимъ. Не вѣрь заимодавцу, который ведетъ около тебя окопы. Не дозволяй, чтобы тебя отыскивали и преслѣдовали, подобно какой нибудь добычѣ.

Брать въ заемъ — начало лжи, случай къ неблагодарности, вѣроломству, клятвопреступленію. Иное говоритъ, кто беретъ въ заемъ, а иное, съ кого требуютъ долгъ. «Лучше бы мнѣ не встрѣчаться тогда съ тобою! я бы нашелъ средства освободиться отъ нужды. Не насильно ли вложилъ ты мнѣ деньги въ руки? И золото твое было съ подмѣсью мѣди, и монеты обрѣзаны.» Ежели дающій въ заемъ тебѣ другъ; не берись за случай потерять его дружбу. Если онъ врагъ; не подчиняй себя человѣку непріязненному. Не долго будешь украшаться чужимъ, а послѣ потеряешь и отцовское наслѣдіе. Теперь ты бѣденъ, но свободенъ. А

взявъ въ заемъ, и богатымъ не сдѣлаешься, и свободы лишишься. Взявшій въ заемъ сталъ рабомъ заимодавца, рабомъ, наемникомъ, который несетъ на себѣ самую тяжелую службу. Псы, получивъ кусокъ, дѣлаются кроткими, а заимодавецъ раздражается по мѣрѣ того, какъ беретъ; онъ не перестаетъ лаять, но требуетъ еще большаго. Если клянешься; не вѣритъ, высматриваетъ, что́ есть у тебя въ домѣ, вывѣдываетъ, что́ у тебя въ долгахъ. Если выходишь изъ дома; влечетъ тебя къ себѣ и грабитъ. Если скроешься у себя; стоитъ предъ домомъ и стучитъ въ двери, позоритъ тебя при женѣ, оскорбляетъ при друзьяхъ; душитъ на площади. И праздникъ не весело тебѣ встрѣтить; самую жизнь дѣлаетъ онъ для тебя несносною.

Но говоришь: нужда моя велика, и нѣтъ другаго способа достать денегъ.— Какая же польза изъ того, что отдалишь нужду на нынѣшній день? Нищета опять къ тебѣ прійдетъ, *яко благъ течецъ* (Притч. 24, 34.), и та же нужда явится съ новымъ приращеніемъ. Ибо заемъ не вовсе освобождаетъ отъ затруднительнаго положенія, но только отсрочиваетъ его не надолго. Вытерпимъ нынѣ тяготу бѣдности, и не станемъ отлагать сего на завтра. Не взявъ въ заемъ, равно ты будешь бѣденъ, и сегодня, и въ слѣдующіе дни; а взявъ, истощишь себя еще больше, потому что нищета возрастаетъ отъ роста. Теперь никто не винитъ тебя за бѣдность, потому что зло не произвольно; а когда обяжешься платить ростъ, всякой станетъ упрекать тебя за безразсчетность.

Итакъ къ невольнымъ бѣдствіямъ не будемъ, по неразумію своему, прилагать еще произвольнаго зла. Дѣтскому разуму свойственно не покрывать своихъ нуждъ тѣмъ, что̀ имѣешь, но, ввѣрившись неизвѣстнымъ надеждамъ, отваживаться на явный и непререкаемый вредъ. Разсуди напередъ: изъ чего станешь платить? Изъ тѣхъ ли денегъ, которыя берешь? Но ихъ не достанетъ и на нужду, и на уплату. А если ты вычислишь и ростъ; то откуда у тебя до того размножатся деньги, что онѣ частію удовлетворятъ твоей нуждѣ, частію восполнятъ собою, что̀ занято, а сверхъ того принесутъ и ростъ? Но ты отдашь долгъ не изъ тѣхъ денегъ, которыя берешь въ ростъ? Развѣ изъ другаго источника возмешь деньги? Подождемъ же исполненія этихъ надеждъ, а не станемъ, какъ рыбы, кидаться на приманку. Какъ онѣ вмѣстѣ съ пищею глотаютъ уду, такъ и мы ради денегъ пригвождаемъ себя къ росту. Ни какого нѣтъ стыда быть бѣднымъ; для чего же навлекаемъ на себя позоръ, входя въ долги? Никто не лечитъ раны раною, не врачуетъ зла зломъ; — и бѣдности не поправишь платою роста. Ты богатъ? не занимай. Ты бѣденъ? также не занимай. Если имѣешь у себя достатокъ; то нѣтъ тебѣ нужды въ долгахъ. А если ничего не имѣешь у себя, то не чѣмъ будетъ тебѣ заплатить долга. Не предавай жизнь свою на позднее раскаяніе, чтобы тебѣ не почитать счастливыми тѣхъ дней, въ которые ты не платилъ еще роста. Мы бѣдные отличаемся отъ богатыхъ однимъ—свободою отъ заботъ; наслаждаясь сномъ, смѣемся надъ ихъ безсонными

ночами; не зная безпокойствъ и будучи свободны, смѣемся надъ тѣмъ, что они всегда связаны и озабочены. А должникъ—и бѣденъ, и обремененъ безпокойствами. Не спитъ онъ ночью, не спитъ и днемъ; во всякое время задумчивъ, оцѣнивая то свое собственное имущество, то великолѣпные домы и поля богачей, одежды мимоходящихъ, домашнюю утварь угощающихъ. « Если бы это было мое, говоритъ онъ; я продалъ бы за такую и такую-то цѣну, и тѣмъ освободился бы отъ платежа роста». Это и ночью лежитъ у него на сердцѣ, и днемъ занимаетъ его мысли. Если стукнешь въ дверь; должникъ прячется подъ кровать. Вбѣжалъ кто нибудь скоро; у него забилось сердце. Залаялъ песъ; а онъ обливается пòтомъ, томится предсмертною мукою, и высматриваетъ, куда бѣжать. Когда наступаетъ срокъ, заботливо придумываетъ, чтò солгать, какой изобрѣсти предлогъ, и чѣмъ отдѣлаться отъ заимодавца.

Представляй себѣ не то одно, чтò берешь, но и то, чтò потребуютъ съ тебя назадъ. Для чего ты вступаешь въ союзъ съ многоплоднымъ звѣремъ? О зайцахъ говорятъ, что они въ одно время и родятъ, и кормятъ, и зачинаютъ дѣтей. И у ростовщиковъ деньги въ одно время и отдаются въ заемъ, и родятся, и подростаютъ. Еще не взялъ ты ихъ въ руки, а уже требуютъ съ тебя приращенія за настоящій мѣсяцъ. И это, опять причтенное къ долгу, воспитываетъ новое зло, отъ котораго родится еще новое, и такъ до безконечности. Потому-то и наименованіемъ такимъ почтенъ этотъ родъ любостяжанія; ибо называется

ростомъ (*τόκος*) (а), какъ я думаю, по причинѣ многоплодности этого зла. Да и отъ чего произойдти иначе сему именованію? Или, можетъ быть, называется ростомъ, по причинѣ болѣзней и скорбей, какія обыкновенно производитъ въ душахъ задолжавшихъ. Чтó раждающей—болѣзни рожденія, то должнику наступающій срокъ. Ростъ на ростъ, это—злое исчадіе злыхъ родителей. Такія приплодія роста да назовутся порожденіемъ эхиднинымъ! Объ эхиднахъ говорятъ, что онѣ раждаются, прогрызая утробу матери; и ростъ отраждается, изъядая домъ должника. Сѣмена даютъ плодъ, и животныя приходятъ въ зрѣлость съ теченіемъ только времени; а ростъ сегодня раждается, и сего же дня начинаетъ раждать. Животныя скоро начинающія раждать, скоро и перестаютъ; а деньги, получивъ начало скораго пріумноженія, до безконечности болѣе и болѣе приращаются. Все возрастающее, какъ скоро достигнетъ свойственной ему величины, перестаетъ возрастать; но серебро лихоимцевъ во всякое время, по мѣрѣ его продолженія, само возрастаетъ. Животныя, когда ихъ дѣти дѣлаются способными къ рожденію, сами перестаютъ раждать; но серебряныя монеты у заимодавцевъ, и вновь прибывающія раждаютъ, и старыя остаются въ полной силѣ. Лучше тебѣ не знать по опыту сего чудовищнаго звѣря!

Ты свободно смотришь на солнце. Для чего же завидуешь самъ себѣ въ свободѣ жизни? Ни

(а) Отъ *τίκτω* раждаю.

одинъ боецъ не избѣгаетъ такъ ударовъ противника, какъ должникъ встрѣчи съ заимодавцемъ, стараясь спрятать голову за столпами и стѣнами. «Какъ же мнѣ прокормиться»? говоришь ты. — У тебя есть руки, есть ремесло. Наймись, служи; много промысловъ жизни, много способовъ. Но у тебя нѣтъ силъ? Проси у имѣющихъ. Но просить стыдно? А еще стыднѣе не отдать взятаго въ заемъ. Я говорю тебѣ это вовсе не какъ законодатель, но хочу показать, что все для тебя сноснѣе займа. Муравей можетъ пропитаться, хотя не проситъ и не беретъ въ заемъ; и пчела остатки своей пищи приноситъ въ даръ царямъ; но имъ природа не дала ни рукъ, ни искусствъ. А ты, человѣкъ, животное изобрѣтательное на промыслы, не можешь изобрѣсти одного изъ всѣхъ промысла, чѣмъ тебѣ прожить?

Впрочемъ видимъ, что доходятъ до займа не тѣ, которые нуждаются въ необходимомъ (имъ никто и не повѣритъ въ долгъ), но занимаютъ люди, которые предаются безразсчетнымъ издержкамъ и безполезной пышности, раболѣпствуютъ женскимъ прихотямъ. Жена говоритъ. «мнѣ нужно дорогое платье и золотыя вещи, и сыновьямъ необходимы приличныя имъ и нарядныя одежды, и слугамъ надобны цвѣтныя и пестрыя одѣянія, и для стола потребно изобиліе». И мужъ, выполняя такія распоряженія жены, идетъ къ ростовщику; прежде нежели получитъ въ руки занятыя деньги, мѣняетъ одного на другаго многихъ владыкъ, непрестанно входя въ обязательство съ новыми заимодавцами, и непрерывностію

сего зла избѣгаетъ обличенія въ недостаточности. И какъ одержимые водяною болѣзнію остаются въ той мысли, что они тучны: такъ и этотъ человѣкъ представляетъ себя богатымъ, непрестанно то занимая, то отдавая деньги, и новыми долгами уплачивая прежніе, такъ что самою непрерывностію зла пріобрѣтаетъ себѣ довѣріе къ полученію вновь. Потомъ какъ больные холерою, непрестанно извергая вонъ принятую ими пищу, и прежде нежели желудокъ совершенно очищенъ, наполняя его новою пищею, опять подвергаются рвотѣ съ мучительною болью и судорогами: такъ и эти люди, мѣняя одинъ ростъ на другой, и прежде нежели очищенъ прежній долгъ, дѣлая новый заемъ, на нѣсколько времени повеличавшись чужимъ имуществомъ, въ послѣдствіи оплакиваютъ собственное свое достояніе. Какъ многихъ погубило чужое добро! Какъ многіе, видѣвъ себя богатыми во снѣ, понесли ущербъ!

Но говорятъ, что многіе чрезъ долги разбогатѣли: а я думаю, что больше было такихъ, которые дошли до петли. Ты видишь разбогатѣвшихъ, а не считаешь удавившихся, которые, не терпя стыда подвергнуться взысканію долговъ, позорной жизни предпочли удавку и смерть. Видалъ я жалкое зрѣлище, какъ свободно рожденныхъ за отцовскіе долги влекли на торгъ для продажи. Ты не можешь дѣтямъ оставить денегъ? по крайней мѣрѣ не отнимай у нихъ и благородства. Сбереги для нихъ это одно достояніе—свободу, этотъ залогъ, полученный тобою отъ родителей. Никого никогда не винили за убожество отца, но отцовскій долгъ

доводитъ до тюрьмы. Не оставляй по себѣ рукописанія, которое бы уподоблялось отеческой клятвѣ, переходящей на дѣтей и внуковъ.

Послушайте богатые, какіе совѣты даемъ мы бѣднымъ, по причинѣ вашего безчеловѣчія,—лучше съ терпѣніемъ переносить другія бѣдствія, нежели тѣ, которыя бываютъ слѣдствіемъ роста. Но если бы вы повиновались Господу; то какая нужда была бы въ сихъ словахъ? Какой же совѣтъ даетъ Господь? *Взаимъ дадите, отъ нихже не чаете воспріяти* (Лук. 6, 34. 35.). Скажешь: какой же это заемъ, съ которымъ не сопряжена надежда возвращенія? Вникни въ силу реченія, и подивишься человѣколюбію Законодателя. Когда будешь давать бѣдному ради Господа; это будетъ и даръ, и заемъ,— даръ, по безнадежности получить обратно,—заемъ, по великодаровитости Владыки, Который самъ за него заплатитъ, и взявъ малость чрезъ бѣднаго, воздастъ за то великимъ. Ибо *милуяй нища взаимъ даетъ Богови* (Притч. 19, 17.). Ужели не захочешь, чтобы общій всѣхъ Владыка принялъ на Себя отвѣтственность заплатить тебѣ? А ежели какой нибудь богачъ въ городѣ обѣщается заплатить за другихъ, не примешь ли его поручительства? Но Бога не допускаешь платить за убогихъ? Отдай серебро, которое лежитъ у тебя напрасно, не отягощая бѣднаго приращеніями, и будетъ хорошо обоимъ,— тебѣ, потому что серебро сбережется въ безопасности, и взявшему у тебя, потому что онъ чрезъ употребленіе извлечетъ изъ него пользу. А если домогаешься прибытка; то удовольствуйся

тѣмъ, какой получишь отъ Господа. Онъ за бѣдныхъ заплатитъ и приращеніе. Отъ Того, Который подлинно человѣколюбивъ, ожидай человѣколюбія.

Если берешь съ бѣднаго, то сіе верхъ человѣконенавистничества. Ты изъ чужихъ несчастій извлекаешь прибыль; со слезъ собираешь деньги; душишь нагаго, бьешь голоднаго. У тебя нѣтъ жалости, нѣтъ и мысли о родствѣ съ страдальцемъ; и ты называешь человѣколюбивыми получаемые такимъ образомъ прибытки? *Горе глаголющимъ горькое сладкое, и сладкое горькое* (Иса. 5, 20.), и называющимъ безчеловѣчіе человѣколюбіемъ. Не таково было гаданіе, которое Самсонъ предлагалъ пирующимъ: *отъ ядущаго изыде ядомое, и отъ крѣпкаго изыде сладкое* (Суд. 14, 14.), и отъ человѣконенавистника вышло человѣколюбіе. *Не объемлютъ отъ тернія грозды, и отъ репія смоквы*, и отъ роста — человѣколюбія; *всяко бо древо злое плоды злы творитъ* (Матѳ. 7, 16. 17.). Есть какіе-то ростособиратели то со ста, то съ десяти (и самыя названія ихъ страшно слышать), и какіе-то помѣсячные взыскатели, которые какъ бѣсы, производящіе падучую болѣзнь, по луннымъ кругообращеніямъ нападаютъ на бѣдныхъ. Худая для обоихъ уплата, и для дающаго, и для получающаго! У одного производитъ ущербъ въ деньгахъ, у другаго вредитъ самой душѣ. Земледѣлецъ, получивъ колосъ, не ищетъ опять подъ корнемъ сѣмени; а ты и плоды берешь, и не прощаешь того, съ чего получаешь ростъ. Ты безъ земли сѣешь; не сѣявъ, жнешь.

Не извѣстно, кому собираешь. Есть проливающій слезы отъ роста,—это извѣстно; но кто воспользуется пріобрѣтеннымъ чрезъ это богатствомъ,—это сомнительно. Ибо не извѣстно, не другимъ ли предоставишь употребленіе богатства, собравъ для себя одно зло неправды.

Итакъ *хотящаго заяти не отврати* (Матѳ. 5, 42.), и *сребра твоего въ лихву не дай*, чтобы, изъ Ветхаго и Новаго Завѣта научившись полезному, съ благою надеждою отойдти тебѣ ко Господу, и тамъ получить лихву добрыхъ дѣлъ, во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА

НА ДВАДЦАТЬ ОСМЫЙ ПСАЛОМЪ.

Псаломъ Давиду, исхода скиніи.

Двадцать осмый псаломъ имѣетъ общее надписаніе; ибо сказано: *Псаломъ Давиду.* Но имѣетъ также и особенное; ибо присовокуплено: *исходи скиніи.* Что же это значитъ? Разберемъ, что̀ такое *исходъ*, и что̀ такое *скинія*, чтобы можно намъ было войдти въ намѣреніе псалма. Что касается до смысла историческаго, то кажется, что священникамъ и левитамъ, по совершеніи ими своего дѣла, давалось повелѣніе помнить, что̀ они должны приготовить къ служенію. Ибо выходящихъ изъ Скиніи и оставляющихъ ее псаломъ учитъ, что̀ имъ надлежитъ приготовить, и что̀ имѣть при себѣ, когда пріидутъ въ слѣдующій разъ, а именно: принести *сыны овни*, *славу и честь*, *славу имени Его*; и знать, что нигдѣ не подобаетъ служить, какъ только *во дворѣ Господнемъ*, и на мѣстѣ Святыни. Что же касается до нашего ума, который созерцаетъ возвышенное, и высокимъ, приличнымъ Божію Писанію, разумѣніемъ усвояетъ намъ законъ; то

представляется намъ слѣдующее: здѣсь разумѣется не овенъ, то есть мужескій полъ овецъ, не скинія, то есть храмина, сооруженная изъ неодушевленнаго сего вещества, не исходъ изъ скиніи, или удаленіе изъ храма, но сіе тѣло, которое есть для насъ скинія, какъ научилъ насъ Апостолъ, сказавъ: *ибо сущіи въ скиніи сей* (а) *воздыхаемъ* (2 Кор. 5, 4); и еще Псаломъ: *рана не приближится селенію твоему* (Пс. 90, 10). А исходъ изъ скиніи есть отшествіе изъ сея жизни, къ которому Писаніе совѣтуетъ намъ приготовляться, чтобы принести въ даръ Господу то или другое; потому что здѣшнее дѣланіе служитъ напутствіемъ къ будущей жизни. И кто здѣсь добрыми дѣлами приноситъ славу и честь Господу, тотъ самъ себѣ сокровиществуетъ славу и честь во время праведнаго воздаянія Судіи.

Во многихъ спискахъ находимъ присовокупленныя слова: (1) *принесите Господеви сынове Божіи*. Ибо не отъ всякаго даръ благопріятенъ Богу, но только отъ того, кто приноситъ отъ чистаго сердца. Сказано: *не чисты обѣты отъ мзды блудницы* (Притч. 19, 13). И Іеремія также говоритъ: *еда обѣты и мяса свиная отымутъ отъ тебе лукавства*, или ты чрезъ нихъ будешь чистъ (Іер. 11, 15.)? Посему псаломъ требуетъ, чтобы мы прежде всего стали сынами Божіими, и тогда уже приступали приносить дары Богу, и дары, не какіе случилось, но какіе Онъ Самъ повелѣлъ. Сперва

(а) По Славянскому переводу *въ тѣлѣ семъ*.

скажи: Отче! а потомъ проси, что̀ слѣдуетъ далѣе. Испытай самъ себя: какова доселѣ была жизнь твоя; достоинъ ли ты наименовать отцемъ своимъ Святаго Бога? Только чрезъ освященіе можно намъ вступить въ общеніе со Святымъ. Ежели желаешь всегда быть сыномъ Святаго, то пусть усыновитъ тебя Святыня. Посему *принесите Господеви*, не всякой, кто бы то ни былъ, и отъ кого бы кто ни происходилъ, но *сынове Божіи*. Онъ потребуетъ великихъ даровъ; потому избираетъ и великихъ приносителей. Чтобы не низринуть помысловъ твоихъ долу, и не заставить тебя искать овна, сего безсловеснаго, четвероногаго и блѣющаго животнаго, въ надеждѣ умилостивить Бога сею жертвою; псаломъ говоритъ: *принесите Господеви сынове Божіи*. Не сынъ нуженъ и не то, чтобы ты принесъ самаго сына; но если сынъ есть нѣчто великое; то прилично, чтобы и приносимое было велико и достойно какъ сыновняго расположенія, такъ и отцева достоинства.

Посему говоритъ: *принесите сыны овни*, дабы и приносимые сами перемѣнились, и изъ сыновъ овнихъ стали сынами Божіими. Овенъ есть животное начальственное; онъ водитъ овецъ на питательныя пажити, на мѣсто отдохновенія при водахъ, и обратно въ загоны и ограды. Таковы же нѣкоторые и предстоятели стада Христова; они приводятъ его къ доброцвѣтнымъ и благоуханнымъ снѣдямъ духовнаго ученія, по дару Духа орошаютъ живою водою, возвышаютъ, воспитываютъ до плодоношенія, указываютъ путь къ мѣсту упокоенія, къ пристанищу безопасному отъ навѣтующихъ. По-

сему слово хочетъ, чтобы ихъ сыны были приведены ко Господу сынами Божіими. Если же овны суть предводители прочихъ; то сынами ихъ будутъ тѣ, которые, по ученію предстоятелей, чрезъ попеченіе о добрыхъ дѣлахъ, образовали себя для жизни добродѣтельной. *Принесите Господеви сынове Божіи, принесите Господеви сыны овни.* Понялъ ли ты, къ кому обращена рѣчь? Понялъ ли, о комъ говорится?

Сказано: *принесите Господеви славу и честь.* Какъ же мы, земля и пепелъ, великому Господу приносимъ славу? какъ приносимъ Ему честь? — Мы приносимъ славу добрыми дѣлами, когда дѣла наши бываютъ свѣтлы предъ человѣками; и люди видятъ дѣла наши, и прославляютъ Отца нашего, Который на небесахъ (Матѳ. 5, 16.). А также можно прославлять Бога цѣломудріемъ и святостію, къ какой обязаны давшіе обѣтъ благочестивой жизни, какъ увѣщаваетъ насъ Павелъ, говоря: *прославите убо Бога въ членахъ вашихъ* (1 Кор. 6, 20). Сей-то славы требуетъ Господь отъ вѣрующихъ въ Него и почтенныхъ даромъ сыноположенія; ибо говоритъ: *Сынъ славитъ отца: и аще отецъ Азъ есмь, то гдѣ слава Моя* (Мал. 1, 6)? А честь приноситъ Богу, по слову Притчи (3, 9.), кто *чтитъ Бога отъ праведныхъ своихъ трудовъ, и даетъ Ему начатки отъ плодовъ своей правды.* Также всякій, кто богословствуетъ по предписанному, чтобы не отпасть отъ праваго разумѣнія объ Отцѣ и о Божествѣ Единороднаго, и о славѣ Св. Духа, приноситъ Господу славу и честь. Возвеличиваетъ же славу тотъ, кто можетъ

показать законы, по которымъ все создано, по которымъ все содержится, по которымъ, послѣ здѣшняго домостроительства, все приведется на судъ. Кто возмогъ самъ созерцать все въ подробности, въ ясныхъ и неслитныхъ представленіяхъ, и послѣ того, какъ самъ созерцалъ, можетъ и другимъ изобразить благость Божію и праведный судъ Его, тотъ приноситъ Господу славу и честь, равно какъ и тотъ, кто проводитъ жизнь сообразную съ таковымъ созерцаніемъ; потому что свѣтъ его свѣтится предъ человѣками, и Отецъ небесный прославляется отъ него, и словомъ, и дѣломъ, и всякаго рода доблестями. Но не приноситъ Господу славы и чести, кто пристрастенъ къ славѣ человѣческой, кто уважаетъ деньги, кто дорого цѣнитъ плотскія удовольствія, кто дивится ученіямъ чуждымъ богочестія: ибо какъ добрыми дѣлами приносимъ славу Господу, такъ худыми дѣлами производимъ противное. Что̀ говоритъ Господь грѣшникамъ? *Имя Мое васъ ради хулится во языцѣхъ* (Исаіи 52, 5.). А Апостолъ говоритъ еще: *преступленіемъ закона Бога безчествуеши* (Рим. 2, 23.). Ибо оскорбленіе законодателю—презрѣніе и пренебреженіе законовъ. Если въ домѣ худое устройство, потому что въ немъ гнѣвъ и крикъ, обида и смѣхъ, роскошь и расточительность, нечистота и наглость; то безчестіе и стыдъ за все происходящее въ домѣ падаетъ на владѣющаго имъ. Изъ сего да уразумѣемъ, что какъ добрыми дѣлами прославляется Богъ, такъ дѣлами порочными славится врагъ. Когда, *вземъ уды Христовы, сотворю уды блудницы* (1 Кор. 6, 15.); тогда и слава отъ Спасшаго

меня перенесена будетъ мною на погубившаго меня. И невѣрующій измѣняетъ *славу нетлѣннаго Бога* въ образъ *тлѣнна человѣка, и птицъ, и четвероногъ, и гадъ* земныхъ (Рим. 1, 23). Также воздающій честь и служащій твари вмѣсто Творца приноситъ славу не Богу, но тварямъ. Посему, кто говоритъ, что тварь есть нѣчто, и кланяется ей, тотъ да знаетъ, куда будетъ вчиненъ жребій его. Итакъ убоимся, чтобы, грѣхомъ своимъ доставляя славу и похваленіе діаволу, не подвергнуться намъ вѣчному съ нимъ стыду. А что грѣхъ нашъ обращается въ славу тому, кто внушаетъ его намъ, уразумѣй это изъ подобія. Два военачальника вступаютъ въ сраженіе. Когда побѣждаетъ одно войско, предводитель его пріобрѣтаетъ славу; а когда одерживаетъ верхъ противное войско, вся честь принадлежитъ полководцу сего другаго войска. Такъ въ добрыхъ дѣлахъ твоихъ прославляется Господь, а въ противныхъ противникъ. Не представляй, что враги далеко; и на военачальниковъ смотри не издали, но обрати взоръ на себя самого, и найдешь совершенную вѣрность подобія. Ибо когда умъ борется со страстію, и своимъ усиліемъ и внимательностію одерживаетъ верхъ; тогда торжествуетъ онъ побѣду надъ страстію, и успѣхомъ своимъ какъ бы увѣнчаваетъ самого Бога: а когда, ослабѣвъ, поддается сластолюбію, тогда, сдѣлавшись рабомъ и плѣнникомъ грѣховъ, доставляетъ врагу случай къ похвальбѣ, превозношенію и высокомѣрію.

(2) *Поклонитеся Господеви во дворѣ святѣмъ Его.* По принесеніи требуемыхъ плодовъ, нужно

поклоненіе, поклоненіе, совершаемое не внѣ церкви, но въ самомъ дворѣ Божіемъ. Псаломъ говоритъ: не придумывайте особенныхъ дворовъ и сходбищъ. Святой дворъ Божій одинъ. Прежде дворомъ симъ была Іудейская Синагога; но послѣ того, какъ согрѣшили Іудеи противъ Христа, *дворъ ихъ пустъ* (Пс. 68, 26.). Посему и Господь говоритъ: *и ины овцы имамъ, яже не суть отъ двора сего* (Іоан. 10, 16); и разумѣя тѣхъ, которые изъ язычниковъ предопредѣлены ко спасенію, показываетъ, что у Него есть собственный Свой дворъ, кромѣ двора Іудеевъ. Посему надобно покланяться Богу не внѣ святаго двора сего, но находясь внутри его, чтобы, оставаясь внѣ и увеселяясь внѣшнимъ, не потерять и права быть во дворѣ Господнемъ. Ибо многіе по наружности стоятъ на молитвѣ, но не суть во дворѣ, потому что мысль ихъ носится тамъ и здѣсь, и умъ развлеченъ суетою заботы. Но подъ дворомъ, въ смыслѣ болѣе возвышенномъ, можно еще разумѣть небесную обитель. Посему, которые здѣсь *насаждени въ дому Господни*, что̀ есть Церковь Бога живаго, тѣ и тамъ *во дворѣхъ Бога нашего процвѣтутъ* (Псал. 9, 14). А кто боготворитъ чрево, или славу, или серебро, или другое что предпочитаемое имъ всему прочему, тотъ *не поклоняется Господу*, тотъ не *во дворѣ святѣмъ*, хотя бы и казался достойнымъ видимыхъ собраній.

(3) *Гласъ Господень на водахъ*. Во многихъ мѣстахъ найдешь употребленнымъ слово: *гласъ*. Посему, чтобы понять, что̀ такое *гласъ Господень*, не напрасно будетъ собрать намъ по возможности,

что̀ въ божественномъ Писаніи сказано о гласѣ. Такъ въ пророчествѣ Аврааму: *и абіе гласъ бысть глаголющій: не будетъ сей наслѣдникъ твой* (Быт. 15, 4). Также при Моисеѣ: *и вси людіе зряху гласъ и свѣщи* (Исх. 20, 18.). И еще у Исаіи: *гласъ вопіющаго: возопій* (Исаіи 40, 6.). У насъ голосъ есть или сотрясенный воздухъ, или такое видоизмѣненіе въ положеніи воздуха, какое хочетъ сообщить ему издающій голосъ. — Что̀ же такое *гласъ Господень?* Разумѣть ли сотрясеніе въ воздухѣ, или что сотрясенный воздухъ достигаетъ до слуха того, къ кому гласъ? Или не бываетъ ничего подобнаго, но гласъ сей совершенно инаго рода, и слышащимъ его представляетъ себя владычественное (а) въ томъ человѣкѣ, которому Богъ хочетъ явить собственный Свой гласъ; такъ что представленіе сіе имѣетъ сходство съ тѣмъ, что̀ бываетъ не рѣдко во снѣ? Ибо какъ безъ сотрясенія воздуха, въ слѣдствіе представленій бывающихъ во снѣ, удерживаемъ въ памяти нѣкоторыя слова и звуки, не чрезъ слухъ принявъ голосъ, потому что онъ напечатлѣнъ въ самомъ сердцѣ нашемъ; такъ чѣмъ-то подобнымъ сему должно представлять и тотъ гласъ, который бываетъ къ пророкамъ отъ Бога

Гласъ Господень на водахъ. Если искать смысла чувственнаго; то поелику облака, когда они наполнены водою, сталкиваясь между собою, издаютъ звукъ и трескъ, и здѣсь сказано: *гласъ Господень*

(а) Умъ.

на водахъ. Но также, если бываетъ шумъ отъ водъ, разсѣкаемыхъ какими ни есть преградами, и если море, возмущаемое вѣтромъ, волнуется и издаетъ сильный звукъ; то сіи неодушевленныя вещества имѣютъ гласъ отъ Господа, по указанію Писанія, что всякая тварь едва не вопіетъ, возвѣщая о своемъ Создателѣ. И когда раздается громъ изъ облаковъ, не иное что должно представлять, а то, что *возгремѣ Богъ славы*, и что Господь Своею силою содержитъ влажное естество. *Господь на водахъ многихъ*. Изъ исторіи міротворенія знаемъ, что есть вода превыше небесъ, также вода бездны, и еще вода—собраніе морей. Кто же содержитъ воды сіи, и не попускаетъ имъ, по естественному ихъ стремленію, падать внизъ, кто, если не Господь, Который имѣетъ власть и надъ водами? А можетъ быть, что въ смыслѣ болѣе таинственномъ сказано: *гласъ Господень на водахъ*, когда при крещеніи Іисуса, былъ гласъ свыше: *сей есть Сынъ Мой возлюбленный* (Матѳ. 3, 17.). Ибо тогда былъ Господь *на водахъ многихъ*, освящая воды крещеніемъ, и *Богъ славы* велегласнымъ свидѣтельствомъ *возгремѣ* свыше. И крещаемымъ возглашается оставленный Господомъ гласъ; ибо сказано: *шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа* (Матѳ. 28, 19). Итакъ *гласъ Господень на водахъ*. Громъ составляется, когда сухой и сильный духъ, заключенный въ пустотахъ облака, съ напряженіемъ вращающійся по облачнымъ пустотамъ, ищетъ выхода вонъ. Облака, противящіяся сильному давленію, треніемъ о нихъ духа производятъ тотъ рѣзкій звукъ. А когда облака, какъ

надутые пузыри, не возмогутъ противиться духу и удерживать его; тогда они, будучи сильно расторгаемы и пропуская духъ стремящійся вонъ, производятъ громовые удары. Это же обыкновенно производитъ и молнію. Итакъ Господь, сущій на водахъ и творящій великіе громовые удары, и въ нѣжномъ естествѣ воздуха производитъ такую чрезмѣрность треска. А тебѣ, и въ церковномъ смыслѣ, то сообщеніе догматовъ, которое по крещеніи съ Евангельскимъ громогласіемъ производится въ душахъ людей уже совершенныхъ таинствомъ, можно назвать громомъ. А что Евангеліе есть громъ, это доказываютъ ученики, переименованные Господомъ и названные сынами громовыми. Посему не во всякомъ раздается гласъ таковаго грома, но развѣ кто достоинъ именоваться колесомъ; ибо сказано: *гласъ грома Твоего въ колеси* (Псал. 76, 19); развѣ кто простирается впередъ, какъ колесо, малою частію касается земли, и совершенно таковъ, каково было колесо, о которомъ сказалъ Іезекіиль: *и видѣхъ, и се коло едино на земли держащееся животныхъ четырехъ. И видѣніе колесъ, и сотвореніе ихъ, яко видѣніе Ѳарсиса* (Іез. 1, 15. 16.).

Итакъ *Богъ славы возгремѣ, Господь на водахъ многихъ*. Воды—это святые; потому что изъ чрева ихъ текутъ рѣки, то есть духовное ученіе, напояющее души слушающихъ (Іоан. 7, 38.). И еще: они пріемлютъ въ себя воду текущую въ животъ вѣчный, которая въ хорошо пріявшихъ дѣлается *источникомъ воды текущія въ животъ вѣчный* (Іоан. 4, 14.). И на таковыхъ водахъ – Господь.

Припомни исторію Иліи, *егда небо заключися лѣта три и мѣсяцъ шесть* (Лук. 4, 25.), когда, во время ясной погоды, на вершинѣ Кармила услышалъ онъ голосъ водъ многихъ, а за симъ послѣдовало и то, что громъ былъ изъ облаковъ, и потекла вода (3 Цар. 18, 42—45.). Итакъ *Господь на водахъ многихъ.*

(4) *Гласъ Господень въ крѣпости.* Какъ бываетъ гласъ въ колеси; такъ гласъ Господень состоитъ въ крѣпости, ибо кто *вся можетъ* о *укрѣпляющемъ Христѣ* (Фил. 4, 13.), тотъ слышитъ и исполняетъ заповѣди Господни. Посему гласъ Господень не въ немощной и разслабленной душѣ, но въ той, которая съ напряженіемъ и крѣпостію творитъ добро.

Гласъ Господень въ великолѣпіи. Великолѣпіе есть доблесть особенно великая. Посему кто съ благоприличіемъ совершаетъ все, что̀ входитъ въ какое нибудь великое дѣяніе, тотъ называется великолѣпнымъ. Когда душа не будетъ раболѣпствовать мудрованію плоти, но въ сознаніи того, что̀ дано ей отъ Бога, воспріемлетъ приличныя ей величіе и достоинство; тогда въ ней *гласъ Господень.* Кто имѣетъ не тѣсныя понятія о Богѣ, кто съ высокой точки зрѣнія изслѣдовалъ законы тварей, возмогъ, по крайней мѣрѣ нѣсколько, постигнуть благость Божія Промысла, и сверхъ того не щадитъ издержекъ, но щедръ, когда потребно исправить нужды братій; тотъ великолѣпенъ. И въ таковыхъ вселяется *гласъ Господень.* Ибо въ подлинномъ смыслѣ великолѣпный презираетъ все тѣлесное, признавая оное не имѣющимъ ни какой

цѣны въ сравненіи съ невидимымъ. Того, кто великолѣпенъ, ни какое обстоятельство не оскорбитъ; вообще, ни какое страданіе его не возмутитъ; проступки людей негодныхъ и презрѣнныхъ не приведутъ его въ движеніе; нечистота плоти не унизитъ его; онъ не доступенъ унизительнымъ страстямъ, которыя не могутъ возвесть на него очей, по причинѣ высоты его мыслей. Приписывается же и Богу нѣкоторое великолѣпіе; на примѣръ: *взятся великолѣпіе Твое превыше небесъ* (Псал. 8, 2.). Посему тѣ, которые имѣютъ о Богѣ высокія представленія, превозносятъ Его великолѣпіе.

(5) *Гласъ Господа сокрушающаго кедры.* Кедръ иногда похваляется въ Писаніи, какъ дерево долговѣчное, не подверженное гніенію, благовонное, годное служить покровомъ; а иногда порицается, какъ дерево безплодное, съ трудомъ сгибаемое, и потому употребляемое въ подобіе нечестиваго: *видѣхъ нечестиваго превозносящася, и высящася, яко кедры Ливанскія* (Псал. 36, 35.). Въ послѣднемъ значеніи взятъ кедръ и теперь. Ибо гласъ Господень сокрушаетъ кедры. Какъ гласъ сей бываетъ въ душѣ великолѣпной, такъ говорится, что онъ сокрушаетъ всуе надмевающихся, превозносящихся мнимыми преимуществами міра сего, богатствомъ, или славою, или властію, или тѣлесною красотою, или силою, или крѣпостію.

И стрыетъ Господь кедры Ливанскія. Кто, захвативъ чужое, обращаетъ это для себя въ предметъ похвальбы, тотъ кедръ Ливанскій. Какъ кедры, сами по себѣ высокіе, стоя на высокой горѣ,

отъ высоты ея дѣлаются еще виднѣе; такъ и эти люди, опираясь на томъ, что̀ есть тлѣннаго въ мірѣ, по высокомѣрію и киченію ума дѣлаются кедрами. Называются же кедрами Ливанскими, потому что гордятся чужею высотою, и потому что земля и все земное, подобно вершинѣ Ливана, возносятъ ихъ и дѣлаютъ высокомѣрными. Но не всѣ кедры сокрушаетъ Господь, а только кедры Ливанскіе; потому что Ливанъ есть мѣсто идолослуженія. И души *взимающіяся на разумъ Божій* (2 Кор. 10, 5.) называются кедрами Ливанскими и осуждаются на сокрушеніе.

А есть и кедры Божіи, которые покрыты вѣтвями винограда, перенесеннаго изъ Египта, какъ видимъ въ Псалмахъ: *покры горы сѣнь его, и вѣтвіе его кедры Божія* (Псал. 79, 11.). Поелику, сверхъ другихъ понятій о Христѣ, имѣемъ и то, что Господь нашъ называется лозою виноградною: *Азъ есмь лоза*, говоритъ Онъ, *вы же рождіе* (Іоан. 15, 5.); то всѣ тѣ, которые прежде были безплодны и годны на сожженіе, но вступивъ подъ кровъ Христовъ, и какъ бы облекшись въ Него, благодатію Его покрыли безплодіе своей жизни, суть кедры Божіи. Посему кедры Божіи охраняются обвившимися около нихъ благоплодными вѣтвями; а кедры Ливанскіе сокрушаетъ Господь.

(6) *И истнитъ я яко тельца Ливанска.* Припомни, что̀ въ книгѣ Исхода сказано о тельцѣ, который слитъ былъ для идолослуженія, и котораго Моисей истнилъ, и напоилъ народъ (Исх. 32, 20.). На подобіе сего тельца Господь истребитъ

весь Ливанъ и преобладающій на немъ обычай идолослуженія.

И возлюбленный яко сынъ единорожь. Единородный Сынъ, дающій жизнь міру, когда приноситъ Себя *въ жертву и приношеніе Богу* за грѣхи наши (Еф. 5, 2.), тогда именуется и *агнцемъ Божіимъ и овчатемъ* (*се*, говорится, *агнецъ Божій*, Іоан. 1, 29.; и еще: *яко овча на заколеніе ведеся*, Дѣян. 8, 32.); а когда нужно Ему отмстить и низложить владычество, превозмогшее надъ родомъ человѣческимъ—какую-то звѣронравную и ожесточенную силу, тогда называется *сыномъ единорога.* Ибо единорогъ, какъ знаемъ изъ Іова, есть животное, по силѣ неодолимое, людямъ не покаряющееся; о немъ сказано: *не привяжеши его ремеліемъ, и не поспитъ при яслѣхъ* (Іов. 39, 10.). Въ томъ же мѣстѣ пророчества говорится многое другое о любви сего животнаго къ свободѣ и о неповиновеніи его человѣку. Замѣчательно и то, что Писаніе двояко употребляетъ подобіе единорога, и въ похвалу, и въ охужденіе. Ибо сказано: *избави отъ оружія душу мою и отъ рогъ единорожь смиреніе мое* (Псал. 21, 21. 22.). И сіе говорится въ укоризну браннолюбивому народу, который возсталъ на Него во время страданія. Въ другомъ мѣстѣ сказано: *вознесется яко единорога рогъ мой* (Псал. 91, 11.). Посему кажется, что, по мстительности сего животнаго, часто берется оно для уподобленія въ худую сторону, а по высотѣ рога и по любви къ свободѣ, употребляется вмѣсто подобія и въ хорошую сторону. И вообще, поелику въ Писаніи можно находить, что слово:

рогъ, многократно употреблено въ значеніи славы, какъ то: *вознесетъ рогъ людей Своихъ* (Псал. 148, 14.), и: *рогъ его вознесется въ славѣ* (Псал. 111, 9.), или, поелику слово: *рогъ,* часто берется въ значеніи силы, какъ то: *защититель мой и рогъ спасенія моего* (Псал. 17, 3.); а Христосъ есть Божія сила (1 Кор. 1, 24.): то Онъ, какъ имѣющій одинъ рогъ, то есть одну силу,—силу Отца, называется единорогомъ.

(7) *Гласъ Господа пресѣцающаго пламень огня.* Пламень огня былъ пресѣченъ и въ Вавилонѣ, какъ видимъ изъ исторіи трехъ отроковъ, когда печь разливала его на сорокъ девять лактей и пожигала всѣхъ стоящихъ около (Дан. 3, 47.), пресѣченный же повелѣніемъ Божіимъ пламень принялъ въ себя духъ и доставилъ отрокамъ самое пріятное дуновеніе и прохладу, такъ что они находились въ спокойномъ состояніи, какъ бы подъ древесною тѣнію. Ибо сказано: *бысть яко духъ росы шумящъ* (Дан. 3, 50.). И гораздо удивительнѣе пресѣченіе огненнаго естества, нежели раздѣленіе на части Чермнаго моря. Но гласъ Господень пресѣкаетъ естественную неразрывность и связность огня. Хотя, по человѣческимъ понятіямъ, огонь кажется неразсѣкаемымъ и недѣлимымъ; однако же, по повелѣнію Божію, онъ пресѣкается и раздѣляется. Думаю же, что огонь, уготованный въ наказаніе діаволу и аггеламъ его, пресѣкается гласомъ Господнимъ на тотъ конецъ, чтобы изъ двухъ силъ свойственныхъ огню, а именно: силы сожигать и силы освѣщать, грозное и карательное въ огнѣ предоставлено было

достойнымъ сожженія, а свѣтоносное и свѣтозарное отдѣлено было въ отраду веселящимся. Посему *гласъ Господа, пресѣцающаго* и раздѣляющаго *пламень огня,* нуженъ для того, чтобы огнемъ наказанія стало несвѣтлое, а свѣтомъ упокоенія осталось несожигающее.

(8) *Гласъ Господа стрясающаго пустыню.* Самое сотрясеніе пустыни Господомъ обращается ей въ благодѣяніе, чтобы она, измѣнившись, изъ пустыни стала землею обитаемою, и сложивъ съ себя позоръ безчадія, пріобрѣла похвалу многочадія; *многа бо чада пустыя паче, нежели имущія мужа* (Исаіи 54, 1.), и чтобы бывшее дотолѣ пустынею, наполнившись водами Духа, обратилось *въ езера водная* (Псал. 106, 35.).

И стрясетъ Господь пустыню Каддійскую. Посему не всякую пустыню сотрясаетъ Господь, но только пустыню Кадесъ, то есть освященіе, ибо Кадесъ значитъ освященіе.

(9) *Гласъ Господа свершающій елени.* Сообразно съ предъидущимъ должно изъяснять и совершеніе *еленей*, какое производитъ гласъ Господень. Олень имѣетъ такое устройство, что ему не могутъ вредить пресмыкающіяся; но, какъ говорятъ естествонаблюдатели, съѣденная имъ ехидна служитъ для него очищеніемъ. А всѣ ядовитыя животныя берутся въ изображеніе злыхъ и противныхъ силъ, какъ говоритъ Господь: *даю вамъ власть наступати на змію и на скорпію, и на всю силу вражію* (Лук. 10, 19.), и какъ еще Псаломъ обѣщаетъ Пророку: *на аспида и васи-*

лиска наступиши (Псал. 90, 13.). Посему, когда слышишь въ Писаніи имя оленя, необходимо искать въ словѣ изображенія чего-то лучшаго. Ибо *горы высокія еленемъ* (Псал. 103, 18.), и: *желаетъ елень на источники водныя* (Псал. 41, 2.). Но и всякой праведникъ имѣетъ пребываніе въ вышнихъ, *къ намъренному гоня, къ почести вышняго званія* (Филип. 3, 14.), и прибѣгаетъ къ удобоніемымъ источникамъ, ища первыхъ началъ богословія. Олень же дыханіемъ своимъ извлекаетъ ядовитыхъ гадовъ, кроющихся въ гнѣздахъ, и силою сего дыханія заставляетъ выходить ихъ изъ убѣжищъ. Посему святый, какъ именуется орломъ за свою превыспренность и большею частію отдѣленность отъ земли, овцею—за кротость и готовность дѣлиться всѣмъ, что имѣетъ, овномъ—за то, что предводитъ другихъ, голубицею—за незлобіе, такъ и оленемъ—за противодѣйствіе злу. Посему и Соломонъ говоритъ: *елень любве и жребя твоихъ благодатей да бесѣдуютъ тебѣ* (Притч. 5, 19.); а симъ дастъ намъ разумѣть, что упомянутые теперь олени способны къ ученію богословія. *Гласъ Господень свершающій елени.* Посему, когда увидимъ какого либо Божія человѣка совершеннаго и во всемъ преуспѣвшаго, будемъ усильно искать пользы въ бесѣдахъ съ нимъ! Гдѣ есть олень, оттуда прогонятся всякая пресмыкающаяся злоба; потому что ядовитые гады не терпятъ запаха сего животнаго, бѣгутъ даже и оттуда, гдѣ есть запахъ оленьихъ роговъ.

И открыетъ дубравы. Сперва гласъ Господень свершаетъ елени, а потомъ *открываетъ дубравы*—

мѣста заросшія деревами, покрытыя чащами дикихъ и безплодныхъ растеній, куда преимущественно привыкли убѣгать ядовитые гады. Поелику же олень, свершаемый Господомъ, уже пріуготованъ, то уподобляемый ему праведникъ *открываетъ дубравы*, чтобы преданы были обнаженные и уготованные растлители нашей жизни. И какъ *всяко древо, еже не творитъ плода добра, посѣкаемо бываетъ сѣкирою, и во огнь вметаемо* (Матѳ. 3, 10.); то по необходимости очищаются дубравы—тѣ огрубѣлыя души, въ которыхъ, какъ дикія животныя, гнѣздятся различныя грѣховныя страсти, очищаются же словомъ, которое есть *острѣйше паче всякаго меча обоюду остра* (Евр. 4, 12.). Поелику же у многихъ изъ людей, обремененныхъ житейскими заботами, души подобны землѣ, приносящей терніе, и оно не позволяетъ душѣ питаться въ плодоношеніе слова; то *Господь открываетъ дубравы*, то есть неприличіе, непристойность и вредъ заботъ сей жизни, чтобы, когда откроется мѣсто добру и злу, люди не имѣли, по невѣдѣнію, превратныхъ сужденій о вещахъ. Ибо многіе и добро, когда оно трудно, почитаютъ зломъ, и за худымъ гонятся, какъ за добромъ, по причинѣ соединеннаго съ нимъ удовольствія. И заблужденіе людей въ такихъ дѣлахъ неописанно. Потому къ роду благъ принадлежатъ дерева плодоносныя и всѣ кедры, и ими означается нѣчто похвальное; а къ роду золъ—дубравы, которыя открываетъ и обнаруживаетъ гласъ Божій, чтобы не обманывались думающіе найдти въ нихъ какой либо полезный плодъ.

И въ храмѣ Его всякій глаголетъ славу. Да слышатъ слова Псалма, и да стыдятся тѣ, которые предаются многоглаголанію. Что̀ говоритъ Псаломъ? Кто во храмѣ Божіемъ, тотъ не злословитъ и возвѣщаетъ не суету, не что либо исполненное срама; но во *храмѣ Его всякій глаголетъ славу.* Здѣсь стоятъ святые Ангелы и записываютъ твои слова; здѣсь Самъ Господь, и назираетъ расположеніе входящихъ. Молитва каждаго открыта предъ Богомъ; Ему открыто, кто по расположенію, кто разумно проситъ небеснаго, кто только для вида, одними краями устъ, выговариваетъ слова, а сердце его далеко отстоитъ отъ Бога; кто хотя и молится, но проситъ здоровья тѣлеснаго, плотскаго богатства, человѣческой славы. Ни о чемъ же подобномъ не должно молиться, какъ научаетъ Псаломъ; но *во храмѣ Его всякій глаголетъ славу. Небеса повѣдаютъ славу Божію* (Псал. 18, 2.). Занятіе Ангеловъ — славословить Бога. Для всего небеснаго воинства одно дѣло — возсылать славу Создателю. Всякая тварь, и безмолвная и вѣщающая, и премірная и земная, славитъ Создавшаго. А жалкіе люди, оставивъ домы и стекшись въ храмы, чтобы получить тамъ нѣкоторую пользу, не преклоняютъ слуха къ словесамъ Божіимъ, не приходятъ въ сознаніе своей природы. Не скорбятъ о томъ, что ими обладаетъ грѣхъ, не скорбятъ, приводя себѣ на память грѣхи свои, не трепещутъ суда, но, съ улыбкою простирая другъ къ другу руки, домъ молитвы дѣлаютъ мѣстомъ длинныхъ бесѣдъ, не внимая Псалму, который свидѣтельствуетъ и говоритъ, что въ храмѣ

Божіемъ *всякій глаголетъ славу*. А ты не только самъ не глаголешь славы, но и другому служишь препятствіемъ, обращая его вниманіе на себя, и своимъ шумомъ заглушая ученіе Духа. Смотри, вмѣсто того, чтобы получить награду за славословіе, не выйди отсюда осужденнымъ вмѣстѣ съ хулящими имя Божіе. У тебя есть Псаломъ, есть пророчество, Евангельскія заповѣди, Апостольскія проповѣди. Пусть поетъ языкъ; пусть умъ изыскиваетъ смыслъ сказаннаго, чтобы воспѣть тебѣ духомъ, воспѣть же и умомъ. Богъ не требуетъ славы, но хочетъ, чтобы ты сталъ достоинъ прославленія. Посему *еже сѣетъ человѣкъ, тожде и пожнетъ* (Галат. 6, 7.). Посѣй славословіе, чтобы пожать тебѣ вѣнцы, и почести, и похвалы въ царствѣ небесномъ. Сіе не безъ пользы сказано мною, въ видѣ отступленія, на слова: *во храмѣ Его всякій глаголетъ славу;* потому что есть люди, которые во храмѣ Божіемъ непрестанно пустословятъ, и безъ пользы ходятъ во храмъ. И хорошо еще, если безъ пользы, а не со вредомъ!

(10) *Господь потопъ населяетъ*. Потопъ есть разлитіе воды, которая дѣлаетъ невидимыми всѣ вещи, и очищаетъ, что̀ прежде было осквернено. Посему потопомъ Пророкъ называетъ благодать Крещенія, чтобы душа, омытая отъ грѣховъ и очищенная отъ ветхаго человѣка, содѣлалась, наконецъ, способною стать Божіею обителію въ Духѣ. Согласно же съ симъ сказанное и въ тридцать первомъ Псалмѣ, гдѣ послѣ словъ: *беззаконіе мое познахъ и грѣха моего не покрыхъ: за то помолится къ Тебѣ всякъ преподобный,* Пророкъ при

совокупилъ: *обаче въ потопѣ водъ многихъ къ нему не приближатся* (Псал. 31, 5. 6.); ибо не приближатся грѣхи къ принявшему крещеніе отпущенія грѣхопаденій водою и Духомъ. Близко къ сему и то, что̀ находимъ въ пророчествѣ Михея: *яко Волитель милости есть, Той обратитъ и помилуетъ ны, погрузитъ грѣхи наша, и вверженъ во глубины морскія* (Мих. 7, 19.).

И сядетъ Господь Царь во вѣкъ. Богъ, утвердившись въ душѣ просвѣтленной потопомъ, дѣлаетъ ее какъ бы престоломъ Своимъ.

(11) *Господь крѣпость людемъ Своимъ дастъ, Господь благословитъ люди Своя миромъ.* Отъ народа грѣшнаго Господь отъиметъ *крѣпкаго и крѣпкую* (Исаіи 3, 11.), а народу творящему правду дастъ крѣпость. Посему *имущему вездѣ дано будетъ* (Матѳ. 25, 29.). А кто пріобрѣлъ силы къ совершенію добрыхъ дѣлъ, тотъ дѣлается достойнымъ Божія благословенія. Но миръ, какъ благоустройство владычественнаго въ человѣкѣ, кажется мнѣ, есть совершеннѣйшее изъ благословеній; почему однимъ изъ признаковъ мирнаго мужа полагается умѣреніе нрава; боримый же страстями не причастенъ мира Божія, какой даровалъ Господь ученикамъ Своимъ, и который, какъ *превосходяй всякъ умъ, соблюдетъ души* достойныхъ (Филип. 4, 7.). Сего-то мира и Апостолъ испрашиваетъ Церквамъ, говоря: *благодать вамъ и миръ да умножится* (1 Петр. 1, 2.). О если бы и намъ, добрѣ подвизавшись, и низложивъ мудрованіе плотское, которое есть *вражда на Бога*

(Рим. 7, 7.), когда душа прійдетъ въ спокойное и безмятежное состояніе, наименоваться сынами мира и въ мирѣ пріобщиться Божія благословенія, о Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ, Которому слава и держава, нынѣ, и всегда, и во вѣки вѣковъ! Аминь.

БЕСѢДА

НА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ ПСАЛОМЪ.

1. *Псаломъ пѣсни, обновленія дому Давидова.*

Составъ тѣла, въ переносномъ смыслѣ, есть псалтирь и органъ, мусикійски настроенный для хвалебныхъ пѣснопѣній Богу нашему; тѣлесныя же дѣйствія, совершаемыя во славу Божію, когда, подъ управленіемъ благонастроеннаго ума, не допускаемъ ничего нестройнаго въ движеніяхъ своихъ, составляютъ псаломъ; а что̀ соединено съ выспреннимъ созерцаніемъ и богословіемъ, то есть пѣснь. Посему псаломъ есть музыкальная рѣчь, когда, по законамъ гармоніи, мѣрно ударяютъ въ органъ; а пѣснь есть стройный голосъ, выводимый гармонически и взятый отдѣльно отъ звуковъ органа. Такъ какъ здѣсь написано: *Псаломъ пѣсни*, то думаемъ, что въ сихъ словахъ разумѣется дѣйствіе, сообразное съ созерцаніемъ.

Но сей *Псаломъ пѣсни*, по надписанію, содержитъ въ себѣ какую-то рѣчь объ *обновленіи дома*. И кажется, что, въ смыслѣ вещественномъ, псаломъ сей, пѣтый подъ звуки псалтиря, указывалъ на знаменитый храмъ, воздвигнутый во времена Соломона; а въ смыслѣ духовномъ, онъ означаетъ

воплощеніе Бога Слова; и надписаніе Псалма указываетъ на обновленіе Его дома, новымъ и необыкновеннымъ образомъ устроеннаго. Ибо находимъ, что въ псалмѣ семъ многое возвѣщено отъ лица Господня. Или, можетъ быть, подъ домомъ прилично будетъ разумѣть созданную Христомъ Церковь, какъ и Павелъ въ посланіи къ Тимоѳею пишетъ: *да увѣси, како подобаетъ въ дому Божіи жити, яже есть Церковь Бога жива* (1 Тим. 3, 15.). Подъ обновленіемъ же Церкви должно разумѣть обновленіе ума, совершаемое Духомъ Святымъ въ каждомъ изъ восполняющихъ тѣло Церкви Христовой. И Псаломъ сей есть божественная и мусикійская гармонія; онъ содержитъ въ себѣ слова, не слухъ увеселяющія, но низлагающія и укрощающія лукавыхъ духовъ, которые смущаютъ души, подверженныя ихъ нападеніямъ.

(2) *Вознесу Тя Господи, яко подъялъ мя еси, и не возвеселилъ еси враговъ моихъ о мнѣ.* Какимъ же образомъ Обитающій въ вышнихъ можетъ быть вознесенъ получившими въ удѣлъ страну низкую? Ежели Богъ на небеси-горѣ, а ты на землѣ—долу; то какъ вознесешь Бога? И такъ что̀ же означаетъ у Пророка такое обѣщаніе? Не то ли разумѣется, что возносятъ Бога способные составить о Немъ великія и достолѣпныя понятія, живущіе во славу Божію? Посему разумно поспѣшающій къ блаженству возноситъ Бога; а идущій противоположнымъ путемъ (не возможно и выразить въ какой степени) унижаетъ Бога. Да и всякое состояніе, соотвѣтствующее нашимъ дѣламъ, мы какъ бы переносимъ на самого Бога. Посему,

когда мы нерадивы и медленно дѣйствуемъ, говорится, что Богъ спитъ, почитая насъ недостойными бодрственнаго Своего надъ нами надзора. А какъ скоро, почувствовавъ вредъ отъ сна, скажемъ: *воскресни, вскую спиши, Господи?* (Псал. 43, 24.); *не воздремлетъ, ниже уснетъ Хранящій Израиля* (120, 4.). А другіе какъ бы отвращаютъ отъ себя очи Божіи; потому что дѣлаютъ постыдное и недостойное очей Божіихъ. Раскаявающіеся же говорятъ: *вскую лице Твое отвращаеши?* И кромѣ сихъ есть еще извринутые изъ памяти Божіей и какъ бы производящіе въ Богѣ забвеніе о нихъ. Таковые говорятъ: *забываеши нищету нашу и скорбь нашу* (Псал. 43, 25.). И вообще, что̀ говорится о Богѣ человѣкообразно, то производятъ люди, дѣлая для себя Бога такимъ, какимъ каждый самъ себя предуготовилъ. И такъ *вознесу Тя Господи, яко подъялъ мя еси, и не возвеселилъ еси враговъ моихъ о мнѣ.* Не потерплю въ жизни моей ничего низкаго, ничего презрѣннаго. И откуда во мнѣ сила возносить? Потому имѣю ее, что Ты предварительно *подъялъ мя еси.* Выразительно сказалъ Пророкъ: *подъялъ мя еси*, вмѣсто: вознесъ меня и поставилъ выше востающихъ на меня. Ты подъялъ, какъ иный, поднявъ рукою отрока, не умѣющаго плавать, ведетъ его на верхъ воды. Почему кто, при помощи Божіей, восталъ отъ паденія, тотъ обѣщаетъ Богу возношеніе добрыми дѣлами. Или—Ты подъялъ, какъ иный, ослабѣвающаго борца поддержавъ въ минуту паденія и сдѣлавъ сильнѣе соперника, доставляетъ ему случай побѣдить, а противника лишаетъ радости объ его

паденіи. Но не скорби, для испытанія посылаемыя святымъ, доставляютъ веселіе невидимымъ врагамъ нашимъ; напротивъ того, когда падаемъ подъ тяжестію скорбей, и отъ утомленія многочисленными бѣдствіями разсудокъ нашъ приходитъ въ недоумѣніе, они веселятся, рукоплещутъ и радуются. Такъ было съ Іовомъ. Онъ потерялъ имѣніе, лишился дѣтей, плоть его воскипѣла гноемъ и червями; но и это—не веселіе врагу! Если бы онъ, уступивъ бремени несчастій, по совѣту жены сказалъ какое нибудь хульное слово; то враги возвеселились бы о немъ. Когда и Павелъ терпѣлъ голодъ и жажду, наготу и побои, трудился и скитался (1 Кор. 4, 11.); врагъ не веселился, а напротивъ того сокрушался, видя, что такъ онъ переноситъ подвигъ и съ презрѣніемъ ко врагу говоритъ: *кто ны разлучитъ отъ любве* Христовой (Римл. 8, 35.)?

(3) *Господи Боже мой, воззвахъ къ Тебѣ, и исцѣлилъ мя еси.* Блаженъ, кто знаетъ внутреннюю язву свою, можетъ прійдти ко Врачу и сказать: *исцѣли мя Господи, яко смятошася кости моя* (Псал. 6, 3.), и: *азъ рѣхъ: Господи помилуй мя, исцѣли душу мою, яко согрѣшихъ Ти* (Псал. 40, 5.). Но здѣсь Пророкъ приноситъ благодареніе за поданное ему исцѣленіе; ибо говоритъ: *Господи Боже мой.* Богъ есть Богъ не всѣхъ, но только тѣхъ, которые по любви стали Ему Свои; Онъ *Богъ Авраамовъ, и Богъ Исааковъ, и Богъ Іаковль* (Исх. 4, 4.). Если бы былъ Богъ всѣхъ; то не присвоилъ бы сего имъ исключительно. И еще Іаковъ говоритъ: *поможе тебѣ Богъ мой* (Быт. 49, 25.). И

Ѳома, по удостовѣреніи своемъ объемля Владыку, говоритъ: *Господь мой и Богъ мой* (Іоан. 20, 28.). И такъ воззваніе: *Господи Боже мой*, излилось у Пророка изъ сердца, и прилично его состоянію. *Воззвахъ къ Тебѣ, и исцѣлилъ мя еси.* Не было промежутка между моимъ воззваніемъ и Твоею благодатію; едва воззвалъ я, какъ и пришло исцѣленіе; ибо сказано: *еще глаголющу ти, реку: се пріидохъ* (Исаіи 58, 9.). Посему молящійся Богу долженъ говорить не маловажное, чтобы пришло къ намъ скорое исцѣленіе.

(4) *Господи, возвелъ еси отъ ада душу мою.* За такое исцѣленіе благодаритъ Бога нисшедшій отъ изнеможенія во адъ, но возведенный изъ ада силою Того, Кто за насъ преоборолъ *имущаго державу смерти* (Евр. 2, 14).

Спаслъ мя еси отъ нисходящихъ въ ровъ. Часто рвами называются подземелья, устроенныя для содержанія въ нихъ узниковъ; такъ сказано въ книгѣ Исхода: *отъ первенца Фараонова до первенца плѣнницы, иже въ ровѣ* (Исх. 12, 29.). Да и Іеремію ввергли въ ровъ, и Іосифа братья по ненависти заключили во рвѣ, не имѣющемъ воды. Но всякій поступокъ, или низводитъ насъ долу, отягчая грѣхомъ, или возноситъ горѣ, окриляя насъ къ Богу. Посему Ты спасъ меня, который доселѣ велъ порочную жизнь, и спасъ, отдѣливъ отъ нисходящихъ въ мѣсто потемненное и холодное. То же значатъ слова: *подъялъ мя еси*, то есть удержалъ меня отъ стремленія долу, чтобъ не дать случая порадоваться врагамъ моимъ. Какъ въ другомъ мѣстѣ сказалъ: *совершаяй ноза мои яко елени, и на вы-*

сокихъ поставляяй мя (Псал. 17, 34.); такъ здѣсь возвращеніе вверхъ именуетъ освобожденіемъ изъ рва и подъятіемъ.

(5) *Пойте Господеви преподобніи Его.* Не всякой тотъ поетъ *Господеви*, кто произноситъ устами слова Псалма, но всѣ, которые отъ чистаго сердца возсылаютъ псалмопѣнія, всѣ, которые преподобны и хранятъ правду предъ Богомъ, всѣ таковые могутъ пѣть Богу, вѣрно соблюдая духовные размѣры. Сколь многіе пришли сюда, сдѣлавъ блудъ! сколь многіе скрываютъ въ сердцѣ обманъ или ложь! Они представляютъ себя поющими, но не поютъ въ дѣйствительности. Ибо Псаломъ приглашаетъ къ псалмопѣнію преподобнаго. *Не можетъ древо зло плоды добры творити* (Матѳ. 7, 18.), и порочное сердце износить изъ себя слова жизни. Посему *сотворите древо добро, и плоды его добры* (Матѳ. 12, 33). Очистите сердца, чтобы плодоносить Духу и, ставъ преподобными, прійдти въ состояніе разумно пѣть Господу.

И исповѣдайте память святыни Его. Не сказалъ: исповѣдайте святыню Его, но: *память святыни Его*; то есть благодарите. Ибо здѣсь исповѣданіе берется вмѣсто благодаренія. Посему благодарите, что имѣете *память святыни Его* вы, которые прежде, погрузившись во грѣхѣ и осквернившись нечистотами плоти, дошли до забвенія святыни Сотворившаго васъ. А для исходатайствованія прощенія за грѣхи, исповѣдайтесь въ томъ, что̀ учинено вами не здраваго.

(6) *Яко гнѣвъ въ ярости Его, и животъ въ воли Его.* Сперва напомянулъ грозное: *гнѣвъ ярости*

Божіей, потомъ радостное: *животъ въ воли* Его. Неспособнымъ доходить до точности значеній кажется тождесловіемъ сказанное у Пророка, что *гнѣвъ въ ярости Божіей*; потому что гнѣвъ и ярость по ихъ мнѣнію одно и то же; но въ сихъ словахъ весьма большое различіе. Ярость (*θυμὸς*) означаетъ опредѣленіе наложить извѣстное наказаніе на достойнаго; а гнѣвъ (*ὀργή*) означаетъ уже трудъ и наказаніе, наложенное Праведнымъ Судіею по мѣрѣ неправды. Но изъ примѣра яснѣе будетъ, что̀ разумѣю. Врачъ, примѣтивъ воспаленіе и опухоль въ членѣ, призналъ необходимымъ для больнаго отнять сей членъ. Писаніе называетъ это яростію За сужденіемъ врача о помощи больному слѣдуетъ уже самое дѣйствіе, которымъ приводится въ исполненіе, что̀ врачъ присудилъ; приносится острое орудіе, отъемлющее членъ, и причиняющее боль тому, у кого онъ отъемлется. Это называется гнѣвомъ Божіимъ. Обратись теперь къ предложенному, и найдешь послѣдовательность мысли. *Яко гнѣвъ въ ярости Его.* Наказаніе по праведному суду Божію. А *животъ въ воли Его.* И такъ что̀ говоритъ Псаломъ? Богъ хочетъ, чтобы всѣ были причастными жизни Его. Бѣдствія же не волею Его производятся, но навлекаются достоинствомъ согрѣшившихъ. Посему Богъ каждому даруетъ жизнь по собственному хотѣнію; но каждый самъ себѣ собираетъ гнѣвъ *въ день гнѣва и откровенія* и *праведнаго суда Божія* (Римл. 2, 5). Писанію же обычно предпоставлять печальное радостному; потому что наслажденіе пріятнѣе, когда предшествовало ему скорбное. Ибо сказано: *Азъ*

убiю, и жити сотворю,— благодѣянiе послѣ наказанiя. *Поражу, и Азъ исцѣлю* (Втор. 32, 39.). Самъ причиняетъ скорбь, и Самъ опять возстановляетъ; Онъ поразилъ, и Его же руки исцѣлили. Огорчающее предшествуетъ, чтобы прочнѣе были для насъ благодѣянiя; ибо въ такомъ случаѣ болѣе заботимся о сохраненiи дарованнаго.

Вечеръ водворится плачъ, и заутра радость. Вспомни время страданiя Господня, и найдешь значенiе сихъ словъ. Вечеромъ водворялся плачъ у учениковъ Господнихъ, когда видѣли Его висящимъ на крестѣ; а заутра радость, когда по воскресенiи бѣжали, съ радостiю другъ другу благовѣствуя, что видѣли Господа. Или, можетъ быть, и вообще вечеромъ называется вѣкъ сей, въ которомъ блаженно плачущiе утѣшатся при наступленiи утра. *Блажени плачущiи, яко тiи утѣшатся* (Матѳ. 5, 5.). *Блажени плачущiи, яко тiи возсмѣются* (Лук. 6, 20.). Посему, кто дни вѣка сего, уже скончавающагося къ своему западу, проводитъ въ оплакиванiи своихъ грѣховъ, тотъ возрадуется при наступленiи истиннаго онаго утра; ибо *сѣющiи слезами* нынѣ, *радостiю пожнутъ* (Пс. 125, 5.), очевидно, въ будущемъ вѣкѣ.

(7) *Азъ же рѣхъ во обилiи моемъ: не подвижуся во вѣкъ.* Какъ множество продаваемаго на рынкѣ составляетъ обилiе города; и ту страну называемъ обильною, которая приноситъ много плодовъ: такъ и въ душѣ есть нѣкоторое обилiе, когда она исполнена всякаго рода дѣлами. Надобно, чтобы и она сперва была тщательно воздѣлана, потомъ напоена обильными потоками небесныхъ водъ; тогда мо-

жетъ приноситъ плодъ *на тридесять, и на шестьдесять, и на сто* (Марк. 4, 20.), и сподобиться слѣдующаго благословенія: *благословены житницы твои и останцы твои* (Втор. 28, 5.). Посему чувствующій свою твердость съ увѣренностію скажетъ и подтвердитъ, что его не искоренитъ противникъ, какъ полную ниву, которую благословилъ Господь.

(8) *Господи, волею Твоею подаждь добротѣ моей силу.* Трудившіеся надъ изслѣдованіемъ ученія о добродѣтеляхъ говорили, что однѣ добродѣтели составляются изъ умозрѣнія, а другія неумозрительны: такъ благоразуміе составляется изъ умозрѣній при разсужденіи о добрѣ и злѣ; цѣломудріе — изъ умозрѣній о томъ, что должно избирать и чего избѣгать; справедливость — изъ умозрѣній объ усвояемомъ и неусвояемомъ; мужество — изъ умозрѣній о страшномъ и нестрашномъ. Но красота и крѣпость суть добродѣтели неумозрительныя, слѣдующія за тѣми, которыя изъ умозрѣнія; ибо нѣкоторые изъ мудрыхъ красоту находили въ соразмѣрности и стройности душевныхъ умозрѣній, а крѣпость усматривали въ окончательномъ произведеніи положеннаго въ насъ добродѣтелями умозрительными. Впрочемъ, чтобы въ душѣ были красота и сила производить должное, для сего имѣемъ мы нужду въ Божіей благодати. Посему какъ выше сказалъ, что *животъ въ воли Его*, такъ теперь благодарственно превозноситъ Бога, говоря: *волею Твоею подаждь добротѣ моей силу.* Хотя прекрасенъ былъ я по природѣ, но сталъ немощенъ, потому что умерщвленъ грѣхомъ, по злоумышленію змія.

Посему Ты къ добротѣ моей, какую я получилъ отъ Тебя при первомъ устроеніи, присовокупилъ и силу исполнять должное. Прекрасна всякая душа, въ которой созерцается соразмѣрность свойственныхъ ей силъ; но истинная и вожделѣннѣйшая красота, созерцаемая только имѣющими очищенный умъ, принадлежитъ Божію и блаженному естеству. Кто внимательно устремляетъ взоръ на сіяніе и изящество сей Красоты, тотъ заимствуетъ отъ Нея нѣчто, какъ бы отъ красильнаго раствора, на собственное свое лице наводя какіе-то цвѣтные лучи. Почему и Моисей, содѣлавшись причастникомъ оной Красоты во время собесѣдованія съ Богомъ, имѣлъ прославленное лице. Посему чувствующій свою добродѣтель издаетъ сей благодарственный гласъ: *Господи, волею Твоею добротѣ моей подаждь силу.* Но какъ за умозрительными добродѣтелями слѣдуютъ неумозрительныя, красота и сила; такъ есть и пороки неумозрительные, безобразіе и безсиліе. Ибо что неблагообразнѣе и отвратительнѣе души, преданной страстямъ? Посмотри на гнѣвнаго и на примѣчаемую въ немъ дикость! Разсмотри скорбящаго, униженіе и упадокъ его души! А кто подпалъ сладострастію и чревоугодію, кто внѣ себя отъ страха, на того согласится ли кто и смотрѣть? Въ нихъ душевное расположеніе выступаетъ на самыя оконечности тѣла; равно какъ и слѣды душевной красоты бываютъ видимы во внѣшности святаго мужа. И такъ намъ должно заботиться о сей красотѣ, чтобы Женихъ-Слово, срѣтивъ насъ, сказалъ: *вся добра еси ближняя моя, и порока нѣсть въ тебѣ* (Пѣсн. Пѣсн. 4, 7.)

Отвратилъ же еси лице Твое, и быхъ смущенъ. Пока лучи Твоего посѣщенія, говоритъ Пророкъ, осіявали меня, я проводилъ жизнь въ непоколебимомъ и безмятежномъ состояніи. Но когда *отвратилъ еси лице Твое;* тогда обличилось страстное и смущенное положеніе души. Говорится же о Богѣ, что Онъ отвращаетъ лице Свое, когда подвергшагося искушеніямъ оставляетъ во время тѣсныхъ обстоятельствъ, чтобы сдѣлалась извѣстною крѣпость подвизающагося. Посему, если *миръ, превосходяй всякъ умъ соблюдетъ сердца наши* (Филип. 4, 7.); то возможемъ избѣжать смущенія и слитности страстей. И такъ, поелику волѣ Божіей противополагается отвращеніе, а красотѣ, изяществу и силѣ— смущеніе; то значитъ, что смущеніе есть безобразіе и безсиліе души въ слѣдствіе отчужденія отъ Бога. Будемъ же непрестанно молиться, чтобы осіявало насъ лице Божіе, чтобы намъ быть въ священнолѣпномъ состояніи, кроткими и ни чѣмъ не смущенными, по готовности нашей къ добру! Ибо сказано: *уготовахся, и не смутихся* (Пс. 118, 60.).

(9) *Къ Тебѣ Господи воззову, и къ Богу моему помолюся.* Многократно говорится о взываніи ко Господу; потому что взывать свойственно только желающему великаго и небеснаго. А кто проситъ у Бога малаго и земнаго, тотъ употребляетъ слабый и низкій голосъ, который не достигаетъ въ высоту и не доходитъ до слуха Господня.

(10) *Кая польза въ крови моей, внегда сходити ми во истлѣніе?* Для чего, говоритъ, взывалъ я? для чего молился Тебѣ, Господу моему и Богу

моему? Что мнѣ пользы въ благосостояніи плоти и во множествѣ крови, когда она, если еще не повредилась, будетъ предана общему разрушенію тѣла? Но *умерщвляю тѣло мое и порабощаю* (1 Кор. 9, 27.), чтобы, когда кровь во мнѣ бодра и кипитъ, мое добротѣлесіе не послужило поводомъ ко грѣху. Не угождай плоти сномъ, банями, мягкими постелями, непрестанно повторяя слово сіе: *кая польза въ крови моей, внегда сходити ми во истлѣніе?* Для чего заботишься о томъ, что вскорѣ сотлѣетъ? Для чего утучняешь себя и отягощаешь плотію? Развѣ не знаешь, что чѣмъ болѣе дебелою сдѣлаешь ты плоть свою, тѣмъ болѣе тягостное узилище приготовишь душѣ?

Еда исповѣстся Тебѣ персть? или возвѣститъ истину Твою? Какъ перстный и плотскій человѣкъ исповѣстся Тебѣ Богу? Какъ возвѣститъ истину, кто не посвящалъ своего времени ученію, у кого умъ погребенъ подъ такимъ бременемъ плоти? Посему-то изсушаю плоть свою и не щажу крови, которая обыкновенно сгущается въ плоть, чтобы не было у меня препятствія къ исповѣданію, или уразумѣнію истины.

(11) *Слыша Господь, и помилова мя: Господь бысть помощникъ мой.* Послѣ того, какъ сказалъ, о чемъ взывалъ къ Богу, вскорѣ почувствовалъ онъ Божію помощь, и насъ возбуждаетъ къ прошенію подобнаго: *слыша*, говоритъ, *Господь, и помилова мя: Господь бысть помощникъ мой.* И такъ будемъ и мы молиться и взывать духовнымъ гласомъ, испрашивая великаго, а не домогаясь плотскаго (ибо *сущіи во плоти Богу угодити не мо-*

гуть, Римл. 8, 8.), чтобы Господь и насъ услышалъ, помиловавъ нашу немощь, а мы, воспользовавшись Божіею помощію, могли сказать:

(12) *Обратилъ еси плачъ мой въ радость мнѣ.* Не всякой душѣ дается радость отъ Бога; но, если кто много плакалъ о грѣхѣ своемъ, съ крѣпкимъ воплемъ и непрестанными слезами, и какъ надъ умершимъ творилъ надъ собою плачъ; то плачъ его обращается въ радость. А что и плакать бываетъ похвально, доказываютъ дѣти, которыя сидятъ на торжищахъ и говорятъ: *рыдахомъ вамъ, и не плакасте, пискахомъ* (*) *вамъ, и не плясасте* (Лук. 7, 32.). Свирѣль есть музыкальное орудіе, при содѣйствіи нашего дыханія издающее нѣжные звуки. Посему думаю, всякій святый пророкъ, въ переносномъ смыслѣ, называется свирѣлью, какъ движимый Св. Духомъ; почему и сказано: *пискахомъ вамъ, и не плясасте*; ибо пророческія слова увѣщаваютъ насъ къ мѣрному выполненію святаго пророчества, и это называется плясаніемъ. Но Пророки для насъ и рыдаютъ, призывая насъ къ плачу, чтобы мы, отъ пророческихъ словъ пришедши въ сознаніе своихъ грѣховъ, оплакивали свою погибель, смиряя плоть свою утомленіемъ и трудами. У таковаго раздирается плачевная одежда, въ какую онъ облекся, оплакивая свой грѣхъ; возлагается же на него *одежда веселія и риза спасенія* (Псал. 61, 10.), сіи свѣтлыя и брачныя одѣянія, украшенный которыми не будетъ извержен изъ брачнаго чертога.

(*) Мы играли на свирѣли.

Растерзалъ еси вретище мое, и препоясалъ мя еси веселіемъ. Вретище содѣйствуетъ къ покаянію, какъ символъ смиренія; ибо сказано: *древле убо во вретищи и пепелѣ покаялися быша* (Матѳ. 11, 21.). Поелику же Апостолъ, откровенымъ лицемъ, въ той же образъ преобразуется, отъ славы въ славу (2 Кор. 3, 18.); то дарованную ему отъ Господа благодать называетъ своею славою.

(13) *Яко да воспоетъ Тебѣ слава моя.* Слава праведнаго — духъ, который въ немъ. Посему, кто поетъ духомъ, тотъ говори: *яко да воспоетъ Тебѣ слава моя, и не умилюся.* Не буду уже дѣлать ничего такого, говоритъ Пророкъ, за что бы сердце мое умилялось и уязвлялось воспоминаніемъ грѣха моего.

Господи Боже мой, во вѣкъ исповѣмся Тебѣ, то есть буду благодарить Тебя. Поелику мнѣ за покаяніе даровалъ Ты отпущеніе, и возвелъ меня въ славу, отнявъ стыдъ грѣховный; то во весь вѣкъ исповѣмся Тебѣ. Ибо найдется ли такое продолженіе времени, которое бы могло въ душѣ моей произвести забвеніе толикихъ благодѣяній?

БЕСѢДА

НА ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ ПСАЛОМЪ.

(1) *Радуйтеся праведніи о Господѣ: правымъ подобаетъ похвала.*

Обычное Писанію выраженіе радости, показывающее какое-то свѣтлое и весьма радостное состояніе души въ достойныхъ благодушія! И такъ *радуйтеся праведніи о Господѣ*, не тому, что благоуспѣшны ваши домашнія дѣла, не тому, что наслаждаетесь тѣлеснымъ здоровьемъ, не тому, что поля ваши изобилуютъ всякими плодами; но тому, что имѣете Господа, Который такъ прекрасенъ, такъ благъ, такъ премудръ. Довольно для васъ веселія о Господѣ. И кажется, кто съ веселіемъ и радостію восхищается о комъ либо изъ весьма любимыхъ, тотъ радуется и о себѣ самомъ. Посему Псаломъ побуждаетъ праведныхъ восчувствовать свое достоинство, что они удостоены быть рабами таковаго Владыки, и восхищаться своимъ рабствомъ Ему съ неизреченною радостію и съ скаканіями, какъ бы рвалось у нихъ сердце отъ восторга любви ко Благому. Ежели когда въ сердцѣ

твоемъ какъ бы ниспадшій свѣтъ произвелъ внезапную мысль о Богѣ, и озарилъ твою душу, такъ что ты возлюбилъ Бога, а презрѣлъ міръ и все тѣлесное; то изъ сего слабаго и малаго подобія познай полное состояніе праведныхъ, которые равномѣрно и непрерывно возрастаютъ въ веселіи о Богѣ. Тебя по временамъ и рѣдко посѣщаетъ сія радость, по смотрѣнію Божію, чтобы малое ея вкушеніе приводило тебѣ на память, чего ты лишился; а въ праведникѣ постоянно божественное и небесное веселіе, потому что въ немъ несомнѣнно обитаетъ Духъ; первый же плодъ духа есть *любы, радость, миръ* (Гал. 5, 22.). Итакъ *радуйтеся праведніи о Господѣ*. Господь для праведныхъ есть какъ бы вмѣстилище, вступившему въ которое, по всей необходимости, должно благодушествовать и веселиться. И праведный дѣлается мѣстомъ для Господа, пріемлющимъ Его въ себя. А грѣшникъ даетъ въ себѣ мѣсто діаволу, не внимая говорящему: *ниже дадите мѣста діаволу* (Ефес. 4, 27.), и Екклесіасту: *аще духъ владѣющаго взыдетъ на тя, мѣста твоего не остави* (Еккл. 10, 4.). Посему, пребывая въ самомъ Господѣ, и, сколько можемъ, созерцая чудеса Его, изъ созерцанія сего будемъ такимъ образомъ пріобрѣтать сердцемъ своимъ веселіе!

Правымъ подобаетъ похвала. Какъ кривая нога не годится для прямаго сапога; такъ и сердцамъ развращеннымъ неприлична Божія похвала. По этому думаю, что поелику слово о Спасителѣ не прилично устамъ демоновъ, отнимается у нихъ власть, *да неявлена Его сотворятъ* (Марк. 3, 12.).

И Павелъ запрещаетъ *духу пытливу*, чтобъ нечистый не могъ давать одобренія Святому (Дѣян. 16, 18.). Таково и слѣдующее мѣсто: *грѣшнику же рече Богъ: вскую повѣдаеши оправданія Моя* (Псал. 49, 16.)? Итакъ потщимся избѣгать всякаго непрямаго и ухищреннаго дѣла, умъ же и судилище души исправимъ въ себѣ, какъ вѣрное правило, чтобъ намъ, когда содѣлаемся правыми, была дозволена похвала Господня. Предначинатель грѣха называется зміемъ лукавымъ, и мечъ Божій наводится *на драконта змія лукаваго* (Исаіи 27, 1.), потому что змѣя, при перехожденіи съ мѣста на мѣсто, дѣлаетъ многія уклоненія и извороты; почему слѣдъ, оставляемый змѣей на землѣ, имѣетъ неправильное направленіе; по одному направленію движутся у нея переднія части, средина имѣетъ косвенное движеніе, а хвостъ уклоняется опять въ противоположную сторону. Посему кто слѣдуетъ змію, у того жизнь оказывается лукавою, неправильною и исполненною противорѣчій. А кто идетъ во слѣдъ Господа Бога, тотъ *творитъ стези правы* (Иса. 40, 31.) и *правы теченія ногъ своихъ* (Притч. 4, 26.); ибо *правъ Господь Богъ нашъ* (Псал. 91, 16.), и *правоты видѣ лице Его* (Псал. 10, 7.). Ежели два правила приложить одно къ другому, то прямизна ихъ сдѣлаетъ, что будутъ плотно прилегать другъ къ другу; а ежели кривое дерево приложишь къ правилу, то найдешь, что искривленное не сходится съ прямымъ. Итакъ, поелику похвала Божія есть правая, то нужно правое сердце, чтобы ему могла быть дозволена и приличествовала похвала. Ежели *никтоже можетъ*

рещи Господа Iисуса, точiю Духомъ Святымъ (1 Кор. 12, 3.); то какъ принесешь хвалу, когда нѣтъ въ тебѣ *духа праваго, обновленнаго во утробѣ твоей* (Псал. 50, 12.)?

(2) *Исповѣдайтеся Господеви въ гуслѣхъ, во псалтири десятоструннѣмъ пойте Ему.* Сперва должно исповѣдаться Господу въ гуслѣхъ, то есть тѣлесныя дѣйствiя производить стройно. Поелику мы грѣшили тѣломъ, когда *представили уды наши рабы* грѣху *въ беззаконiе* (Римл. 6, 19.); то и исповѣдаемся тѣломъ, употребивъ то же орудiе къ истребленiю грѣха. Ты злословилъ? Благослови. Ты лихоимствовалъ? Отдай. Ты упивался? Постись. Ты гордился? Смирись. Ты завидовалъ? Утѣшь. Ты убилъ? Претерпи мученичество, или, что̀ равносильно мученичеству, при исповѣданiи изнури свое тѣло. И тогда — по исповѣданiи достоинъ ты пѣть Богу *во псалтири десятострун-нѣмъ.* Сперва должно исправить дѣйствiя тѣлесныя, чтобы совершались согласно съ словомъ Божiимъ, а потомъ уже восходить къ созерцанiю мысленнаго. Псалтиремъ, может быть, называется умъ, ищущiй горняго; потому что орудiе сiе, по устройству своему, силу издавать звуки имѣетъ вверху. Посему тѣлесныя дѣйствiя исповѣдаются Богу какъ бы снизу; а тайны, возвѣщаемыя умомъ, имѣютъ причину свою свыше, такъ какъ бы умъ издавалъ звуки чрезъ Духа. Посему, кто имѣетъ въ виду всѣ заповѣди и приводитъ ихъ въ себѣ какъ бы въ созвучiе и согласiе, тотъ поетъ Богу на псалтири десятострунномъ; потому

что десять есть главныхъ заповѣдей, написанныхъ при первомъ законодательствѣ.

(3) *Воспойте* Господу *пѣснь нову*, то есть служите Богу не въ ветхости буквы, но въ обновленіи духа. Кто принимаетъ законъ не чувственно, но разумѣетъ духовный его смыслъ, тотъ поетъ пѣснь новую: потому что ветшающее и старѣющееся въ завѣтѣ миновалось, началась же для насъ новая и обновленная пѣснь ученія Господня, которая обновляетъ юность нашу, *яко орлю,* когда умерщвляемъ въ себѣ ветхаго человѣка и обновляемся со дня на день. Но простирающійся *въ предняя* (Филип. 3, 13.) непрестанно становится новѣе въ отношеніи къ себѣ самому. Посему, кто непрестанно становится новѣе въ отношеніи къ себѣ самому, тотъ поетъ новую пѣснь Богу; а новымъ обыкновенно называется или необычайное, или недавно пришедшее въ бытіе. Посему если повѣдаешь чудный и всю природу превосходящій образъ Господня вочеловѣченія, то поешь новую и необыкновенную пѣснь; и если разсуждаешь о возрожденіи и обновленіи всего міра, состарѣвшагося подъ грѣхомъ, а также возвѣщаешь тайны воскресенія, то и въ семъ случаѣ поешь новую и недавно сложенную пѣснь.

Добрѣ пойте Ему со восклицаніемъ. Слышите заповѣдь: *добрѣ пойте*, съ неразсѣянною мыслію, съ искреннимъ расположеніемъ. *Пойте со восклицаніемъ.* Какъ нѣкоторые добрые воины, одержавъ побѣду надъ врагами, возносите хвалебныя пѣсни Виновнику побѣды! *Дерзайте,* говоритъ Онъ, *Азъ побѣдихъ міръ* (Іоан. 16, 33.). Кто изъ

людей въ состояніи ратоборствовать съ лукавымъ, если не прибѣгъ подъ кровъ *Архистратига силы* (Іисус. Нав. 5, 14.), и если не оттуда, не съ вѣрою въ Него низлагаетъ и поражаетъ стрѣлами нашего врага? Итакъ *добрѣ пойте со восклицаніемъ*. Восклицаніе же есть какой-то нечленораздѣльный звукъ, который воины согласно издаютъ во время сраженія, сомкнувъ надъ собою щиты. Посему пойте въ согласіи, единодушіи и единеніи любви. Что́ же должны говорить поющіе?

(4) *Яко право слово Господне. Правыхъ* призываетъ сперва къ хваленію; потому что *право* и имѣющее прославиться *Слово Господне*, Которое *въ началѣ бѣ къ Богу*, и *Богъ бѣ* (Іоан. 1, 1.). Посему *правъ* Отецъ, *правъ* Сынъ, *правъ* Духъ Святый.

И вся дѣла Его въ вѣрѣ. Что̀ значитъ сказанное? Его дѣло—небо, Его дѣло—земля, Его дѣло—море, воздухъ, все неодушевленное, одушевленное, разумное, неразумное. Какъ же все это *въ вѣрѣ?* Какая вѣра въ неодушевленныхъ? Какая вѣра у неразумныхъ? Какая вѣра въ камнѣ? Какая вѣра во псѣ? Неодушевленное и неразумное — не въ вѣрѣ. Но настоящее изреченіе ничего не исключило, а все объяло, сказавъ: *вся дѣла Его въ вѣрѣ*. Посему, что́ же значитъ сказанное? Если, говоритъ Псаломъ, видишь небо и порядокъ въ немъ,—это для тебя руководитель къ вѣрѣ, потому что указываетъ собою на Художника. Если же разсматриваешь порядокъ на землѣ,— и чрезъ это опять возрастаетъ вѣра твоя въ Бога; ибо, не плотскими очами познавъ Бога, увѣровали мы въ Него,

но силою ума посредствомъ видимаго усматриваемъ Невидимаго. Посему *вся дѣла Его въ вѣрѣ.* Если разсмотришь и камень; то и онъ служитъ нѣкоторымъ указаніемъ силы Создавшаго. А то же найдешь, если разсмотришь муравья, или комара, или пчелу; часто и въ самыхъ малыхъ вещахъ видна мудрость Зиждителя. Ибо, Кто распростеръ небо и наполнилъ неизмѣримую величину морей, Тотъ и самое тонкое жало пчелы содѣлалъ пустымъ, какъ свирѣль, чтобы чрезъ него выливался ядъ. Посему *вся дѣла Его въ вѣрѣ.* Ничто да не приводитъ тебя къ невѣрію. Не говори: это произошло случайно, а это встрѣтилось само собою. Въ томъ, что̀ существуетъ, нѣтъ ничего безпорядочнаго, ничего неопредѣленнаго, ничего напраснаго, ничего случайнаго. Не говори: злая случайность, или не добрый часъ. Это слова людей невѣжественныхъ. *Не двѣ ли птицы цѣнятся ассаріемъ, и ни едина отъ нихъ падетъ* безъ воли Божіей (Матѳ. 9, 29.)? Сколько волосовъ на головѣ? Ни одинъ изъ нихъ не забытъ. Видишь ли Божіе око, какъ ничто, и самое малое, не избѣгаетъ Его надзора?

(5) *Любитъ милостыню и судъ Господь, милости Господни исполнь земля.* Если бы судъ Божій дѣйствовалъ самъ по себѣ и со всею строгостію воздавалъ намъ, чего стоютъ дѣла, нами совершенныя; то какая была бы надежда? кто бы изъ людей спасся? Нынѣ же *любитъ милостыню и судъ.* Какъ бы сопрестольною и даже предсѣдательствующею на царскомъ престолѣ содѣлавъ *милостыню,* изводитъ Онъ каждаго на судъ. *Аще беззаконія назриши Господи, Господи кто по-*

стоитъ (Псал. 129, 3.)? Милостыня у Него не безъ суда, судъ не безъ милостыни. Прежде суда *любитъ милостыню;* и послѣ милостыни приходитъ на судъ. У Него сопряжены между собою милость и судъ, чтобы одна милость не произвела въ насъ разслабленія, и одинъ судъ не довелъ до отчаянія. Судія хочетъ тебя помиловать и содѣлать участникомъ Своихъ щедротъ; но въ такомъ только случаѣ, если найдетъ, что ты, по содѣяніи грѣха, сталъ смиренъ, сокрушенъ, много плакалъ о лукавыхъ своихъ дѣлахъ, безъ стыда открылъ содѣянное тайно, просилъ братію потрудиться съ тобою о твоемъ уврачеваніи. Однимъ словомъ, если увидитъ, что ты достоинъ сожалѣнія, то беззавистно подаетъ Свою милостыню. Когда же видитъ въ тебѣ сердце нераскаянное, умъ гордый, который не вѣритъ будущему вѣку, не боится суда; тогда любитъ судъ надъ тобою. Ибо такъ искусный и человѣколюбивый врачъ прежде старается смягчить опухоль припарками и смягчающими средствами; но когда увидитъ, что опухоль не опадаетъ, а затвердѣваетъ, тогда, отложивъ въ сторону масло и мягчительныя врачевства, употребляетъ, наконецъ, въ дѣло острыя орудія. Посему *любитъ милостыню* къ раскаявающимся; но любитъ и судъ надъ упорными. Подобное нѣчто говоритъ и Исаія Богу: *милость Твоя на мѣрилѣхъ* (Исаіи. 28, 17.); потому что Онъ и милость являетъ съ судомъ, по достоинству каждаго возмѣривая мѣрою, числомъ и вѣсомъ.

Милости Господни исполнь земля. Здѣсь отдѣляется милость отъ суда; ибо земля полна одною

милостію Господнею, между тѣмъ какъ судъ отложенъ до опредѣленнаго времени. Посему здѣсь милость безъ суда; потому что пришелъ, не *да судитъ мірови, но да спасетъ міръ* (Іоан. 3, 17.). А тамъ судъ не безъ милости; потому что не возможно найдти человѣка чистаго *отъ скверны, аще и единъ день* бытія его (Іов. 14, 4.). Посему, ежели кто возметъ во вниманіе, что поврежденіе съ каждымъ днемъ распространяется, и что тлѣнный родъ человѣческій достоинъ тысячей смертей, поколику пребываетъ во грѣхахъ; то удивится богатству Божіей благости, снисходительности и долготерпѣнія. Однако жъ мы, пока на землѣ, имѣемъ нужду въ милости; ибо тѣ, которые на небѣ, достойны ублаженія, а не помилованія. Или, можетъ быть, по причинѣ осужденія, произнесеннаго на насъ за грѣхъ, землею называемся мы, которымъ сказано отъ Бога: *земля еси, и въ землю отъидеши* (Быт. 3, 19.), и которые полны Божіихъ щедротъ; ибо *сущихъ насъ мертвыхъ* грѣхами и *прегрѣшеньми* помиловавъ Богъ, *сооживи Христомъ* (Ефес. 2, 5.).

(6) *Словомъ Господнимъ небеса утвердишася, и Духомъ устъ Его вся сила ихъ.* Гдѣ унижающіе Духа? Гдѣ отдѣляющіе Его отъ зиждительной силы? Гдѣ отсѣкающіе Его отъ единенія со Отцемъ и Сыномъ? Да слышатъ Псаломъ, который говоритъ: *Словомъ Господнимъ небеса утвердишася, и Духомъ устъ Его вся сила ихъ.* И подъ словомъ разумѣется здѣсь не обыкновенная рѣчь, изъ именъ и глаголовъ состоящая, и подъ духомъ — не дыханіе, разливающееся въ воздухѣ;

но разумѣется Слово, Которое *въ началѣ бѣ къ Богу*, и Духъ Святый, въ собственномъ смыслѣ такъ именуемый. Посему какъ Зиждительное Слово утвердило небо, такъ Духъ, Который отъ Бога, Который отъ Отца исходитъ (то есть *изъ устъ Его*, чтобы ты не признавалъ Его чѣмъ либо внѣшнимъ или тварнымъ, но славилъ какъ имѣющаго vпостась Свою отъ Бога), сопривнесъ отъ Себя всѣ силы, какія въ Немъ. И такъ Духомъ утверждена всякая сила пренебесная, то есть, по содѣйствію Духа, имѣетъ она напряженность, крѣпость и несомнѣнность въ освященіи и во всякой добродѣтели, приличной священнымъ силамъ. Посему-то написано здѣсь: *Духъ устъ Его*; а въ другихъ мѣстахъ, какъ найдемъ, сказано: *Слово устъ Его* (Иса. 11, 4.), дабы разумѣли мы, что Спаситель и Святый Духъ Его — отъ Отца. Поелику Слово Господне есть Спаситель, и Духъ устъ Его — Святый Духъ, Оба же Они содѣйствовали въ твореніи неба и силъ небесныхъ; то сказано: *Словомъ Господнимъ небеса утвердишася, и Духомъ устъ Его вся сила ихъ*. Ибо что̀ ни освящается, освящается только присутствіемъ Духа. Посему приведеніе въ бытіе Ангеловъ совершило Зиждительное Слово — Творецъ всего, а освященіе имъ даровалъ Духъ Святый; ибо Ангелы созданы не младенцами, которые бы потомъ, усовершившись чрезъ постепенное упражненіе, содѣлались такимъ образомъ достойными принять Духа; но въ первоначальный составъ и, такъ сказать, растворъ ихъ сущности была вложена святость. Потому-то они не удобопреклонны ко грѣху, будучи

немедленно, какъ бы нѣкоторымъ составомъ, покрыты освященіемъ, и по дару Святаго Духа имѣя постоянство въ добродѣтели.

(7) *Собираяй яко мѣхъ воды морскія, полагаяй въ сокровищахъ бездны.* Не сказалъ: *собираяй воды морскія*, какъ въ мѣхѣ; но: *яко мѣхъ*, такъ *воды морскія собираяй.* Представь свойство мѣха, который то надувается, когда кожа натянута принятымъ внутрь духомъ, то сжимается, когда растягивавшее выйдетъ вонъ; такъ и море иногда надмевается и кипитъ, когда вѣтры приводятъ его въ ярость и воздымаютъ, а иногда опять, при безвѣтріи, успокоивается и улегается. Посему Господь *яко мѣхъ* согнетаетъ и смиряетъ воду морскую. Но въ нѣкоторыхъ спискахъ находимъ: *собираяй яко въ мѣхъ воды морскія*, и такое выраженіе указываетъ намъ на древнюю исторію, когда Чермное море, ни кѣмъ не раздѣляемое и не удерживаемое, само по себѣ стало какъ бы заключенное въ какомъ мѣхѣ, потому что Божіе повелѣніе не позволяло ему разливаться.

Полагаяй въ сокровищахъ бездны. Сообразнѣе съ общимъ понятіемъ было бы сказать: *полагаяй въ безднахъ сокровища*, то есть содержащій въ тайнѣ свое богатство. А здѣсь сказано, какъ будто самыя бездны суть какія-то дорогія утвари, достойныя Божіихъ сокровищъ. И такъ безднами называются не законы ли Божія суда, какъ неизреченные и непостижимые для человѣческаго разумѣнія; потому что одному Божію вѣдѣнію предоставлены тѣ законы, по которымъ Онъ каждою вещію распоряжаетъ? А что судъ Божій о каждой

вещи порознь называется бездною, видимъ изъ другаго Псалма, въ которомъ говорится: *судьбы Твоя бездна многа* (Псал. 35, 7.). Посему, если домогаешься узнать: для чего жизнь грѣшника продолжается, а дни пришельствія праведнику сокращаются? для чего неправедный благоденствуетъ, а праведный угнетается? для чего похищенъ смертію отрокъ, прежде нежели пришелъ въ совершенный возрастъ? отчего войны? для чего кораблекрушенія, землетрясенія, засухи, излишество дождя? для чего сотворено вредное для людей? для чего одинъ— рабъ, другой — свободенъ? одинъ богатъ, другой бѣденъ? даже много разности какъ между грѣшащими, такъ и преуспѣвающими въ добродѣтели: иная продана содержателю непотребнаго дома, и по неволѣ живетъ во грѣхѣ; а другая съ малолѣтства досталась доброй госпожѣ, и воспитана въ правилахъ цѣломудрія: за что же послѣдняя облагодѣтельствована, а первая осуждена? и какое каждому воздаяніе отъ Судіи?— когда все это приходитъ тебѣ на мысль; разсуди, что судьбы Божіи бездна, и, будучи заключены въ божественныхъ сокровищахъ, не для всѣхъ удобопостижимы. А вѣрующему дано обѣтованіе отъ Бога: *дамъ ти сокровища сокровенная, невидимая* (Исаіи 45, 3.). Посему, когда удостоимся вѣдѣнія лицемъ къ лицу, тогда узримъ и *въ сокровищахъ* Божіихъ *бездны*. Собравъ же сказанное въ Писаніи о мѣхахъ, удобнѣе выразумѣемъ намѣреніе Пророка. Которые со дня на день обновляются и вмѣщаютъ въ себѣ вино новое изъ винограда истины, тѣ въ Евангеліи называются мѣхами но-

выми; а которые не отложили ветхаго человѣка, тѣ суть мѣхи ветхіе, и не надежно вливать въ нихъ вино новое; *никтоже вливаетъ вина нова въ мѣхи ветхи,* чтобы не пролилось вино и не погибли совершенно тѣ мѣхи (Марк. 2, 22.), сдѣлавшись уже не заслуживающими ни какой пощады послѣ того, какъ прольютъ доброе и новое вино; ибо новое вино должно быть вливаемо въ мѣхи новые. И новое и духовное вино, кипящее Духомъ Святымъ, то есть никогда не старѣющееся разумѣніе истины, должно быть вливаемо въ человѣка новаго, который, всегда мертвость Іисусову въ тѣлѣ нося (2 Кор. 4, 10.), справедливо можетъ быть названъ мѣхомъ новымъ.

(8) *Да убоится Господа вся земля, отъ Него же да подвижутся вси живущіи по вселеннѣй.* Поелику *страхъ Господень начало чувства* (Притч. 1, 7.); то мудрствующихъ земное долженъ вразумлять страхъ. И страхъ, какъ предуготовитель къ благочестію, допускается по необходимости; послѣдующая же за нимъ любовь усовершаетъ тѣхъ, которые образовались въ училищѣ страха. Поэтому Псаломъ всей землѣ предписываетъ страхъ. Сказано: *да подвижутся же отъ Него вси живущіи по вселеннѣй,* то есть всякое движеніе, совершаемое или мысленно, или тѣлеснымъ дѣйствіемъ, да происходитъ въ нихъ согласно съ Божіей волею. Такъ разумѣю слова: *да подвижутся отъ Него;* то есть, ни глазъ да не движется безъ Бога, ни рука да не движется безъ Бога, ни сердце да не помышляетъ чего либо не благоугоднаго Богу. И вообще ни чѣмъ другимъ да не подви-

жутся; ничто, кромѣ страха Божія, да не приводитъ ихъ въ движеніе.

(9) *Яко Той рече, и быша: Той повелѣ, и создашася.* Къ двумъ предъидущимъ выраженіямъ: *да убоится вся земля, и да подвижутся вси живущіи по вселеннѣй*, присовокупилъ два также выраженія: *Той рече, и быша: Той повелѣ, и создашася.* Поелику человѣкъ сложенъ изъ земнаго состава и изъ души, обитающей въ тѣлѣ; то образованное изъ земли называется землею, а душа, которой дано въ удѣлъ обитать въ тѣлѣ, именуется жителемъ вселенной. Въ соотвѣтствіе же слову: земля, сказано: *Той рече, и быша*, — и образованіе наше, именно образованіе изъ земли, выражается словомъ: *бысть;* а сотвореніе по образу Божію изображается словомъ: *создася*; потому что слово: *тварь* (*κτίσις*), берется часто въ значеніи измѣненія и улучшенія, какъ въ словахъ: *аще кто во Христѣ, нова тварь* (2 Кор. 5, 17.), и также въ словахъ: *да оба созиждетъ* (*κτίσῃ*) *во единаго новаго человѣка* (Еф. 2, 15.). А можетъ быть, словомъ: *бысть*, указывается на первое осуществленіе человѣка, а словомъ: *создася*, на второе возрожденіе благодатію Христовою. Но сколько заповѣдь Божія различается отъ простаго слова; столько же различія между твореніемъ и приведеніемъ въ бытіе.

(10) *Господь разоряетъ совѣты языковъ, отметаетъ же мысли людей.* Сіе служитъ объясненіемъ предъидущему, то есть тому, какъ Богъ созидаетъ увѣровавшихъ въ Него тѣмъ, что разорилъ неразумныя совѣщанія людей, какія имѣли они

объ идолослуженіи и о всякой суетѣ, и отметаетъ совѣщанія князей. Но можно отнести сіе и ко времени страданія, когда люди умыслили распять Царя славы, а Онъ домостроительствомъ креста обновилъ человѣчество. Ибо воскресеніемъ разоренъ совѣтъ язычниковъ, Пилата, воиновъ и всѣхъ, которые содѣйствовали къ распятію, и отвергнуты совѣщанія князей, архіереевъ, книжниковъ и царей народа, потому что воскресеніе разрушило всѣ ихъ замыслы. Но и въ каждомъ повѣствованіи, замѣчая то, что̀ содѣлалъ Богъ съ невѣрными язычниками, найдешь, что слова Пророка, въ вещественномъ смыслѣ, имѣютъ большое значеніе. Ибо когда Іорамъ, сынъ Ахаава, царствовалъ во Израили, тогда Сирійскій царь, сынъ Адеровъ, ополчившись силою многою и рукою тяжкою, осадилъ Самарію, такъ что у жителей не доставало необходимаго, *и бысть глава ослова за пятьдесятъ сикль сребра, а четвертая часть мѣры гноя голубинаго за пять сикль сребра* (4 Цар. 6, 25.). И въ сіе-то время, чтобъ исполнилось обѣщаніе Елиссеево, разорены совѣты Сиріи, и, оставивъ *сѣни свои* и все достояніе свое, Сиріяне бѣжали, а въ Самаріи произвели такое обиліе, что *мѣра муки пшеничны продавалась за сикль единъ, и двѣ мѣры ячменя за сикль* (4 Цар. 7, 7. 16.). Такъ Господь умѣетъ разорять совѣты языковъ! А какъ отметаетъ Онъ совѣты князей, знаемъ изъ сказанія объ Ахитофелѣ, когда Давидъ молился, говоря: *разруши совѣтъ Ахитофелевъ* (2 Цар. 15, 31.). Посему когда слышишь, что кто нибудь многимъ угрожаетъ тебѣ и обѣщаетъ нанести тебѣ всякаго

рода огорченія, ущербъ, или раны, или смерть; возведи взоры ко Господу, Который *разоряетъ совѣты языковъ и отметаетъ мысли людей.*

(11) *Совѣтъ же Господень во вѣкъ пребываетъ, помышленія сердца Его въ родъ и родъ.* Видишь ли ученія язычниковъ, эту суетную философію, какъ они тонки и обильны на изобрѣтеніе ученій, въ умозрительныхъ наукахъ, въ нравственныхъ предписаніяхъ, въ естествословіи и въ другихъ ученіяхъ, называемыхъ тайными, какъ все это разсѣялось и сдѣлалось безполезнымъ, водворяется же нынѣ одна истина Евангелія? Много замышленій въ сердцѣ человѣческомъ; но совѣтъ Господень превозмогъ. И чтобы совѣтъ Божій постоянно и твердо пребывалъ въ душахъ нашихъ, необходимо прежде разориться въ насъ помысламъ человѣческимъ. Кто хочетъ писать на воску, сначала углаживаетъ воскъ, а потомъ налагаетъ изображенія, какія ему угодно. Такъ и сердцу, на которомъ бы отпечатлѣлись ясно словеса Божіи, надобно сдѣлаться чистымъ отъ противныхъ помысловъ.

Помышленія сердца Его въ родъ и родъ. Поелику два избранные народа, и два даны имъ завѣта; то въ сказанномъ: *помышленія сердца Его въ родъ и родъ,* по причинѣ двукратно наименованнаго рода, можно разумѣть и два помышленія, — одно, по которому мы получили первый завѣтъ, а другое, которое даровало намъ новое и спасительное ученіе Христово.

(12) *Блаженъ языкъ, емуже есть Господь Богъ его, люди, яже избра въ наслѣдіе Себѣ.* Никто не ублажаетъ народа Іудейскаго, ублажаютъ же на-

родъ, который по превосходству избранъ изъ всѣхъ народовъ; ибо мы— тотъ *языкъ*, для котораго Господомъ есть Богъ нашъ, мы — *люди, яже избра въ наслѣдіе Себѣ*; мы— *языкъ*, потому что собраны изъ многихъ язычниковъ, мы— *люди*, потому что призваны вмѣсто народа отверженнаго. И поелику *мнози звани, мало же избранныхъ* (Матѳ. 20, 16.); то ублажаетъ не званнаго, но избраннаго; *блажени, яже избра*. Какая же причина ублаженія?— Ожидаемое наслѣдіе вѣчныхъ благъ. Или, по слову Апостола, что, когда *исполненіе языковъ внидетъ, тогда весь Израиль спасется* (Рим. 11, 25. 26.), не ублажаетъ ли сперва исполненіе языковъ, а потомъ спасаемаго наконецъ Израиля? А какъ извѣстно, что спасется не всякой, но только *останокъ*, по избранію благодати (Римл. 11, 5.); то посему сказано: *люди, яже избра въ наслѣдіе Себѣ*.

(13) *Съ небесе призрѣ Господь, видѣ вся сыны человѣческія*. (14) *Отъ готоваго жилища Своего*. На пребывающихъ въ свойственномъ себѣ чинѣ и на исполняющихъ обязанности природы человѣческой Господь призираетъ свыше, а надъ тѣми, которые дошли до крайняго поврежденія, надзираетъ иначе,— снисходя къ нимъ Самъ. Ибо сказано: *вопль Содомскій и Гоморрскій умножися, и грѣси ихъ велицы зѣло. Сошедъ убо узрю, аще по воплю ихъ грядущему ко Мнѣ совершаются* (Быт. 18, 20. 21.). И еще: *сниде видѣти градъ и столпъ, егоже созидаша сынове человѣчестіи* (Быт. 11, 5.). А здѣсь говорится: *съ небесе призрѣ Господь, видѣ вся сыны человѣческія*. Не теряй изъ вида сего высокаго Зрителя, не теряй изъ вида Приникаю-

щаго свыше на дѣла человѣческія. Куда ты ни идешь, что̀ ни дѣлаешь, во тмѣ ли, или среди дня, назираетъ надъ тобою Божіе око.

Отъ готоваго жилища Своего. Не отверзаются двери, не собираются завѣсы; готово къ видѣнію Божіе жилище. Богъ видитъ всѣхъ сыновъ человѣческихъ. Ни одинъ не избѣгаетъ Его зрѣнія; не закрываютъ ни тма, ни стѣны; нѣтъ ни какого препятствія очамъ Божіимъ. Онъ не только видитъ каждаго, но видитъ и сердца, которыя создалъ Самъ, не примѣшавъ къ нимъ ничего худаго. Зиждитель человѣка Богъ создалъ его простымъ по образу Своему, который спасаетъ сердца; но въ послѣдствіи, опутавъ его плотскими страстями, мы сдѣлали изъ него сердце многовидное и многоличное, растливъ его боговидность, простоту и единообразность.

Поелику же Онъ Создатель сердецъ; то посему (15) *разумѣваетъ на вся дѣла* наши. А дѣлами называемъ и слова, и мысли, и вообще всякое движеніе человѣческое. Ибо съ какимъ расположеніемъ и съ какимъ намѣреніемъ дѣлаемъ мы что либо, въ угожденіе ли людямъ, или въ исполненіе заповѣдей, данныхъ намъ отъ Бога, сіе знаетъ одинъ *Разумѣваяй на вся дѣла* наши. Посему и во всякомъ праздномъ словѣ дадимъ отчетъ (Матѳ. 12, 36.), и даже за чашу студеной воды *не погубимъ мзды* (10, 43.); потому что Господь *разумѣваетъ на вся дѣла* наши.

(16) *Не спасается царь многою силою.* Не множество воинскихъ силъ, не стѣны городовъ, не полки пѣшихъ, не крѣпость всадниковъ, не

снаряженіе морскихъ силъ, доставляютъ спасеніе царю; ибо Господь *поставляетъ цари и преставляетъ* (Дан. 2, 21.), и *нѣсть власть, аще не отъ Бога учинена* (Рим. 13, 1.). Посему спасается царь *не многою силою*, но Божіею благодатію; такъ что и въ этомъ отношеніи истинно слово: *благодатію есте спасени* (Ефес. 2, 5.). Такъ и земледѣлецъ не столько своимъ прилежнымъ воздѣлываніемъ пріобрѣтаетъ плоды земледѣлія, сколько содѣйствіемъ Бога, возращающаго воздѣланное; ибо *ни насаждаяй есть что, ни напаяяй, но возращаяй Богъ* (1 Кор. 3, 7.). Если же *сердце царево въ руцѣ Божіей* (Притч. 21, 1.); то онъ спасается не силою оружія, но Божіимъ руководствомъ. Въ рукѣ же Божіей не всякой, но достойный имени царя. А нѣкоторые опредѣляли, что царская власть есть законное господство, или начальство надъ всѣми, не подлежащее грѣху.

И исполинъ не спасется множествомъ крѣпости своея. Исполиномъ же называетъ Пророкъ того, кто употребляетъ естественную силу и тѣлесное напряженіе. Посему и царю не достаточно для спасенія помощи оружія, и мужественный не можетъ быть во всемъ достаточенъ самъ для себя; ибо всѣ человѣческія силы, вмѣстѣ взятыя, немощны и безсильны въ сравненіи съ истинною силою. Посему-то *немощная міра избра Богъ, да посрамитъ крѣпкая* (1 Кор. 1, 27.), и *изъ устъ младенецъ и ссущихъ совершилъ хвалу, еже разрушити врага и местника* (Псал. 8, 3.); ибо благодать Божія наипаче просіяла, дѣйствуя въ младенцахъ и въ невысокихъ умомъ.

(17) *Ложь конь во спасеніе, во множествѣ же силы своея не спасется.* Конь исключается изъ употребленія святыхъ; и Израиль, во дни благоденствія, никогда, кажется, не пользовался въ войнахъ конскою силою, и никто изъ святыхъ не признавалъ приличнымъ имѣть коней въ собственномъ употребленіи. Но Фараонъ имѣетъ у себя коня, и высокомѣрный Сеннахиримъ надмевается множествомъ коней. Посему-то *коня и всадника* Фараонова *вверже въ море* (Исх. 15, 1.); а у Сеннахирима *воздремаша всѣ всѣдшіи на кони* (Псал. 75, 7.). По сей же причинѣ, и данный чрезъ Моисея законъ, предписывая законъ царямъ, говоритъ: *да не умножитъ себѣ коней* (Втор. 17, 16.). *Во множествѣ же силы своея не спасется. Егда бо немоществую*, говоритъ Апостолъ, *тогда силенъ есмь* (2 Кор. 12, 10.). А множество тѣлесной силы служитъ препятствіемъ ко спасенію духа.

(18) *Се очи Господни на боящіяся Его.* Въ другомъ мѣстѣ сказано: *очи Господни на праведныя* (Псал. 33, 16.), а здѣсь: *на боящіяся Его.* Когда мы взираемъ на Господа, и очи наши устремлены къ Нему, такъ что можемъ сказать: *се яко очи рабъ въ руку господій своихъ, тако очи наши ко Господу Богу нашему* (Псал. 122, 2.): тогда какъ бы привлекаемъ око Господне къ воззрѣнію на насъ.

Уповающія на милость Его. Пророкъ показываетъ смиреніе служащихъ Господу, и то, сколько уповаютъ они на милость Его. Кто не уповаетъ на свои доблестныя заслуги и не надѣется оправ-

даться дѣлами, тотъ единственную надежду спасенія имѣетъ въ милосердіи Божіемъ. Ибо когда приводитъ на мысль слова: *се Господь и мзда Его* (Иса. 40, 10.), чтобы воздать каждому, чего стоитъ дѣло его, и когда исчисляетъ свои злыя дѣла; тогда начинаетъ бояться наказанія и трепетать угрозъ. А чтобы не поглотила его скорбь, взираетъ на Божіе милосердіе и человѣколюбіе, и дѣлается благонадеженъ. Надѣется же, что Богъ (19) *исхититъ душу его отъ смерти, и препитаетъ въ гладъ.*

(20) *Душа же наша чаетъ Господа, яко помощникъ и защититель нашъ есть.* Слово сіе поощряетъ къ терпѣнію, чтобы мы, когда нападаетъ на насъ какой либо оскорбитель, не разлучались *отъ любве Божія, яже о Христѣ Іисусѣ* (Рим. 8, 39.), но отъ всея души несли труды, ожидая помощи отъ Бога.

(21) *Яко о Немъ возвеселится сердце наше, и во имя святое Его уповахомъ.* Это согласно съ сказаннымъ въ началѣ Псалма: *радуйтеся праведніи о Господѣ.* И теперь: *о Немъ возвеселится сердце наше.* Мнѣ кажется, что въ этомъ же смыслѣ сказалъ Апостолъ: *во всѣхъ сихъ препобѣждаемъ за Возлюбльшаго ны* (Рим. 8, 37.). И не только препобѣждаемъ, но и *хвалимся въ скорбѣхъ* (Рим. 5, 3.). Ибо Псалмопѣвецъ сказалъ: *душа наша чаетъ Господа;* и желая показать, что не насильственно и не отъ угнетенія скорбями обнаруживаетъ онъ терпѣніе, но съ великою радостію принимаетъ озлобленіе за имя Господне, говоритъ: не только мы терпимъ, но и о

Немъ возвеселится сердце наше, и во имя святое Его уповахомъ. Для насъ достаточно именоваться христіанами, чтобы избѣжать всякаго искушенія отъ противниковъ. Имя же Божіе называется святымъ, конечно, не потому, что въ самыхъ слогахъ имѣетъ нѣкоторую освящающую силу, но потому что свято и чисто всякое свойство Божіе и всякое понятіе о томъ, что̀ преимущественно въ Богѣ усматривается.

(22) *Буди Господи милость Твоя на насъ, якоже уповахомъ на Тя.* Видишь ли, какъ разумно молился Пророкъ? Собственное свое расположеніе назначилъ Онъ мѣрою для щедротъ Божія милосердія. Такова же да будетъ, говоритъ онъ, *милость Твоя на насъ*, какую надежду мы возлагали на Тебя предварительно. Но вся надежда наша— возвратиться въ покой, чтобы мы, когда преобразитъ Онъ *тѣло смиренія нашего*, уразумѣли, что сіе самое тѣло сдѣлалось сообразнымъ *тѣлу славы* (Филип. 3, 21.).

БЕСѢДА

НА ПСАЛОМЪ ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

(1) *Давиду, внегда измѣни лице свое предъ Авимелехомъ, и отпусти его, и отъиде.*

Къ двумъ случаямъ приводитъ насъ разумѣніе сего Псалма. Надписанію его кажется приличнымъ и то, что̀ было съ Давидомъ въ Номвѣ, городѣ священническомъ, и то, что̀ случилось съ нимъ у Анхуса, царя Филистимскаго. Ибо *измѣни лице свое*, когда бесѣдовалъ съ Авимелехомъ священникомъ, скрывая отъ него свое бѣгство и показывая видъ, что спѣшитъ исполнить царское повелѣніе, когда взялъ и хлѣбы предложенія, и мечъ Голіаѳа (1 Цар. 21, 1—9.). Но еще *измѣни лице свое*, когда былъ окруженъ врагами, потому что услышалъ, какъ они разговаривали между собою и приготовлялись къ мщенію. *И рѣша*, сказано, *отроцы Анхусовы къ себѣ: не сей ли Давидъ, царь земли? Не сему ли изыдоша (жены) ликующія, глаголюще: побѣди Давидъ со тьмами своими, и Саулъ съ тысящами своими.* И еще сказано: *и убояся* Давидъ *отъ лица Анхуса*, и *измѣни лице свое*

предъ очами ихъ (1 Цар. 21, 11—13.). Но почему надписаніе именуетъ Авимелеха, а исторія передаетъ имя Анхуса, царя Геѳскаго? На сіе имѣемъ такое объясненіе, дошедшее до насъ по преданію, что Авимелехъ было общее имя царей Филистимскихъ, но что каждый изъ нихъ имѣлъ и собственное наименованіе. Подобное можно видѣть въ Римскомъ государствѣ, гдѣ цари вообще называются Кесарями и Августами, но удерживаютъ и собственныя свои имена. Таково же у Египтянъ имя Фараонъ. Ибо Фараономъ называется Египетскій царь при Іосифѣ; Фараономъ именуется и тотъ, который, чрезъ четыре поколѣнія, при Моисеѣ, сталъ царемъ Египта; Фараонъ былъ и во времена Соломона, ибо сказано: *поять дщерь Фараоню* (3 Цар. 3, 1.); Фараономъ также именовался царствовавшій во времена пророческаго служенія Іереміи (4 Цар. 23, 29 и сл.). Такъ и Авимелехъ былъ и во дни Авраама, и во дни Исаака, и теперь именуется во времена Давида. Объ Авраамѣ сказано: *и рече Авимелехъ, и Охозаѳъ невѣстоводитель его, и Фихолъ воевода силы его, ко Аврааму, глаголя* (Быт. 21, 22.). Равно и объ Исаакѣ: *Бысть же много время тамо: и приникнувъ Авимелехъ царь Герарскій окномъ, видѣ Исаака играюща съ Ревеккою* (Быт. 26, 8.). Такъ и здѣсь въ надписаніи Авимелехъ временъ Давидовыхъ названъ общимъ царскимъ именемъ, исторія же передаетъ его имя Анхусъ, которое было собственное, данное ему при рожденіи. Предъ нимъ-то измѣнилъ лице свое Давидъ, когда былъ принесенъ на рукахъ домочадцевъ, билъ въ городскіе ворота, и,

какъ сказано, *слина своя точаше по брадѣ*, такъ что Анхусъ сказалъ домочадцамъ: для чего принесли вы его ко мнѣ? не имѣю нужды въ неистовыхъ, *яко* внесосте *его, да бѣснуется предо мною* (1 Цар. 21, 13. 14.). И такимъ образомъ Давидъ, отпущенный оттуда, спасся, какъ сказано, въ пещеру Одолламску (1 Цар. 22, 1.).

Посему, какъ избѣжавшій великой опасности, возсылаетъ онъ такое благодареніе освободившему его Богу, и говоритъ: (2) *Благословлю Господа на всякое время.* Избѣжавъ отъ смерти, онъ какъ бы полагаетъ для себя уставы жизни, настроивая душу свою къ строгому образу дѣятельности, чтобы ни одной минуты времени не оставлять безъ благословенія, но при началѣ важныхъ и не важныхъ дѣлъ обращаться къ Богу. Не стану думать, говоритъ онъ, будто бы что либо дѣлается моимъ стараніемъ, или приключается по случайному стеченію обстоятельствъ, но *на всякое время благословлю Господа*, — не только при благоденствіи, но и въ несчастныя времена жизни. Симъ наученный Апостолъ говоритъ: *всегда радуйтеся: непрестанно молитеся: о всемъ благодарите* (1 Сол. 5, 16—18.). Видишь, какова была любовь Давида! Непрерывныя несчастія не ослабили его терпѣнія, когда не только былъ изгнанъ изъ отечества, отъ родныхъ, отъ домашнихъ, лишенъ имущества, но даже по необходимости преданъ врагамъ и едва не растерзанъ ими. Не смотря на сіе, не сказалъ: доколѣ будутъ продолжаться несчастія? Не пришелъ въ нетерпѣніе отъ непрерывныхъ скорбей, *вѣдая, яко скорбь терпѣніе*

содѣловаетъ, терпѣніе же искусство, искусство же упованіе (Рим. 5, 3.). И дѣйствительно, скорби для хорошо приготовленныхъ суть какъ бы укрѣпляющая пища и упражненіе въ борьбѣ, приближающія подвижника къ отеческой славѣ; когда *укоряеми благословляемъ, хулими молимъ*, утружденные благодаримъ, скорбные хвалимся скорбями (1 Кор. 4, 12. 13.). Стыдно для насъ—въ счастіи благословлять, а въ печальныхъ и трудныхъ обстоятельствахъ хранить молчаніе. Напротивъ того, тогда-то и должно болѣе благодарить намъ, знающимъ, что *егоже любитъ Господь, наказуетъ: біетъ же всякаго сына, егоже пріемлетъ* (Евр. 12, 6.).

Вину хвала Его во устѣхъ моихъ. Пророкъ, по видимому, обѣщаетъ нѣчто невозможное. Какъ можетъ хвала Божія быть непрестанно въ устахъ человѣка? Когда разговариваетъ онъ въ обыкновенной и житейской бесѣдѣ; въ устахъ его нѣтъ Божіей хвалы. Когда спитъ; хранитъ онъ совершенное молчаніе. Когда ѣстъ и пьетъ; какъ уста его произнесутъ хвалу? На сіе отвѣчаемъ, что у внутренняго человѣка есть нѣкоторыя духовныя уста, и посредствомъ ихъ питается онъ, пріемля слово жизни, которое есть *хлѣбъ сшедый съ небесе* (Іоан. 6, 56.). О сихъ-то устахъ и Пророкъ говоритъ: *уста моя отверзохъ, и привлекохъ духъ* (Псал. 118, 131.). Сіи-то уста и Господь совѣтуетъ имѣть расширенными, для обильнаго принятія брашенъ истины. Ибо сказано: *расшири уста твоя, и исполню я* (Псал. 80, 11.). Посему мысль о Богѣ, однажды напечатлѣнная и какъ бы печа-

тію утвержденная во владычественной силѣ души, можетъ быть названа хвалою Божіею, которая *выну* пребываетъ въ душѣ; и тщательный, по увѣщанію Апостола, можетъ дѣлать все во славу Божію, такъ что всякое дѣйствіе, всякое слово, всякое умственное упражненіе получаетъ силу хвалы; ибо *аще ясть, аще ли піетъ* праведникъ, *вся въ славу Божію творитъ* (1 Кор. 10, 31.). У такого и во время сна сердце бодрствуетъ, какъ сказано въ Пѣсни Пѣсней: *азъ сплю, а сердце мое бдитъ* (Пѣсн. Пѣсн. 5, 2.); ибо мечтанія сна очень часто бываютъ отголосками мыслей, занимавшихъ днемъ.

(3) О *Господѣ похвалится душа моя.* Пророкъ говоритъ: никто не хвали моей изобрѣтательности, которою спасся я отъ опасностей: ибо не въ силѣ, не въ мудрости человѣческой, но въ благости Божіей—спасеніе. Ибо сказано: *да не хвалится богатый богатствомъ своимъ, мудрый мудростію своею, крѣпкій крѣпостію своею: но о семъ да хвалится хваляйся, еже разумѣти и знати* Господа Бога своего (Іер. 9, 23. 24.). Смотри, какъ Апостолъ хвалитъ сотрудниковъ своихъ въ дѣлѣ благовѣстія. Онъ говоритъ: это вашъ *сработникъ и служитель* о *Господѣ* (Кол. 4, 7.). Если кто хвалится красотою тѣлесною, или знаменитостію рода, то не о Господѣ хвалится душа его; напротивъ того каждый изъ таковыхъ преданъ суетѣ. Не заслуживаютъ также истинной похвалы искусства среднія, и занимающіеся ими: кормчіе, врачи, витіи, строители, которые созидаютъ города, или пирамиды, или лабиринты, или другія какія до-

рого стоющія или пышныя громады зданій. Тѣ, которые хвалятся этимъ, не въ Господѣ полагаютъ душу свою. Въ замѣнъ всякой иной чести, для насъ довольно именоваться рабами такого Владыки. Не будетъ ли слуга царевъ хвалиться, что онъ поставленъ въ томъ или другомъ чинѣ служенія? Ужели же удостоившійся служить Богу будетъ измышлять себѣ похвалы отъинуду, какъ будто для полноты славы и именитости не достаточно ему именоваться *Господнимъ!* Итакъ о *Господѣ похвалится душа моя.*

Да услышатъ кротцыи, и возвеселятся. Поелику Пророкъ говоритъ: чрезъ одно измѣненіе лица, при содѣйствіи Божіемъ, враги введены въ обманъ и совершено мое спасеніе; то *да услышатъ кротцыи,* что можно и въ мірѣ живущимъ воздвигать побѣдныя знаменія, и не сражавшимся оказаться побѣдителями; *и да возвеселятся,* утвердившись въ кротости моимъ примѣромъ: ибо такую благодать отъ Бога получилъ я за то, что имѣлъ кротость. *Помяни Господи Давида, и всю кротость его* (Псал. 131, 1.). Кротость есть величайшая изъ добродѣтелей; потому причислена и къ блаженствамъ. Ибо сказано: *блажени кротцыи, яко тіи наслѣдятъ землю* (Матѳ. 5, 5.). Земля сія, небесный Іерусалимъ, не бываетъ добычею состязующихся, но предоставлена въ наслѣдіе долготерпѣливымъ и кроткимъ. И слова: *да услышатъ кротцыи,* значатъ то же, что̀ и слова: да услышатъ Христовы ученики. А можетъ быть, пророчественно желаетъ Давидъ, чтобы и до насъ дошло чудо благодѣянія Божія, надъ нимъ явленное. Да услы-

шатъ и тѣ, которые, послѣ многихъ поколѣній, содѣлаются учениками Христовыми! Ибо тѣхъ называлъ кроткими, которымъ Господь говорилъ: *научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ* (Матѳ. 11, 28.). Укротившіе свои нравы, освободившіеся отъ всякой страсти, въ чьихъ душахъ не поселено ни какого мятежа,—они называются кроткими. Почему и о Моисеѣ засвидѣтельствовано, что онъ былъ *кротокъ паче всѣхъ человѣкъ сущихъ на земли* (Числ. 18, 13.).

(4) *Возвеличите Господа со мною.* Приличный себѣ ликъ собираетъ Пророкъ къ прославленію Господа. Не пріобщайся ко мнѣ ни мятежный, ни смущенный, ни распаляющій душу плотскими страстями; но вы кроткіе, вы, которые пріобрѣли твердость и постоянство души, отрясли лѣность и сонливость въ исполненіи своихъ обязанностей, — вы *возвеличите Господа со мною.* Возвеличиваетъ же Господа тотъ, кто великимъ умомъ, твердымъ и возвышеннымъ духомъ терпитъ искушенія за благочестіе; и потомъ, кто великимъ умомъ, и въ самыхъ глубокихъ умозрѣніяхъ, разсматриваетъ величіе творенія, чтобы въ величіи и красотѣ тварей созерцать ихъ *Рододѣлателя* (Прем. Сол. 13, 5.). Ибо чѣмъ кто болѣе углубляется въ законы, по которымъ устроена, и по которымъ управляется вселенная, тѣмъ яснѣе созерцаетъ велелѣпоту Господню, и по мѣрѣ силъ возвеличиваетъ Господа. Поелику же одного ума и размышленій одного человѣка ни сколько недостаточно къ уразумѣнію величія Божія; то Пророкъ всѣхъ вмѣстѣ кроткихъ пріемлетъ въ

общеніе сего дѣла. Посему должно совершенно упразднить себя отъ внѣшнихъ мятежей, произвести совершенное безмолвіе въ потаенной храминѣ совѣтовъ сердца, и потомъ приступить къ созерцанію истины. Послушай исповѣдающагося во грѣхѣ, что̀ онъ говоритъ! *Смятеся отъ ярости око мое* (Псал. 6, 8.). Не только же гнѣвъ, но и пожеланіе, и робость, и зависть приводятъ въ смятеніе око души, и вообще всѣ страсти приводятъ въ замѣшательство и смятеніе душевную прозорливость. И какъ невозможно мутнымъ окомъ принять вѣрное впечатлѣніе отъ видимаго предмета; такъ не возможно съ возмущеннымъ сердцемъ приступать къ познанію истины. Посему должно удалиться отъ всѣхъ мірскихъ дѣлъ, ни чрезъ зрѣніе, ни чрезъ слухъ, ни чрезъ другое какое чувство не вводить въ душу постороннихъ помысловъ. Ибо воздвигаемыя плотскимъ мудрованіемъ брани исполняютъ внутренность сердца неумолкающими мятежами и непримиримыми раздорами.

(5) *Взысках Господа, и услыша мя.* Пророкъ говоритъ: сіе *да услышатъ кротцыи!* И въ это тяжкое время, когда подвигся на меня весь гнѣвъ памятозлобныхъ, и руки всѣхъ на меня вооружились, а я ни чѣмъ не защищенный, готовъ былъ принять на себя всѣ удары враговъ, — и въ это время не смутился я помыслами отъ страха, не оставилъ мысли о Богѣ, не отчаялся въ своемъ спасеніи, но *взысках Господа.* Не искалъ только, съ какимъ нибудь простымъ и временнымъ упованіемъ на Господа, но *взысках*; ибо реченіе *взыс-*

как выражает болѣе, нежели— искал, подобно как испытываніе — болѣе нежели пытаніе. Ибо *исчезоша испытающіи испытанія* (Псал. 63, 7.). Посему словом *взысканіе* Псалом изобразил какой-то глубокій покой и безмятежность.

И от всѣх скорбей моих избави мя. Вся жизнь праведника исполнена скорбей; это путь тѣсный и скорбный. *Многи скорби праведным.* Потому и Апостол говорит: *во всем скорбяще* (2 Кор. 4, 8.); и: *яко многими скорбми подобает нам внити в царствіе Божіе* (Дѣян. 14, 22.). Избавляет же Бог святых Своих от скорби, не без испытанія их оставляя, но подавая им терпѣніе. Ибо, если *скорбь терпѣніе содѣловает, терпѣніе же искусство* (Рим. 5, 3.), то избѣгающій скорби лишает себя опытности. И как никто не получает вѣнца, не имѣя у себя противника, так и опытным можно оказаться не иначе, как чрез скорби. Посему слова: *от всѣх скорбей избави мя,* не значат: не попустил мнѣ скорбѣть, но даровал *со искушеніем и избытіе, яко возмощи понести* (1 Кор. 10, 13.).

(6) *Приступите к Нему и просвѣтитеся, и лица ваша не постыдятся.* Сидящих во тмѣ и сѣни смертной—их увѣщавает приступить ко Господу, приблизиться к лучам Божества Его, чтобы, чрез приближеніе озарившись истиною, по благодати, вмѣстили они в себя просвѣщеніе Его. Ибо как сей чувственный свѣт не для всѣх равно сіяет, но для тѣх, которые имѣют глаза, бодрствуют и могут безпрепятственно

наслаждаться появленіемъ солнца: такъ и *Солнце правды* (Малах. 4, 2.), Свѣтъ истины, *Иже просвѣщаетъ всякаго человѣка грядущаго въ міръ* (Іоан. 1, 9.), не всѣмъ даетъ видѣть свѣтозарность Свою, но тѣмъ, которые живутъ достойно свѣта. Ибо сказано: *свѣтъ возсія* не грѣшнику, но *праведнику* (Псал. 36, 11.). Какъ солнце, хотя восходитъ, но не для нетопырей и другихъ животныхъ, во время ночи снискивающихъ себѣ пищу: такъ, хотя свѣтъ самъ въ себѣ блистателенъ и всеозаряющъ, однако жъ не всѣ пріобщаются его сіянія. Такъ и *всякъ дѣлаяй злая, ненавидитъ свѣта, и не приходитъ къ свѣту, да не обличатся дѣла его* (Іоан. 3, 20.).

Итакъ *приступите къ Нему и просвѣтитеся, и лица ваша не постыдятся.* Блаженъ, кто въ день праведнаго суда Божія, когда *пріидетъ Господь* во свѣтѣ *привести тайная тмы*, и объявить *совѣты сердечныя* (1 Кор. 4, 8.), осмѣлившись вступить въ сей обличительный свѣтъ, возвратится непостыжденнымъ; потому что его совѣсть не осквернена порочными дѣлами. А тѣ, которые дѣлали зло, воскреснутъ на поруганіе и стыдъ, чтобы увидѣть въ самихъ себѣ мерзость и отпечатлѣніе содѣланныхъ ими грѣховъ. И можетъ быть, страшнѣе тмы и вѣчнаго огня тотъ стыдъ, съ которымъ увѣковѣчены будутъ грѣшники, непрестанно имѣя предъ глазами слѣды грѣха содѣланнаго во плоти, подобно какой-то невыводимой краскѣ, навсегда остающіеся въ памяти души ихъ. Не много же такихъ, которые бы могли приступить къ свѣту истины и открыть его

и открывъ сокровенное, отойдти съ непостыжденнымъ лицемъ.

(7) *Сей нищій воззва, и Господь услыша и.* Не всегда нищета похвальна, а только, когда она съ Евангельскою цѣлію принята произвольно. Ибо многіе по достатку нищи, а по произволенію весьма любостяжательны. Ихъ бѣдность не спасаетъ, а произволеніе осуждаетъ. Посему блаженъ не тотъ, кто бѣденъ, но кто сокровищамъ міра предпочитаетъ заповѣдь Христову. Таковыхъ и Господь называетъ блаженными, говоря: *блажени нищіи духомъ* (Матѳ. 5, 3.), — не бѣдные имуществомъ, но избравшіе нищету отъ сердца. А что̀ не отъ произвола, то и блаженнымъ не дѣлаетъ. Посему всякая добродѣтель, а преимущественно предъ всѣми нищета имѣетъ отличительнымъ признакомъ свободное произволеніе. Итакъ *сей нищій*, говоритъ Пророкъ, *воззва*. Назнаменующимъ гласомъ призываетъ онъ мысль твою къ обнищавшему по Богу, алчущему, жаждущему и терпящему наготу. *Сей нищій*, едва не указываетъ онъ перстомъ, то есть, сей ученикъ Христовъ. Можно слова сіи относить и къ самому Христу: Онъ, *богатъ сый по естеству* (такъ какъ все, что̀ имѣетъ Отецъ, принадлежитъ и Ему), *насъ ради обнища, да мы нищетою Его обогатимся* (2 Кор. 8, 9.). Да и всякое почти дѣло, ведущее къ блаженству, предначалъ Самъ Господь, Себя предложивъ въ примѣръ ученикамъ. Возвратись къ блаженствамъ, и разсмотрѣвъ каждое, найдешь, что ученіе словомъ предварилъ Онъ дѣлами. *Блажени кротцыи.* Гдѣ же намъ научиться

кротости? *Научитеся отъ Мене*, говоритъ Господь, *яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ* (Матѳ. 11, 29.). *Блажени миротворцы*. Кто же научитъ насъ благамъ мира? Самъ Миротворецъ, *творяй миръ* и *примиряющій оба въ единаго новаго человѣка* (Ефес. 2, 15.), *умиротворивый кровію креста Своего, аще небесная, аще ли земная* (Кол. 1, 20.). *Блажени нищіи*. Самъ Онъ обнищалъ и *истощилъ Себя въ зракъ раба, да мы вси отъ исполненія Его пріимемъ и благодать возблагодать* (Фил. 2, 7. Іоан. 1, 16.). Итакъ, если кто водимый Святымъ и человѣколюбивымъ Духомъ, не мечтая о самомъ себѣ, но уничижая себя, чтобъ возвысить другихъ, возопіетъ духомъ, испрашивая чего либо великаго, и не произнесетъ ничего недостойнаго и низкаго, выражающаго исканіе земнаго и мірскаго; то вопль сего просящаго услышанъ будетъ Господомъ. А какой же конецъ услышанія? Тотъ, что избавится *отъ всѣхъ скорбей* не уязвленнымъ, не изнемогшимъ, не поработившимся мудрованію плоти.

Какимъ же образомъ избавляется нищій?

(8) *Ополчится Ангелъ Господень окрестъ боящихся Его, и избавитъ ихъ*. Симъ Пророкъ объяснилъ, кого называетъ нищимъ, именно того, кто боится Господа. Посему боящійся стоитъ еще на степени раба; а усовершившійся любовію достигъ уже въ достоинство сына. Рабъ именуется и нищимъ, потому что не имѣетъ ничего собственнаго, а сынъ уже богатъ и потому, что онъ наслѣдникъ отеческихъ благъ. Итакъ *ополчится Ангелъ Господень окрестъ боящихся Его*. Ангелъ

не отступитъ отъ всѣхъ увѣровавшихъ въ Господа, если только не отгонимъ его сами худыми дѣлами. Ибо, какъ пчелъ отгоняетъ дымъ, и голубей смрадъ, такъ и хранителя нашей жизни— Ангела отдаляетъ многоплачевный и смердящій грѣхъ. Если имѣешь въ душѣ дѣла достойныя Ангельскаго охраненія, и обитаетъ въ тебѣ умъ, обогащенный умозрѣніями истины; то, по богатству не оцѣненныхъ дѣлъ добродѣтели, Богъ необходимо приставитъ къ тебѣ стражей и хранителей, и оградитъ тебя охраненіемъ Ангеловъ. Смотри же, какова природа Ангеловъ! Одинъ Ангелъ равняется цѣлому воинству и многочисленному ополченію. Итакъ въ величіи твоего хранителя Господь даруетъ тебѣ ополченіе, а въ крѣпости Ангела какъ бы ограждаетъ тебя отвсюду его защитою. Ибо сіе значитъ: *окрестъ*. Какъ городскія стѣны, вокругъ облегая городъ, отвсюду отражаютъ вражескія нападенія; такъ и Ангелъ служитъ стѣною спереди, охраняетъ сзади, и съ обѣихъ сторонъ ничего не оставляетъ неприкрытымъ. Посему-то *падетъ отъ страны твоея тысяща, и тьма одесную тебе: къ тебѣ же не приближится* (Псал. 90, 7.) ударъ котораго либо изъ враговъ, *яко Ангеломъ Своимъ заповѣсть о тебѣ* (12).

(9) *Вкусите и видите, яко благъ Господь.* Многократно замѣчали мы, что душевныя силы именуются подобоименно съ внѣшними членами. Поелику же Господь нашъ есть истинный хлѣбъ, и плоть Его истинное брашно; то необходимо, чтобы наслажденіе веселіемъ хлѣба произведено было въ насъ чрезъ духовное вкушеніе. Какъ свойство

меда, не столько словомъ , сколько самымъ чувствомъ вкуса, можетъ быть объяснено не извѣдавшимъ меда ; такъ и доброта небеснаго слова не можетъ быть ясно передана въ ученіи , если, по долговременномъ извѣданіи ученій истины, не возможемъ собственнымъ опытомъ постигнуть благость Господню. *Вкусите,* сказалъ, а не—насытьтесь ; потому что нынѣ *разумѣемъ отчасти* , видимъ истину *зерцаломъ* и *гаданіемъ* (2 Кор. 13, 15.); но пріидетъ время, когда нынѣшній залогъ, сіе вкушеніе благодати, обратится для насъ въ совершенство наслажденія. Какъ страждущіе желудкомъ и чувствующіе отвращеніе отъ пищи , отъ сего разстройства лечатся у врачей , которые , съ помощію приготовленной особеннымъ способомъ пищи, возбуждаютъ къ ней позывъ, и когда чувство сими искусственными снѣдями раздражено, позывъ на пищу часъ отъ часа болѣе увеличивается : такъ и въ словѣ истины, самое испытаніе, говоритъ Пророкъ, будетъ непрестанно призывать васъ къ ненасыщаемому вожделѣнію. Посему *вкусите*, говоритъ онъ, да будете *блажени,* какъ *алчущіе и жаждущіе правды.*

Блаженъ мужъ, иже уповаетъ на-Нь. Кто непрестанно вожделѣваетъ слова, тотъ ни на что иное не возложитъ упованія, кромѣ Господа.

(10) *Бойтеся Господа вси святіи Его, яко нѣсть лишенія боящимся Его.* Если страхъ не управляетъ нашею жизнію ; то не возможно произойдти освященію въ тѣлѣ. Ибо сказано: *пригвозди страху Твоему плоти моя* (Псал. 118, 120.) Какъ у пригвожденныхъ гвоздьми члены тѣла

остаются неподвижны и бездѣйственны; такъ и объятые въ душѣ Божіимъ страхомъ избѣгаютъ всякаго страстнаго обуреванія грѣхомъ. Посему *нѣсть лишенія боящемуся;* то есть, удерживаемый страхомъ отъ всякаго неприличнаго поступка не лишенъ силъ ни для какой добродѣтели, но совершенъ, и не имѣетъ недостатка ни въ одномъ изъ совершенствъ, свойственныхъ человѣческой природѣ Какъ по тѣлу не совершенъ тотъ, у кого не достаетъ какого либо необходимаго члена, но въ томъ самомъ и несовершенъ, чего недостаетъ ему: такъ нерадящій и о единой заповѣди, чрезъ не исполненіе, бываетъ уже несовершенъ, по причинѣ сего недостатка. А кто усвоилъ себѣ совершенный страхъ, и всего боится изъ богобоязненности, тотъ ни въ чемъ не согрѣшитъ, потому что ничего не презираетъ; и онъ не потерпитъ лишенія, потому что во всякомъ случаѣ непрестанно съ нимъ страхъ.

(11) *Богатіи обнищаша и взалкаша, взыскающіи же Господа не лишатся всякаго блага.* Слово сіе научаетъ насъ и презрѣнію вещественнаго богатства, показывая непрочность изобилія въ имуществѣ. Ибо богатство не постоянно, и какъ волна, гонимая силою вѣтровъ, обыкновенно течетъ туда и сюда. И *богатыми* Давидъ называетъ, можетъ быть, Израильтянъ, *ихже всыновленіе и служеніе, ихже обѣтованія, отъ нихже* отцы (Рим. 9, 4. 5.). Они-то *обнищаша*, согрѣшивъ противъ Господа; а взыскавшіе Господа вмѣсто нихъ *не лишатся всякаго блага.* Но какъ же Израильтяне *обнищаша и взалкаша*? Поелику убили они Хлѣбъ жи-

вотный; то пришелъ на нихъ голодъ хлѣба. Послѣ злоумыслили противъ Источника воды живой; пришла къ нимъ жажда, и наложено на нихъ наказаніе мучиться отъ жажды. Но это гладъ не чувственнаго хлѣба и *не жажда воды, но гладъ слышанія слова Господня* (Амос. 8, 11.). И такъ они *обнищаша и взалкаша*, а изъ язычниковъ научившіеся взыскать Господа *не лишатся всякаго блага*. Всесовершенное благо есть самъ Богъ, Котораго *не лишатся вси взыскающіи Его*. Если кто невѣжественъ, имѣетъ неясное понятіе о добрѣ и злѣ; то и онъ да не называетъ благимъ находящаго наслажденіе во временномъ, которое преходитъ съ разрушеніемъ тѣла. Ибо кто вещественное богатство и плотскія преимущества возводитъ на степень благъ; тотъ низкимъ и ни какого вниманія не заслуживающимъ вещамъ присвояетъ достопокланяемое и одному Богу приличное имя, и вмѣстѣ съ тѣмъ впадаетъ въ самое грубое противорѣчіе. Ибо или долженъ сказать, что Апостолы не получили тѣлесныхъ благъ, потому что не взыскали Господа, или, и взыскавъ, не имѣли такихъ благъ, долженъ обвинить самое Писаніе, которое говоритъ, что *взыскающіи Господа* не будутъ лишены *ни единаго блага*. Напротивъ того, святые и Господа взыскали, и не остались безъ разумѣнія самаго взыскуемаго, и не лишились благъ, уготованныхъ въ вѣчномъ упокоеніи. Ибо о нихъ можно въ собственномъ смыслѣ сказать: *всякаго блага*; потому что тѣлесныя наслажденія заключаютъ въ себѣ болѣе болѣзненнаго, чѣмъ пріятнаго: супружества—безчадіе, вдовство, растлѣніе;

земледѣліе— безплодіе; торговля— кораблекрушенія, богатства— козни; роскошь— пресыщеніе, и частыя наслажденія— разнаго рода болѣзни и многовидныя страсти. Взыскалъ Господа Павелъ, и не былъ лишенъ *ни единаго блага*; а между тѣмъ, кто изсчислитъ тѣлесныя скорби, въ которыхъ онъ проводилъ всю свою жизнь? *Трищи палицами біенъ, единою каменми наметанъ, трикраты корабль опровержеся съ нимъ, нощь и день во глубинѣ сотвори, въ путныхъ шествіихъ множицею, во алчбѣ и жажди, въ пощеніихъ многащи, въ трудѣ и подвизѣ,* и многократно въ нуждахъ (2 Кор. 11, 25—27.). И что́ же? Человѣкъ, который до послѣдняго часа былъ алчущимъ и жаждущимъ, терпѣлъ наготу и страданія, ужели не лишенъ былъ тѣлесныхъ благъ? Посему возведи мысль твою къ истинному благу, чтобы уразумѣть тебѣ и согласіе Писанія, и самому себя не запутать обоюдностію понятій.

(12) *Пріидите, чада, послушайте мене, страху Господню научу васъ.* Это голосъ искренно расположеннаго учителя, съ отеческимъ благосердіемъ призывающаго къ ученію: потому что ученикъ есть духовное чадо учителя. Пріемлющій отъ другаго образованіе въ благочестіи какъ бы имъ созидается и приводится въ составъ, подобно тому, какъ въ утробѣ чревоносящей образуются младенцы. Посему и Павелъ всю Церковь Галатійскую, которая отпала отъ первопреподанныхъ ученій, и походила на недоношенный плодъ чрева, снова воспріемля, и Божіею силою воображая въ Галатахъ Христа, назвалъ чадами. И какъ онъ съ болѣзнями

и скорбію производилъ исправленіе поколебавшихся, то посему и сказалъ, что болитъ душею, скорбя объ отпадшихъ. *Чадца моя, имиже паки болъзную, дондеже вообразится Христосъ въ васъ* (Гал. 4, 19.). И такъ *пріидите чада, послушайте мене.* Чему же хочетъ учить насъ духовный нашъ отецъ? *Страху Господню*, говоритъ онъ, *научу васъ.* Поелику выше заповѣдалъ бояться Господа, и показалъ выгоды страха, сказавъ, что *нѣсть лишенія боящимся Его;* то преподаетъ теперь нѣкоторый урокъ о страхѣ Господнемъ. Что нужно быть здоровымъ, это можетъ сказать всякой, даже невѣжда; но какъ должно пріобрѣтать здоровье, говорить объ этомъ— дѣло человѣка знающаго врачебное искусство. Не всякой страхъ благъ и спасителенъ, но есть страхъ вражій, о которомъ молится Пророкъ, чтобы онъ не приближался къ душѣ его, говоря: *отъ страха вражія изми душу мою* (Псал. 63, 2.). Тотъ страхъ—вражій, который вдыхаетъ въ насъ боязнь смерти, и который внушаетъ намъ страшиться преимущества лицъ. Ибо боящійся сего возможетъ ли, во время мученичества, противостоять грѣху даже до смерти, и воздать долгъ умершему за насъ и воскресшему Господу? А также приводимый въ страхъ демонами имѣетъ въ себѣ страхъ вражій. И вообще такой страхъ кажется мнѣ немощію, порожденною невѣріемъ: ибо вѣрующій, что есть у него крѣпкій помощникъ, не страшится никого изъ усиливающихся возмутить его. А что же такое страхъ спасительный, страхъ освящающій, страхъ преднамѣренно, а не по немощи, поселяемый въ душѣ? Хочешь ли, объясню тебѣ

свойства сего страха? Когда увлекаешься въ какой нибудь грѣхъ: представь себѣ мысленно страшное и нестерпимое судилище Христово, гдѣ на высокомъ и превознесенномъ престолѣ возсѣдаетъ Судія, вся же тварь съ трепетомъ предстоитъ при славномъ Его явленіи, и каждый изъ насъ приводится на испытаніе содѣланнаго имъ въ жизни; потомъ къ совершившему въ жизни много худыхъ дѣлъ приставляются страшные и угрюмые ангелы, у которыхъ и взоръ огненный, и дыханіе огненное, по жестокости ихъ воли, и лица подобны ночи, по унылости и человѣконенавидѣнію; потомъ непроходимая пропасть, глубокая тма, огонь несвѣтлый, который во тмѣ содержитъ попаляющую силу, но лишенъ свѣтозарности; потомъ какой-то ядоносный и плотоядный червь, пожирающій съ жадностію, никогда ненасыщаемый, и своимъ пожираніемъ производящій невыносимыя болѣзни; потомъ жесточайшее изъ всѣхъ мученій—вѣчный позоръ и вѣчный стыдъ. Сего страшись, и симъ страхомъ вразумляемый, какъ бы нѣкоторою уздою, воздерживай душу отъ худыхъ пожеланій. Сему-то страху Господню обѣщалъ научить насъ отецъ; но научить не всѣхъ, а только желающихъ слушать его; не далеко отпадшихъ, но притекающихъ къ нему съ желаніемъ спастися; *не чуждыхъ отъ завѣтъ* (Еф. 2, 12.), но чрезъ сыноположеніе крещенія содѣлавшихся присными Слову. Посему и говоритъ: *пріидите*, то есть, добрыми дѣлами приближьтесь ко мнѣ, дѣти, удостоившіяся стать сынами свѣта чрезъ пакибытіе. *Послушайте* вы, у которыхъ отверсты уши сердца; *страху Господню*

научу васъ, тому страху, который незадолго предъ симъ изобразило вамъ слово.

(13) *Кто есть человѣкъ хотяй животъ, любяй дни видѣти благи?* Пророкъ спрашиваетъ: хочетъ ли кто жизни—не этой общей, которою живутъ и безсловесныя, но истинной, не пресѣкаемой и смертію? Ибо теперь, говоритъ онъ, вы умираете, и *животъ вашъ сокровенъ есть со Христомъ въ Бозѣ: егда же Христосъ явится, животъ вашъ: тогда и вы съ Нимъ явитеся въ славѣ* (Кол. 3, 3. 4.). И такъ Христосъ есть истинная жизнь, и наша истинная жизнь есть пребываніе во Христѣ. Подобно сему и дни иные—*благи*, и на нихъ-то указываетъ Пророкъ въ своемъ провозглашеніи: *кто есть человѣкъ хотяй животъ, любяй дни видѣти благи?* Ибо дни вѣка сего злы, такъ какъ и вѣкъ сей, будучи мѣрою міра, о которомъ сказано, что *міръ весь во злѣ лежитъ* (1 Іоан. 5, 19.),—и свойствами своими сообразенъ міру, имъ измѣряемому. А самые дни суть части сего времени; посему Апостолъ говоритъ: *искупующе время, яко дніе лукави суть* (Еф. 5, 16.). И Іаковъ свидѣтельствуетъ: *дніе лѣтъ* моихъ *малы и злы* (Быт. 47, 9.). Посему теперь мы—не въ жизни, но въ смерти. Потому и молился Апостолъ, говоря: *кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея* (Рим. 7, 24.)? Но есть другая нѣкая жизнь, къ которой призываетъ насъ слово. И хотя настоящіе наши дни *лукавы;* однако же есть другіе дни *благи*, которые не пресѣкаются ночью. Ибо для нихъ самъ Богъ будетъ вѣчнымъ свѣтомъ, озаряя ихъ сіяніемъ Своей славы. Посему когда слышишь о *благихъ*

дняхъ, не думай, чтобы въ обѣтованіи говорено было тебѣ о здѣшней жизни; потому что тлѣнны тѣ дни, которые производитъ чувственное солнце; а тлѣнное не можетъ быть приличнымъ даромъ нетлѣнному. Но если душа нетлѣнна; то нетлѣнны должны быть и душевныя дарованія. И *преходитъ образъ міра сего* (1 Кор. 7, 31.). Если Законъ имѣетъ въ себѣ тѣнь грядущихъ благъ; то представь себѣ какія-то радостотворныя и святыя субботы изъ дней вѣчныхъ, новомѣсячія, праздники; но представь ихъ соотвѣтственно духовному закону!

(14) *Удержи языкъ твой отъ зла, и устнѣ твои; еже не глаголати льсти.* Если хочешь имѣть *дни благи*, и любишь жизнь, то исполни заповѣдь жизни. Ибо сказано: *любяй Мя, заповѣди Моя соблюдетъ* (Іоан. 14, 21.). Первая же заповѣдь: *удержи языкъ твой отъ зла, и устнѣ твои, еже не глаголати льсти.* Ибо грѣхъ, содѣваемый языкомъ, и на дѣлѣ весьма удобенъ и многообразенъ. Разгнѣвался ли ты? и языкъ предваряетъ. Похоть ли возобладала тобою? языкъ прежде всего служитъ тебѣ какъ бы переводчицей и переносчицей, которая помогаетъ во грѣхѣ и вводитъ въ искушеніе ближнихъ. Языкъ для тебя и оружіе неправды, если онъ не отъ сердца говоритъ, но для обмана другихъ. Но къ-чему перечислять словомъ всѣ грѣхи, совершаемые языкомъ? Жизнь наша наполнена грѣхопаденіями языка: срамословіе, смѣхотворныя, глупыя, непристойныя рѣчи, пересуды, слово праздное, лживыя клятвы, ложныя свидѣтельства,—все это и гораздо

еще большее число золъ, суть произведеніе языка. А тѣ, которые отверзаютъ уста свои на поруганіе славы Божіей и *неправду въ высоту глаголютъ* (Псал. 72, 8), какимъ другимъ орудіемъ совершаютъ сіе нечестіе, какъ не орудіемъ языка? И такъ, поелику *отъ словесъ твоихъ осудишися* (Матѳ. 12, 37); то *удержи языкъ твой отъ зла*, и не *дѣлай сокровища языкомъ лживымъ суетная* (Притч. 21, 6.). Удержи и *устнѣ твои, еже не глаголати льсти*, то есть, сдѣлай, чтобы цѣлое орудіе, данное тебѣ на служеніе слову, было свободно отъ дѣйствій лукавыхъ. Лесть есть скрытное злодѣяніе противъ ближняго, совершаемое подъ личиною добра.

(15) *Уклонися отъ зла, и сотвори благо: взыщи мира, и пожени и.* Вотъ первоначальные совѣты и вступительные уроки благочестія: старайся преодолѣвать языкъ, воздерживаться отъ коварныхъ замысловъ, уклоняться отъ зла. Ибо не тому, кто совершенъ, прилично воздержаніе отъ зла, но только еще начинающему надлежитъ уклоняться отъ стремленія къ злу. И должно сперва, какъ отъ худаго пути, удалиться отъ привычки къ порочной жизни, а потомъ уже приступить къ совершенію добрыхъ дѣлъ. Потому что невозможно приняться за доброе, не отступивъ напередъ и совершенно не уклонившись отъ зла, какъ невозможно возвратить здоровья, не освободясь отъ болѣзни, или согрѣться прежде, нежели совершенно пройдетъ ознобъ. Все это одно съ другимъ не совмѣстно: такъ и тотъ, кто хочетъ вести добрую жизнь, долженъ освободиться отъ соприкосновенія съ зломъ.

Взыщи мира, и пожени и. О семъ мирѣ сказалъ Господь: *миръ оставляю вамъ, миръ Мой даю вамъ, не якоже міръ даетъ* миръ, *Азъ даю вамъ* (Іоан. 14, 27.). Посему *взыщи мира* Господня, *и пожени и.* А достигнешь его не иначе, какъ *къ намѣренному гоня, къ почести вышняго званія* (Фил. 3, 14.). Ибо истинный миръ—горѣ; а доколѣ мы связаны съ плотію, неразлучно съ нами многое, что̀ насъ возмущаетъ. Посему *взыщи мира*, то есть освобожденія отъ мятежей міра сего, пріобрѣти безмятежный умъ, невзволнованное, невозмущенное состояніе души, неколеблемое страстями, не увлекаемое ложными ученіями, которыя своимъ правдоподобіемъ склоняютъ къ согласію, чтобы чрезъ сіе пріобрѣсти тебѣ *миръ Божій, превосходяй всякъ умъ* (Фил. 4, 7.) и охраняющій твое сердце. Кто ищетъ мира, тотъ ищетъ Христа; потому что *Той есть миръ нашъ*, создавшій *оба во единаго новаго человѣка, творяй миръ* (Еф. 2, 14. 15.), и *умиротворивый кровію креста Своего, аще небесная, аще ли земная* (Кол. 1, 20.).

(16) *Очи Господни на праведныя, и уши Его въ молитву ихъ.* Какъ святые суть *тѣло Христово и уды отъ части* (1 Кор. 12, 27.), и Богъ поставилъ ихъ въ Церкви, однихъ какъ бы глазами, другихъ устами, а иныхъ вмѣсто рукъ, или ногъ: такъ и святыя духовныя Силы, на небесахъ пребывающія, однѣ именуются очами, потому что имъ ввѣрено надъ нами смотрѣніе, а другія— ушами, потому что пріемлютъ наши молитвы. Посему и теперь Силу надъ нами надзирающую и Силу пріемлющую молитвы Давидъ назвалъ очами и ушами.

Очи Господни на праведныя, и уши Его въ молитву ихъ. Поелику всякое дѣло праведника достойно зрѣнія Божія, и всякое слово его, такъ какъ праведный не говоритъ ничего празднаго, сильно и дѣйственно; то посему Псаломъ увѣряетъ, что праведникъ всегда предъ взорами, и всегда бываетъ услышанъ.

(17) *Лице же Господне на творящыя злая, еже потребити отъ земли память ихъ.* Подъ лицемъ, какъ думаю, разумѣется открытое и явное пришествіе Господа на судъ. Почему и сказано, что очи Господа, какъ бы еще издали насъ назирающаго, приникаютъ на праведника; а самое лице явится, чтобы истребить на землѣ всякую память беззаконія. Но не представляй себѣ лица Божія въ тѣлесномъ образѣ. Ибо въ такомъ случаѣ можетъ показаться, что въ Писаніи сказано нѣчто несообразное, то есть, что особо очи сіяютъ на праведника, и особо лице обращено на порочныхъ; между тѣмъ какъ не возможны ни очи безъ лица, ни лице безъ очей. *Не узритъ человѣкъ лице* Господне, *и живъ будетъ* (Исх. 33, 20.). Но Ангелы *малыхъ* въ Церкви *выну видятъ лице Отца* нашего, Который на небесахъ (Матѳ. 18, 10.). Посему для насъ нынѣ, по немощи облежащей насъ плоти, невмѣстимо зрѣніе славнаго явленія Божія; но Ангеламъ, которые не имѣютъ ни какого покрова, подобнаго нашей плоти, ни что не препятствуетъ непрестанно взирать на лице славы Божіей. Почему, когда сдѣлаемся сынами воскресенія, тогда и мы будемъ удостоены знанія лицемъ къ лицу. Тогда праведные удостоятся лицезрѣнія Божія въ радости, а

грѣшники—въ судѣ; потому что всякій грѣхъ будетъ истребленъ праведнымъ судомъ Божіимъ.

(18) *Воззваша праведніи, и Господь услыша ихъ, и отъ всѣхъ скорбей ихъ избави ихъ.* Взываніе праведныхъ есть мысленное, и оно въ потаенности сердца раздается велегласно, и можетъ достигать до самаго слуха Божія. Ибо кто проситъ великаго и молится о небесномъ, тотъ взываетъ, и возсылаетъ къ Богу молитву, которая бываетъ услышана. И такъ *воззваша праведніи*; взыскали не чего нибудь маловажнаго, земнаго, низкаго. Потому и Господь внялъ ихъ голосу, *и отъ всѣхъ скорбей ихъ избави ихъ*, не столько освобождая ихъ отъ огорченій, сколько пріуготовляя къ тому, чтобы они были выше всего приключающагося.

(19) *Близъ* Господь *сокрушенныхъ сердцемъ, и смиренныя духомъ спасетъ.* Господь ко всѣмъ приближается Своею благостію; но мы сами себя удаляемъ грѣхами. Ибо сказано: *се удаляющіи себе отъ Тебе, погибнутъ* (72, 27.). Почему о Моисеѣ говорится, что онъ *приступалъ* къ Богу (Исх. 24, 2.); и если кто другой подобенъ Моисею, то своими доблестями и добрыми дѣлами дѣлается онъ близокъ къ Богу. Кромѣ того, слова сіи содержатъ въ себѣ пророчество о пришествіи Господа, и согласны съ предъидущими. Ибо тамъ сказано: *лице Господне на творящыя злая*, то есть, явленіе Его на судѣ будетъ на погибель всякаго лукавства. А здѣсь, сказавъ: *близъ Господь сокрушенныхъ сердцемъ*, Пророкъ возвѣщаетъ приближающееся уже и недалеко отстоящее пришествіе Господа во плоти. И въ семъ можетъ убѣдить тебя сказанное въ

пророчествѣ Исаіи: *Духъ Господень на Мнѣ, егоже ради помаза Мя, благовѣстити нищимъ посла Мя, исцѣлити сокрушенныя сердцемъ, проповѣдати плѣнникомъ отпущеніе, и слѣпымъ прозрѣніе* (Иса. 61, 1.). Поелику посылаемъ былъ Врачъ для сокрушенныхъ сердцемъ; то сказано: *близъ есть Господь.* Вамъ говорю сіе, смиренные и сокрушившіе свое самомнѣніе, чтобы васъ обрадовать и ввести въ долготерпѣніе радостію ожидаемаго! Сокрушеніе же сердца есть истребленіе человѣческихъ помысловъ. Кто презрѣлъ настоящее, предалъ себя слову Божію, и владычественное въ себѣ предоставилъ помышленіямъ превыше-человѣческимъ и божественнымъ, тотъ будетъ имѣть сокрушенное сердце, и содѣлаетъ его жертвою, не уничижаемою отъ Господа. *Сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ* (Псал. 50, 19.). И такъ *близъ Господь сокрушенныхъ сердцемъ, и смиренныя духомъ спасетъ.* Кто чуждъ всякаго надменія, ни чѣмъ человѣческимъ не гордится, тотъ и сердцемъ сокрушенъ и духомъ смиренъ. Правда, смиренъ (*) и тотъ, кто ходитъ во грѣхѣ, потому что ни что такъ не смиряетъ, какъ грѣхъ. Посему растлѣнную и потерявшую святыню дѣвства называемъ смиренною. Такъ сказано, что Амнонъ восталъ на Ѳамару, и *смири ю* (2 Цар. 13, 14.). Посему, которые утратили высокость и возношеніе души, низложенные грѣхомъ на землю и какъ бы пригвожденные къ землѣ, изгибаются подобно

(*) То есть униженъ.

пресмыкающемуся змію, и уже не въ силахъ прійдти совершенно въ прямое положеніе, тѣ смиренны, но не духомъ; почему смиреніе ихъ и не похвально. Но которые имѣютъ благодать Святаго Духа, тѣ добровольно смиряютъ себя предъ низшими, съ Апостоломъ называя *себе самѣхъ рабами* всякаго человѣка (2 Кор. 4, 5.) о Христѣ, *всѣмъ попраніемъ доселѣ*, и говоря еще съ нимъ: *якоже отреби міру быхомъ* (1 Кор. 4, 13.). Они употребляютъ смиреніе духовно, и дѣлаютъ себя послѣдними изъ всѣхъ, чтобы стать первыми изъ всѣхъ въ царствѣ небесномъ. Сихъ и Господь называетъ блаженными, говоря: *блажени нищіи духомъ* (Матѳ. 5, 3.).

(20) *Многи скорби праведнымъ, и отъ всѣхъ ихъ избавитъ я Господь.* Сказано: *во всемъ скорбяще, но не стужающе си* (2 Кор. 4, 8). Почему и Господь говоритъ Своимъ ученикамъ: *въ мірѣ скорбни будете: но дерзайте, яко Азъ побѣдихъ міръ* (Іоан. 16, 33.). Посему, если видишь когда праведниковъ въ болѣзняхъ, съ поврежденными членами, покинутыхъ своими, въ ранахъ, въ безчестіи, въ совершенной скудости и лишеніи необходимаго; то помни, что *многи скорби праведнымъ, и отъ всѣхъ ихъ избавитъ я Господь.* А утверждающій, что скорбь не прилична праведнику, не иное что говоритъ, какъ одно съ утверждающимъ, будто бы борцу не приличенъ противоборникъ. Но борецъ, не выходящій на подвигъ, будетъ ли имѣть какой предлогъ къ полученію вѣнцовъ? Вотъ уже въ Псалмѣ семъ въ четвертый разъ говорится, какимъ образомъ Господь избавляетъ отъ скорби,

если кого хочетъ избавить. Въ первый разъ: (5) *взысках Господа, и услыша мя, и отъ всѣхъ скорбей моихъ избави мя.* Во вторый: (7) *сей нищій воззва, и Господь услыша и, и отъ всѣхъ скорбей его спасе и.* Въ третій: (18) *воззваша праведніи, и Господь услыша ихъ.* Въ четвертый, наконецъ: *многи скорби праведнымъ, и отъ всѣхъ ихъ избавитъ я Господь.*

(21) *Хранитъ Господь вся кости ихъ, ни едина отъ нихъ сокрушится.* Должно ли остановиться на голомъ реченіи, и удовольствоваться тѣмъ понятіемъ, какое всего скорѣе представляется нашему вниманію, то есть, что сіи кости, сіи опоры плоти, не сокрушатся у праведныхъ, по причинѣ охраненія, даннаго имъ отъ Господа? И до тѣхъ ли поръ, пока праведникъ живъ, и въ этомъ мірѣ, сохранятся кости его несокрушенными? Или и по разрѣшеніи отъ узъ тѣлесныхъ не встрѣтится причины къ сокрушенію костей праведника? Впрочемъ изъ опыта знаемъ, что сокрушены многія кости праведниковъ, которые за свидѣтельство о Христѣ предавали себя страданіямъ всякаго рода. Ибо гонители инымъ раздробили голени, другимъ многократно пронзали гвоздьми руки и голову. Между тѣмъ кто же станетъ отрицать, что скончавшіеся въ мученичествѣ всѣхъ праведнѣе? Напротивъ того не понимать ли такъ? Говорится: человѣкъ, а разумѣется душа и умъ человѣческій; такъ и члены цѣлаго человѣка называются подобоименно съ частями тѣлесными. Такъ Писаніе многократно именуетъ члены внутренняго человѣка, напримѣръ, когда говоритъ: *мудраго очи во гла-*

въ его (Екклес. 2, 14.), то есть, внутреннее мудраго прозорливо и осмотрительно. И еще Писаніе одинаково называетъ и духовные и плотскіе очи, не только въ приведенномъ нами изреченіи, но и въ словахъ: *заповѣдь Господня свѣтла, просвѣщающая очи* (Псал. 18, 9.). Что же сказать о семъ изреченіи: *имѣяй уши слышати, да слышитъ* (Лук. 8, 8.)? Извѣстно, что у иныхъ уши совершенны и способны слышать словеса Божіи. Но не имѣющимъ такихъ ушей что сказано? *Глусіи услышите, и слѣпіи прозрите* (Иса. 12, 18.). И еще: *уста моя отверзохъ, и привлекохъ духъ* (Псал. 118, 131.). И *зубы грѣшниковъ сокрушилъ еси* (Псал. 3, 8.). Ибо все сіе сказано о способностяхъ, служащихъ къ принятію мысленной пищи и мысленнаго слова. Подобны симъ реченія: *чрево мое болитъ мнѣ* (Іерем. 4, 19.), и: *нога праведнаго не поткнется* (Притч. 3, 23.). Ибо подобныя выраженія относятся къ внутреннему человѣку. На семъ же основаніи во внутреннемъ человѣкѣ можно представить себѣ и нѣкоторыя кости, которыми поддерживается связь и стройность между душевными силами. И какъ кости собственною твердостію ограждаютъ мягкость плоти; такъ и въ Церкви есть члены, которые, по своей твердости, могутъ носить на себѣ недостатки немощныхъ. И какъ кости соединяются между собою въ составъ сросшимися жилами и связями; такъ и союзъ любви и мира можетъ производить въ Церкви Божіей какое-то сращеніе и соединеніе костей духовныхъ. О сихъ-то костяхъ, лишенныхъ своего сочлененія и какъ бы вышед-

шихъ изъ составовъ, Пророкъ говоритъ: *расточишася кости наши при адѣ* (Псал. 140, 7.). И если когда объемлетъ ихъ смятеніе и трепетъ, то молится, говоря: *исцѣли мя, Господи, яко смятошася кости моя* (Псал. 6, 3.). Но когда кости сіи, хранимыя Господомъ, соблюдаютъ свою стройность; тогда ни одна изъ нихъ не сокрушится, а напротивъ, онѣ дѣлаются достойными возносить славу Богу. *Вся кости моя*, говоритъ Пророкъ, *рекутъ: Господи, Господи, кто подобенъ Тебѣ* (Псал. 34,10.)? Видишь ли естество костей, имѣющихъ и даръ слова? Можетъ быть, и Церковь скажетъ то же: *вся кости моя рекутъ*, относя сіе къ таинству воскресенія. Ибо сказано: *се глаголетъ Господь костемъ симъ: се Азъ введу въ васъ духъ животенъ и дамъ на васъ жилы, и возведу на васъ плоти, и оживете, и увѣсте, яко Азъ есмь Господь* (Іез. 37, 5. 6.). Сіи-то кости, восприявшія жизнь, и воздающія благодареніе Воскресившему, *рекутъ: Господи, Господи, кто подобенъ Тебѣ?*

Не безъ причины присовокуплено: (20) *смерть грѣшниковъ люта*, потому что есть смерть праведныхъ, но она не люта, по природѣ своей, а добра. Умершіе со Христомъ пріобщились благой смерти, и умершіе грѣху умерли смертію благою и спасительною. Между тѣмъ *смерть грѣшниковъ люта*. Ибо ихъ по смерти постигаетъ мученіе, какъ и богатаго, который *облачашеся въ порфиру и виссонъ, веселяся по вся дни свѣтло* (Лук. 16, 19).

И ненавидящіи праведнаго прегрѣшатъ. Они ненавидятъ праведника, потому что сами живутъ во

грѣхахъ, а нравы праведника, какъ прямизна правила, обличаютъ ихъ при сличеніи съ совершеннымъ. И поелику живутъ во грѣхахъ; то, страшась обличенія, ненавистно обращаются съ праведникомъ. А поелику ненавидятъ его: то обременяютъ себя новыми грѣхами. Но много предлоговъ, по которымъ можетъ быть ненавидимъ праведный. И свобода въ обличеніяхъ (потому что ненавидятъ *у вратъ наказующаго, и словомъ праведнымъ гнушаются*, (Амос. 5, 10.), и желаніе первенства, и любоначаліе подвигли многихъ ненавидѣть достойнѣйшихъ; а иногда то же производило и невѣдѣніе — что̀ такое праведникъ, и кто праведенъ?

Смерть грѣшниковъ люта. Можетъ быть, и цѣлую жизнь Пророкъ называетъ смертію; потому что Апостолъ назвалъ сію плоть смертію, сказавъ: *кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея* (Рим. 7, 24.)? А которые дѣлаютъ худое употребленіе изъ сего тѣла, и обращаютъ его на служеженіе всякому грѣху, тѣ приготовляютъ себѣ лютую смерть.

(23) *Избавитъ Господь души рабъ Своихъ, и не прегрѣшатъ вси уповающіи на Него.* Поелику созданные на служеніе Господу содержались въ плѣненіи у врага; то ихъ души и избавитъ Господь честною Своею кровію. Посему никто изъ уповающихъ на Него не будетъ истязанъ во грѣхахъ.

БЕСѢДА

НА ПСАЛОМЪ СОРОКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

(1) *Въ конецъ, о измѣняемыхъ* (а), *сыномъ Кореовымъ въ разумъ, пѣснь о возлюбленнѣмъ.*

Кажется, что и сей Псаломъ ведетъ къ усовершенствованію человѣческой природы, и тѣмъ, которые вознамѣрились жить добродѣтельно, доставляетъ пользу для сей предположенной цѣли. Ибо для преуспѣвающихъ нужно ученіе объ усовершенствованіи, какое предлагаетъ сей Псаломъ, имѣющій надписаніе: *въ конецъ, о измѣняемыхъ*, гдѣ подразумѣвается: о людяхъ; потому что мы изъ всѣхъ разумныхъ существъ наиболѣе подлежимъ ежедневнымъ, и почти ежечаснымъ, измѣненіямъ и превращеніямъ. Мы не бываемъ тождественны сами съ собою ни по тѣлу, ни по душевному расположенію. Напротивъ того, тѣло наше непрестанно течетъ и разсѣвается, находится въ постоянномъ движеніи и превращеніи, то возрастая изъ малаго въ большее, то сокращаясь изъ совершеннаго въ недостаточное. Ибо

(а) Съ Греческаго: о измѣнитися хотящихъ.

не одно и не то же съ новорожденнымъ младенцемъ отрокъ, который ходитъ въ училище, и способенъ понимать искусства и науки. И опять, безспорно, иное съ отрокомъ—подрастающій юноша, который уже въ силахъ приниматься за дѣла отважныя. И отъ юноши отличается мужъ крѣпостію и величиною тѣла и полнотою разума. И опять, пришедшій въ зрѣлость и достигшій постояннаго возраста начинаетъ мало по малу чувствовать лишенія; тѣлесная бодрость незамѣтно у него оскудѣваетъ, тѣлесныя силы слабѣютъ, пока согбенный старостію не дойдетъ до послѣдняго упадка силъ. Такъ мы измѣняемы; а потому Псаломъ симъ словомъ премудро дѣлаетъ намекъ на насъ человѣковъ. Ибо Ангелы не терпятъ измѣненія. Нѣтъ между ними ни отрока, ни юноши, ни старца, но въ какомъ состояніи сотворены въ началѣ, въ томъ они остаются, и составъ ихъ сохраняется чистымъ и неизмѣняемымъ. А мы измѣняемся и по тѣлу, какъ уже сказано, а также и по душѣ и по внутреннему человѣку, перемѣняя свои мысли вмѣстѣ съ предметами, непрестанно намъ встрѣчающимися. И мы инаковы, когда благодушествуемъ, когда все въ жизни идетъ у насъ удачно; инаковы въ обстоятельствахъ затруднительныхъ, когда встрѣчаемъ что-нибудь вопреки своему желанію. Мы измѣняемся и отъ гнѣва, принимая на себя какой-то звѣрскій видъ; измѣняемся и отъ вожделѣній, дѣлаясь скотоподобными чрезъ сластолюбивую жизнь. *Кони женонеистовни сотворишася* воспламененные страстію къ женѣ ближняго (Іер. 5, 8.). Коварный уподоб-

ляется *лису*, какъ Иродъ (Лук. 13, 32.). А безстыдный называется псомъ (б), какъ Навалъ Кармильскій. Видишь ли, какъ разнообразно и многовидно наше измѣненіе? Подивись же Тому, Кто такъ прилично примѣнилъ къ намъ сіе наименованіе! Посему, какъ мнѣ кажется, одинъ изъ толковниковъ (в) хорошо и удачно выразилъ ту же мысль другимъ наименованіемъ, вмѣсто: *о измѣняемыхъ*, сказавъ: о лиліяхъ. Скорое увяданіе цвѣтовъ почелъ онъ приличнымъ примѣнить къ бренности человѣческаго естества.

Но поелику слово поставлено въ будущемъ времени; ибо сказано: о тѣхъ, которые измѣнятся, какъ будто сіе измѣненіе произойдетъ съ нами въ послѣдствіи: то посмотримъ, не указываетъ ли оно намъ на мысль о воскресеніи, въ которомъ дано будетъ намъ измѣненіе, и измѣненіе въ состояніе лучшее и духовное? Ибо сказано: *сѣется въ тлѣніи, востаетъ въ нетлѣніи* (1 Кор. 15, 42—44.). Тогда измѣнится вмѣстѣ съ нами и вся чувственная тварь. Ибо и небеса *яко риза обетшаютъ*, и *яко одежду* свіетъ ихъ Богъ, и *измѣнятся* (Псал. 101, 27.). Тогда, по слову Исаіи, и солнце сдѣлается въ седмь кратъ больше себя самого, а луна величиною, какъ нынѣ солнце (Ис. 30, 26.). Поелику же словеса Божіи писаны не для всѣхъ, а только для тѣхъ, которые имѣютъ уши по внутреннему человѣку; то Пророкъ и

(б) 1 Цар. 25, 3. По Славянскому переводу: *человѣкъ звѣронравенъ*; у Седмидесяти: *ὁ ἄνθρωπος κυνικός*.

(в) Аквила.

надписалъ: о *измѣняемыхъ*, какъ думаю, о тѣхъ, которые заботятся о себѣ самихъ, и чрезъ упражненіе въ благочестіи непрестанно болѣе и болѣе преуспѣваютъ. Ибо это есть прекраснѣйшее измѣненіе, какое даруетъ намъ десница Вышняго. Такое измѣненіе сознавалъ въ себѣ и блаженный Давидъ, когда, вкусивъ благъ добродѣтели, простирался впередъ. Ибо что̀ говоритъ? *И рѣхъ: нынѣ начахъ: сія измѣна десницы Вышняго* (Пс. 76, 11.). Посему для преуспѣвающаго въ добродѣтели нѣтъ мгновенія, въ которое бы онъ не измѣнялся. Ибо сказано: *егда бѣхъ младенецъ, глаголахъ яко младенецъ, мудрствовахъ яко младенецъ, смышляхъ яко младенецъ: егда же быхъ мужъ, отвергохъ младенческая* (1 Кор. 13, 11.) И опять, сдѣлавшись мужемъ, не прекратилъ своей дѣятельности, но *задняя забывая, въ предняя же простираяся, къ намѣренному* текъ, *къ почести вышняго званія* (Филип. 2, 13. 14.). Посему и то — измѣненіе, когда внутренній человѣкъ со дня на день обновляется.

Поелику же Пророкъ хочетъ возвѣстить намъ о *Возлюбленнѣмъ*, Который принялъ на Себя домостроительство воплощенія для насъ достойныхъ такой милости; то говоритъ, что пѣснь сія дана *сыномъ Кореовымъ*. Ибо это пѣснь, а не псаломъ; и потому была передана однимъ голосомъ и только стройнымъ пѣніемъ, безъ сопровожденія звуками органа. *Пѣснь же о Возлюбленнѣмъ*. И толковать ли тебѣ, какого Возлюбленнаго разумѣетъ слово? Или и прежде моихъ словъ знаешь это, помня объ упоминаемомъ въ Евангеліи гласѣ: *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немже благоволихъ: Того*

послушайте (Матѳ. 17, 5.)? Онъ возлюбленъ Отцемъ, какъ Единородный; возлюбленъ всею тварію, какъ человѣколюбивый Отецъ и благій Предстатель. А возлюбленное и благое въ существѣ своемъ одно и то же. Поссму нѣкоторые хорошо опредѣлили, назвавъ благимъ то, чего всѣ желаютъ. Но не всякой можетъ достигнуть совершенства любви и познать истинно-Возлюбленнаго, а только тотъ, кто совлекся уже *ветхаго человѣка, тлѣющаго въ похотехъ прелестныхъ* (Ефес. 4, 22), и облекся *въ новаго, обновляемаго въ разумъ по образу Создавшаго* (Кол. 3, 10). Кто любитъ деньги, воспламеняется тлѣнною тѣлесною красотою, предпочитаетъ настоящую славу, тотъ, истощивъ силу любви, на что не слѣдовало, дѣлается слѣпъ къ созерцанію истинно-Возлюбленнаго. Посему сказано: *возлюбиши Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душею твоею, и всѣмъ умомъ твоимъ* (Марк. 12, 30). Слово *всѣмъ* не допускаетъ удѣленія любви на другіе предметы. Ибо сколько истратишь любви на земные предметы, столько, по необходимости, не достанетъ у тебя въ цѣломъ. Посему-то не многіе изъ людей наименованы друзьями Божіими, какъ Моисей, о которомъ написано, что онъ другъ Божій (Исх. 33, 11), и какъ Іоаннъ. Ибо сказано: *другъ Жениховъ, стоя, радостію радуется* (Іоан. 3, 29), то есть, кто имѣетъ твердую и непоколебимую любовь ко Христу, тотъ достоинъ Его дружбы. Посему и Господь уже достигшимъ совершенства ученикамъ говоритъ: *не ктому васъ глаголю рабы, но други, яко рабъ не вѣсть, что творитъ Господь его* (Іоан. 15, 15).

И такъ совершенному возможно познать истинно-Возлюбленнаго. И дѣйствительно, одни святые суть друзья Божіи и друзья другъ другу, а всякой порочный и невѣжда— не другъ; потому что блага дружбы не совмѣстны съ худымъ расположеніемъ сердца. Почему безобразное и нестройное не можетъ прійдти въ согласіе дружбы. Ибо зло противоборственно не только добру, но и самому себѣ.

Но уже приступимъ къ истолкованію пророческихъ словъ:

(2) *Отрыгну сердце мое слово благо.* Иные полагали, что сіе говорится отъ лица Отца о Словѣ, Которое было въ началѣ у Отца, и Которое, говорятъ они, Отецъ извелъ какъ бы изъ сердца, изъ самой утробы; и отъ благаго сердца произошло *Слово благо.* А мнѣ кажется, что слова сіи относятся къ лицу Пророческому; потому что послѣдующія слова не оправдываютъ сего толкованія объ Отцѣ. Отецъ не могъ бы сказать о Своемъ языкѣ: *языкъ Мой трость книжника скорописца.* (3) *Красенъ добротою паче сыновъ человѣческихъ.* Потому что не сравнительно съ человѣками имѣетъ Онъ превосходство красоты. И далѣе говоритъ: (8) *сего ради помаза Тя, Боже, Богъ Твой елеемъ радости.* Не сказалъ: *помазахъ* Тя Богъ Твой, но— *помаза* Тя; изъ чего видно, что иное есть лице говорящее. Кто же это лице, какъ не Пророкъ, ощутившій дѣйствіе на него Духа Святаго? Онъ говоритъ: *отрыгну сердце мое слово благо.* Отрыжка есть внутренній воздухъ, при вареніи пищи изъ расторгшихся пузырьковъ поднимающійся вверхъ: и напитанный хлѣбомъ живымъ, сшедшимъ съ не-

беси и дающимъ жизнь міру, насыщенный всякимъ глаголомъ, исходящимъ изъ устъ Божіихъ, то есть, по обыкновенному въ Писаніи иносказанію, душа напитанная священными ученіями, даетъ отрыжку сообразную пищѣ. А какъ пища была словесная и добрая; то Пророкъ отрыгаетъ *слово благо. Благій человѣкъ отъ благаго сокровища* сердца своего *износитъ благое* (Мато. 12, 35). Будемъ и мы искать пищи въ словѣ къ насыщенію душъ своихъ (ибо сказано: *праведный ядый насытитъ душу свою*, Прит. 13, 26), чтобы сообразно съ тѣмъ, что̀ напитало насъ, произносить намъ не какое либо слово, но *слово благо*. Человѣкъ лукавый, напитанный нечестивыми ученіями, отрыгаетъ изъ сердца слово лукавое. Не видишь ли, что̀ отрыгаютъ уста еретиковъ? Подлинно нѣчто отвратительное и смрадное, изобличающее, какъ сильна и глубока болѣзнь сихъ несчастныхъ! Ибо *лукавый человѣкъ отъ лукаваго сокровища* сердца своего *износитъ лукавая*. Посему, *чешемь слухомъ* (2 Тим. 4, 3), не избирай себѣ такихъ учителей, которые могутъ произвести болѣзнь въ твоей внутренности, и сдѣлать, что отрыгнешь слова лукавыя, за которыя будешь осужденъ въ день суда. Ибо сказано: *отъ словесъ своихъ оправдишися, и отъ словесъ своихъ осудишися* (Мато. 12, 37.).

Глаголю азъ дѣла моя Цареви. И сіе изреченіе, конечно, ведетъ насъ къ мысли о лицѣ Пророческомъ. *Глаголю азъ дѣла моя Цареви*,—это значитъ: признаюсь предъ судіею, и обнаруженіемъ собственныхъ дѣлъ своихъ предварю обвинителя. Ибо мы пріяли такую заповѣдь: *глаголи ты без-*

законія твоя прежде, да оправдишися (Иса. 43, 26.). *Языкъ мой трость книжника скорописца.* Какъ трость есть орудіе письменности, когда опытная рука движетъ ею для начертанія написуемаго: такъ и языкъ праведника, когда Святый Духъ имъ движетъ, погружаемый не въ чернилѣ, но въ Духѣ Бога Живаго, на сердцахъ вѣрующихъ написываетъ слова вѣчной жизни. Посему Духъ Святый есть *книжникъ*, потому что премудръ и всѣхъ научаетъ, и *скорописецъ*, потому что быстро движеніе мысли. Пишетъ же въ насъ Духъ помышленія, *не на скрижалѣхъ каменныхъ, но на скрижалѣхъ сердца плотяныхъ* (2 Кор. 3, 3.). А по мѣрѣ широты сердца, Духъ пишетъ на сердцахъ болѣе или менѣе; по мѣрѣ предуготовительной чистоты, пишетъ или для всѣхъ явственно, или неявственно. По скорости же написуемаго, цѣлая уже вселенная наполнена благовѣстіемъ.

Слѣдующія же за симъ слова, кажется мнѣ, должно принять за начало особой рѣчи, и не связывать ихъ съ предъидущими, но приложить къ послѣдующимъ. Ибо слова: *красенъ добротою*, какъ думаю, чрезъ обращеніе говорящаго, сказаны ко Господу.

(3) *Красенъ добротою паче сыновъ человѣческихъ, изліяся благодать во устнахъ Твоихъ.* Къ этой мысли приводятъ насъ Аквила и Симмахъ. Первый говоритъ: Ты украшенъ красотою паче сыновъ человѣческихъ; а Симмахъ: Ты прекрасенъ красотою паче сыновъ человѣческихъ. Посему *краснымъ добротою* Пророкъ называетъ Господа, проникнувъ въ Его Божество, потому что воспѣваетъ

не красоту Его плоти. Ибо *видѣхомъ Его, и не имяше вида, ни доброты: но видъ Его безчестенъ, умаленъ паче всѣхъ сыновъ человѣческихъ* (Иса. 53, 3.). Изъ сего явно, что Пророкъ, созерцая свѣтозарность Господа, и объятый ея сіяніемъ, душевно уязвленный сею добротою, подвигся божественною любовію къ мысленной красотѣ. А когда она явится душѣ человѣческой, тогда все дотолѣ любимое окажется гнуснымъ и презрѣннымъ. Посему и Павелъ, когда увидѣлъ *Краснаго добротою, вся вмѣнилъ за уметы, да Христа пріобрящетъ* (Филип. 3, 8.). И хотя чуждые слову истины проповѣдь Евангельскую называютъ юродствомъ, уничижая за простоту рѣчи въ Писаніи: но мы, которые хвалимся крестомъ Христовымъ, которымъ открыто Духомъ, *яже отъ Бога дарованная намъ, не въ наученыхъ человѣческія премудрости словесѣхъ* (1 Кор. 2, 13), мы знаемъ, что въ ученіи о Христѣ изліялось на насъ отъ Бога богатство благодати. Посему-то въ короткое время проповѣдь обтекла почти цѣлую вселенную; ибо обильная и щедрая благодать излита на проповѣдниковъ Евангелія, которыхъ Писаніе наименовало и *устнами* Христовыми. Посему-то проповѣдь Евангельская въ своихъ, презираемыхъ иными, реченіяхъ заключаетъ много убѣдительнаго и влекущаго ко спасенію. И всякая душа препобѣждается непреложными догматами, будучи утверждаема благодатію въ непоколебимой вѣрѣ во Христа. Посему и говоритъ Апостолъ: *Имже пріяхомъ благодать и апостольство въ послушаніе вѣры* (Рим. 1, 5.). И еще: *паче всѣхъ ихъ потрудихся, не азъ же,*

но благодать Божія, яже со мною (1 Кор. 15, 10.).

Изліяся благодать во устнахъ Твоихъ: сего ради благослови Тя Богъ во вѣкъ. Въ Евангеліи написано, что *дивляхуся о словесѣхъ благодати, исходящихъ изъ устъ Его* (Лук. 4, 22.). Посему Псаломъ, чтобы яснѣе представить множество благодати въ словахъ Господа нашего, выразительно говоритъ: *изліяся благодать во устнахъ Твоихъ.* По неистощимости благодати въ словѣ, *благослови Тя,* сказано, *Богъ во вѣкъ.* Очевидно, что сіе должно относить къ человѣчеству, такъ какъ оно преспѣваетъ *премудростію и возрастомъ и благодатію* (Лук. 2, 52.). Относительно къ одному человѣчеству разумѣемъ, что благодать дана Ему, какъ награда за Его доблести. Подобное сему выражается въ словахъ: (8) *возлюбилъ еси правду, и возненавидѣлъ еси беззаконіе: сего ради помаза Тя, Боже, Богъ Твой елеемъ радости паче причастникъ Твоихъ.* Близко къ сему и написанное Павломъ къ Филиппійцамъ: *смирилъ Себе, послушливъ бывъ даже до смерти, смерти же крестныя. Тѣмже и Богъ Его превознесе* (2, 8. 9.). Изъ сего видно, что сіе говорится о Спасителѣ, какъ о человѣкѣ. Или, поелику Церковь—тѣло Господне, и Господь—Глава Церкви; и какъ служители небеснаго слова, по сказанному выше, суть *устнѣ* Христовы (напр. Павелъ имѣлъ глаголющаго въ себѣ Христа 2 Кор. 13, 3, а то же имѣетъ и всякій подобный Павлу по добродѣтели), такъ и всѣ мы вѣрующіе, каждый самъ по себѣ, составляемъ прочіе члены тѣла Христова: то не погрѣшитъ, кто благослове-

ніе, данное Церкви, отнесетъ къ самому Господу. Посему слова: *благослови Тя Богъ,* значатъ: члены Твои и тѣло Твое исполнилъ Богъ Своими благами во вѣкъ, то есть до безконечности.

(4) *Препояши мечь Твой по бедрѣ Твоей, Сильне,* (5) *Красотою Твоею и добротою Твоею.* Думаемъ, что сіе въ переносномъ смыслѣ относится къ живому Слову Божію, чтобы Оно соединилось съ плотію, къ Слову, которое *дѣйственно и острѣйше паче всякаго меча обоюду остра, и проходящее даже до раздѣленія души же и духа, членовъ же и мозговъ, и судительно помышленіемъ и мыслемъ сердечнымъ* (Евр. 4, 12.). Ибо бедро есть символъ родотворной силы. Сказано: сіи души, яже *изыдоша изъ чреслъ* Іакова (Быт. 46, 26.). Посему Господь нашъ Іисусъ Христосъ, какъ есть жизнь, путь, хлѣбъ, виноградная лоза, истинный свѣтъ, и именуется другими многими именами, такъ есть и мечъ, который отсѣкаетъ страстную часть души и убиваетъ похотливыя движенія. Потомъ, поелику Богъ-Слово имѣлъ вступить въ соединеніе съ немощію плоти, то весьма кстати присовокуплено: *Сильне.* Ибо это — величайшее доказательство силы, что Богъ возмогъ быть въ человѣческомъ естествѣ. Силу Слова-Бога не столько доказываетъ созданіе неба, земли, моря, воздуха, произведеніе величайшихъ стихій, и все, что̀ ни представимъ премірнаго и преисподняго, сколько домостроительство вочеловѣченія и снисхожденіе къ уничиженному и немощному человѣчеству. *Красотою Твоею и добротою Твоею.* Красота отлична отъ доброты. Красивымъ называется, что̀ въ свое время пришло въ

полную свою зрѣлость. Такъ прекрасна пшеница, когда поспѣла для жатвы. Прекрасенъ плодъ виноградный, когда онъ съ теченіемъ годовыхъ временъ, переваривъ въ себѣ соки, достигъ совершенства и сталъ годенъ къ наслажденію. А доброта есть стройность въ сложеніи членовъ, производящая собою привлекательность. *Препояши мечъ Твой по бедрѣ Твоей, Сильне, красотою Твоею,* то есть при исполненіи временъ, и *добротою Твоею*, то есть, созерцаемымъ и умопредставляемымъ Божествомъ. Ибо Оно дѣйствительно есть *доброта*, превышающая все разумѣніе человѣческое и всѣ силы человѣческія, и созерцаемая однимъ умомъ. Познали *доброту* Его ученики Его, которымъ Онъ наединѣ разрѣшалъ притчи. Видѣли *доброту* Его Петръ и сыны Громовы на горѣ, видѣли *доброту*, которая была свѣтлѣе свѣтлости солнечной, и удостоились узрѣть очами предначатіе славнаго Его пришествія.

И наляцы, и успѣвай, и царствуй. То есть, начавъ попеченіе свое о человѣкахъ воплощеніемъ, содѣлай сіе попеченіе усильнымъ, непрерывнымъ и неослабнымъ. Это проложитъ путь и доставитъ успѣхъ проповѣди, и всѣхъ покоритъ Твоему царству. Да не удивляетъ же насъ, что говорится повелительно: *успѣвай*, по обыкновенію Писанія, которое всегда такъ выражаетъ желанія. *Да будетъ воля Твоя,* вмѣсто — буди. *Да пріидетъ царствіе Твое,* вмѣсто— пріиди.

Истины ради и кротости и правды: и наставитъ Тя дивно десница Твоя. Опять слово употребляетъ подобный прежнему оборотъ рѣчи,

будто бы это, то есть успѣвать и царствовать, Господь пріемлетъ въ награду за истину и кротость и правду. Должно же разумѣть сіе такъ: поелику у людей все превращено ложью; то, чтобы посѣять истину, царствуй надъ человѣками, надъ которыми царствуетъ грѣхъ, ибо Ты—Истина. *Кротости ради,* — чтобы Твоимъ примѣромъ всѣ были приведены къ справедливости и благости. Посему-то Господь сказалъ: *научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ* (Матѳ. 11, 29.). Доказательство же кротости представилъ въ Своихъ дѣлахъ: укоряемый — молчалъ; ударяемый—терпѣлъ. *И наставитъ Тя дивно десница Твоя*; не столпъ облачный, не огненное озареніе, но собственная десница Твоя будетъ Твоимъ путеводствомъ.

(6) *Стрѣлы Твоя изощрены, Сильне.* Изощренныя стрѣлы Сильнаго—это мѣткія слова, которыя, достигая до сердца слушателей, поражаютъ и уязвляютъ чувствительныя души. Ибо сказано: *словеса мудрыхъ, якоже остны воловыя* (Еккл. 12, 11.). Посему и Псалмопѣвецъ, молясь нѣкогда объ избавленіи его отъ современныхъ коварныхъ людей, въ уврачеваніе *языка льстива* проситъ *изощренныхъ стрѣлъ Сильнаго.* Но проситъ также и *углей пустынныхъ* (Псал. 119, 4.), чтобы кого, по окаменѣнію сердца, не касаются стрѣлы слова, для тѣхъ готово было мученіе, которое и назвалъ *углями пустынными.* Для тѣхъ, которые сами себя лишили Бога, необходимо уготовленіе пустынныхъ углей. Нынѣ же *стрѣлы Твоя изощрены.* Сими стрѣлами уязвляются души, воспріявшія

вѣру и распаленныя сильною любовію къ Богу. Онѣ говорятъ подобно невѣстѣ: *уязвлена есмь любовію азъ* (Пѣсн. Пѣсн. 2, 5). Неисповѣдимая же и неизреченная доброта Слова— это красота премудрости, и зракъ Божій во образѣ Его. Посему блаженны любозрители истинной доброты. Какъ привязанные къ ней любовію, и воспламеняя въ себѣ любовь небесную и блаженную, они забываютъ родныхъ и друзей, забываютъ свой домъ и имѣніе, не помнятъ даже о тѣлесной потребности ѣсть и пить, но преданы единой и чистой любви. Подъ изощренными стрѣлами можешь разумѣть и посланныхъ сѣять Евангеліе въ цѣлой вселенной; они по своей изощренности сіяли дѣлами правды и неощутительно проникали въ души поучаемыхъ. Сіи-то стрѣлы, посланныя повсюду, пріуготовили народы къ тому, что они пали къ стопамъ Христовымъ. Но мнѣ кажется, что съ большею послѣдовательностію мыслей возстановится рѣчь чрезъ перестановку словъ, такъ что выйдетъ слѣдующій смыслъ: *наляцы, и успѣвай, и царствуй, и наставитъ Тя дивно десница Твоя, и людіе подъ Тобою падутъ*; потому что *стрѣлы Твоя изощрены въ сердцы врагъ Царевыхъ*. Ни одинъ богоборецъ, и кичливый, и гордый, не падаетъ ницъ предъ Богомъ; но падаютъ тѣ, которые пріяли послушаніе вѣры. Стрѣлы же, падшія въ сердца прежде бывшихъ враговъ Царевыхъ, влекутъ ихъ къ желанію истины, влекутъ ихъ ко Господу, чтобы бывшіе врагами Богу примирились съ Нимъ по наученіи.

(7) *Престолъ Твой, Боже, въ вѣкъ вѣка: жезлъ правости, жезлъ царствія Твоего.* (8) *Возлюбилъ*

еси правду, *и возненавидѣлъ еси беззаконіе: сего ради помаза Тя, Боже, Богъ Твой елеемъ радости паче причастникъ Твоихъ.* Поелику Пророкъ много уже говорилъ, обращаясь къ человѣчеству во Христѣ, то возводитъ теперь слово свое на высоту славы Единороднаго. *Престолъ Твой, Боже*, говоритъ онъ, *въ вѣкъ вѣка*, то есть, царство Твое за предѣлами вѣковъ и упреждаетъ собою всякую мысль. И весьма кстати, по покореніи народовъ, Пророкъ воспѣваетъ великолѣпіе царства Божія. *Жезлъ правости, жезлъ царствія Твоего.* Для того Пророкъ и далъ Ему собственное Его именованіе, ясно назвавъ Богомъ: *престолъ Твой, Боже.* Жезлъ Божій есть жезлъ вразумляющій. Но вразумляя, ведетъ за собою суды правые, а не уклоняющіеся отъ правды. Посему *жезлъ царствія* Его и называется *жезломъ правости. Аще оставятъ сынове Его законъ Мой, и въ судьбахъ Моихъ не пойдутъ: посѣщу жезломъ беззаконія ихъ* (Пс. 88, 31. 33.). Видишь ли праведный судъ Божій? Не на всякаго употребляется жезлъ, но только на грѣшниковъ. Но жезлъ сей называется и жезломъ утѣшенія. Ибо сказано: *жезлъ Твой и палица Твоя, та Мя утѣшиста* (Пс. 22, 4.). Онъ называется также и жезломъ сокрушенія: *упасеши я жезломъ желѣзнымъ, яко сосудъ скудельничь сокрушиши я* (Пс. 2, 9.). Но перстное и бренное сокрушается ко благу пасомыхъ, такъ какъ предается *во изможденіе плоти*, *да духъ спасется* (1 Кор. 5, 5.).

Сего ради помаза Тя, Боже, Богъ Твой елеемъ радости паче причастникъ Твоихъ. Поелику прообразовательное помазаніе долженствовало указы-

вать на то, что самые архіереи и цари служили также прообразованіемъ; то плоть Господня была помазана истиннымъ помазаніемъ, сошествіемъ на нее Святаго Духа, Который именуется *елеемъ радости*. Господь же помазанъ *паче причастникъ Своихъ*, то есть, болѣе всѣхъ людей, имѣющихъ участіе со Христомъ. Ибо имъ дается нѣкоторое частное общеніе Духа: на Сына же Божія сошедшій Духъ Святый, какъ говоритъ Іоаннъ, *пребысть на Немъ* (Іоан. 1, 32.). Прекрасно Духъ именуется *елеемъ радости*. Ибо одинъ изъ плодовъ, возращаемыхъ Духомъ Святымъ, есть радость. Поелику же слово о Спаситель у Пророка касается вмѣстѣ и Божескаго естества, и домостроительства вочеловѣченія; то, опять обращая взоры на человѣчество Бога, говоритъ: *возлюбилъ еси правду, и возненавидѣлъ еси беззаконіе*, желая тѣмъ сказать: прочіе люди трудами, подвигами, внимательностію достигаютъ нерѣдко расположенія къ добру, и отвращенія отъ зла; а въ Тебѣ есть естественное сродство съ добромъ и отчужденіе отъ беззаконія. Но и намъ, если захотимъ, не трудно пріобрѣсть любовь къ правдѣ и ненависть къ беззаконію. Ибо на пользу разумной душѣ даровалъ Богъ всѣ способности, какъ способность любить, такъ и способность ненавидѣть, чтобы управляемые разумомъ любили мы добродѣтель, и ненавидѣли порокъ. Бываютъ же случаи, когда похвально оказывать ненависть. *Не ненавидящія ли Тя, Господи, возненавидѣхъ; и о вразѣхъ Твоихъ истаяхъ? Совершенною ненавистію возненавидѣхъ я* (Пс. 138, 21. 22.).

(9) *Смирна и стакти и касіа отъ ризъ Твоихъ, отъ тяжестей слоновыхъ, изъ нихже возвеселиша Тя* (10) *Дщери царей въ чести Твоей.* Пророческое слово, нисходя по порядку, и описавъ предварительно дѣла домостроительства, при озареніи Духа, открывающаго Пророку сокровенное, доходитъ наконецъ до страданій. Сказано: *смирна и стакти и касіа отъ ризъ Твоихъ.* Что смирна есть символъ погребенія, научаетъ насъ Евангелистъ Іоаннъ, сказывая, что Іосифъ Аримаѳейскій при погребеніи употребилъ смирну и алое (Іоан. 19, 32.). А стакти есть тончайшій видъ смирны. При выжиманіи сего благовоннаго вещества, что̀ бываетъ въ немъ жидкаго, отдѣляется въ стакти, а что̀ остается густаго, называется смирною. Посему и благоуханіе Христово благоухаетъ какъ смирна, по причинѣ Его страданій, и какъ стакти, потому что Онъ не недвижимъ и не бездѣйственъ оставался въ продолженіе трехъ дней и трехъ ночей, но нисходилъ во адъ ради домостроительства воскресенія, чтобы исполнить все, что̀ Ему надлежало. Благоухаетъ же касіею; потому что касія есть весьма тонкая и благовонная кора, облекающая собою древесный стволъ. И можно думать, что Пророческое слово именемъ касіи глубокомысленно и премудро указало намъ на крестное страданіе, воспріятое въ благодѣяніе всей твари. Посему видишь смирну, по причинѣ погребенія, — стакти, по причинѣ сошествія во адъ (ибо каждая ея капля стремится внизъ), и касію, по причинѣ домостроительства, совершеннаго плотію на крестѣ.

По сей-то причинѣ говоритъ Пророкъ: *возвеселиша Тя дщери царей въ чести Твоей.* Но какія же это дщери царей, какъ не благородныя, великія и царственныя души? Познавъ Христа по нисхожденію Его къ человѣчеству, онѣ *возвеселиша* Его *въ чести* Его, въ истинной вѣрѣ и совершенной любви, прославляя Его Божество. О благоуханіяхъ же сихъ, то есть, о приточномъ словѣ и объ устроеніи ученій, Пророкъ говоритъ, что они не скудны были на ризахъ Христовыхъ, но разносились по всѣмъ зданіямъ. Ибо подъ *тяжестями* разумѣетъ огромные домы; а тѣмъ, что они были построены изъ слоновой кости, какъ думаю, показываетъ богатство любви Христовой къ міру.

Предста царица одесную Тебе, въ ризахъ позлащенныхъ одѣяна преиспещрена. Пророкъ говоритъ уже о Церкви, о которой узнаемъ изъ Пѣсни Пѣсней (6, 8.), что *едина есть совершенная голубица* Христова, которая пріемлетъ на десную страну Христову содѣлавшихся извѣстными по своимъ добрымъ дѣламъ, различая ихъ отъ людей негодныхъ, какъ пастырь отличаетъ овецъ отъ козлищъ. Итакъ предстоитъ царица, то есть душа, сочетанная съ Женихомъ-Словомъ, не обладаемая грѣхомъ, но содѣлавшаяся причастницею царства Христова, предстоитъ одесную Спасителя въ ризахъ позлащенныхъ, то есть великолѣпно и священнолѣпно украшающая себя ученіями духовными, сотканными и преиспещренными. Поелику догматы—не одного рода, но различны и многообразны, объемлютъ собою ученія естественныя, нравственныя и

таинственныя; то Псаломъ говоритъ, что ризы невѣсты преиспещренны.

(11) *Слыши, дщи, и виждь, и приклони ухо твое, и забуди люди твоя и домъ отца твоего.* (12) *И возжелаетъ Царь доброты твоея: зане Той есть Господь твой, и поклонятся* (г) *Ему.* Призываетъ Церковь къ слышанію и исполненію заповѣдуемаго, и называя ее дщерію, симъ наименованіемъ вводитъ въ свойство съ Собою, какъ бы по любви присвояя ей право быть чадомъ. *Слыши, дщи, и виждь.* Словомъ *виждь* учитъ ее имѣть умъ пріобученный къ созерцанію. Обозри тварь, и воспользовавшись порядкомъ въ ней видимымъ, восходи такимъ образомъ къ созерцанію Творца. Потомъ, смиряя ей высокую выю гордыни, говоритъ: *приклони ухо твое.* Не прибѣгай къ языческимъ вымысламъ, но пріими смиренное слово въ Евангельскомъ ученіи. *Приклони ухо твое* къ преподаваемымъ въ немъ наставленіямъ, чтобы забыть тѣ дурные обычаи и отеческія ученія. Посему *забуди люди твоя, и домъ отца твоего.* Ибо всякой *творяй грѣхъ, отъ діавола есть* (1 Іоан. 3, 8.). Отринь ученія демонскія, забудь жертвы, ночныя ликовствованія, басни разжигающія на блудодѣяніе и на всякую нечистоту. Для того наименовалъ Я тебя Своею дочерью, чтобы ты возненавидѣла прежняго отца своего, который родилъ тебя на погибель. Если забвеніемъ сгладишь съ себя пятна лукавыхъ ученій; то, возвративъ себѣ собствен-

---

(г) У Седмидесяти и въ Славянскомъ переводѣ читается: *и поклонишися Ему.*

ную свою красоту, окажешься вожделѣнною для Жениха и Царя. *Зане Той есть Господь твой, и поклонятся Ему.* Словами: *Той есть Господь твой,* Пророкъ показываетъ необходимость повиновенія. Поклонятся же Ему всѣ твари. Ибо *о имени* Іиса Христа *всяко колѣно поклонится небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ* (Фил. 2, 10.).

(13) *И дщи Тирова съ дары: лицу твоему помолятся богатіи людстіи.* Кажется, что въ Хананейской странѣ идолопоклонству предавались съ особеннымъ усердіемъ. А главный городъ Хананеи—Тиръ. Посему пророческое слово, убѣждая Церковь къ повиновенію, говоритъ, что и *дщи Тирова* пріидетъ нѣкогда съ дарами. *И лицу твоему богатіи людстіи* поклонятся *съ дары.* Не сказалъ: тебѣ поклонятся съ дары, но—*лицу твоему.* Ибо не Церковь пріемлетъ поклоненіе, но глава Церкви—Христосъ, Котораго Писаніе наименовало Лицемъ.

(14) *Вся слава дщери Царевы внутрь: рясны златыми одѣяна, и преиспещрена.* (15) *Приведутся Царю дѣвы въ слѣдъ ея.* Поелику она очистилась отъ лукавства древнихъ ученій, повинуясь наставленію, забывъ *люди своя и домъ отца своего;* то Духъ Святый описываетъ ея качества. И поелику видитъ сокровенную ея чистоту; то говоритъ: *вся слава дщери Царевы,* то есть Христовой невѣсты, которая чрезъ сыноположеніе стала уже дщерію Царя, *внутрь.* Псаломъ убѣждаетъ насъ вступить во внутреннѣйшія тайны славы Церковной; потому что красота невѣсты есть внутренняя. Ибо кто благоукрашаетъ себя для Отца, видящаго

въ тайнѣ (Матѳ. 6, 4.), и молится, и все дѣлаетъ не на показъ людямъ, но чтобы только быть видимымъ Единому Богу, тотъ имѣетъ всю славу *внутрь*, какъ и дщерь Царева. Посему и *рясны златыя*, которыми она *одѣяна и преиспещрена*, также *внутрь*. Ничего не ищи въ наружномъ золотѣ, или въ тѣлесномъ преиспещреніи, но представь себѣ одѣяніе, достойное украшать созданнаго по образу Творца, какъ говоритъ Апостолъ: *совлекшеся ветхаго человѣка, и облекшеся въ новаго, обновляемаго въ разумъ по образу Создавшаго* (Кол. 3, 9. 10.). И кто облекся *во утробы щедротъ, благость, смиренномудріе, долготерпѣніе, кротость* (12), тотъ облеченъ внутренно, украшенъ по внутреннему человѣку. И Господомъ Іисусомъ совѣтуетъ облещися Павелъ (Рим. 13, 14.) не по внѣшнему человѣку, но такъ, чтобы умъ нашъ покрывало памятованіе о Богѣ. И думаю, что тогда изготовляется ткань духовной одежды, когда къ назидательному слову присовокупляются и дѣла съ нимъ сообразныя. Какъ, въ основу вплетая утокъ, ткутъ одежду для тѣла; такъ, когда за предваряющимъ словомъ слѣдуютъ сообразныя съ нимъ дѣла, уготовляется симъ благолѣпная одежда душѣ, имѣющей вполнѣ и словомъ и дѣломъ добродѣтельную жизнь. А рясны привѣшиваютъ къ одеждѣ; и ихъ должно понимать также въ духовномъ смыслѣ; почему и называются онѣ златыми. Поелику слово обширнѣе дѣла; то оно составляетъ какъ бы нѣкія рясны, которыя спущены внизъ съ ткани дѣятельности. За невѣстою же Господнею слѣдуютъ нѣкоторыя души, не прі

явшія въ себя сѣменъ чуждаго ученія; и онѣ-то приведутся къ Царю, сопровождая невѣсту. Да слышатъ же давшія Господу обѣтъ дѣвства, что дѣвы приведутся къ Царю, но дѣвы, которыя близки къ Церкви, слѣдуютъ за нею, а не уклоняются отъ церковнаго благочинія!

(16) *Приведутся же дѣвы въ веселіи и радованіи, введутся въ храмъ Царевъ.* Не тѣ, которыя по принужденію соблюдали дѣвство, не тѣ, которыя по скорби или по нуждѣ вступили въ честную жизнь, но которыя *въ веселіи и радованіи* услаждаются таковымъ преспѣяніемъ, тѣ *приведутся Царю*, и *введутся*, не въ какое нибудь обыкновенное мѣсто, но *въ храмъ Царевъ*. Ибо сіи священные сосуды, которыхъ не осквернило человѣческое употребленіе, будутъ внесены во святая святыхъ, и дано имъ будетъ право имѣть доступъ въ самое святилище, котораго не будутъ попирать ноги нечистыя. А какъ важно быть введеннымъ въ храмъ Царевъ, показываетъ Пророкъ, когда молится о себѣ и говоритъ: *едино просихъ отъ Господа, то взыщу. Еже жити ми въ дому Господни вся дни живота моего, зрѣти ми красоту Господню, и посѣщати храмъ святый Его* (Пс. 26, 4.).

(17) *Вмѣсто отецъ твоихъ быша сынове твои: поставиши я князи по всей земли.* Поелику выше повелѣно забыть люди и домъ отца: то теперь, въ награду за послушаніе, *вмѣсто отецъ* получаетъ сыновей, и сыновей украшенныхъ такими достоинствами, что они поставляются князьями *по всей земли*. Кто же сіи сыны Царевы? Это

сыны Евангелія, которые возобладали всею землею. Ибо сказано: *во всю землю изыде вѣщаніе ихъ* (Рим. 10, 12.). И: сядутъ *на двоюнадесяте престолу, судяще обѣманадесяте колѣнома Израилевома* (Матѳ. 19, 28.). А если подъ отцами невѣсты разумѣетъ кто Патріарховъ; то и въ такомъ случаѣ рѣчь не мимо идетъ Апостоловъ. Ибо вмѣсто Патріарховъ родились у ней сыны во Христѣ, творящіе дѣла Авраамовы, которые признаются равночестными Патріархамъ, потому что совершили подобныя имъ дѣла, за каковыя и отцы удостоились великихъ почестей. Святые же суть князи всея земли, по свойству съ добродѣтелію, такъ какъ добродѣтель, по самому существу своему, даетъ первенство, какъ Іакову дала власть надъ Исавомъ. Ибо сказано: *буди господинъ брату твоему* (Быт. 27, 29.). Посему тѣ, которые содѣлались равночестными Отцамъ и подвижничествомъ добродѣтели пріобрѣли надъ всѣми превосходство, суть сыны невѣсты Христовой, и матерью своею поставляются *князи по всей земли*. Смотри же, какъ велика власть Царицы, — это власть рукополагать князей по всей землѣ.

(18) *Помяну имя Твое во всякомъ родѣ и родѣ; сего ради людіе исповѣдятся Тебѣ въ вѣкъ, и во вѣкъ вѣка*. Въ заключеніе всего рѣчь предлагается какъ бы отъ лица самой Церкви: *помяну имя Твое во всякомъ родѣ и родѣ*. Какое же это поминовеніе Церкви? Это — исповѣданіе народовъ.

БЕСѢДА

НА ПСАЛОМЪ СОРОКЪ ПЯТЫЙ.

(1) *Въ конецъ*, о *сынѣхъ Кореовыхъ*, о *тайныхъ*, *Псаломъ*.

Мнѣ кажется, что сей Псаломъ заключаетъ въ себѣ пророчество о событіяхъ при кончинѣ. Сію кончину зная, и Павелъ говоритъ: *таже кончина, егда предастъ царство Богу и Отцу* (1 Кор. 15, 24.). Или, поелику дѣла наши приводятъ насъ къ концу, и каждое дѣло къ концу ему свойственному, доброе — къ блаженству, а злое — къ вѣчному осужденію; наставленія же, преподанныя Духомъ въ семъ Псалмѣ, послушныхъ приводятъ къ доброму концу: то по сей причинѣ Псаломъ надписанъ: *въ конецъ*, то есть, по отношенію ученій къ блаженному концу человѣческой жизни.

О сынѣхъ Кореовыхъ. И сей Псаломъ сказанъ сынамъ Кореовымъ, которыхъ Духъ Святый не раздѣляетъ, потому что они, какъ бы единодушно и единогласно, въ совершенномъ согласіи другъ съ другомъ, произносили пророческіе глаголы, и ни одинъ изъ нихъ не пророчествовалъ ничего

особеннаго предъ прочими, но всѣмъ дано было равное пророческое дарованіе, по причинѣ равнаго у одного съ другимъ расположенія къ добру.

Псаломъ же сказывается *о тайныхъ*, то есть, о неизреченномъ и о сокровенномъ втайнѣ. Разобравъ же порознь реченія Псалма, узнаешь и сокровенный смыслъ словъ и то, что не всякому можно простирать взоръ въ Божественныя тайны, а только способному содѣлаться такимъ стройнымъ органомъ обѣтованія, чтобы, вмѣсто псалтиря, душа его приводилась въ движеніе дѣйствіемъ на нее Святаго Духа.

(2) *Богъ намъ прибѣжище и сила, помощникъ въ скорбехъ обрѣтшихъ ны зѣло.* Всякой человѣкъ имѣетъ нужду въ великой помощи, потому что, по немощи естественно въ немъ находящейся, съ нимъ встрѣчается много горестнаго и труднаго. Посему, ища убѣжища отъ всѣхъ бѣдствій, какъ бы удаляясь въ безопасное мѣсто, или, по причинѣ непріятельскаго нашествія, укрываясь на какой-то острой вершинѣ горы, окруженной крѣпкою стѣною, прибѣгаетъ онъ къ Богу, только пребываніе въ Немъ признавая для себя упокоеніемъ. Но хотя всѣ согласны въ томъ, что прибѣжище наше въ Богѣ; однако же врагъ вводитъ людей во многія заблужденія и затрудненія при избраніи спасителя. Ибо уловляетъ ихъ въ засаду, какъ непріятель, и уловленныхъ опять обольщаетъ мыслію прибѣгать къ нему, какъ къ хранителю; потому людямъ предстоитъ двоякое бѣдствіе, или быть насильственно взятыми въ плѣнъ, или погибнуть отъ обольщенія. Отъ сего невѣрные при-

бѣгаютъ къ демонамъ и идоламъ, утративъ вѣдѣніе истиннаго Бога, по причинѣ произведенной въ нихъ діаволомъ слитности понятій. Да и знающіе Бога погрѣшаютъ въ различеніи вещей, поступая невѣжественно при прошеніи себѣ полезнаго, одного прося какъ блага, хотя то часто не служитъ имъ на пользу, и отъ другаго уклоняясь какъ отъ зла, хотя это принесло бы имъ иногда и много пользы. Напримѣръ: боленъ ли кто? Избѣгая тягостей болѣзни, молится онъ о здоровьѣ. Потерялъ ли деньги? Скорбитъ объ утратѣ. Но часто и болѣзнь полезна, когда она вразумитъ грѣшника; и здоровье вредно, когда пользующемуся имъ послужитъ пособіемъ ко грѣху. Такъ и деньги инымъ обратились въ средство къ распутству; а нищета уцѣломудрила многихъ имѣвшихъ худыя стремленія. Итакъ не убѣгай, чего не должно, и не прибѣгай, къ кому не должно. Но пусть будетъ у тебя одно избѣгаемое—грѣхъ, и одно прибѣжище въ несчастіяхъ—Богъ. Не полагайтесь на князей, не превозноситесь невѣрнымъ богатствомъ; не гордитесь тѣлесною силой; не гонитесь за блескомъ человѣческой славы. Ни что это не спасаетъ; все это временно, все обманчиво; одно прибѣжище — Богъ. *Проклятъ человѣкъ, иже надѣется на человѣка* (Іерем. 17, 5.), или на что либо человѣческое.

Итакъ *Богъ намъ прибѣжище и сила.* Кто можетъ сказать: *вся могу о укрѣпляющемъ мя Христѣ* (Фил. 4, 13.), для того Богъ есть *сила*. Хотя многіе говорятъ: *Богъ намъ прибѣжище;* и: *Господи, прибѣжище былъ еси намъ* (Пс. 89, 1.): но очень не многіе говорятъ сіе съ такимъ же

расположенiемъ, какъ и Пророкъ. Ибо не многiе не оказываютъ удивленiя человѣческому, но во всемъ зависятъ отъ Бога, Имъ дышатъ, въ Немъ имѣютъ надежду и увѣренность. И самыя дѣла обличаютъ насъ, когда въ скорбяхъ скорѣе прибѣгаемъ ко всему прочему, только не къ Богу. Больно у тебя дитя? Ищешь ворожею, или вѣшающаго на шеи невиннымъ младенцамъ пустыя надписи; или, наконецъ, идешь ко врачу и за лекарствами, пренебрегши Того, Кто можетъ спасти. Возмутилъ тебя сонъ? Бѣжишь къ снотолкователю. Устрашился ты врага? Ищешь заступника въ комъ нибудь изъ людей. Вообще при всякой нуждѣ обличаешь самъ себя, что на словахъ называешь Бога прибѣжищемъ, а на дѣлѣ домогаешься помощи отъ безполезнаго и суетнаго. Но праведнику истинная помощь — Богъ. Какъ военачальникъ, имѣя храбрыхъ воиновъ, всегда готовъ вспомоществовать изнемогшимъ: такъ и Богъ—нашъ помощникъ, и споборникъ всякаго сражающагося противу козней дiавола, и посылаетъ служебныхъ духовъ къ требующимъ спасенiя.

Скорбь же обрѣтаетъ всякаго праведника, по причинѣ избранной имъ жизни. Ибо уклоняющiйся отъ пути широкаго и пространнаго, идущiй же путемъ скорбнымъ и тѣснымъ, *обрѣтается* скорбями. Живо изобразилъ сiю истину Пророкъ, сказавъ: *въ скорбехъ обрѣтшихъ ны зѣло*. Какъ одушевленныя животныя, уловляютъ насъ скорби, производя въ насъ терпѣнiе, чрезъ терпѣнiе же искусство, а чрезъ искусство—упованiе. Посему и Апостолъ говоритъ: *многими скорбми подобаетъ*

намъ внити въ царствіе Божіе (Дѣян. 14, 22.). И: *многи скорби праведнымъ* (Псал. 33, 20.). Но кто мужественно и несмущенно претерпѣлъ искушеніе скорби, тотъ скажетъ: *во всѣхъ сихъ препобѣждаемъ за Возлюбльшаго ны* (Римл. 8, 37.), и столько далекъ отъ того, чтобы отказываться отъ скорбей, страшиться ихъ, что напротивъ того множество несчастій обращаетъ въ поводъ къ похвальбѣ, говоря: *не точію же, но и хвалимся въ скорбехъ* (Рим. 5, 3.)

(3) *Сего ради не убоимся, внегда смущается земля, и прелагаются горы въ сердца морская.* Пророкъ показываетъ великую твердость упованія на Христа. Хотя все станетъ въ превратномъ видѣ, хотя смятенная земля перевернется, хотя горы, оставивъ свои основанія, сдвинутся въ средину моря; мы не убоимся: потому что Бога имѣемъ прибѣжищемъ, и силою, и помощникомъ *въ скорбехъ обрѣтшихъ ны зѣло.* У кого сердце столько безстрашно, у кого помыслы столько несмущенны, чтобы при такомъ замѣшательствѣ устремляться мыслію къ Богу и, по упованію на Него, не поражаться ничѣмъ происходящимъ? А мы не выносимъ и человѣческаго гнѣва. Если бросается на насъ или собака, или другой какой звѣрь, не къ Богу помощнику нашему въ скорбяхъ возводимъ взоры, но приходя въ ужасъ, обращаемся къ себѣ самимъ.

(4) *Возшумѣша и смятошася воды ихъ.* Пророкъ сказалъ о смятеніи земли и преложеніи горъ; теперь говоритъ и о колебаніи и превращеніи моря, отъ паденія горъ въ средину пучины. *Воз-*

шумпьша и смятошася *воды ихъ*, очевидно, воды морскія. Наибольшее возмущеніе въ водахъ производятъ самыя горы, не водруженныя въ морѣ, но собственнымъ своимъ колебаніемъ производящія сильное волненіе въ водахъ. Посему, когда земля прійдетъ въ смятеніе, воды морскія восшумятъ и закипятъ отъ самыхъ глубинъ, горы начнутъ прелагаться и оставаться въ великомъ смятеніи отъ преизбытка силы Господней; тогда, говоритъ Пророкъ, сердце наше безстрашно, потому что имѣетъ несомнѣнную и твердую надежду на Бога.

Смятошася горы крпьпостію Его. Можешь смыслъ сего изреченія взять и въ переносномъ значеніи, именуя горами тѣхъ, которые высоко думаютъ о своемъ величіи, а не знаютъ крѣпости Божіей, ставятъ себя выше Божія вѣдѣнія, и потомъ бываютъ побѣждены посланниками Божіими, съ силою и премудростію проповѣдующими слово премудрости, и, сознавъ свою нищету, устрашаются Господа и смиряются предъ крѣпостію Его. Или, можетъ быть, князи вѣка сего и отцы гибнущей мудрости называются горами, приходящими въ смятеніе отъ той крѣпости Христовой, какую Христосъ показалъ въ крестномъ подвигѣ надъ имѣющимъ державу смерти. Ибо, какъ мужественный подвижникъ, совлекъ и преоборолъ *начала и власти, и изведе въ позоръ дерзновеніемъ, побпьдивъ ихъ* на древѣ (Кол. 2, 15.).

(5) *Рпьчная устремленія веселятъ градъ Божій.* Морскія воды, сильно возмущенныя вѣтрами, *восшумпьша и смятошася*; но *рпьчная устремленія*, протекающія безъ шума и безмолвно наводняющія

достойныхъ принятія, *веселятъ градъ Божій.* Праведникъ и нынѣ пьетъ воду живую, и обильнѣе испіетъ ее въ послѣдствіи, когда будетъ вписанъ въ гражданство во градѣ Божіемъ. Но нынѣ пьетъ онъ въ зерцалѣ и въ гаданіи, по малому постиженію Божественныхъ умозрѣній; а тогда вдругъ пріиметъ въ себя полноводную рѣку, которая весь градъ Божій можетъ наводнить веселіемъ. Какая же это будетъ рѣка Божія, какъ не Духъ Святый, пребывающій по мѣрѣ вѣры въ достойныхъ увѣровавшихъ во Христа? Ибо Онъ говоритъ: *вѣруяй въ Мя, рѣки отъ чрева его истекутъ* (Іоан. 7, 38.); и еще: если кто *піетъ отъ воды, юже Азъ дамъ ему, будетъ въ немъ источникъ воды текущія въ животъ вѣчный* (Іоан. 4, 14.). Итакъ сія рѣка веселитъ всякій вообще градъ Божій, хотя, или Церковь имѣющихъ жительство на небесѣхъ, или всякую разумную тварь, отъ сихъ премірныхъ до человѣческихъ душъ, надобно разумѣть подъ именемъ града, веселящагося отъ изліянія Святаго Духа. Ибо, по опредѣленію нѣкоторыхъ, городъ есть собраніе живущихъ осѣдло и управляемыхъ закономъ. Но такое же опредѣленіе города приличествуетъ и горнему Іерусалиму, небесному граду. Ибо и тамъ собраніе перворechодныхъ, на небесѣхъ написанныхъ; собраніе живущихъ осѣдло, по неподвижности пребыванія Святыхъ, наконецъ собраніе управляемое небеснымъ закономъ. Посему-то для человѣческаго естества не возможно познать порядокъ онаго жительства и всѣ украшенія его. Это тѣ самыя, *ихже око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша, яже уго-*

това Богъ любящимъ Его (1 Кор. 2, 9.); кромѣ сего знаемъ, что тамъ тьмы Ангеловъ, и *торжество* Святыхъ, и *Церковь первородныхъ на небесѣхъ написанныхъ* (Евр. 12, 23.). О семъ градѣ говоритъ Давидъ: *преславная глаголашася о тебѣ, граде Божій* (Псал. 86, 3.). Богъ сему граду даетъ обѣтованіе чрезъ Исаію: *положу тя въ радость вѣчную, веселіе родомъ родовъ*; и не будетъ *ни сокрушеніе, ни бѣдность въ предѣлѣхъ твоихъ: но прозовется спасеніе забрала твоя* (Иса. 60, 15. 18.). Посему, возводя душевныя очи, достойно горняго ищи познаній о градѣ Божіемъ. Но кто представитъ въ мысляхъ что либо достойное тамошняго блаженства, которое веселитъ рѣка Божія, *емуже художникъ и содѣтель Богъ* (Евр. 11, 10.)?

Освятилъ есть селеніе Свое Вышній. Можетъ быть, Пророкъ здѣсь разумѣетъ богоносную плоть, освященную единеніемъ съ Богомъ; почему подъ селеніемъ Вышняго понимай явленіе Бога во плоти.

(6) *Богъ посредѣ его, и не подвижится: поможетъ ему Богъ утро заутра.* И поелику Богъ посредѣ града; то даруетъ ему непоколебимость, посылая ему помощь при первыхъ восхожденіяхъ свѣта. И горнему ли Іерусалиму, или дольней Церкви, приличествуетъ имя сего града,—*освятилъ есть въ немъ селеніе Свое Вышній*. И чрезъ сіе-то селеніе, въ которомъ вселился Богъ, сталъ Онъ посредѣ града, и даровалъ ему, *да не подвижится*. Богъ же—*посредѣ* града, повсюду до предѣловъ круга простирая равные лучи Своего промышленія. Ибо чрезъ сіе соблюдается правда Божія,

всѣмъ удѣляющая благость въ одинаковой мѣрѣ. *Поможетъ ему Богъ утро заутра.* У насъ утро производитъ чувственное солнце, когда появляется на нашемъ горизонтѣ: а утро въ душѣ производитъ Солнце правды, восхожденіемъ умнаго свѣта производя день въ пріявшемъ Его. Ибо мы человѣки во времена невѣдѣнія были въ ночи; но когда, расширивъ въ себѣ владычественное въ насъ, воспріимемъ въ себя *Сіяніе славы* (Евр. 1, 3.) и озаримся вѣчнымъ свѣтомъ; тогда *поможетъ ему Богъ утро заутра*. Когда содѣлаемся чадами свѣта, и нощь для насъ прейдетъ, а день приближится (Рим. 13, 12.); тогда будемъ достойны и помощи Божіей. Посему Богъ помогаетъ граду, собственнымъ Своимъ восхожденіемъ и явленіемъ производя для него утро. Ибо сказано: се человѣкъ, *Востокъ имя Ему* (Зах. 6, 12.). Посему въ комъ, по разсѣяніи тмы невѣдѣнія и лукавства, возсіяваетъ умный свѣтъ, для того настаетъ утро. Поелику же Свѣтъ пришелъ въ міръ, чтобы ходящій въ Немъ не спотыкался; то помощь Его доставляетъ утро. Или, можетъ быть, поелику воскресеніе было въ глубокое утро, то *утро заутра* поможетъ граду Богъ, одержавшій побѣду надъ смертію утромъ въ третій день воскресенія.

(7) *Смятошася языцы, уклонишася царствія: даде гласъ Свой Вышній, подвижеся земля.* Представь городъ, противъ котораго злоумышляютъ ополчившіеся на него враги, и между тѣмъ осаждаютъ его многіе народы и цари, скиптроносцы каждаго изъ сихъ народа; потомъ представь военачальника непобѣдимаго по силѣ, который вне-

запно является на помощь городу, прекращаетъ осаду, разсѣваетъ сборище народовъ, обращаетъ въ бѣгство царей, и производитъ сіе единственно тѣмъ, что взываетъ къ нимъ съ силою, поражаетъ сердца ихъ крѣпостію голоса. Посему какое, вѣроятно, произойдетъ смятеніе гонимыхъ народовъ и предавшихся бѣгству царей? Какой смѣшанный крикъ и непрекращающійся шумъ будетъ слышанъ во время ихъ безпорядочнаго бѣгства? Всѣ мѣста наполняются бѣгущими отъ страха, отъ чего въ городахъ и селахъ, гдѣ являются бѣглецы, начинается волненіе. Пророкъ показываетъ, что такая же помощь подана граду Божію Спасителемъ, когда говоритъ: *смятошася языцы, уклонишася царствія: даде гласъ Свой Вышній, подвижеся земля.*

(8) *Господь силъ съ нами, заступникъ нашъ Богъ Іаковль.* Пророкъ видѣлъ воплотившагося Бога, видѣлъ родившагося отъ Святыя Дѣвы Еммануила, *еже есть сказаемо*: *съ нами Богъ* (Матѳ. 1, 23.); и потому пророчески взываетъ: *Господь силъ съ нами*, показывая, что это Тотъ, Который являлся святымъ Пророкамъ и Патріархамъ. Заступникъ нашъ, говоритъ, не иной Богъ, отличный отъ Того, о Которомъ предали Пророки; но *Богъ Іаковль*, сказавшій служителю Своему въ откровеніи: *Азъ есмь Богъ Авраамовъ, и Богъ Исааковъ, и Богъ Іаковль.*

(9) *Пріидите и видите дѣла Божія, яже положи чудеса на земли:* (10) *отъемля брани до конецъ земли.* Тѣхъ, которые далеки отъ слова истины, слово призываетъ приблизиться чрезъ

познаніе, говоря: *пріидите и видите*. Ибо какъ для тѣлесныхъ очей великія разстоянія дѣлаютъ неяснымъ представленіе видимыхъ предметовъ; а приближеніе смотрящихъ доставляетъ ясное познаніе видимаго: такъ, и при умственныхъ созерцаніяхъ, не приближившійся къ Богу и не сдѣлавшійся Ему приснымъ посредствомъ дѣлъ, не можетъ видѣть дѣлъ Божіихъ чистыми очами ума. Посему сперва *пріидите*, приближьтесь, потомъ *видите дѣла Божія*, которыя чудны и дивны, и которыми, изумивъ народы прежде враждебные и мятежные, привелъ ихъ въ тишину. *Пріидите чада; послушайте Мене* (Псал. 33, 13.); также: *пріидите вси труждающіися и обремененніи* (Матѳ. 11, 28.). Это голосъ Отца, съ распростертыми объятіями призывающаго къ Себѣ дотолѣ упорствовавшихъ. Посему кто внялъ призванію, приблизился и прилѣпился къ Повелѣвающему, тотъ узритъ все Умиротворившаго крестомъ, *аще земная, аще ли небесная*.

Лукъ сокрушитъ, и сломитъ оружіе, и щиты сожжетъ огнемъ. Видишь ли миролюбіе Господа силъ, потому что съ Нимъ невидимыя силы Ангельскихъ воинствъ? Видишь ли вмѣстѣ мужество и человѣколюбіе Воеводы силъ? Будучи Господомъ силъ и имѣя всѣ сонмы Ангельскихъ воинствъ, Онъ не уязвляетъ ни одного изъ противниковъ, никого не низлагаетъ, никого не касается; но сокрушаетъ луки и оружія, и щиты сожигаетъ огнемъ. Сокрушаетъ лукъ, чтобы съ него не пускали уже разжженныхъ стрѣлъ; ломаетъ оружіе, употребляемое въ рукопашномъ бою, что-

бы не могли получить ранъ тѣ, на которыхъ врагъ коварно нападаетъ вблизи. И *щиты сожжетъ огнемъ*, лишая супостатовъ защиты, и все обращая въ благодѣяніе врагамъ.

(11) *Упразднитеся и разумѣйте, яко Азъ есмь Богъ.* Пока мы занимаемся предметами внѣ Бога, не можемъ вмѣстить въ себѣ познанія о Богѣ. Ибо кто, заботясь о мірскомъ и погрузившись въ плотскую разсѣянность, можетъ внимать ученію о Богѣ и имѣть довольно тщательности для столь важныхъ умозрѣній? Не видишь ли, что слово, падшее въ терніе, бываетъ подавлено терніемъ (Матѳ. 13, 22.)? А терніе — плотскія удовольствія, богатство, слава, житейскія заботы. Ищущій познанія о Богѣ долженъ будетъ стать внѣ всего этого, и приведя въ себѣ въ бездѣйствіе страсти, воспринимать познаніе о Богѣ. Ибо въ душу, затѣсненную предварительно занявшими ее помыслами, какъ войдетъ понятіе о Богѣ? Зналъ и Фараонъ, что только праздному свойственно искать Бога, почему и укоряетъ Израиля: *праздни, праздни есте: и глаголете:* Господу Богу нашему помолимся (Исх. 5, 17.). Но какъ хороша и полезна для предающагося праздности та праздность, которая производитъ въ немъ безмолвіе, нужное для принятія спасительныхъ ученій; такъ худа праздность Аѳинянъ, которые *ни во что же ино упражняхуся, развѣ глаголати что или слышати новое* (Дѣян. 17, 21.). Сей праздности подражаютъ нѣкоторые и нынѣ, употребляя свободное время въ жизни на изобрѣтеніе какого нибудь непрестанно новаго ученія. Такая праздность пріятна

нечистымъ и лукавымъ духамъ. Сказано: *егда нечистый духъ изыдетъ отъ человѣка: речетъ, возвращуся* въ мѣсто, *отнюду же изыдохъ: и пришедъ обрящетъ* домъ оный *празденъ и пометенъ* (Матѳ. 12, 43. 44.). Посему праздность наша да не откроетъ входа противнику, а напротивъ того не будемъ оставлять празднымъ внутренній нашъ домъ, вселивъ въ себя предварительно Христа Духомъ! Пророкъ сперва даровалъ миръ тѣмъ, которыхъ дотолѣ обезпокоивали непріятели; потомъ говоритъ: *упразднитесь* отъ развлекающихъ васъ враговъ, чтобы въ безмолвіи созерцать вамъ ученія истины. Посему и Господь говоритъ: *всякъ, иже не отречется всего своего имѣнія, не можетъ быти Мой ученикъ* (Лук. 14, 33.). Итакъ должно упраздниться отъ дѣлъ супружескихъ, чтобы заняться молитвою; упраздниться отъ попеченій о богатствѣ, отъ пожеланія земной славы, отъ наслажденія удовольствіями, отъ зависти и всякаго злаго дѣла противъ нашего ближняго, чтобы, когда душа наша въ тишинѣ и не возмущается ни какою страстію, въ ней, какъ въ зеркалѣ, было чисто и неомраченно Божіе озареніе.

Вознесуся во языцѣхъ, вознесуся на земли. Очевидно, что Господь говоритъ сіе о Своемъ страданіи, какъ и въ Евангеліи написано: и *Азъ, егда вознесенъ буду, вся привлеку къ Себѣ* (Іоан. 12, 33.). И: *якоже Моисей вознесе змію въ пустыни, тако подобаетъ вознестися Сыну человѣческому* на землѣ (Іоан. 3, 14.). Итакъ поелику Ему надлежало вознестись на крестѣ за язычниковъ и прі-

ять вознесеніе за всю землю; то говоритъ: *вознесуся во языцѣхъ, вознесуся на земли.*

(12) *Господь силъ съ нами, заступникъ нашъ Богъ Іаковль.* Обрадованный Божіею помощію, Пророкъ дважды возгласилъ то же слово: *Господь силъ съ нами*, какъ наступающій и наскакивающій на врага, въ совершенной довѣренности къ Спасителю душъ нашихъ, что при Его помощи ничего не постраждетъ. Ибо *аще Богъ по насъ, кто на ны* (Рим. 8, 31.)? Даровавшій побѣду Іакову и послѣ борьбы Провозгласившій его Израилемъ — вотъ кто заступникъ нашъ; Самъ Онъ воинствуетъ за насъ. А мы да безмолвствуемъ; ибо *Той есть миръ нашъ, сотворивый обоя едино, да оба созиждетъ во единаго новаго человѣка* (Ефес. 2, 14. 15.).

БЕСѢДА

НА ПСАЛОМЪ СОРОКЪ ОСМЫЙ.

(1) *Въ конецъ, сыномъ Кореовымъ, псаломъ.*

И языческіе мудрецы пускались въ умозрѣнія о концѣ человѣческомъ, но они разошлись въ понятіи о семъ. Одни утверждали, что этотъ конецъ есть знаніе; другіе же — успѣшное дѣйствованіе, иные— разнообразное употребленіе жизни и тѣла; а другіе, ставъ скотоподобными, говорили, что этотъ конецъ есть удовольствіе. Но по нашему ученію, конецъ, для котораго все дѣлаемъ и къ которому стремимся, есть блаженная жизнь въ будущемъ вѣкѣ. И конецъ сей достигается, когда предоставляемъ надъ нами царствовать Богу. Лучше сего для разумной природы доселѣ ничего не изобрѣталъ еще разумъ. Къ такому концу побуждаетъ насъ и Апостолъ, говоря: *таже кончина, егда предастъ царство Богу и Отцу* (1 Кор. 15, 24.). То же самое представляетъ и Софонія въ пророчествѣ, говоря отъ лица Божія: *судъ Мой въ сонмища языковъ еже пріяти царей, еже изліяти на ня гнѣвъ Мой; зане огнемъ ревнія Моего поядена будетъ вся земля: яко тогда обращу къ людемъ*

многимъ *языкъ въ родъ его, еже призывати всѣмъ имя Господне, работати Ему подъ игомъ единѣмъ* (Соф. 3, 8. 9.). Посему думаю, что и польза Псалмовъ, имѣющихъ такое надписаніе, возводится къ сему же концу. Такому понятію не противорѣчатъ и тѣ, которые сіе надписаніе переводятъ: *на побѣду* (а), или *побѣдная пѣснь* (б), или *побѣдителю* (в). Поелику *пожерта бысть смерть побѣдою* (1 Кор. 15, 54.) и истреблена Сказавшимъ: *Азъ побѣдихъ міръ* (Іоан. 16, 33); и поелику все препобѣждено Христомъ, и *о имени* Его *всяко колѣно поклонится, небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ* (Фил. 2, 10.): то справедливо Духъ Святый въ побѣдныхъ пѣсняхъ предвозвѣщаетъ уготованное намъ въ будущемъ.

(2) *Услышите сія вси языцы, внушите вси живущіи по вселеннѣй.* (3) *Земнородніи же и сынове человѣчестіи, вкупѣ богатъ и убогъ.* Весьма обширная нужна храмина для слушателей призывающему къ слышанію Псалма всѣ народы и всѣхъ наполняющихъ вселенную своими жилищами; а думаю, что онъ сею высокою проповѣдію къ слушанію привлекаетъ и созываетъ и земнородныхъ и сыновъ человѣческихъ, и богатыхъ и убогихъ. Но какая же это стражба, столько возвышенная надъ цѣлою землею, что съ высоты ея можно видѣть всѣ народы и объять взоромъ цѣлую вселенную? Кто столь громогласный провозвѣстникъ, который возглашаетъ внятно для столь многихъ

(а) Ѳеодотіонъ. (б) Симмахъ. (в) Акила.

вмѣстѣ слуховъ? Гдѣ эта храмина, которая можетъ вмѣстить собирающихся? Какъ великъ и сколько премудръ сей учитель, который находитъ уроки достойные такого собранія? Потерпи не много, и узнаешь, что послѣдующее достойно такого предвозвѣщенія. Ибо собирающій и созывающій всѣхъ на проповѣдь есть Утѣшитель, Духъ истины, Который спасаемыхъ собираетъ чрезъ Пророковъ и Апостоловъ. И поелику *во всю землю изыде вѣщаніе ихъ, и въ концы вселенныя глаголы ихъ* (Пс. 18, 5.); то посему сказано: *услышите вси языцы и вси живущіи по вселеннѣй.* Посему и Церковь собрана изъ всѣхъ состояній, дабы никто не оставался лишеннымъ пользы. Ибо три четы званныхъ, въ которыхъ заключается весь родъ человѣческій: *языцы и живущіи по вселеннѣй, земнородные и сыны человѣческіе, богатые и убогіе.* И дѣйствительно, кого Богъ оставилъ внѣ проповѣднической храмины? Чуждые вѣры наименованы языками; пребывающіе въ Церкви — обитателями вселенной; земнородные— это мудрствующіе земное и преданные хотѣніямъ плоти; сыны человѣческіе— это прилагавшіе нѣкоторое стараніе и упражнявшіе разумъ; ибо особенное свойство человѣка— разумность. Богатые и убогіе сами собою показываютъ свое отличительное свойство: одни въ избыткѣ обладаютъ необходимымъ; другіе живутъ, нуждаясь въ необходимомъ. Поелику же Врачъ душъ *не пріиде призвати праведники, но грѣшники на покаяніе* (Матѳ. 9, 13.); то въ каждой четѣ прежде призываемыми поставилъ достойныхъ осужденія. Ибо языки хуже живущихъ по вселенной, впро-

чемъ предпочтены въ призванiи, чтобы находящiеся въ худомъ состоянiи прежде получили пользу отъ Врача. Опять, земнородные поставлены прежде сыновъ человѣческихъ, и богатые прежде бѣдныхъ. Разрядъ отверженныхъ, которымъ трудно спастися, призванъ прежде бѣдныхъ. Ибо таково человѣколюбiе Врача—немощнымъ первымъ подаетъ Онъ помощь. Но общенiе въ призванiи приводитъ вмѣстѣ и къ миру, такъ что и тѣ, которые дотолѣ по образу жизни противны были другъ другу, чрезъ собранiе во-едино прiучаются ко взаимной любви. Да знаетъ богатый, что онъ и бѣдный призваны равночестною проповѣдiю. Сказано: *вкупѣ богатъ и убогъ.* Оставь внѣ свое преимущество предъ низшими и кичение ботатствомъ, и потомъ уже входи въ Церковь Божiю. Посему и богатый не превозносись надъ убогимъ, и убогiй не бойся могущества всѣмъ изобилующихъ; и *сыны человѣческiе* не уничижайте земнородныхъ, и *земнородные* опять не чуждайтесь сыновъ человѣческихъ; и *языки* свыкнитесь съ живущими по вселеннѣй, и *живущiи по вселеннѣй* съ любовiю прiимите *чуждихъ отъ завѣтъ.*

(4) *Уста моя возглаголютъ премудрость, и поученiе сердца моего разумъ.* Поелику, по слову Апостола, *сердцемъ вѣруется въ правду, усты же исповѣдуется во спасенiе* (Рим. 10, 10); а совокупное дѣйствованiе того и другаго въ семъ дѣлѣ предполагаетъ совершенство: то Пророческое слово сообъяло въ себѣ то и другое— и дѣйствованiе устъ и поученiе сердца. Ибо если не запасено въ сердцѣ добра, то какъ изнесетъ устами сокровище не

обладающій имъ въ тайнѣ? Если имѣющій доброе въ сердцѣ не возвѣщаетъ о немъ словомъ; то ему будетъ сказано: *премудрость сокровена, и сокровище не явлено, кая польза есть во обоихъ* (Іис. Сир. 20, 30.)? Посему для пользы другихъ *уста моя да возглаголютъ премудрость*, а для собственнаго моего преспѣянія сердце да поучается разуму.

(5) *Приклоню въ притчу ухо мое, отверзу во псалтири гананіе* (г) *мое*. Еще Пророкъ говоритъ въ похвалу своего лица, чтобъ не были презрѣны слова его, какъ предлагаемыя человѣческимъ изобрѣтеніемъ. Чему учитъ меня Духъ, говоритъ онъ, то возвѣщаю вамъ; говорю не свое, не человѣческое. Но поелику я сталъ внимателенъ къ *гананіямъ* Духа, въ тайнѣ преподающаго намъ Божію премудрость, то и открываю, и привожу вамъ въ ясность сіе *гананіе*, но открываю не иначе, какъ псалтиремъ. А псалтирь есть музыкальное орудіе, издающее звуки подъ ладъ сладкопѣнію голосомъ. Посему словесный псалтирь тогда особенно отверзается, когда дѣла приводятся въ согласіе съ словами. И тотъ есть духовный псалтирь, кто сотворилъ и научилъ (Матѳ. 5, 19). Пророкъ въ Псалмахъ отверзаетъ *гананіе*, собственнымъ примѣромъ показывая возможность исполнить преподаваемое. Какъ не сознающій за собою въ жизни ничего нестройнаго и несообразнаго, съ увѣренностію Пророкъ произноситъ слѣдующія слова:

(г) *Τὸ πρόβλημα*, вопросъ, задача.

(6) *Вскую боюся въ день лютъ? Беззаконіе пяты моея не обыдетъ мя.* Днемъ лютымъ называетъ день суда, о которомъ сказано: *день Господень неисцѣльный* (Пс. 13, 9.) на всѣ народы; въ сей день, говоритъ Пророкъ, *обыдутъ* каждаго *совѣти* его (Осіи 7, 2.). И тогда-то, какъ не сдѣлавшій ничего беззаконнаго на пути жизни, не побоюсь дня лютаго. Ибо слѣды грѣховъ не окружатъ меня; не обыдутъ меня, въ безмолвномъ обвиненіи взводя на меня обличеніе; потому что не возстанетъ противъ тебя инаго обвинителя, кромѣ самыхъ дѣлъ, изъ которыхъ каждое явится въ собственномъ своемъ видѣ: предстанутъ блудъ, татьба, прелюбодѣяніе, напоминая и ночь и образъ грѣхопаденія, и отличительное его свойство, и вообще предстанетъ всякій грѣхъ, принося съ собою ясное напоминаніе свойственнаго ему признака. Итакъ меня не обыдутъ слѣды грѣховъ; потому что я приклонилъ *въ притчу ухо мое*, и отверзъ *во псалтири гананіе мое.*

(7) *Надѣющіися на силу свою, и о множествѣ богатства своего хвалящіися.* У Пророка слово къ лицамъ двоякаго рода, къ земнороднымъ и къ богатымъ. Къ однимъ обращаетъ рѣчь, низлагая ихъ мнѣніе о силѣ своей, а къ другимъ, низлагая ихъ превозношеніе избыткомъ имѣнія. Вы, говоритъ, *надѣющіися на силу свою!* — Это земнородные, которые уповаютъ на тѣлесную крѣпость, и думаютъ, что человѣческая природа имѣетъ достаточныя силы совершенно выполнить человѣческія желанія,—и вы, уповающіе на невѣрное богатство, послушайте: вамъ нужна искупительная цѣна

для изведенія вашего на свободу, которую вы утратили, будучи побѣждены насиліемъ діавола; потому что діаволъ, взявъ васъ въ рабство, не освободитъ отъ своего мучительства, пока не пожелаетъ обмѣнить васъ, побужденный къ тому какимъ нибудь достоцѣннымъ выкупомъ. Посему предлагаемое въ выкупъ должно быть не однородно съ порабощенными, но въ большей мѣрѣ превышать ихъ цѣну, чтобы діаволъ добровольно освободилъ отъ рабства плѣнниковъ. Поэтому братъ не можетъ васъ искупить. Ибо ни какой человѣкъ не въ силахъ убѣдить діавола, чтобы освободилъ отъ своей власти однажды ему подпадшаго. Человѣкъ и за собственные грѣхи не можетъ дать Богу умилостивительной жертвы. Какъ же возможетъ сдѣлать это за другаго? А что̀ же бы могъ онъ пріобрѣсти въ семъ вѣкѣ столько стоющее, чтобы оно служило достаточнымъ замѣномъ за душу по природѣ драгоцѣнную, потому что она создана по образу Творца своего? И какой трудъ настоящаго вѣка доставитъ душѣ человѣческой достаточный запасъ къ переходу въ вѣкъ будущій? Посему просто разумѣю слова сіи такъ: хотя бы кто представлялъ себя весьма могущественнымъ въ сей жизни, обложенъ былъ множествомъ имѣнія; Псаломъ учитъ отложить гордое о себѣ мнѣніе, *смириться подъ крѣпкую руку Божію* (1 Петр. 5, 6.), и не надѣяться на силу свою, не хвалиться множествомъ богатства. Но можно и возвыситься нѣсколько мыслію и подъ надѣющимися на силу свою и хвалящимися множествомъ богатства разумѣть душевныя силы,

потому что и самая душа не имѣетъ достаточныхъ силъ къ своему спасенію. Хотя и совершенъ кто въ сынахъ человѣческихъ, но, не имѣя въ себѣ премудрости Божіей, ни во что вмѣнится. Хотя усвоилъ себѣ множество умозрѣній изъ мірской мудрости и собралъ нѣкоторое богатство вѣдѣнія; но пусть услышитъ правду вполнѣ, а именно, что всякая душа человѣческая подклонилась подъ тяжкое иго рабства общему всѣхъ врагу, и утративъ свободу, данную Творцемъ ея, отведена въ плѣнъ грѣхомъ. Но всякому плѣннику для освобожденія нужна цѣна искупленія. Братъ не можетъ искупить брата своего, и каждый человѣкъ— самъ себя, потому что искупающій собою другаго долженъ быть гораздо превосходнѣе содержимаго во власти и уже рабствующаго. Но и вообще человѣкъ не имѣетъ такой власти предъ Богомъ, чтобы умилостивлять Его за грѣшника; потому что и самъ повиненъ грѣху. *Вси бо согрѣшиша, и лишени суть славы Божія, оправдаеми туне благодатію Его, избавленіемъ, еже о Христѣ Іисусѣ* Господѣ нашемъ (Рим. 3, 23. 24.).

Посему (8) *не дастъ Богу измѣны* (д) *за ся* (9) *и цѣну избавленія души своея.* Итакъ не брата ищи для своего искупленія, но того, кто превосходитъ тебя естествомъ, не простаго человѣка, но Богочеловѣка Іисуса Христа, Который единъ можетъ дать Богу *измѣну* за всѣхъ насъ, потому что Его *предположи Богъ очищеніе вѣрою*

(д) *Ἐξίλασμα*, умилостивительная жертва.

въ крови Его (Рим. 3, 25.). Моисей былъ братъ Израильтянамъ, однако жъ не могъ искупить ихъ. Какъ же искупитъ человѣкъ обыкновенный? Пророкъ говоритъ сперва утвердительно: *братъ не избавитъ*, а потомъ съ силою присовокупляетъ вопросительно: *избавитъ ли человѣкъ?* Моисей не освободилъ народа отъ грѣха, но только умолилъ Бога не карать за грѣхъ. Онъ и за себя не могъ дать *измѣны*, когда впалъ въ прегрѣшеніе, и послѣ столь многихъ и великихъ чудесъ и знаменій, какія видѣлъ, произнесъ слово сомнѣнія: *послушайте мене, непокоривіи: еда изъ камене сего изведемъ вамъ воду?* Почему и Господь за сіе слово *рече къ Моисею и Аарону: понеже не вѣроваете Мнѣ, освятити Мя предъ сынми Израильтескими, сего ради не введете вы сонма сего въ землю, юже дахъ имъ* (Числ. 20, 10. 12.). Посему *не дастъ Богу измѣны за ся.* Ибо что̀ можетъ человѣкъ найдти столько цѣнное, чтобы дать въ искупленіе души своей? Но нашлось одно равноцѣнное всѣмъ вмѣстѣ людямъ, что̀ и дано въ цѣну искупленія души нашей,—это святая и многоцѣнная кровь Господа нашего Іисуса Христа, которую Онъ пролилъ за всѣхъ насъ. Почему мы и *куплени цѣною* (1 Кор. 6, 20.). Итакъ если *братъ не избавитъ, избавитъ ли человѣкъ?* Если человѣкъ не можетъ избавить насъ, то Искупившій насъ не—человѣкъ. Посему, если Господь нашъ пожилъ съ нами въ подобіи плоти грѣха, то не почитай Его за сіе простымъ человѣкомъ, не признавая въ Немъ силы Божества. Онъ не имѣлъ нужды давать Богу *измѣны за Ся*, и избавлять

собственную душу; потому что *грѣха не сотвори, ни обрѣтеся лесть въ устѣхъ Его* (1 Петр. 2, 22.). Итакъ никто не можетъ выкупить самъ себя, пока не прійдетъ Возвращающій *плѣненіе людей* (Пс. 13, 8.), не *сребромъ*, не дарами, какъ написано у Исаіи (52, 3.), но Своею кровію. Онъ насъ, которые не братья Ему, но стали врагами чрезъ свои грѣхопаденія, Онъ — не простой человѣкъ, но Богъ, по дарованіи намъ свободы, нарицаетъ и братьями Своими. Ибо сказано: *возвѣщу имя Твое братіи Моей* (Евр. 2, 12.). Посему Искупившій насъ, если обратимъ мысль на Его естество, не братъ намъ и не человѣкъ. Если же возмемъ во вниманіе благодатное Его снисхожденіе къ намъ, то и братіями насъ называетъ, и нисходитъ къ человѣчеству Тотъ, Кто *не дастъ Богу измѣны за Ся*, но дастъ *измѣну* за весь міръ; ибо не имѣетъ нужды въ очищеніи, но Самъ есть очищеніе. *Таковъ бо намъ подобаше Архіерей, преподобенъ, незлобивъ, безскверненъ, отлученъ отъ грѣшникъ и вышше небесъ бывый: Иже не имать по вся дни нужды, якоже первосвященницы, прежде о своихъ грѣсѣхъ жертвы приносити, потомъ же о людскихъ невѣжествіихъ* (Евр. 7, 26, 27. 9, 7.).

Потомъ Пророкъ говоритъ: *и утрудися въ вѣкъ,* (10) *и живъ будетъ до конца*. Источная Жизнь, Сила, неутомимое Естество утруждался въ семъ вѣкѣ, когда *утруждся отъ пути, сѣдяше на источницѣ* (Іоан. 4, 6.).

Иже не узритъ пагубы, (11) *егда увидитъ премудрыя умирающія.* Ибо Отецъ не дастъ препо-

добному Своему *видѣти истлѣнія* (Пс. 16, 10.), когда будутъ умирать хвалящіеся упраздняемою мудростію. А если угодно разумѣть сіи слова и о праведныхъ людяхъ, то вспомни Іова, который говоритъ: *человѣкъ раждается на трудъ* (Іов. 5, 7.); также Апостола: *паче всѣхъ ихъ потрудихся* (1 Кор. 15, 10.); и: *въ трудѣхъ множае* (2 Кор. 11, 23.). Итакъ, кто потрудился въ вѣкѣ семъ, *живъ будетъ до конца.* А кто живетъ въ роскоши и во всякомъ распутствѣ, по изнѣженности облекается *въ порфиру и виссонъ*, веселится *по вся дни свѣтло* (Лук. 16, 19.), и избѣгаетъ того, чтобы трудиться ради добродѣтели; тотъ не *утрудился* въ семъ вѣкѣ, и *не будетъ живъ* въ будущемъ, но издали станетъ взирать на жизнь, мучимый въ пламени пещномъ. Но кто выдержалъ тысячи подвиговъ ради добродѣтели, и для пріобрѣтенія ея съ избыткомъ испыталъ себя въ трудахъ, тотъ *живъ будетъ до конца*, какъ много потрудившійся въ скорбяхъ Лазарь, какъ преутружденный въ борьбѣ съ противникомъ Іовъ. Ибо сказано: *тамо претружденніи почиша* (Іов. 3, 17.). Посему и Господь призываетъ къ успокоенію труждающихся и обремененныхъ (Матѳ. 11, 28.). Почему же трудящіеся въ добрыхъ дѣлахъ называются обремененными? Потому что *ходящіи хождаху и плакахуся, метающе сѣмена своя: грядуще же пріидутъ радостію, вземлюще рукояти своя* (Псал. 125, 6.), полны плодовъ, которые возвращены имъ по мѣрѣ посѣяннаго. Посему обремененными называются тѣ, которые, поелику *сѣяли* о *благословеніи*, о *благословеніихъ*

и пожинаютъ (2 Кор. 9, 6.), и заготовляютъ себѣ съ вѣчнымъ веселіемъ рукояти духовныхъ плодовъ. Кто избавленъ Богомъ, давшимъ за него *измѣну*, тотъ *утрудился* въ вѣкѣ семъ, а потомъ *живъ будетъ до конца.* Онъ *и не узритъ пагубы, егда увидитъ премудрыя умирающія.* Кто путь тѣсный и многотрудный предпочелъ пути гладкому и покойному, тотъ, во время Божія посѣщенія, когда не увѣровавшіе словесамъ Божіимъ и ходившіе по желаніямъ суетнаго своего сердца отведены будутъ на вѣчную казнь, *не узритъ* вѣчной *пагубы,* не прекращающагося злостраданія. А мудрыми Пророкъ называетъ или сильныхъ въ хитрости, о которыхъ говоритъ Іеремія, что *мудри суть, еже творити злая, благо же творити не познаша* (Іер. 4, 22.); или разумѣетъ подъ мудрыми и учениковъ *князей вѣка сего престающихъ* (1 Кор. 2, 6.), которые, *глаголющеся быти мудри, объюродѣша* (Рим. 1, 22.). Почему *премудрость міра сего буйство у Бога есть* (1 Кор. 3, 19.). И поелику сія премудрость дѣлаетъ глупыми, то Богъ говоритъ, что Онъ *погубитъ премудрость премудрыхъ и разумъ разумныхъ отвергнетъ* (1 Кор. 11, 19. Иса. 29, 14.). Посему правдоподобія лжеименнаго вѣдѣнія для убѣждающихся въ нихъ служатъ причиною смерти. И таковой смерти *не узритъ* искупленный Тѣмъ, Кто благоволилъ буйствомъ проповѣди спасти вѣрующихъ.

Вкупѣ безуменъ и несмысленъ погибнутъ, и оставятъ чуждимъ богатство свое. (12) *И гроби ихъ жилища ихъ во вѣкъ: селенія ихъ въ родъ и*

родъ, нарекоша имена своя на земляхъ. Выше Псалмопѣвецъ назвалъ родовымъ именемъ—*мудрыми*, и ихъ же теперь подраздѣлительно называетъ безумными и *несмысленными*. И очевидно, что мудрыми ихъ назвалъ, воспользовавшись именемъ, какое сами давали себѣ по самомнѣнію. Какъ и богами называетъ тѣхъ, которые по природѣ не боги, слѣдуя въ этомъ обыкновенію обольщенныхъ: такъ и мудрыми назвалъ безумныхъ и несмысленныхъ. Можно же различить по понятію безумнаго и несмысленнаго. Безуменъ, кто лишенъ благоразумія и не имѣетъ проницательности въ дѣлахъ обыкновенныхъ и человѣческихъ. Такъ въ общемъ употребленіи называются благоразумными, которые въ житейскихъ дѣлахъ различаютъ полезное и вредное; почему и въ Евангеліи сказано: *яко сынове вѣка сего мудрѣйши паче сыновъ свѣта въ родѣ своемъ суть* (Лук. 16, 8.). Ибо они не просто *мудрѣйши*, но только въ томъ отношеніи, какъ проводить эту плотскую жизнь; они называются также *строителями неправедными* за благоразуміе въ устроеніи своей жизни. Въ томъ же значеніи мудры и змѣи, которыя устрояютъ себѣ норы, и въ опасныхъ случаяхъ всѣми мѣрами избѣгаютъ ударовъ въ голову. *Несмысленнымъ* же называется тотъ, кто не имѣетъ преимущественнаго въ человѣкѣ. А это—познаніе Бога Отца, признаніе Слова, сущаго въ началѣ у Бога, и просвѣщеніе, подаваемое отъ Святаго Духа. Такой умъ имѣютъ тѣ, которые могутъ сказать съ Павломъ: *мы же умъ Христовъ имамы* (1 Кор. 2, 16.). Впрочемъ по слово-

употребленію Писанія, слова безумный и несмысленный замѣняются одно другимъ: безбожнаго называетъ оно безумнымъ, говоря: *рече безуменъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ* (Псал. 13, 1.); и опять вредное для жизни именуетъ несмысленнымъ, какъ Апостолъ выражается о впадающихъ *въ похоти несмысленны и вреждающія* (1 Тим. 6, 9.). Такимъ образомъ безумный и несмысленный стремятся къ одному общему концу — къ погибели. Но можетъ иной сказать, что безумнымъ называется живущій по-язычески, а несмысленнымъ — ограничивающій жизнь, по-Іудейски, однимъ храненіемъ закона. Ибо такому безумному, по причинѣ его безбожія, сказалъ Богъ: *безумне, въ сію нощь душу твою истяжутъ отъ тебе* (Лук. 12, 20.). А плотскій Израиль названъ несмысленнымъ у Пророка, который говоритъ: *и бяше Ефремъ, яко голубь безумный* (е): *Египта моляше и во Ассиріаны отъиде* (Осіи 7, 11.). Посему, когда они всѣ вообще сокрушились отъ собственнаго своего невѣдѣнія; мы чуждые дѣлаемся наслѣдниками ихъ богатства. Ибо наши стали заповѣди; наши — Пророки, наши — Патріархи, всѣ отъ вѣка жившіе праведные; намъ оставили богатство свое погибшіе въ безуміи своемъ. Ихъто жилища, то есть безумнаго и несмысленнаго, суть *гробы во вѣкъ*. У кого жизнь исполнена мертвыхъ дѣлъ по причинѣ всякаго грѣха, у тѣхъ

(е) Въ текстѣ Седмидесяти и у Св. Василія: *ἄνους*, подобозначущее слову *ἀνόητος* (несмысленный).

жилища — во вѣкъ гробы. Кто сталъ мертвъ грѣхопаденіями, тотъ живетъ не въ домѣ, но во гробѣ, потому что душа его омертвѣла. Въ домѣ живетъ не хитрый нравомъ и простосердечный Іаковъ, о которомъ написано, что *бысть человѣкъ не лукавъ и благъ, живый въ дому* (Быт. 25, 27.). А во гробѣ живетъ совершенно порочный, который не полагаетъ и основанія къ обращенію отъ мертвыхъ дѣлъ, но уподобляется гробу *повапленному*, который наружностію привлекаетъ взоры, *внутрьуду же полнъ костей мертвыхъ и всякія нечистоты* (Матѳ. 23, 29.). Посему, когда говоритъ такой человѣкъ, не слову Божію отверзаетъ уста, но *гортань его гробъ отверстъ* (Псал. 5, 10.). Если кто, вѣруя во Христа, не являетъ дѣлъ сообразныхъ съ вѣрою, тотъ, какъ внимающій дурнымъ ученіямъ и худо постигающій намѣреніе Писанія, самъ себѣ высѣкаетъ гробницу въ камнѣ.

Селенія ихъ въ родъ и родъ; то есть, *гробы жилища ихъ во вѣкъ.* Пророкъ, объясняя, какіе разумѣетъ гробы, и желая показать, что говоритъ о тѣлахъ, въ которыхъ обитаютъ души омертвѣвшія отъ пороковъ, къ слову *гробы* присовокупилъ: *селенія ихъ въ родъ и родъ*; потому что тѣла человѣческія всегда называются селеніями. Они же *нарекаютъ и имена своя на земляхъ.* Ибо имя нечестиваго не вписывается въ книгѣ живыхъ, не причисляется къ Церкви первородныхъ изочтенныхъ на небесахъ: напротивъ того имена ихъ остаются на землѣ, потому что сію преходящую и маловременную жизнь предпочли они вѣчнымъ селеніямъ. Не видишь ли, что иные строятъ въ

городахъ площади и домы для тѣлесныхъ упражненій, воздвигаютъ стѣны, сооружаютъ водопроводы, и что имена ихъ даются симъ земнымъ зданіямъ? А нѣкоторые, положивъ клеймо своего имени на конскихъ табунахъ, вздумали тѣмъ и по жизни надолго продлить о себѣ память; и чтобы въ самыхъ гробахъ показать пышность, на гробницахъ начертали свои имена. Это тѣ, которые мудрствуютъ земная, и здѣшнюю славу, памятованіе людей почитаютъ чѣмъ-то достаточнымъ для своего блаженства. И если видишь, что иной гордится лжеименнымъ вѣдѣніемъ, присоединяется къ послѣдователямъ какихъ нибудь негодныхъ ученій и вмѣсто имени Христіанина называетъ себя по имени какого нибудь ересеначальника, Маркіона, или Валентина, или одного изъ возникшихъ нынѣ; то знай, что и такіе люди *нарекоша имена своя на земляхъ*, причисливъ себя къ людямъ растлѣннымъ и совершенно земнымъ.

(13) *И человѣкъ въ чести сый не разумѣ, приложися скотомъ несмысленнымъ, и уподобися имъ.* (14) *Сей путь ихъ соблазнъ имъ, и по сихъ во устѣхъ своихъ благоволятъ.— Велика вещь человѣкъ, и драгая мужъ творяй милость* (Притч. 20, 6.); его драгоцѣнность заключается въ естественномъ устройствѣ. Ибо что̀ иное на землѣ сотворено по образу Создателя? Кому иному даны начальство и власть надъ всѣми тварями, живущими на сушѣ, въ водахъ и въ воздухѣ? Не много ниже онъ Ангельскаго чина, и то по причинѣ соединенія съ земнымъ тѣломъ. Но хотя Богъ сотворилъ человѣка *отъ земли* (Быт. 2, 7.), а *слу-*

ги Своя огнь палящь (Евр. 1, 7.); впрочемъ и въ человѣкахъ есть способность уразумѣвать и познавать своего Творца и Зиждителя: ибо *вдуну въ лице*, то есть, вложилъ въ человѣка, нѣчто отъ собственной Своей благодати, чтобы человѣкъ по подобному познавалъ подобное. Впрочемъ въ таковой *чести сый*, и тѣмъ самымъ, что созданъ по образу Творца, почтенный паче неба, паче солнца, паче звѣздныхъ сонмовъ (ибо какое небо называется образомъ Бога Вышняго? Какой образъ Творца имѣютъ въ себѣ солнце, или луна, или прочія звѣзды? Имъ даны тѣла неодушевленныя и вещественныя, хотя и прозрачныя; у нихъ нѣтъ ни разумѣнія, ни произвольныхъ движеній, ни самовластной свободы; напротивъ того они рабы належащей необходимости, по которой всегда неизмѣнно вращаются около одного и того же), паче всего этого превознесенный честію, человѣкъ *не разумѣ*, но, переставъ подражать Богу и уподобляться Создателю, содѣлавшись рабомъ плотскихъ страстей, *приложися скотомъ несмысленнымъ, и уподобися имъ*. То какъ *конь женонеистовъ ржетъ къ женѣ искренняго своего* (Іер. 5, 8.); то, какъ *хищный волкъ* устремляется на чужое (Іер. 22, 27.), а иногда, чрезъ козни противъ брата своего, въ лукавствѣ уподобляется *лисицѣ* (Іезек. 18, 4.), Но подлинно это избытокъ несмысленности и скотскаго неразумія, если созданный по образу Творца не сознаетъ первоначальнаго своего устройства, не хочетъ уразумѣть всего Божія о немъ домостроительства, и по оному заключать о собственномъ своемъ достоинствѣ; но до того забываетъ

все это, что, отвергнувъ образъ Небеснаго, восприемлетъ образъ перстнаго. И чтобы онъ не пребылъ во грѣхѣ, ради него *Слово плоть бысть, и вселися въ ны* (Іоан. 1, 14.), и до того смирило Себя, что явило послушаніе Свое *даже до смерти, смерти же крестныя* (Фил. 2, 8.). Если не помнишь первоначальнаго своего происхожденія; то составь понятіе о своемъ достоинствѣ по воззданной за тебя цѣнѣ. Посмотри, что̀ дано въ замѣнъ тебя, и познай, чего ты стоишь. Ты купленъ многоцѣнною кровію Христовою. не будь же рабомъ грѣха; уразумѣй себѣ цѣну, чтобы не уподобиться *скотомъ несмысленнымъ.*

(14) *Сей путь ихъ соблазнъ имъ.* Домостроитель нашъ Богъ останавливаетъ насъ на пути порока, полагая намъ претыканія и препятствія, чтобы мы, оставивъ неразумную жизнь, *по сихъ во устѣхъ своихъ благоволили, сердцемъ* вѣруя *въ правду, усты* же исповѣдуя *во спасеніе* (Рим. 10, 10.). Павелъ гналъ и разорялъ Церковь Христову, продолжалъ идти путемъ лукавымъ; но *по сихъ во устѣхъ своихъ благоволи*, возвѣщая въ сонмищахъ, *яко сей есть Христосъ* (Дѣян. 9, 22.).

(15) *Яко овцы во адѣ положи* (ж), *смерть упасетъ я.* Людей скотоподобныхъ и приложившихся *скотомъ несмысленнымъ*, какъ овецъ, не имѣющихъ ни разумѣнія, ни силы защитить себя, похищающій въ плѣнъ, какъ врагъ, ввергъ уже въ собственную свою ограду, и пасти ихъ поручилъ

(ж) У Седмидесяти и по Славян. перев. *положени суть.*

смерти; потому что смерть пасла человѣковъ отъ Адама и во время жительства по закону Моисееву, пока не пришелъ истинный Пастырь, Который положилъ душу Свою за овецъ, и потомъ, воскресивъ ихъ съ Собою и изведши изъ темницы адской въ утро воскресенія, предалъ пасти ихъ *правымъ*, то есть святымъ Ангеламъ.

И обладаютъ ими правіи заутра. Ибо къ каждому изъ вѣрныхъ приставленъ Ангелъ, достойный того, чтобы видѣть Отца небеснаго. Такимъ образомъ *правіи обладаютъ ими*, по освобожденіи ихъ отъ самаго горькаго рабства, и *обладаютъ* по достиженіи ими утра, то есть, по пришествіи ихъ въ Востоку свѣта. Разсмотри всю связь употребленныхъ въ Писаніи реченій. *Человѣкъ въ чести сый, не разумѣ, приложися скотомъ несмысленнымъ*. Кто по своему устройству сподобленъ чести, но, по причинѣ живущаго въ немъ грѣха, не сознаетъ самъ себя, тотъ *приложися скотомъ несмысленнымъ*. Потомъ, когда онъ, содѣлавъ себя чуждымъ Божія Слова, сталъ безсловеснымъ, врагъ, похитивъ его, какъ овцу не имѣющую пастыря, положилъ во адѣ и отдалъ пасти смерти. Посему избавленный изъ ада и освобожденный отъ лукаваго пастыря говоритъ: *Господь пасетъ мя* (Псал. 22, 11.): пасетъ не смерть, но жизнь; не паденіе, но востаніе; не ложь, но истина.

И помощь ихъ обетшаетъ во адѣ. Пророкъ или говоритъ сіе о смерти, которая при всѣхъ своихъ пособіяхъ не могла удержать пасомыхъ ею противъ Того, Кто низложилъ *имущаго державу смерти*. Всѣ пособія ихъ стали ветхи и безсильны.

Тогда окажется ничтожною и помощь людей прельщенныхъ умомъ, которые высоко думаютъ о своемъ богатствѣ, и славѣ, и власти. *Во адѣ обетшаетъ*, когда обнаружится ихъ безсиліе. Или, можетъ быть, помощь праведныхъ, искупленныхъ Господомъ, простретcя до ада. Ибо они *не пріяша обѣтованія: Богу лучшее что о насъ предзрѣвшу, да не безъ насъ совершенство пріимутъ* предварившіе насъ (Евр. 11, 39. 40.).

(16) *Обаче Богъ избавитъ душу мою изъ руки адовы, егда пріемлетъ мя.* Ясно пророчествуетъ о сошествіи во адъ Господа, Который вмѣстѣ съ другими душами избавилъ и душу самого Пророка, чтобы она не оставалась во адѣ.

(17) *Не убойся, егда разбогатѣетъ человѣкъ, или егда умножится слава дому его. Не убойся*, говоритъ Пророкъ, *егда разбогатѣетъ человѣкъ.* И сія проповѣдь необходима живущимъ по вселенной, земнороднымъ и сынамъ человѣческимъ, *вкупѣ* богатымъ и убогимъ. *Не убойся, егда разбогатѣетъ человѣкъ.* Когда видишь, говоритъ Пророкъ, что неправедный богатъ, а праведный бѣденъ, не убойся самъ въ себѣ. Не смущайся мыслію, будто уже вовсе нѣтъ Божія Промысла, назирающаго дѣла человѣческія; или хотя и есть Божій надзоръ, но Онъ не простирается до мѣстъ надземныхъ, чтобы приникать и въ наши дѣла. А если бы Промыслъ удѣлялъ каждому, что̀ ему свойственно, то были бы богаты праведные, которые умѣютъ пользоваться богатствомъ, и бѣдны порочные, которые обращаютъ богатство въ орудіе своей порочности. Итакъ, поелику между *языками* и

земнородными многіе думаютъ подобнымъ сему образомъ, и изъ видимаго неравенства въ раздѣлѣ житейскихъ благъ заключаютъ, что міръ оставленъ безъ Промысла: то къ нимъ обращаетъ рѣчь Псаломъ, успокоивая невѣжественное волненіе ихъ мыслей, какъ и въ началѣ ихъ же призывалъ къ слушанію наставленій. Или, можетъ быть, Пророкъ простираетъ рѣчь и къ одному собственно лицу бѣднаго, говоря: *не убойся, егда разбогатѣетъ человѣкъ.* Ибо бѣдные имѣютъ особенную нужду въ утѣшеніи, чтобы не устрашиться сильныхъ. Богатому, говоритъ Пророкъ, нѣтъ ни какой пользы въ богатствѣ, когда онъ умираетъ, потому что не можетъ взять его съ собою; и изъ наслажденія богатствомъ получилъ онъ ту только выгоду, что душа его въ сей жизни была ублажаема ласкателями.

(18) *Внегда же умрети,* говоритъ Пророкъ, *не возметъ* всего этого изобилія; а едва возметъ одежду для прикрытія своего срама, и ту, если угодно будетъ слугамъ, снаряжающимъ его къ погребенію. Счастливъ онъ, если получитъ въ удѣлъ не много земли, которую изъ жалости дадутъ ему погребающіе, и тѣ сдѣлаютъ для него это изъ уваженія къ общему человѣческому естеству, не ему принося даръ, но оказывая честь человѣчеству. Посему не малодушествуй, смотря на настоящее, но ожидай той блаженной и нескончаемой жизни: ибо тогда увидишь, что праведнику служитъ во благо и нищета, и безславіе, и лишеніе наслажденій. И не смущайся, видя, что нынѣ мнимыя блага раздѣляются какъ бы неправедно. Ибо

услышишь, какъ будетъ сказано богатому: *воспріялъ еси благая твоя въ животѣ твоемъ*; а бѣдному, что онъ принялъ *злая* въ жизни своей (Лук. 16, 25.). Почему справедливо одинъ *утѣшается*, а другой *страждетъ* (Лук. 16, 25.).

(19) *Исповѣстся Тебѣ, егда благосотвориши ему*. О перстномъ человѣкѣ, который благами почитаетъ одни преимущества сей жизни — богатство, здравіе, могущество, -о немъ говоритъ Пророкъ, что *исповѣстся* Богу, когда будетъ ему *благосотворено*, а въ несчастіяхъ изрыгнетъ онъ всякую хулу. Ибо Пророкъ, оставивъ бѣднаго, обращаетъ уже рѣчь къ Богу, въ обвиненіе богатства включая и то, что богатый только въ счастіи благодаритъ Бога, а при горестныхъ обстоятельствахъ не бываетъ благодарнымъ. Подобное сему и діаволъ приводитъ въ обвиненіе Іова, что *не туне Іовъ чтитъ Господа* (Іов. 1, 9.), но имѣетъ награду за благочестіе, — богатство и прочее. Почему для показанія добродѣтели сего мужа Богъ лишилъ его всего, что̀ онъ имѣлъ, чтобы изъ всего явствовала благодарность сего человѣка Богу.

(20) *Внидеши* (з) *даже до рода отецъ его*. Думаю, что сіе говорится о грѣшникѣ, который столько знаетъ Бога, сколько предано ему обычаемъ отцевъ его, силою же собственнаго мышленія ничего не пріобрѣтаетъ и не присовокупляетъ въ себѣ къ познанію истины. Столько, говоритъ

(з) У Седмидесяти и въ Слав. перев. *внидетъ*.

Пророкъ, приближаешься Ты, Боже, и такое въ немъ о Тебѣ понятіе, какое было *въ родѣ отецъ его.* И здѣсь Пророкъ изображаетъ великую недѣятельность разумѣнія, совершенную оземленѣлость и плотолюбіе человѣка, который погрязъ въ богатствѣ и роскоши, имѣетъ умъ подавленный житейскими заботами. Посему *даже до вѣка не узритъ свѣта.* Ибо ввѣрившіеся путеводительству слѣпыхъ учителей сами себя лишили наслажденія свѣтомъ. Но слова: *внидеши даже до рода отецъ его,* имѣютъ еще и другой смыслъ, а именно,— Ты наказываешь не тѣхъ только, которые предаются порочной жизни и ученіямъ, хотя отеческимъ, но чуждымъ благочестія, но подвергаешь взысканію и тѣхъ, которые были виновниками превратныхъ ученій. И сіе значитъ сказанное: *внидеши даже до рода отецъ его.* Ибо виновенъ не только имѣющій худыя понятія о Богѣ, но и тотъ, кто довелъ другихъ до сей погибели. А таковы тѣ, которые наслѣдовали грѣхъ предковъ,. и, утвердивъ его въ себѣ давнимъ обычаемъ, сдѣлали неизгладимымъ. *Даже до вѣка не узритъ свѣта.* Ибо препровождаются они *во тму кромѣшнюю: ту будетъ плачъ и скрежетъ зубомъ* (Матѳ. 8, 12.); и подвергаются сему по праведному суду Божію; потому что въ жизни сей ради худыхъ своихъ дѣлъ ненавидѣли свѣтъ.

(21) *Человѣкъ въ чести сый не разумѣ, приложися скотомъ несмысленнымъ и уподобися имъ.* Это голосъ сожалѣющаго. Человѣкъ *малымъ чимъ умаленный отъ Ангелъ* (Псал. 7, 6.), о ко-

торомъ и Соломонъ говоритъ: *велика вещь человѣкъ, и драгая мужъ творяй милость* (Притч. 20, 6.), сей человѣкъ, оттого что не созналъ своего достоинства, но покорился плотскимъ страстямъ, *приложися скотомъ несмысленнымъ и уподобися имъ!*

БЕСѢДА

НА ПСАЛОМЪ ПЯТЬДЕСЯТЪ ДЕВЯТЫЙ.

Когда смотрю на ваше усердіе слушать, и на немощь силъ своихъ: приходитъ на мысль изображеніе уже подростшаго младенца, который еще не отнятъ отъ груди, и тревожитъ матерній сосецъ, изсушенный болѣзнію. Матерь знаетъ, что у ней пересохли источники молока; но, привлекаемая и обезпокоенная младенцемъ, даетъ ему сосцы, не съ намѣреніемъ напитать его, но чтобы прекратить его плачъ. Такъ, хотя и мои силы изсушены долговременными и различными тѣлесными недугами, однако жъ готовы предложить вамъ, если не наслажденіе значительное, то нѣкоторое удовлетвореніе; потому что преизбытокъ вашей любви удовольствуется и тѣмъ, если однимъ моимъ гласомъ утолится ваше влеченіе ко мнѣ. Посему да слышитъ мое вѣщаніе Церковь Божія, и да научится говорить то, что недавно мы произносили: (13) *даждь намъ помощь отъ скорби: и суетно спасеніе человѣческо.* Такимъ образомъ смыслъ Псалма не позволяетъ, можетъ быть, мнѣ и отговариваться болѣзнію, если скорбь уготовляетъ по-

мощь, а не предлогомъ служитъ къ немощи. И такъ тѣмъ, которые отринуты были за грѣхи, и потомъ опять приняты по человѣколюбію Божію, прилично говорить: (3) *Боже, отринулъ ны еси, и низложилъ еси насъ: разгнѣвался еси, и ущедрилъ еси насъ.* Лучше же сказать, поелику слово по естественному ходу мысли встрѣтилось съ разумѣемымъ во Псалмѣ, то коснемся нѣсколько его истолкованія.

Исторія предлагаемаго Псалма, буквально по его надписанію, доселѣ не отыскана ни въ одномъ изъ богодухновенныхъ сказаній. Впрочемъ прилежные испытатели Писанія найдутъ нѣчто сходное съ сею исторіею во второй книгѣ Царствъ, въ которой написано: *и порази Давидъ Адраазара, сына Раава, царя Сувска, идущу ему поставити руку свою на рѣцѣ Евфратѣ. И предвзя Давидъ отъ него тысящу колесницъ, и седмь тысящъ конникъ, и двадесять тысящъ мужей пѣшцевъ: и разруши Давидъ вся колесницы, и остави себѣ отъ нихъ сто колесницъ* (2 Цар. 8, 3. 4.). И не много ниже сего говорится: *и царствова Давидъ надъ всѣмъ Израилемъ, и бѣ Давидъ творяй судъ и правду, и Іоавъ, сынъ Саруинъ, надъ воинствы* (ст. 15.). И не много далѣе: *и послаша сынове Аммони, и наяша Сирію Роовлю и Сирію Сувску, двадесять тысящъ мужей. И видѣ Іоавъ, яко бысть на него противное лице брани, и избра отъ всѣхъ сыновъ Израилевыхъ, и устрои противу Сиріанъ. И видѣша раби Адраазаровы, яко падоша предъ Израилемъ, и пребѣгоша ко Израилю, и работаша имъ* (2 Цар. 10., 6. 9. 19.). Съ сею историческою вы-

пискою находимъ согласнымъ и надписаніе Псалма, за исключеніемъ того, что временемъ сего *столпописанія* означено то, въ которое Давидъ сдѣлался наиболѣе славенъ и знаменитъ своими воинскими доблестями.

Поэтому достойно изслѣдованія, почему онъ начинаетъ сѣтованіемъ и плачемъ, когда надлежало радоваться и благодушествовать по причинѣ своихъ успѣховъ: ибо иныя реченія приличны торжествующимъ, иныя печальнымъ. Побѣды же бываютъ поводомъ къ всенародному торжеству не только для воиновъ, но и для земледѣльцевъ, купцевъ, ремесленниковъ, для всѣхъ пользующихся благами мира. Итакъ почему же говоритъ: *Боже, отринулъ ны еси, и низложилъ еси насъ*, — а между тѣмъ Богъ содѣлалъ ихъ побѣдителями? Какимъ образомъ низложилъ тѣхъ, которыхъ столько усилилъ, умноживъ у нихъ оружіе, колесницы, коней, подданныхъ, сдѣлавъ ихъ данницею цѣлую страну, всю Аравію, Финикію и Месопотамію? Любопытно узнать, не выражаютъ ли слова сіи какой нибудь неблагодарности? Давидъ разбилъ сперва Адраазара, царя Сувскаго, взялъ у него тысячу колесницъ, седмь тысячъ *пѣшцевъ*; потомъ поработилъ царя Сирійскаго, который помогалъ побѣжденному Адраазару, сдѣлалъ его своимъ данникомъ, въ одно мгновеніе времени побилъ у него двадцать двѣ тысячи; и третію одержалъ побѣду, когда сыновъ Аммоновыхъ, ополчившихся *предъ враты града*, побѣдилъ его военачальникъ Іоавъ, который, раздѣливъ свои силы на двѣ части, однихъ встрѣтилъ спереди, а другихъ одолѣлъ, зашедши въ

тылъ. Какъ же среди такихъ доблестныхъ подвиговъ выражается такъ печально и уныло, говоря: *Боже, отринулъ ны еси, и низложилъ еси насъ: рзгнѣвался, и ущедрилъ еси насъ?*

Хотя временемъ сего *столлописанія* было время успѣховъ; однако же сила написаннаго относится къ концу: а подъ концемъ разумѣется, что́ приключится при скончаніи вѣковъ. Посему говоритъ, что Псаломъ написанъ о *измѣнитися хотящихъ*. Вообще же можно разумѣть о всемъ родѣ человѣческомъ, такъ какъ польза Псалма простирается на всѣхъ. Ибо измѣняющіеся и *измѣнитися хотящіе* суть тѣ, которые ни тѣла не сохраняютъ въ одинаковомъ состояніи, ни въ расположеніи своемъ не бываютъ всегда тверды, но измѣняются въ тѣлѣ съ перемѣною возрастовъ, и перемѣняютъ мысли, сообразуясь съ различными обстоятельствами. Ибо мы инаковы, когда еще дѣти, инаковы, когда уже юноши, иными дѣлаемся, возмужавъ; и опять совершенно измѣняемся, состарѣвшись. А также мы инаковы при радостномъ состояніи дѣлъ, и иными дѣлаемся, находясь въ горестномъ стеченіи обстоятельствъ; мы инаковы, когда больны, и инаковы, когда здоровы; инаковы во время брачнаго торжества, инаковы во время сѣтованія. Или, поелику не сказано: о измѣняемыхъ, но: о *измѣнитися хотящихъ*; а сіе реченіе имѣетъ видъ пророчества, потому что указываетъ на будущее время: то подъ *измѣнитися хотящими* приличнѣе разумѣть тѣхъ, которые, оставивъ привычку отцевъ къ суетному, будутъ сообразовать жизнь свою съ Евангельскою строгостію. Посему Псаломъ написанъ не о

тогдашнихъ Іудеяхъ, но о насъ, *измѣнитися хотящихъ*, о насъ, которые многобожіе обмѣниваемъ на благочестіе, и идольское заблужденіе на познаніе Сотворившаго насъ, которые вмѣсто беззаконнаго сластолюбія избираемъ законное цѣломудріе, и свирѣли, лики, піянство замѣняемъ Псалмомъ, постомъ и молитвою. Итакъ, если кто скажетъ, что Псаломъ сей написанъ о насъ, тотъ не погрѣшитъ противъ истины. Почему и *словеса Божія* (Рим. 3, 3.) суть наши, и въ Церкви Божіей, какъ богониспосланные дары, читаются при каждомъ собраніи, составляя какъ бы нѣкоторую духовную пищу, подаваемую отъ Духа.

Но Псаломъ сей написанъ и *въ столпописаніе*, то есть, его не должно слушать небрежно. Не давай же словамъ Псалма, напечатлѣвъ ихъ въ памяти на краткое время, потомъ сливаться и изглаждаться въ умѣ твоемъ, какъ написанное на веществѣ скорогибнущемъ вскорѣ начинаетъ исчезать; но храни ихъ написанными въ душѣ твоей, какъ на столпѣ, то есть, неизмѣнными, твердыми, навсегда укорененными въ памяти.

А если Іудей будетъ исключать насъ, говоря, что Псаломъ писанъ не о насъ; то пристыдимъ его написаннымъ въ томъ же Псалмѣ, объяснивъ ему нераздѣльность призванія и то, какъ оно сводитъ далекихъ между собою, созываетъ дальнихъ, и многихъ дѣлаетъ единымъ чрезъ вѣру во Христа. Сказано: (9) *Мой есть Галаадъ, и Мой есть Манассій*; и Ефрема наименовалъ, и Іуду присовокупилъ, и Моава причислилъ; грозитъ наступить на Идумею, и вмѣстѣ благовѣствуетъ о по-

корности всѣхъ: (10) *Мнѣ иноплеменницы покоришася.*

Боже, отринулъ ны еси. Отринулъ еси насъ, которые удаляемся отъ Тебя, по мѣрѣ грѣховъ своихъ; *низложилъ еси* скопища нашего лукавства, благодѣтельствуя намъ тѣмъ, что̀ приводитъ насъ въ немощь; *разгнѣвался еси*, когда *бѣхомъ естествомъ чада гнѣва* (Еф. 2, 3.), *упованія не имуще, и безбожни въ мірѣ* (12); *ущедрилъ еси насъ*, когда Единороднаго Твоего предложилъ Ты въ жертву умилостивленія за грѣхи наши (Рим. 3, 25.), чтобы въ крови Его нашли мы *избавленіе* (Еф. 1, 7.).

Но мы, облагодѣтельствованные Тобою, не познали бы сего, если бы (5) *не напоилъ еси насъ виномъ умиленія.* Виномъ называется слово, которымъ ожесточенное сердце приводится въ чувство.

(6) *Далъ еси боящимся Тебе знаменіе, еже убѣжати отъ лица лука.* Моисей на прагахъ Израильтянъ полагалъ въ знаменіе кровь овчую; а Ты далъ намъ знаменіе—самую кровь непорочнаго Агнца, закланнаго за грѣхи міра. И Іезекіиль говоритъ, что дается *знаменіе на лица.* Сказано: *идите въ слѣдъ его, изсѣцыте, не пощадите и не помилуйте. Старца, и юношу, и младенца, и дѣву, и жены избійте въ потребленіе: а ко всѣмъ, на нихже есть знаменіе, не прикасайтеся* (Іез. 9, 4—6.).

(8) *Богъ возглагола во святѣмъ Своемъ: возрадуюся, и раздѣлю Сикиму.* Сикима, *избранный* участокъ земли, данный Іаковомъ Іосифу (Быт. 48, 22.), прообразуетъ Завѣтъ, который, по ви-

димому, данъ былъ одному Израилю. Сей-то *избранный* Завѣтъ, сіе-то наслѣдіе народа, обращу въ раздѣлъ, и сдѣлаю общимъ съ прочими. А когда Завѣтъ будетъ раздѣленъ между всѣми, и польза сдѣлается общею для всѣхъ облагодѣтельствованныхъ Богомъ; тогда *и юдоль жилищъ размѣрится*, то есть, вся вселенная, какъ бы по жребіямъ, раздѣлена будетъ для селеній на всякомъ мѣстѣ. Тогда и далекихъ между собою приведетъ въ соприкосновеніе Умиротворяющій, *аще земная, аще ли небесная* (Колос. 1, 20.); и *средостѣніе ограды Разоривый сотворитъ обоя едино* (Ефес. 2, 14.).

(9) *Мой есть Галаадъ, и Мой есть Манассій.* Галаадъ есть потомокъ Манассіи (1 Паралип. 7, 17.). Симъ показывается нисходящій отъ Бога послѣдовательный рядъ Патріарховъ, *отъ нихже Христосъ по плоти* (Рим. 9, 5). И *Ефремъ заступленіе* (Псал. 107, 9.) *главы Моея, Іуда царь Мой.* Расторженныя части соединяетъ единомысліемъ.

(10) *Моавъ конобъ упованія*, или, какъ другой толковникъ говоритъ, *конобъ омовенія* (а); или, *конобъ беззаботности* (б), то есть, человѣкъ отверженный, которому съ угрозою сказано, что не взойдетъ въ Церковь Господню: ибо *не внидетъ Моавитинъ и Аммонитинъ* до третьяго, *и до десятаго рода, и даже до вѣка* (Втор. 23, 3.).

(а) Такъ переводитъ Аквила.

(б) Это по переводу Симмаха.

Впрочемъ, поелику Крещеніе подаетъ оставленіе грѣховъ и должникамъ доставляетъ беззаботность, то Пророкъ, указывая на избавленіе и на усвоеніе Богу чрезъ Крещеніе, говоритъ: *Моавъ есть конобъ омовенія*, или *конобъ беззаботности*. Итакъ всѣ *иноплеменницы покоришася*, подклонившись подъ иго Христово.

Посему-то и *на Идумею налагаетъ* (Псал. 107, 10.) *сапогъ Свой*. А сапогъ Божества есть богоносная плоть, чрезъ которую Оно снисшло къ человѣкамъ.

Въ сей надеждѣ, ублажая время пришествія Господня, Пророкъ говоритъ: (11) *кто введетъ мя во градъ огражденія?* И можетъ быть разумѣетъ Церковь, называя *градомъ*, потому что она есть собраніе вселяющихся законно, и *градомъ огражденія*, по оградѣ вѣры. Почему одинъ изъ толковниковъ (а) весьма удачно перевелъ: *во градъ огражденный*. Итакъ кто дастъ мнѣ видѣть сіе великое зрѣлище — Бога пришедшаго къ человѣкамъ? На сіе-то указываютъ слова Господа: *яко мнози пророцы и праведницы вожделѣша видѣти, яже видите, и не видѣша* (Матѳ. 13, 17.).

(13) *Даждь намъ помощь отъ скорби*. Будемъ искать помощи не въ крѣпости, не въ благосостояніи плоти; пожелаемъ заступленія не отъ кого либо изъ почитаемыхъ знатными у людей. Не множествомъ денегъ, не превосходствомъ силы, не высотою славы пріобрѣтается побѣда, напро-

---

(а) Симмахъ.

тивъ того изъ преизбытка скорби Господь подаетъ помощь взыщущимъ Его. Таковъ былъ и Павелъ, который скорби ставилъ себѣ въ похвалу; почему могъ говорить: *егда немоществую, тогда силенъ есмь* (2 Кор. 12, 10.). *Даждь* и намъ, Господи, помощь отъ скорби: ибо *скорбь терпѣніе содѣловаетъ, терпѣніе же искусство, искусство же упованіе, упованіе же не посрамитъ* (Рим. 5, 3.). Видишь, куда возводитъ тебя скорбь? Къ непостыдному упованію! Боленъ ли ты? Благодушествуй, потому что *егоже любитъ Господь, наказуетъ* (Евр. 12, 6.). Бѣденъ ли ты? Веселись; потому что ожидаютъ тебя Лазаревы блага. Терпишь ли безчестіе за имя Христово? Ты блаженъ; потому что безчестіе твое обратится въ ангельскую славу.

Убѣдимъ себя, братія, во время искушенія прибѣгать не къ человѣческимъ надеждамъ, и не здѣсь на землѣ искать себѣ помощи, но совершать моленія со слезами и воздыханіями, съ прилежною молитвою, съ напряженнымъ бдѣніемъ; ибо тотъ получаетъ помощь отъ скорби, кто человѣческую помощь презираетъ, какъ суетную, и утверждается въ надеждѣ на могущаго спасти насъ, утверждается же о Христѣ Іисусѣ, Господѣ Нашемъ, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА

НА ПСАЛОМЪ ШЕСТЬДЕСЯТЪ ПЕРВЫЙ.

(1) *Въ конецъ* о *Идиѳумѣ, Псаломъ Давиду.*

Два знаемъ Псалма съ надписаніемъ: о *Идиѳумѣ:* тридцать осмый и тотъ, который въ рукахъ. Думаю же, что сочиненіе Псалмовъ принадлежитъ Давиду, а Идиѳуму переданы они для того, чтобы онъ пользовался ими, при исцѣленіи душевныхъ страстей, и чтобы пѣніемъ ихъ при народѣ, какъ Богъ прославлялся, такъ и слушающіе сіе стройное пѣніе исправлялись въ нравахъ. Ибо Идиѳумъ былъ священный псалмопѣвецъ, какъ свидѣтельствуетъ намъ исторія, въ книгѣ Паралипоменонъ, говоря: *и съ ними Эманъ, и Идиѳумъ, и трубы и кимвалы, еже возглашати, и органы пѣній Божіихъ* (1 Пар. 16, 41. 42.). И не много ниже: *и постави Давидъ Царь, и князи силы, надъ дѣлы сыны Асафовы, и Эмани, и Идиѳумовы, иже провѣщаваху въ гуслѣхъ и псалтирѣхъ* (1 Пар. 25, 1.).

Тотъ и другой Псаломъ преимущественно разсуждаетъ о терпѣніи, которымъ укрощается ду-

шевная раздражительность, а по истребленіи всякаго высокомѣрія усовершается смиреніе. Ибо трудно представить, чтобы человѣкъ, который не терпитъ быть ниже всѣхъ и послѣднимъ, могъ когда нибудь или укоряемый удержаться отъ гнѣва, или во время скорби препобѣдить искушенія долготерпѣніемъ. А кто преуспѣлъ въ высшемъ смиреніи, тотъ, слыша укоризны, поелику самъ себя сознаетъ еще болѣе достойнымъ униженія, не смутится душею отъ того, что безчестятъ его словами. Но если назовутъ его бѣднымъ, — знаетъ, что онъ дѣйствительно нищъ во всемъ и скуденъ, и всякой день имѣетъ нужду въ подаяніи отъ Господа. Если назовутъ его человѣкомъ низкаго происхожденія и неизвѣстнымъ въ свѣтѣ; у него давно напечатлѣно въ сердцѣ, что онъ созданъ изъ персти.

Посему-то Псалмопѣвецъ въ первомъ изъ сихъ Псалмовъ говоритъ: *рѣхъ: сохраню пути моя* (Пс. 38, 1); и изображаетъ какъ злоумышленіе грѣшника, такъ собственное свое терпѣніе. *Внегда востати*, говоритъ, *грѣшному предо мною, онѣмѣхъ и смирихся, и умолчахъ отъ благъ* (2). Потомъ продолжаетъ: *обаче всяческая суета всякъ человѣкъ живый* (6). И далѣе: *сокровиществуетъ, и не вѣсть, кому соберетъ я* (7).

Въ настоящемъ же Псалмѣ начинаетъ недоумѣніемъ, какъ бы бесѣдуя съ своей душею, и продолжая начатую прежде рѣчь. Чтобы душа, покорившись мудрованію плоти, не предалась гнѣву и скорби, говоритъ онъ: для чего дѣлаю рабою не-

годныхъ страстей душу, которой Творецъ ея поручилъ управлять тѣломъ и тѣлесными страстями? Посему должно владѣть страстями, работать же Богу. Ибо не возможно, чтобы въ душѣ царствовали грѣхъ и Богъ; напротивъ того должно надъ порокомъ брать верхъ, и покаряться Владыкѣ всяческихъ. Посему-то Пророкъ, обращая рѣчь къ тому, кто наводитъ на него искушенія, возбуждаетъ противъ него великое множество золъ, и высоту духа старается поработить и подчинить плоти, какъ бы въ обличеніе суетности такого злоумышленія, говоритъ: что̀ принуждаешь меня служить, кому я не обязанъ? У меня есть Владыка; я знаю истиннаго Царя.

(2) *Не Богу ли повинется душа моя? Отъ Того бо спасеніе мое.* Пророкъ сказалъ причину заботливости о повиновеніи, — именно ту, что спасеніе отъ Бога. Творцу свойственно заботиться о безопасности тварей Своихъ. Или: «*отъ Того спасеніе*», то есть, Давидъ пророчески предвидитъ грядущую благодать воплощенія Господня; потому говоритъ, что должно служить Богу и любить Его. Онъ предустроилъ столь великое благодѣяніе роду человѣческому, что и *Своего Сына не пощадѣ, но за насъ всѣхъ предалъ есть* (Рим. 8, 32.). Ибо Писанію обыкновенно называть спасеніемъ Христа Божія, какъ и Симеонъ говоритъ: *нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко: яко видѣстѣ очи мои спасеніе Твое* (Лук. 2, 29. 30.). Итакъ *повинемся* Богу, потому что отъ Него спасеніе. А что такое спасеніе, Пророкъ толкуетъ: это не простое дѣйствіе, сообщающее намъ нѣкоторую благодать къ

избавленію отъ немощи и къ благосостоянію тѣла. Но что жъ такое спасеніе?

(3) *Ибо Той Богъ мой, и Спасъ мой, заступникъ мой, не подвижуся наипаче.* Богъ нашъ есть Сынъ Божій; Онъ и Спаситель рода человѣческаго, подкрѣпляющій немощь нашу, прекращающій волненіе, производимое въ душахъ нашихъ искушеніями. *Не подвижуся наипаче.* Псалмопѣвецъ, какъ человѣкъ, сознается въ волненіи. *Наипаче.* Въ душѣ человѣческой невозможно не быть нѣкоторому волненію отъ искушеній. Пока погрѣшаемъ рѣдко и не въ важномъ, мы слегка только колеблемся, какъ растенія качаемыя тихимъ вѣтромъ. Но когда худыя наши дѣла сдѣлаются и многочисленнѣе и важнѣе; тогда, по мѣрѣ возрастающихъ грѣховъ, и волненіе обыкновенно въ насъ усиливается. И одни приходятъ въ колебаніе сверхъ мѣры, а другіе доходятъ до того, что вырванные съ корнемъ бываютъ низложены, когда дуновеніе порока сильнѣе всякой бури исторгаетъ какъ бы корни души, на которыхъ она утверждалась Божественною вѣрою. Потому и я, говоритъ Псалмопѣвецъ, колебался, какъ человѣкъ, но не поколеблюсь *наипаче*, потому что меня поддерживаетъ десница Спасителя.

(4) *Доколѣ належите на человѣка? Убиваете еси вы, яко стѣнѣ преклоненѣ и оплоту возриновену.* Псалмопѣвецъ опять препирается съ лукавыми служителями діавола, жалуясь на безмѣрность предпріемлемыхъ ими злыхъ умысловъ. Мы люди—слабыя живыя существа, а вы *належите* на насъ, не довольствуясь первымъ нападені-

емъ, но нападаете въ другой и въ третій разъ, пока не низложите душу встрѣтившагося вамъ, такъ что она будетъ подобна стѣнѣ наклоненной и оплоту разрушенному. Стѣна, пока стоитъ въ прямомъ положеніи, бываетъ тверда, а когда наклонится, тогда необходимо ей разрушиться и упасть; ибо тяжелое тѣло связное и по наклоненіи можетъ быть епрямлено, а тѣла, составленныя изъ многихъ частей, какъ скоро сдѣлается въ нихъ перевѣсъ на одну сторону, не допускаютъ уже и возможности ихъ спрямить. Итакъ Псаломъ даетъ разумѣть, что, поелику природа человѣческая, будучи сложною, преклонена грѣхомъ, то ей непремѣнно должно разрушиться, чтобы, по обновленіи Художникомъ, создавшимъ ее вначалѣ, восприять безопасность, неразрушимость и неувлекаемость, по чьему либо злоумышленію, въ новое паденіе. Сказано: *Божіе тяжаніе, Божіе зданіе есте* (1 Кор. 3, 9.). Сіе-то зданіе поколебалъ врагъ; Зиждитель исправилъ происшедшія въ немъ поврежденія. А такимъ образомъ, хотя разрушеніе необходимо по причинѣ грѣха, однако же велико воскресеніе по причинѣ безсмертія.

(5) *Обаче цѣну мою совѣщаша отринути: текоша въ жажди: усты своими благословляху, и сердцемъ своимъ кленяху.* Цѣна человѣка есть кровь Христова. Ибо сказано: *цѣною куплени есте: не будите раби человѣкомъ* (1 Кор. 7, 23.). Сію-то цѣну умыслили сдѣлать для насъ безплодною воители лукаваго, снова вводя въ рабство освобожденныхъ однажды. *Текоша въ жажди.* Пророкъ выражаетъ жестокость злокозненности демоновъ;—

они устремляются на насъ, жаждая нашей погибели. *Усты своими благословляху, и сердцемъ своимъ кленяху*. Многіе одобряютъ худыя дѣла: шутливаго называютъ забавнымъ; сквернослова — знающимъ обхожденіе; чрезъ-мѣру взыскательнаго и гнѣвливаго именуютъ человѣкомъ не заслуживающимъ презрѣнія; скупаго и необщительнаго хвалятъ за разсчетливость, расточительнаго — за щедрость, блудника и распутнаго — за умѣнье наслаждаться и за развязность; вообще всякой порокъ прикрашиваютъ именемъ соприкосновенной добродѣтели. Такіе люди устами благословляютъ, а сердцемъ кленутъ; потому что своими похвалами навлекаютъ проклятіе на жизнь хвалимыхъ, подвергая ихъ вѣчному осужденію за то самое, за что одобряютъ ихъ.

Псалмопѣвецъ опять обращаетъ рѣчь къ душѣ, чтобы усилить ея повиновеніе Богу.

(6) *Обаче*, говоритъ онъ, *Богови повинися, душе моя: яко отъ Того терпѣніе мое*. Симъ показываетъ, какъ велики искушенія, и говоритъ одно съ Апостоломъ, что Богъ *не оставитъ насъ искуситися паче, еже* мы можемъ понести (1 Кор. 10, 13.); *яко отъ Того терпѣніе мое*.

(8) *О Бозѣ спасеніе мое и слава моя: Богъ помощи моея, и упованіе мое на Бога*. Блаженъ, кто не восхищается ни какою житейскою высотою, но Бога имѣетъ славою своею; кто хвалится о Христѣ, и можетъ сказать съ Апостоломъ: *мнѣ же да не будетъ хвалитися, токмо о крестѣ* Христовѣ (Гал. 6, 14.). Но нынѣ многіе хвалятся тѣломъ своимъ: таковы упражнявшіеся въ борьбахъ, или

вообще цвѣтущіе свѣжестію возраста. Многіе хвалятся мужествомъ на войнѣ, почитая добродѣтелію даже убійство единоплеменниковъ; потому что воинская доблесть и памятники, воздвигаемые полководцемъ и городами, соразмѣряются съ количествомъ убійствъ. Одни славятся сооруженіемъ городскихъ стѣнъ, другіе устройствомъ водопроводовъ и постройкою большихъ зданій для упражненій въ борьбахъ. Этотъ, иждивая свое богатство на борцевъ со звѣрями и восхищаясь суетными кликами толпы, надмевается похвалами и много о себѣ думаетъ, поставляя славу въ своемъ позорѣ, и даже, въ видныхъ мѣстахъ города написавъ на доскахъ грѣхъ свой, выставляетъ его на показъ. Другой славится богатствомъ, а иный — тѣмъ, что онъ сильный и непреоборимый витія, или знатокъ въ мірской мудрости. О славѣ всѣхъ такихъ людей надобно сожалѣть; а ублажать тѣхъ, которые поставляютъ своею славою Бога. Если иной высоко ставитъ, что онъ служитъ при царѣ, и почтенъ отъ него великою честію; то сколько же ты долженъ ставить себѣ въ честь, что ты рабъ Великаго Царя, призванъ Имъ въ тѣсное общеніе, пріялъ Духъ обѣтованія, чтобы, запечатлѣвшись Имъ, содѣлаться сыномъ Божіимъ!

Познавъ же на себѣ самомъ пользу искренняго упованія на Бога, Псалмопѣвецъ призываетъ и народъ соревновать ему въ этомъ, говоря: (9) *уповайте на Него весь сонмъ людей: изліяйте предъ Нимъ сердца ваша.* Не возможно намъ содѣлаться способными къ пріятію Божественной благодати, не изгнавъ изъ себя порочныхъ страстей, какія

овладѣли нашими душами. Я видалъ, что врачи не прежде даютъ цѣлебныя лекарства, какъ уже посредствомъ рвоты очистивъ то болѣзнетворное вещество, которое невоздержные скопили въ себѣ худымъ поведеніемъ. И въ сосудъ, который былъ занятъ какою нибудь зловонною жидкостію, не вымывъ его, не наливаютъ мура. Посему должно быть вылито помѣщавшееся прежде, чтобы могло вмѣститься вновь вливаемое.

(10) *Обаче суетни сынове человѣчестіи.* Пророкъ зналъ, что не всѣ слѣдуютъ его увѣщанію, не всѣ соглашаются надѣяться на Бога, а напротивъ того имѣютъ надежду на суеты житейскія. Посему говоритъ: *обаче суетни сынове человѣчестіи, лживи сынове человѣчестіи.* Почему суетны? Потому что лживы. Въ чемъ же особенно изобличается ихъ лживость? *Въ мѣрилѣхъ еже неправдовати.* О какихъ *мѣрилахъ* говоритъ Пророкъ? Развѣ всякой человѣкъ стоитъ съ вѣсами и вѣшаетъ? Развѣ всѣ—продавцы шерсти и мясовъ, торгуютъ золотомъ или серебромъ, или вообще только и занимаются, что веществами, которыя купцы обыкновенно продаютъ на мѣру и на вѣсъ? Но много ремесленниковъ всякаго рода, которые не имѣютъ нужды въ вѣсахъ для своей работы. Многіе занимаются мореходствомъ; многіе обращаются около судебныхъ дѣлъ и народоправленія. И у нихъ, правда, есть ложь, только обманъ дѣлается не посредствомъ вѣсовъ. Что̀ же значитъ сказанное Пророкомъ? То, что внутри каждаго изъ насъ есть нѣкое мѣрило, устроенное Творцемъ нашимъ, съ помощію котораго можно различать природу вещей.

Дахъ предъ лицемъ твоимъ жизнь и смерть, благо и зло (Втор. 30, 15.),—двѣ вещи, по природѣ взаимно противоположныя. Взвѣшивай же ихъ на собственномъ судилищѣ твоемъ; вымѣряй тщательно, что полезнѣе для тебя, избрать ли временное удовольствіе, и за него получить вѣчную смерть, или, избравъ злостраданіе при упражненіи въ добродѣтели, употребить это средствомъ къ пріобрѣтенію вѣчнаго наслажденія. Итакъ люди лживы, потому что въ нихъ растлилось судилище души. О нихъ и Пророкъ, жалѣя, говоритъ: *горе глаголющимъ тму свѣтъ, и свѣтъ тму*, глаголющимъ *горькое сладкое и сладкое горькое* (Иса. 5, 20.). Передо мной, говоритъ Псалмопѣвецъ, только настоящее, а будущее кто знаетъ? Ты худо мѣряешь, когда предпочитаешь худое доброму, суетное цѣнишь дороже истиннаго, временное ставишь выше вѣчнаго, скоропреходящее удовольствіе избираешь вмѣсто нескончаемаго и непрерывнаго веселія. Посему *лживи сынове человѣчестіи въ мѣрилѣхъ еже не правдовати.* Неправду же дѣлаютъ они первоначально сами противъ себя, а потомъ и противъ ближнихъ, потому что и сами себѣ худые совѣтники въ дѣлахъ, и для другихъ служатъ дурнымъ примѣромъ. Тебѣ не льзя сказать въ день суда: я не зналъ добра; тебя обличаютъ собственные твои вѣсы, достаточные къ различенію добра и зла. Тѣлесныя тяжести познаемъ по наклоненію стрѣлки на вѣсахъ, а что въ жизни достойно предпочтенія, то различаемъ свободнымъ произволеніемъ души, и сіе-то Псалмопѣвецъ назвалъ *мѣ-*

риломъ; потому что свобода равно можетъ склоняться на ту и на другую сторону.

(11) *Не уповайте на неправду, и на восхищеніе не желайте.* Выше сказалъ: *уповайте на Него весь сонмъ людей.* Но видѣлъ медленность въ повиновеніи, и произнесъ: *обаче суетни сынове человѣчестіи.* Теперь опять запрещаетъ уповать на неправду. Кто собранное неправдою богатство почитаетъ для себя достаточнымъ средствомъ къ силѣ и могуществу, тотъ подобенъ больному, который въ самой сильной болѣзни поставляетъ свое здоровье. *Не уповайте на неправду;* она препятствуетъ тебѣ во всякомъ дѣлѣ. *И на восхищеніе не желайте:* Псалмопѣвецъ увѣщаваетъ не быть похотливымъ на чужое.

Богатство аще течетъ, не прилагайтесь сердцемъ. Если видишь, что иной чрезъ-мѣру богатъ, не почитай жизни его блаженною. Если отвсюду и изъ неисчерпаемыхъ источниковъ текутъ къ тебѣ деньги; не допускай до себя ихъ обилія. *Богатство, аще течетъ.* Подивись сему реченію! Свойство богатства текучесть. Быстрѣе потока протекаетъ оно мимо владѣющихъ имъ, и обыкновенно перемѣняетъ ихъ одного за другимъ. Какъ рѣка, стремящаяся съ высоты, приближается къ стоящимъ на берегу, но вдругъ коснулась, и въ ту же минуту удалилась: такъ и выгоды богатства весьма быстро появляются и ускользаютъ, имѣя обычай переходить отъ одного къ другому. Это поле сего дня принадлежитъ одному, завтра будетъ принадлежать другому, а чрезъ нѣсколько времени еще новому владѣльцу. Посмотри на домы въ городѣ;

сколько уже принимали они наименованій со времени своего существованія, называясь по имени то того то другаго владѣтеля! И золото, постоянно утекая изъ рукъ владѣющаго имъ, переходитъ къ другому; а отъ другаго къ третьему. Скорѣе можешь удержать воду сжатую въ рукѣ, нежели надолго сохранить у себя богатство. Посему прекрасно сказано: *богатство, аще течетъ, не прилагайтесь сердцемъ.* Не пристращайся къ нему душею своею, но извлекай изъ него пользу; не люби его чрезъ мѣру, и какъ одному изъ благъ не дивись ему, но употребляй его въ служеніи какъ орудіе.

Потомъ Псалмопѣвецъ ко всему сказанному присовокупляетъ изреченіе, не собственными своими словами, но какъ слышалъ его отъ Бога. Ибо говоритъ: (12) *единою глагола Богъ, двоя сія слышахъ.* И никто не смущайся, будто бы въ сказанномъ есть странность, а именно: какъ Богъ говорилъ однажды, а Пророкъ слышалъ это два раза. Ибо возможно однажды сказать такъ, чтобы въ сказанномъ однажды заключалось многое. Одинъ человѣкъ, встрѣтившись съ другимъ однажды, о многомъ переговорилъ съ нимъ; и выслушавшій его рѣчи можетъ сказать: однажды онъ говорилъ со мною, но насказалъ многое. Таковъ же смыслъ и теперь сказаннаго. Однажды было мнѣ Божіе явленіе, но два предмета, о которыхъ говорилъ мнѣ Богъ. Пророкъ не сказалъ: объ одномъ *глагола Богъ, но двоя сія слышахъ*: въ такомъ случаѣ оказалось бы, что рѣчь заключаетъ въ себѣ противорѣчіе.

Итакъ что же это *за двоя*, слышанныя Пророкомъ? *Зане держава Божія*, (13) *и Твоя Господи милость*. Я слышалъ, говоритъ Пророкъ, что Богъ спленъ на судѣ, и что Онъ же милостивъ. Посему *не уповайте на неправду, не прилагайтесь* къ богатству, не избирайте суеты, не носите съ собою растлѣннаго судилища души. Зная, что крѣпокъ Владыка нашъ, бойтесь крѣпости Его, и не отчаявайтесь въ Его человѣколюбіи. Для того, чтобы не дѣлать неправды, хорошъ страхъ; а для того чтобы, поползнувшись однажды на грѣхъ, не вознерадѣть о себѣ по безнадежности, хороша надежда на милость. Ибо *держава Божія, и отъ Него же милость*.

Яко Ты воздаси комуждо по дѣломъ его. Ибо *еюже мѣрою мѣрите, возмѣрится вамъ* (Лук. 6, 38.). Оскорбилъ ты брата? И себѣ ожидай равнаго. Грабилъ ты низшихъ, билъ бѣдныхъ, срамилъ укоризнами, клеветалъ, лгалъ, посягалъ на чужое брачное ложе, нарушалъ клятву, *прелагалъ предѣлы* отцевъ (Прит. 22, 28.), налагалъ руки на имущество сиротъ, оскорблялъ вдовицъ, настоящее удовольствіе предпочиталъ обѣтованнымъ благамъ? Ожидай воздаянія за это. Ибо *еже сѣетъ* каждый, *тожде и пожнетъ* (Гал. 6, 7.). Впрочемъ, если и доброе что сдѣлано тобою, то и за это ожидай многократно большаго воздаянія. *Яко Ты воздаси комуждо по дѣломъ его*. Во всю жизнь свою памятуя сіе изреченіе, возможешь избѣжать многихъ грѣховъ, о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА

НА ПСАЛОМЪ СТО ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

Заранѣе занявъ сію священную ограду Мучениковъ, и съ половины ночи умилостивляя пѣснопѣніями Бога мучениковъ, вы терпѣли до сего полудня, ожидая моего пришествія. Посему вамъ, которые честь мучениковъ и служеніе Богу предпочитаете сну и упокоенію, награда готова. Но если и мнѣ должно оправдывать себя въ замедленіи, и въ томъ, что надолго оставилъ васъ; скажу на это причину. Все время настоящаго дня употребилъ я на то, чтобы устроить другую сей равночестную Церковь Божію, отдѣленную отъ васъ не малымъ разстояніемъ. Итакъ поелику Господь даровалъ мнѣ—и имъ служеніе исполнить, и вашу любовь не обмануть; то воздайте со мною благодареніе Благодѣтелю, Который эту видимую немощь моего тѣла подкрѣпляетъ Своею невидимою силою. Но, чтобы не огорчить васъ, удерживая долго, кратко побесѣдую изъ Псалма, который засталъ я васъ поющими, и, по мѣрѣ силъ своихъ, напитавъ души ваши словомъ утѣшенія,

отпущу, чтобы каждый изъ васъ занялся попеченіемъ о тѣлѣ своемъ.

Что жъ было пѣто вами? Слѣдующее: (1) *Возлюбихъ, яко услышитъ Господь гласъ моленія моего.* Не всякому можно сказать: *возлюбихъ,* а только тому, кто уже совершенъ, вышелъ изъ рабскаго страха, и пріялъ духъ сыноположенія. Къ слову: *возлюбихъ,* не присовокуплено: кого именно возлюбилъ, подразумѣвается же: Бога всяческихъ. Ибо достолюбезное въ собственномъ смыслѣ есть Богъ; такъ какъ, по опредѣленію, то достолюбезно, чего всѣ желаютъ. А Богъ есть благо, первое и совершеннѣйшее изъ благъ. Итакъ возлюбилъ я самого Бога, и съ радостію принялъ за Него страданія. Какія же это страданія, Пророкъ описываетъ нѣсколько ниже: *болѣзни смертныя, бѣды адовы, скорбь, болѣзнь,* — все это казалось ему достолюбезнымъ по любви къ Богу и по упованію того, что̀ соблюдается понесшимъ страданія за благочестіе. Не противъ воли, не насильственно и не принужденно вытерпѣлъ я подвиги, говоритъ Пророкъ, но съ какою-то любовію и расположеніемъ переносилъ труды; почему могу сказать: *зане Тебе ради умерщвляемся весь день* (Псал. 43, 23.). И кажется, что сіе равносильно Апостольскому слову, и сказано съ тѣмъ же расположеніемъ, съ какимъ и Апостолъ говоритъ: *кто ны разлучитъ отъ любве Божія? скорбь ли, или тѣснота, или гоненіе, или гладъ, или нагота, или бѣда, или мечъ* (Рим. 8, 35.)? Итакъ *возлюбихъ* все сіе, зная, что переношу бѣды за благочестіе, и имѣю зрителемъ и подвигополож-

никомъ Владыку всяческихъ. *Яко услышитъ Господь гласъ моленія моего.* Такъ и каждый изъ насъ можетъ исполнить трудное въ заповѣдяхъ, когда жизнь свою, какъ предъ зрителемъ, открываетъ предъ Богомъ всяческихъ.

(2) *Яко приклони ухо Свое мнѣ.* Пророкъ сказалъ: *приклони*, не для того, чтобы составилъ ты какое нибудь чувственное понятіе о Богѣ, будто бы имѣстъ Онъ уши, и приклоняетъ ихъ по причинѣ тихаго голоса, какъ дѣлаемъ мы, приближая слухъ свой къ говорящимъ слабо, чтобы вблизи ощутить произносимое Напротивъ того онъ сказалъ: *приклони*, чтобъ показать собственную свою немощь, то есть, снизойди по человѣколюбію ко мнѣ лежащему на землѣ, какъ человѣколюбивый врачъ, приклоняя слухъ свой къ больному, который отъ великаго изнеможенія не можетъ говорить внятно, вблизи узнаетъ нужды страждущаго. Итакъ *приклони ухо Свое мнѣ.* Божій слухъ для ощущенія не имѣетъ нужды въ голосѣ. Богъ и по движеніямъ сердца умѣетъ узнавать просимое. Или не слышишь, что Моисей, который ничего не говоритъ, но въ неизрекаемыхъ своихъ воздыханіяхъ молитъ Господа, услышанъ былъ Господомъ, и Онъ сказалъ Моисею: *что вопіеши ко Мнѣ* (Исх. 14. 15.)? Богъ умѣетъ услышать и праведную кровь, у которой нѣтъ языка, нѣтъ голоса проникающаго воздухъ. Явленіе же праведныхъ дѣлъ предъ Господомъ есть велегласіе.

И во дни моя призову. Мы, одинъ день помолившись, или одинъ часъ, и то не много, поскорбѣвъ о своихъ грѣхахъ, отлагаемъ попеченіе, какъ

будто сдѣлали уже нѣчто равномѣрное своей грѣховности. Но святый Пророкъ объявляетъ, что онъ приноситъ исповѣданіе соразмѣрное всему времени своей жизни. Ибо говоритъ: *во вся дни моя призову*. Потомъ, чтобы ты не подумалъ, будто бы призывалъ онъ Бога, потому что благоденствовалъ въ сей жизни, и всѣ дѣла его текли благоуспѣшно, описываетъ величіе бѣдствій, въ которыхъ не забывалъ онъ имени Божія.

Ибо говоритъ: (3) *объяша мя болѣзни смертныя, бѣды адовы обрѣтоша мя*. Подъ словомъ болѣзни (ὠδῖνες) у Пророка въ собственномъ смыслѣ разумѣются обыкновенныя боли при чревоношеніи, когда чрево, угнетенное бременемъ, побуждаетъ носимый плодъ къ выходу вонъ, а потомъ дѣтородные члены, сгнетенные и натянутые во время чревоношенія, сотрясеніями и сжатіями жилъ причиняютъ раждающимъ самыя острыя боли и жестокія мученія. Сіе понятіе болѣзней онъ перенесъ и на болѣзни смертныя, поражающія живое существо при разлученіи души и тѣла. Я претерпѣлъ, говоритъ онъ, не что нибудь довольно сносное, но испыталъ даже самыя болѣзни смертныя и доведенъ былъ до опасности снизойдти во адъ. Сіе ли одно терпѣлъ онъ, чѣмъ хвалится, или не рѣдко терпѣлъ, хотя то же, но невольно, тогда какъ вынужденное не заслуживаетъ похвалы? Но смотри на великодушіе подвижника. Когда, говоритъ онъ, *объяша мя болѣзни смертныя и бѣды адовы обрѣтоша мя:* тогда я не только не палъ подъ тяжестію сихъ искушеній, но даже добровольно подвергъ себя еще гораздо многочисленнѣй-

шимъ искушеніямъ, какъ бы самъ для себя добровольно изобрѣталъ скорбь и болѣзнь, а не противъ воли онѣ постигали меня. Выше сказалъ: *бѣды адовы обрѣтоша мя*; а здѣсь: *скорбь и болѣзнь обрѣтохъ*. Такъ какъ въ бѣдахъ оказался я неослабнымъ при всѣхъ наважденіяхъ искусителя, то, чтобы показать преизбытокъ любви къ Богу, приложилъ я скорбь къ скорби и болѣзнь къ болѣзни, не въ надеждѣ собственною силою противостать скорбному, но потому что призвалъ имя Господне. Подобно сему сказанное Апостоломъ: *во всѣхъ сихъ препобѣждаемъ за Возлюбльшаго ны* (Рим. 8, 37.). Побѣждаетъ, кто неослабно переноситъ приключающееся по необходимости; препобѣждаетъ же, кто въ доказательство терпѣнія самопроизвольно навлекаетъ на себя болѣзни. Кто впалъ въ какой нибудь смертный грѣхъ, тотъ долженъ говорить: *объяша мя болѣзни смертныя*; ибо сказано: всякъ *творяй грѣхъ отъ діавола рожденъ есть* (1 Іоан. 3, 8.). Когда я былъ дѣлателемъ грѣха, говоритъ Давидъ, и когда носила меня во чревѣ смерть: тогда обрѣтенъ я былъ бѣдами адовыми. Чѣмъ же исцѣлилъ я себя? Тѣмъ, что *обрѣтохъ скорбь и болѣзнь* покаянія; придумалъ для себя терзаніе покаянія, соразмѣрное тяжести грѣха, и такимъ образомъ дерзнулъ призвать имя Господне. Что же сказалъ я? (4) *О Господи, избави душу мою*; я содержусь въ плѣну: Ты дай за меня выкупъ *и избави душу мою*.

Милостивъ Господь и праведенъ. Писаніе съ милосердіемъ Божіимъ вездѣ соединяетъ правду, научая насъ, что и милость Божія—не безъ суда,

и судъ не безъ милости. Богъ, и милуя, съ разсужденіемъ и мѣрою оказываетъ милосердіе достойнымъ, и судя, съ пощадою нашей немощи производитъ судъ, наказывая насъ болѣе по человѣколюбію, нежели для воздаянія равнымъ за равное. *И Богъ нашъ милуетъ.* Милосердіе есть болѣзнованіе объ угнетенныхъ сверхъ мѣры ихъ вины, ощущаемое сострадательными. Милосердуемъ о томъ, кто изъ великаго богатства впалъ въ крайнюю нищету, кто изъ крѣпкаго тѣлеснаго здоровья перешелъ въ крайнее изнеможеніе, кто прежде восхищался красотою и свѣжестью своего тѣла, и потомъ поврежденъ обезображивающими болѣзнями. Поелику и мы нѣкогда были славны въ райскомъ состояніи, а по причинѣ паденія стали безславны и унижены: то *Богъ нашъ милуетъ*, видя, какими мы были, и какими сдѣлались. Посему и Адама призывалъ Онъ гласомъ милосердія, говоря: *Адаме, гдѣ еси* (Быт. 3, 9.)? Ибо не извѣщенія требовалъ Всевѣдущій, но хотѣлъ, чтобы Адамъ размыслилъ, чѣмъ онъ былъ, и чѣмъ сталъ. *Гдѣ еси?* то есть, какому паденію подвергся ты, будучи на такой высотѣ?

(5) *Храняй младенцы Господь: смирихся, и спасе мя.* Понимать ли это въ естественномъ отношеніи; человѣческая природа не могла бы существовать, если бы самыя дѣти и грудные младенцы не были хранимы Господомъ: ибо какимъ образомъ они, носимые въ матерней утробѣ, могли бы питаться, или имѣть движеніе, проводя жизнь въ помѣщеніи столь тѣсномъ, не представляющемъ удобства къ обращенію, даже въ тем-

номъ и влажномъ мѣстѣ, не имѣя возможности ни дышать, ни жить жизнію человѣческою, но подобно рыбамъ плавая во влажности, если бы не поддерживало ихъ Божіе охраненіе? Потомъ какимъ образомъ могли бы они хотя на малое время продолжать жизнь по выходѣ въ мѣсто для нихъ непривычное, и охладившись воздухомъ послѣ теплоты, какая была въ матерней утробѣ, если бы не спасалъ ихъ Богъ? Итакъ *храняй младенцы Господь: смирихся, и спасе мя.* Или можешь понимать сіи слова и такъ: поелику я обратился, и сталъ какъ младенецъ, принялъ царство небесное, какъ дитя, и незлобіемъ довелъ себя до дѣтскаго смиренія; то *храняй младенцы Господь,* какъ скоро *смирихся, спасе мя.*

(6) *Обратися душе моя въ покой твой, яко Господь благодѣйствова тя.* Самъ себѣ предлагаетъ утѣшительное слово добрый подвижникъ, говоря подобно Павлу: *подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ: прочее убо соблюдается мнѣ вѣнецъ правды* (2 Тим. 4, 78.). То же говоритъ самому себѣ и Пророкъ: поелику ты прошелъ уже довольное поприще житія сего, то *обратися наконецъ въ покой твой, яко Господь благодѣйствова тя.* Ибо вѣчный покой предстоитъ тѣмъ, которые въ здѣшней жизни законно подвизались,—покой, не по заслугѣ дѣлъ воздаваемый, но по благодати великодаровитаго Бога даруемый уповавшимъ на Него. Потомъ, не говоря еще о тамошнихъ благахъ, но возвѣщая, какъ освободился отъ мірскихъ тревогъ, благодаритъ за сіе Освободителя душъ, Который избавилъ

его отъ многоразличнаго и тяжкаго рабства страстямъ. Какъ же это?

(7) *Яко изъятъ душу мою отъ смерти, очи мои отъ слезъ, и нозѣ мои отъ поползновенія.* Чрезъ сравненіе съ настоящимъ состояніемъ изображаетъ будущій покой. Здѣсь, говоритъ онъ, *объяша мя болѣзни смертныя*, а тамъ (Богъ) *изъятъ душу мою отъ смерти*; здѣсь очи отъ скорби проливаютъ слезы, а тамъ уже нѣтъ слезъ, которыя бы помрачали зеницы увеселяющихся созерцаніемъ красоты славы Божіей; ибо *отъятъ Богъ всякую слезу отъ всякаго лица* (Исаіи 25, 8.); здѣсь много опасностей къ поползновенію, почему и Павелъ говорилъ: *мняйся стояти, да блюдется, да не падетъ* (1 Кор. 10, 12.), а тамъ стопы стоятъ твердо, жизнь неизмѣнна, нѣтъ опасностей увлечься въ грѣхъ, потому что нѣтъ ни плотскаго возстанія, ни содѣйствія жены ко грѣху; въ воскресеніи нѣтъ ни мужескаго ни женскаго пола, но есть какая-то единая и единообразная жизнь для благоугождающихъ своему Владыкѣ и для обитающихъ въ странѣ живыхъ. Міръ сей и самъ смертенъ и служитъ жилищемъ для умирающихъ. Поелику составъ видимыхъ вещей сложенъ, а все сложное обыкновенно разрушается: то и мы живущіе въ мірѣ, какъ части міра, по необходимости участвуемъ въ естествѣ цѣлаго. Посему мы—человѣки многократно умираемъ даже прежде, нежели смерть разлучитъ душу съ тѣломъ. И да не покажется тебѣ страннымъ сказанное; напротивъ того вникни въ самую дѣйствительность. Въ продолженіе трехъ седминъ лѣтъ человѣкъ обыкно-

венно испытываетъ три перемѣны и превратности въ возрастѣ и въ образѣ жизни, и по истеченіи каждой седмины особый предѣлъ заключаетъ собою прошедшее, и ясно обозначаетъ измѣненіе. Въ первой седминѣ дѣтскій возрастъ оканчивается выпаденіемъ зубовъ; возрастъ отрока способнаго къ ученію продолжается до юношества; юноша по совершеніи двадцать перваго года, какъ скоро щеки его начнутъ покрываться первымъ пухомъ, исчезаетъ непримѣтно, изъ юноши измѣняясь уже въ мужа. Посему когда видишь мужа, въ которомъ постепенное съ годами возрастаніе прекратилось, разсудокъ уже утвердился, и не осталось слѣда юности: тогда не заключишь ли, что прошедшее въ немъ умерло? И опять старецъ, преобразившійся и въ наружномъ видѣ и въ душевныхъ расположеніяхъ, явно становится не такимъ, какимъ былъ прежде. Посему жизнь человѣческая обыкновенно бываетъ исполнена многихъ смертей, не только при переходѣ изъ одного возраста въ другой, но и при душевныхъ паденіяхъ въ грѣхъ. А гдѣ нѣтъ ни тѣлеснаго, ни душевнаго измѣненія, потому что ни разсудокъ не заблуждается, ни расположеніе не перемѣняется, и ни какое обстоятельство не нарушаетъ постоянства и безмятежія помысловъ; тамъ—страна истинно живыхъ, всегда подобныхъ себѣ самимъ. Въ ней Пророкъ обѣщается особенно благоугождать Богу всяческихъ, такъ какъ ни что внѣшнее не будетъ препятствовать ему въ исполненіи намѣренія служить истинно и равночестно съ Ангелами. Сказано, *тщимся, аще въ тѣлѣ пребывая, аще от-*

ходяще отъ тѣла, *благоугодни Ему быти* (2 Кор. 5, 9.). Такова страна живыхъ: въ ней нѣтъ ночи, нѣтъ сна—образа смерти; нѣтъ пищи, нѣтъ питія,— сихъ подкрѣпленій нашей немощи, нѣтъ болѣзни, нѣтъ страданій, ни врачевства, ни судилищъ, ни куплей, ни искусствъ, ни денегъ — этого начала золъ, предлога къ бранямъ, корня вражды. Это— страна живыхъ, не умирающихъ грѣхомъ, но живущихъ истинною жизнію во Христѣ Іисусѣ, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ, аминь.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЯТАГО ТОМА.

ТВОРЕНІЯ СВ. ВАСИЛІЯ ВЕЛИКАГО.

БЕСѢДЫ НА ШЕСТОДНЕВЪ.

Стр.

БЕСѢДЫ НА ПСАЛМЫ.

ПОПРАВКИ.

Стран.	*Строк.*	*Напечатано:*	*должно читать:*
5	7	существа,	существа,
34	19	токна	топка
51	снизу 2	кчему	къ-чему
53	16	посредство	посредствомъ
69	7	и также	а также
123	снизу 3	сокрыта	сокрыто
159	13	воздавать какъ	какъ воздавать
213	20	по думастъ	пе думаетъ
254	3	что	*яко*
286	1	слина	слины
299	снизу 11	*или;*	*или, если*
—	снизу 1	супружества	супружество
317	снизу 10	*въ тљнiи*	*въ тљнiе*
344	18	отъ сихъ	отъ силъ
379	снизу 1	напасанъ	написанъ
380	17	сливатся	сливаться
395	12	служенiи	служенiе

По благословению
Святейшего Патриарха Московского и всея Руси
АЛЕКСИЯ II

Издательский отдел
Московского Патриархата
1991

Подписано к печати 20.09.91 г. Заказ № 2880.

Москва, 701703, ул. Погодинская, 20.
Издательский отдел Московского Патриархата.
Отпечатано способом «фотоофсет» на Магнитогорском полиграфпредприятии.
455028, Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69.

